

Annotation

Интриги и магия сталкиваются в этом эпическом фэнтези о сэре Конраде Вонвальте, Правосудии императора, который является детективом, судьей и палачом в одном лице.

Империя Волка кипит от волнений и беспорядков. Мятежники, еретики и могущественные патриции – все они бросают вызов могуществу императорского трона. Это опасные времена для Правосудия.

Только Орден магистратов стоит на пути хаоса. Сэр Конрад Вонвальт – самый страшный судья из всех, отстаивающий закон благодаря своему острому уму, магии и мастерству фехтовальщика.

Когда Вонвальт вместе со своей протеже расследуют убийство, то раскрывают заговор, который тянется к самым верхам имперского общества. Ставки растут и становятся все более личными, и Вонвальт оказывается перед соблазном нарушить закон. Но стоит ли даже самая высшая цель такой жертвы?

«„Правосудие королей“ – это одновременно героическое фэнтези и увлекательный детектив. Мощный интеллект и магическая мощь сэра Конрада Вонвальта поражают воображение. Но благодаря Хелене, его юной протеже, сюжет начинает по-настоящему играть всеми красками. Изысканность, которую в исполнении Ричарда Суона приобретает жанр фэнтези, заставляет читателей с нетерпением ждать продолжения». – Себастьян де Кастелл, автор книги «Творец заклинаний»

«Выдающийся образец современного фэнтези». – Р. Дж. Баркер, автор книги «Костяные корабли»

«Книга написана так виртуозно, захватывающе и убедительно, что я едва мог оторваться от чтения. Персонажи кажутся настолько реальными, что я всерьез пережил вместе с ними весь ужас и тяжесть похмелья. А их мир – пусть нам и видна лишь малая его часть, – он видится чрезвычайно сложным, балансирующим на грани катастрофы, которую я предвкушаю». – Николас Имс, автор «Королей жути»

«Завораживающий взгляд на правосудие, месть и закон с великолепными героями, убедительными и прекрасно описанными. Влестящий дебют и фантастическое начало серии». – Джеймс Айлингтон, автор книги «Тень ушедшего»

«Изумительно детализированный мир с захватывающими приключениями и уникальной перспективой». – К. С. Виллосо, автор книги «Волчица Орен-Яро»

«Суон создал сильного, динамичного героя в лице Вонвальта. Это залог того, что в будущем серия станет еще лучше». – Publishers Weekly

«Загадочное убийство переплетается с мрачным политическим фэнтези. Интригующе мрачная деконструкция любимых детективных тропов». – Kirkus Reviews

«Мир Империи Волка богат и интересен. Читателям понравятся структура мира, сэр Конрад и его команда, а также уникальные детали, которые автор добавил в классическую фэнтезийную историю». – Booklist

«Ричард Суон с его познаниями в юриспруденции и политике как нельзя лучше применил свои знания в мрачном мире темного фэнтези, где именно эти сферы и выходят на первый план. Он подвергает предрассудки, мораль и сам закон пристальному анализу, который затем и предстает на суд читателей». – Р. Р. Вирди, автор книги «Первая формула»

«„Правосудие королей“ мгновенно вошло в топ моих любимых книжных новинок этого года. Помимо ярких персонажей, безупречного повествования и выразительного авторского слога, в книге есть всё то, что я так люблю – тайна, военный натиск, некромантия и настолько реалистичные персонажи, что я скрепя сердце перевернул последнюю страницу. Это было по-настоящему захватывающее чтение, и я дождаться не могу продолжения». – Х. М. Лонг, автор книги «Дымный зал»

* * *

Ричард Суон

I

II

III

IV

V

VI

VII

VIII

IX

X

XI

XII

XIII

XIV

XV

XVI

XVII

XVIII

XIX

XX

XXI

XXII

XXIII

XXIV

XXV

XXVI

XXVII

XXVIII

XXIX

XXX

Эпилог

Благодарности

Об авторе

notes1

2

3

4

5

* * *

Ричард Суон

Правосудие королей

© В. Юрасова, перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

I

Рилльская ведьма

«Бойся глупца, фанатика и деспота, ибо все они облачены в доспехи невежества».

Из «Сованского преступника» Катерхаузера Кодекс: Советы практикующим
Правосудиям

Так странно думать, что конец Империи Волка и все те смерти и разрушения, которые он за собой повлек, уходит своими корнями к крошечной, незначительной деревеньке Рилл. Что, приближаясь к ней, мы не просто брели по холодной, дождливой местности в двадцати милях к востоку от Толсбургских Марок [1], но и подходили все ближе к Великому Упадку, который, подобно крутому, коварному склону из скользкого вулканического стекла, устремлялся из-под наших ног прямым вниз.

Рилл. Как же описать это место? Родина наших несчастий была столь непримечательной. Уединенная деревушка, типичная для Северной Марки Толсбурга. Она состояла из двадцати глинобитных зданий с соломенными крышами, которые кольцом окружали большую центральную площадь, представлявшую собой развороченное месиво из грязи и соломы. Поместье отличалось от остальных домов только размером и было, пожалуй, лишь вдвое больше самого крупного жилища, но на этом различия заканчивались. На вид оно казалось столь же ветхим, как и остальные постройки. По одну сторону от поместья стоял трактир, а по площади хаотично шатался скот и местные крестьяне. У царившего здесь холода было одно преимущество – воняло в деревне не особенно сильно, однако Вонвальт все равно прикрыв нос платком с высушенными лепестками лаванды. Порой он бывал очень брезглив.

Казалось бы, я должна была пребывать в приподнятом настроении. Рилл стал первой деревней, на которую мы набрели с тех пор, как покинули имперский путевой форт на границе Йегланда, и с него начиналась цепочка поселений, которая вела к хаунерской крепости Моргард в пятидесяти милях к северо-востоку. Наше прибытие сюда означало, что всего через несколько недель мы снова повернем на юг и завершим восточную часть нашего маршрута – то есть нас ждала погода получше, города побольше и что-то приблизительно похожее на цивилизацию.

Однако вместо радости меня терзала тревога. Мое внимание было приковано к обширному древнему лесу, который подступал к деревне и тянулся на сотни миль к северу и западу от нас до самого побережья. Если верить слухам, которыми нас подкармливали на пути сюда, в лесу обитала старая ведьма-драэдистка.

– Думаете, она там? – спросил патре Бартоломью Клавер, ехавший рядом со мной. Клавер – один из четырех человек, составлявших наш обоз, – был священником, жрецом Немы. Он навязался нам в попутчики у границы Йегланда, якобы потому что боялся нападения бандитов. Вот только Северная Марка была печально известна своей безлюдностью, да и сам священник, по своим собственным словам, почти всюду путешествовал в одиночку.

– Кто? – спросила я.

Клавер холодно улыбнулся.

– Ведьма, – сказал он.

– Нет, – коротко ответила я. Клавер меня сильно раздражал – да и всех остальных тоже. Наши жизни, проводимые в странствиях, были и без того тяжелы, но Клавер, на протяжении последних недель непрерывно докучавший

нам расспросами о судебных практиках и особых способностях Вонвальта, утомил нас окончательно.

- А я думаю, что она там.

Я обернулась. К нам подъехал Дубайн Брессинджер - пристав Вонвальта, весело поедавший луковицу. Он подмигнул мне, когда его лошадь рысью проскакала мимо. За ним ехал наш наниматель, сэр Конрад Вонвальт, а в самом хвосте плелся ослик, дерзко нареченный Герцогом Брондским, - он тащил телегу, нагруженную нашим снаряжением.

Мы явились в Рилл по той же причине, по которой приходили и во все другие поселения: чтобы убедиться, что правосудие Императора вершится даже здесь, в далеких провинциях Сованской империи. Несмотря на все свои недостатки, сованцы твердо верили, что правосудие должно быть доступно всем; поэтому они отправляли имперских магистратов вроде Вонвальта объезжать далекие деревни и города Империи в качестве странствующих судей.

- Я ищу сэра Отмара Фроста, - услышала я голос Вонвальта, донесшийся из хвоста нашего обоза. Брессинджер уже спешил к себе местного мальчишку, чтобы тот позаботился о наших лошадях.

Один крестьянин молча указал на поместье. Вонвальт угрюмо хмыкнул и спешил. Патре Клавер и я поступили так же. Грязь под моими ногами была твердой как железо.

- Хелена, - позвал меня Вонвальт. - Книгу учета.

Я кивнула и достала книгу из телеги. Она была тяжелой, с обитой железом толстой кожаной обложкой, и закрывалась на застежку. В нее заносились все приговоры Вонвальта и правовые вопросы, с которыми мы сталкивались. Когда пустые страницы в книге заканчивались, она отправлялась обратно в далекую Сову, в Библиотеку Закона, где секретари просматривали вынесенные приговоры и проверяли, насколько последовательно применялись законы общего права.

Я поднесла Вонвальту книгу учета, но он нетерпеливым взмахом руки приказал мне оставить ее у себя. Вчетвером мы направились к поместью. Теперь я смогла разглядеть висевший над дверью гербовый щит - на простом лазурном поле была изображена голова вепря, насаженная на сломанное копьё. Не считая этого, в поместье не было ничего примечательного, и оно никак не шло в сравнение с громадными городскими усадьбами и поместными крепостями имперских аристократов в Сове.

Вонвальт гулко постучал в дверь кулаком в перчатке. Дверь быстро отворилась. В проеме показалась служанка; на вид она была на год или на два моложе меня. Она выглядела напуганной.

- Я - сэр Конрад Вонвальт, Правосудие из Ордена магистратов Империи. - Вонвальт говорил с напускным сованским акцентом. Он стыдился своего родного йегландского говора, из-за которого его могли счесть выскочкой, даже несмотря на высокое положение Правосудия.

Служанка неуклюже присела в реверансе.

– Я...

– Кто там? – донесся изнутри голос сэра Отмара Фроста. За порогом было темно, и оттуда пахло дымом и скотом. Я заметила, что Вонвальт рассеянно потянулся к своему лавандовому платку.

– Правосудие сэр Конрад Вонвальт из Ордена магистратов Империи, – снова нетерпеливо представился он.

– Пропади моя вера, – пробормотал сэр Отмар и несколько мгновений спустя возник на пороге, бесцеремонно отпихнув служанку в сторону. – Милорд, входите, входите; снаружи такая сырость, идите, согрейтесь у огня.

Мы вошли. Помещение внутри было обшарпанным. В одной стороне комнаты стояла кровать, накрытая шкурами и шерстяными одеялами, и там же лежали личные вещи, указывавшие на то, что у сэра Отмара была жена. Посреди помещения располагался открытый дровяной камин, окруженный прожженными, грязными коврами. Ковры, вдобавок ко всему, зацвели от дождей, чьи капли залетали в дыру дымоволока. В другом конце комнаты располагались длинный стол на козлах, за которым могло поместиться десять человек, и дверь, ведущая в кухню. Стены были завешаны заплесневелыми гобеленами, выцветшими и закопченными почти до черноты, а на полу лежали толстые ковры и шкуры. У огня грелась пара больших, похожих на волков псов.

– Мне говорили, что по Толсбургским Маркам путешествует Правосудие, – сказал сэр Отмар, хлопоча. Будучи толским рыцарем и лордом, он был возведен в ранг имперской аристократии – как говорили, «принял Высшую Марку», то есть получил титул и земли за то, что сдался на милость Легионов. Однако хозяин Рилла был совсем не похож на напудренных и избалованных лордов Сова. Пожилой сэр Отмар был одет в неопрятную тунику с гербом и домотканые штаны. Его измученное лицо, обрамленное белыми волосами и белой бородой, покрывала сажа. Его лоб рассекал большой вмятый рубленый шрам, вероятно полученный двадцать пять лет назад, в молодости, когда Рейхскриг пронесся по этим землям и сованские армии покорили Толсбург. У Вонвальта и Брессинджера тоже имелись шрамы, оставленные имперской экспансией.

– В последний раз вас навещала Правосудие Августа? – спросил Вонвальт.

Сэр Отмар кивнул.

– Верно. Довольно давно. Было время, Правосудия заезжали к нам по несколько раз в год. Пожалуйста, присаживайтесь все. Не желаете еды, эля? Вина? Я как раз собирался ужинать.

– Да, благодарю, – сказал Вонвальт, садясь за стол. Мы последовали его примеру.

– Моя предшественница оставила журнал с записями? – спросил Вонвальт.

– Да, да, – ответил сэр Отмар и снова отправил служанку восвояси. Я услышала какие-то звуки – судя по всему, она полезла в сейф.

– С севера вас не тревожат?

Сэр Отмар помотал головой.

– Нет. Между нами и морем проходит узкая полоска Восточной Марки Хаунерсхайма. Десять или двадцать миль – достаточно, чтобы перехватить налетчиков. Впрочем, осмелюсь заметить, в это время года море сильно бушует, и вряд ли кто-то из северян осмелится его пересечь.

– Пожалуй, вы правы, – сказал Вонвальт. Я заметила, что он разозлился на себя за то, что запутался в здешней географии. И все же ему можно было простить эту оплошность. Империя, существовавшая уже более пятидесяти лет, вобрала в себя столько народов и столь быстро, что картографам приходилось ежегодно перерисовывать карты. – Полагаю, Моргард их тоже сдерживает, теперь, когда крепость восстановили, – прибавил он.

– Верно, уж тут Аутун постарался. Обнес крепость новой стеной, разместил новый гарнизон и шлет им столько денег и провизии, что в теплое время, когда начинаются набеги, они могут ежедневно ходить в дозор. А зимой – еженедельно, по приказу маркграфа.

Аутун. Двуглавый Волк. Было неясно, считал ли сэр Отмар это слово уничижительным или нет. Покоренные народы придумывали Сованской империи множество подобных странных прозвищ, как почтительных, так и оскорбительных. Как бы там ни было, Вонвальт пропустил это мимо ушей.

– Я о нем слышал, – заметил Вонвальт.

– О маркграфе Вестенхольце? – встрял в разговор священник Клавер. – Он хороший человек. Благочестивый. Северяне – безбожники, цепляющиеся за старый драэдический образ жизни. – Он пожал плечами. – Вам не стоит скорбеть по ним, Правосудие.

Вонвальт сдержанно улыбнулся.

– Я не скорблю по мертвым налетчикам с севера, патре, – сказал он с большей сдержанностью, чем заслуживал священник. Клавер был молод, слишком молод, чтобы обладать властью, которая давалась священнослужителям. На протяжении нашего короткого совместного путешествия мы все сильно его невзлюбили. Он был фанатичен, зануден, вспыльчив и скор на осуждение. Он много говорил о своей миссии – о вербовке храмовников для южного Пограничья – и о своих влиятельных знакомых среди лордов. Брессинджер обычно отказывался с ним говорить, но Вонвальт из профессиональной учтивости несколько недель терпеливо беседовал со священником.

Сэр Отмар откашлялся. Он как раз собирался совершить ошибку и вступить в разговор с Клавером, когда на стол подали еду, и вместо этого сэр Отмар принялся за нее. Ужин был простым и сытным – тушеное мясо с жирной подливой и хлеб. Впрочем, тогда мы редко оставались голодными. Власть и полномочия, которыми обладал Вонвальт, обычно вызывали в принимавших его хозяевах желание расщедриться.

- Вы сказали, что в последний раз Правосудие проезжала здесь довольно давно? - спросил Вонвальт.

- Так и есть, - ответил сэр Отмар.

- И в это время вы прилежно исполняли постановления Империи?

Сэр Отмар энергично закивал головой, но он почти наверняка лгал. Столь далекие деревни и города, находившиеся в лучшем случае в нескольких месяцах пути от Совы, редко соблюдали имперские законы. А жаль. Рейхскриг принес гибель и горе тысячам людей, но система общего права была одним из редких алмазов, которые нашлись в той огромной куче дерьма.

- Хорошо. В таком случае, полагаю, нам здесь делать почти нечего. Разве что прочесать леса, - сказал Вонвальт. Сэр Отмар, казалось, был озадачен его последними словами. Вонвальт допил остатки своего эля. - По пути сюда, - пояснил он, - нам неоднократно говорили о ведьме, что живет в лесах к северу от Рилла. Полагаю, вы ничего об этом не знаете?

Сэр Отмар потянул время, сначала сделав большой глоток вина, а затем якобы выковыряв что-то из зубов.

- Кажется, я ничего подобного не слышал, сир. Нет.

Вонвальт задумчиво кивнул.

- Кто она?

Брессинджер выругался на грозодском языке. Сэр Отмар и я подпрыгнули на месте от испуга. Стол, тарелки и все приборы на нем подскочили, когда о него ударились три пары коленей. Содержимое кубков и высоких кружек пролилось на столешницу. Сэр Отмар схватился за сердце, выпучил глаза и задвигал губами, готовясь выдать то, что ему приказал Вонвальт.

Голос Императора - магическая способность Правосудий, позволявшая им заставлять других говорить правду. Ее возможности были ограничены: например, она не работала на других Правосудиях и волевой, бдительный человек мог ей сопротивляться. Однако сэр Отмар был стар, кроток и малознаком с методами Ордена. Голос потряс старика, как раскат грома, и вывернул его разум наизнанку.

- Она жрица... драздистка, - выдохнул сэр Отмар. На лице лорда отразился ужас, когда его губы заговорили против воли хозяина.

- Она из Рилла? - с напором спросил Вонвальт.

- Да!

- Есть ли здесь иные, кто практикует драздизм?

Сэр Отмар скорчился на стуле и ухватился руками за столешницу, чтобы найти опору.

- Многие... жители деревни!

– Сэр Конрад, – пробормотал Брессинджер. Он, чуть хмурясь, смотрел на сэра Отмара. Я заметила, что Клавер тем временем наслаждается мучениями лорда.

– Хорошо, сэр Отмар, – сказал Вонвальт. – Хорошо. Успокойтесь. Вот, выпейте эля. Я не стану больше вас допрашивать.

Мы сидели молча, пока сэр Отмар, подзвав трясущейся рукой перепуганную служанку, хрипло просил у нее еще эля. Служанка ушла и вскоре вернулась, передав ему кружку. Сэр Отмар жадно ее осушил.

– Проводить драздические ритуалы незаконно, – заметил Вонвальт.

Сэр Отмар уставился в свою тарелку. Его лицо выражало нечто среднее между гневом, ужасом и стыдом – то есть набор чувств, обычный для тех, кто попал под власть Голоса.

– Законы новы. Религия стара, – сипло сказал он.

– Законы были приняты два с половиной десятка лет назад.

– А религия была принята две с половиной тысячи лет назад, – рявкнул сэр Отмар.

Повисла неловкая пауза.

– В Рилле есть хоть кто-нибудь, кто не практикует драздические обряды? – спросил Вонвальт.

Сэр Отмар внимательно разглядывал содержимое своей кружки.

– Не могу знать, – буркнул он.

– Правосудие. – В голосе Клавера звучало искреннее отвращение. – По меньшей мере им придется отречься от драздизма. Официальной религией Империи является священное Учение Немы. – Священник разве что не плевался, оглядывая старого барона с ног до головы. – Будь моя воля, они бы все были сожжены.

– Здесь живут хорошие люди, – встревожившись, сказал сэр Отмар. – Хорошие, законопослушные люди. Они обрабатывают землю и платят десятину. Мы никогда не были бременем для Аутуна.

Вонвальт раздраженно взглянул на Клавера.

– При всем уважении, сэр Отмар, если эти люди практикуют драздические обряды, то их по определению нельзя назвать законопослушными. Как ни прискорбно это говорить, но патре Клавер прав – по крайней мере, отчасти. Им придется отречься. У вас есть список тех, кто в этом замешан?

– Нет.

Дрова дымились, трещали и искрились. Эль и вино капали на пол, протекая через щели в дощатом столе.

– Взыскание за это невелико, – сказал Вонвальт. – Небольшой штраф, по пенни с каждого человека, если они отрекутся. Будучи их сеньором, вы даже можете заплатить штраф за них. У вас есть святилище, посвященное кому-нибудь из имперских богов? Неме? Савару?

– Нет, – резко отрезал сэр Отмар. Становилось все труднее не обращать внимания на то, что сэр Отмар и сам был приверженцем драэдизма.

– Официальная религия Сованской империи – Учение Немы. Так сказано в священных писаниях, а также в законах общего и канонического права. Бросьте, ведь есть же между этими религиями и сходства. Книга Лорна по сути своей и есть драэдизм, разве нет? В ней написаны те же притчи и установлены те же священные дни. Вы без труда сможете ее принять.

Он был прав, содержание Книги Лорна действительно было на удивление схоже с верованиями драэдистов. А все потому, что Книга Лорна была написана по верованиям драэдистов. Сованская религия была поразительно гибкой, и вместо того чтобы вытеснять многообразные религиозные верования, с которыми она сталкивалась во время Рейхскрига, она их просто поглощала, как волна, накрывавшая собой остров. Именно поэтому Учение Немы было одновременно и наиболее распространенной, и наименее уважаемой религией в известном мире.

Я посмотрела на Клавера. Судя по выражению лица священника, он был в ужасе от предложенной Вонвальтом простой уловки. Конечно же, сам Вонвальт верил в Учение Немы ничуть не больше сэра Отмара. Как и старого барона, его заставили принять эту религию. Но он, как и большинство аристократов Империи, ходил в храм и принуждал себя выполнять обряды. Клавер же, напротив, был слишком молод и не знал иной религии. Он был истинно верующим. От подобных людей тоже была польза, но чаще всего свойственная им непреклонность делала их опасными.

– Империя требует, чтобы вы следовали Учению Немы. Иного закон не допускает, – сказал Вонвальт.

– А если я откажусь?

Вонвальт выпрямился.

– Если вы откажетесь, то станете еретиком. Если откажетесь в моем присутствии, то станете признанным еретиком. Но вы не поступите столь безрассудно и бессмысленно.

– И каково же наказание для признанных еретиков? – спросил сэр Отмар, хотя знал ответ.

– Вас сожгут, – со зверским злорадством в голосе ответил ему Клавер.

– Никто никого не сожжет, – раздраженно сказал Вонвальт, – потому что здесь нет признанных еретиков. Пока что.

Я переводила взгляд с Вонвальта на сэра Отмара, сочувствуя положению последнего. Он не ошибался, говоря, что драэдизм безобиден, и не ошибался, считая Учение Немы никчемным. Более того, он был стариком, которому читали нотации и грозили смертью. Но дело обстояло так, что Сованская империя правила Толсбургскими Марками. Здесь действовали их законы, и на самом деле законы эти были здоровыми и справедливыми. Почти все смирились с ними, так почему же этого не мог сделать он?

Сэр Отмар слегка обмяк.

– На кургане Габлера, в нескольких часах езды к северо-востоку отсюда, есть старая сторожевая башня. Драэдисты собираются рядом с ней для поклонения. Там вы и найдете свою ведьму.

Вонвальт несколько секунд молчал. Сделал большой глоток эля. Затем осторожно поставил кружку на стол.

– Благодарю вас, – сказал он и поднялся. – Мы отправимся туда сейчас же, пока у нас еще есть час или два до темноты.

II

Языческий костер

«Тщеславные и чванливые посвященные должны искореняться из Ордена при первой же возможности. Быть Правосудием – значит терпеливо и строго блюсти закон. Рассказы о схватках на мечах и конных погонях, пусть отчасти и основанные на действительности, должны пресекаться и считаться обыкновенными слухами».

Магистр Карл Ротзингер

Через несколько минут мы снова оказались снаружи, на холоде и под дождем, дожидаясь, пока мальчишка не приведет наших лошадей. Затем в свете угасающего дня мы двинулись в путь. Я поплотнее закуталась в свой вошенный плащ, пытаюсь не дать дождю промочить мою одежду, но ни Брессинджера, ни Вонвальта погода, похоже, не заботила. Клавер, съездившийся в седле, казался потрепанным и жалким, но он явно предвкушал возможность поугубить местных язычников.

Несмотря на то, что сказал сэр Отмар, мы направились вовсе не к кургану Габлера. Вместо этого Вонвальт повел нас напрямик в лес, по старой охотничьей тропе, отчасти затерявшейся среди папоротников.

- Сэр Конрад? - произнесла я. Мой голос звучал смиренно и аристократично, и в тот миг я ненавидела себя за это. Несмотря на годы, проведенные в утомительных странствиях, я все же изнежилась. Куда подевалась одичалая беженка, выросшая на улицах Мулдау? Я постепенно превращалась в аристократку, которых так давно презирала.

Вонвальт обернулся. На черной бороде, которую он отращивал в холодные месяцы года, блеснули капли дождя.

- Что? - спросил он. Его конь, большой гуличский боевой дестриэ по имени Винченто, остановился, прошлепав копытами по грязи.

- Разве курган Габлера не на северо-востоке? Мы движемся на северо-запад.

Вонвальт кивнул.

- Я знаю, - сказал он.

- Старик солгал, - сказал Брессинджер. - Отправил нас не в том направлении.

- Несомненно, чтобы заманить в засаду, - оскалился Клавер.

- О, я так не думаю, - беззлобно сказал Вонвальт. - Скорее он хотел сбить нас с пути, а не убить. Ему не хватило бы времени - и точно не хватило бы смелости - организовать нечто подобное. Нет. - Вонвальт указал на древние, покрытые мхом деревья. - Рилльская ведьма здесь, в этих лесах.

Мы двинулись дальше, в стонущий, простирающийся на сотни миль лес. Небо уже давно померкло. Я дрожала - холод лип к мокрой одежде и вытягивал из меня остатки тепла, промораживая до самых костей. Я отчаянно мечтала об огне, о тепле - или, что важнее, о свете, - и мои безмолвные молитвы были услышаны. Впереди, примерно в полумиле от нас, промелькнуло что-то оранжевое.

Вонвальт и Брессинджер ехали впереди и негромко переговаривались, так что я обратилась к Клаверу:

- Вы видели свет? - спросила я.

- Видел, - сказал он и презрительно усмехнулся. - Языческий костер. Драздистов всегда влекло к его порочному влиянию. Они пляшут вокруг него, как безумцы. Такие у них жалкие традиции.

Мы приблизились, и я смогла разглядеть людей, двигавшихся вокруг костра. Вонвальт даже не пытался скрываться или хотя бы подойти незаметно. Вместо этого он решительно поехал к ним. Теперь я видела, что у костра, горевшего посреди небольшой прогалины, кружили около пятнадцати или двадцати крестьян. Рядом с костром находился каменный алтарь, укрытый нависавшими над ним ветвями ближайшего дерева. За алтарем стояла ведьма - пожилая женщина в безыскусно сработанной деревянной маске и темных, изношенных одеяниях. Она стояла настолько неподвижно, что в первые секунды я приняла ее за статую.

- Госпожа ведьма, - обратился к ней Вонвальт. - Будьте так любезны, снимите маску.

Холодный ночной воздух пронзили крики. Язычники с потрясенными выражениями на лицах резко повернулись к нам. Ритуальные танцы, которыми они были заняты до этого, резко прекратились.

Я думала, что ведьма откажет Вонвальту, однако она подняла руки, сняла маску и осторожно положила ее на алтарь. Отчасти я ждала, что за маской будет скрываться чудовище или хотя бы некто кошмарно уродливый; однако, испытав одновременно разочарование и облегчение, я увидела, что перед нами обыкновенная пожилая женщина. Она внимательно смотрела на нас, и ее лицо ничего не выражало. И именно в этот хрупкий миг, когда все бездействовало, Клавер решил заявить о своих религиозных убеждениях.

- Вы оскверняете Учение Немы! - взорвался он. До сих пор никто особенно не обращал на священника внимания, однако теперь все взгляды были прикованы к нему.

Вонвальт резко обернулся в седле. Он был разгневан.

- Достаточно, патре! - рявкнул он.

- Правосудие Вонвальт, эти люди - еретики! - искренне недоумевая, продолжал Клавер. Однако он тут же сменил растерянность на гнев. - Отъявленные отступники! Только посмотрите на этот языческий вздор! На этот оккультный ритуал! Это же насмешка над законами Соы!

- Я и только я буду решать, что является насмешкой над законами Соы, - сказал Вонвальт. Его голос был так же холоден, как и ночной воздух. - Замолчите по-хорошему, или я прикажу Брессинджеру отвести вас обратно в Рилл. - Он снова повернулся к крестьянам и указал на костер. - Вам всем известно, что проводить драэдические обряды запрещено, - сказал он. - Закон ясно об этом говорит.

- Как вы нас нашли? - спросила пожилая женщина. Ее безучастность сменилась вызывающей твердостью. Это приободрило ее паству. Я видела, как их готовность бежать преобразилась в готовность сражаться.

- Сегодня - канун месяца Госс, - сказал Вонвальт. Он указал на разрыв в облаках, где луна убыла до тонкого полумесяца.

- Мы не признаем имперский календарь, - сказала женщина.

- Тем не менее, согласно Книге Лорна, эта... - Вонвальт указал рукой на костер, - ...церемония должна проводиться в канун Госса, верно? Пламя Кулвара горит и светом своим и теплом изгоняет Плута...

- Вы называете имена лжесвятых. Святых Аутуна. Книга Лорна - всего лишь подобие Книги Драэда. Причем довольно жалкое.

- Однако ритуалы совершенно одинаковы, - заметил Вонвальт, словно рассчитывал прямо на месте обратить ее в иную веру. Он пожал плечами. - Как бы там ни было, именно так я вас и нашел.

Ситуация сложилась патовая. Пожилая ведьма не желала - не могла - сдаться и отказаться от своих верований лишь потому, что Вонвальт назвал их запрещенными. А Вонвальт, связанный клятвами и законами, был обязан предать ее суду, но и он не хотел этого делать.

- Сэр Отмар уже согласился уплатить за вас штраф, - наконец сказал Вонвальт. - Просто отрекитесь от драздизма, и я оставлю вас в покое. Никому нет нужды сегодня умирать.

- Отмар никогда бы не отрекся от своих верований, - резко сказала ведьма.

Клавера прорвало:

- Своими словами ты обрекаешь его на гибель! Он все-таки драздист!

- Замолчите! - рявкнул Вонвальт.

- Нужно сжечь дотла всю эту деревню вместе с ее крестьянами-еретиками!

- Ради Немы, юноша, да заткнешься ты или нет?! - воскликнул Вонвальт. - Дубайн, уведи его отсюда.

- С радостью, сир, - сказал Брессинджер и развернул своего коня - крупного гнедого рысака по имени Гэрвин.

- Я исполняю волю Богини! - заорал Клавер. - Не прикасайтесь ко мне! Я прослежу, чтобы воля Немы была исполнена!

Брессинджер подъехал к священнику, выхватил у него из рук поводья и повел коня обратно по охотничьей тропе. Я отчасти ожидала, что Клавер спешится и воинственно бросится назад. Вместо этого, столкнувшись лицом к лицу с непоколебимой невозмутимостью Брессинджера, священник умолк.

Вонвальт снова повернулся к пожилой ведьме.

- Вы - жена сэра Отмара, - утвердительно сказал он.

- Леди Кэрол Фрост.

- Миледи, вам известны последствия, которые навлечете на себя - которые я обязан навлечь на вас по закону, - если вы откажетесь отречься от драздизма?

- Известны.

- И вы готовы обречь себя на смерть?

- Готова.

- А готовы ли вы обречь на смерть всех этих людей?

– Каждый мужчина и каждая женщина, что пришли сюда, способны сами принять за себя это решение.

Вонвальт раздраженно вздохнул. Он только собирался снова заговорить, как произошло нечто поразительное: деревянная маска оторвалась от алтаря и стала подниматься в воздух.

Я взвизгнула. Жители деревни ахнули. Маска, уродливая и безыскусная, плавно взлетела и замерла в шести футах над алтарем.

Там она и повисла, с заметной враждебностью глядя на происходящее. Отблески костра плясали на ее грубых чертах.

Все замерли. Несколько мгновений я не могла перевести дух. Старые языческие боги пришли в ярость из-за имперского вмешательства и явились сюда, на эту поляну. У меня ужасно закружилась голова. Убийцы, воры, насильники – с ними Вонвальт еще мог справиться, но противостоять разгневанным изначальным духам он был неспособен.

Вонвальт вытащил из ножен свой короткий меч. Клинок запел в ночном воздухе. Леди Фрост закричала – как бы ни была крепка ее воля и вера в старых богов, даже она не могла побороть страх перед холодным блеском стали.

В тот же миг ближайšie крестьяне – трое крепких мужиков – бросились вперед и закричали что-то неразборчивое на древнем драздическом языке. Они отчаянно потянулись к Вонвальту, пытаясь схватить его за ногу и стащить с коня.

– Назад, чтоб вас! – сказал Вонвальт, без гнева, а скорее раздраженно. Винченцо встал на дыбы и забил передними ногами. Копыто большого черного дестриэ врезалось одному драздисту прямо в грудь. Удар был таким сильным, что проломил крестьянину грудину и отшвырнул его назад. Второй язычник лишился левой руки ниже локтя, попав под меч Вонвальта. Идиот закричал, выпучив глаза, и упал на спину, прижимая к себе кровоточащий обрубок.

Третий драздист как раз задумался, а не стоит ли ему отказаться от столь опрометчивого курса действий, когда конь Брессинджера врезался в него сбоку. Драздист упал промеж копыт животного, оглушенный, побитый, но живой.

– Прекратите немедленно! – прогремел Вонвальт. На этот раз в его крик прокралось эхо Голоса Императора, и возня тут же прекратилась. Леди Фрост осталась у алтаря. Три крестьянина, напавшие на Вонвальта, лежали на земле, стелая и всхлипывая. Брессинджер уже спешил и по-своему – грубо и без капли сочувствия – помогал тому, кто потерял руку. Другие драздисты в ужасе толпились рядом. В стороне я увидела и патре Клавера, наблюдавшего за суматохой с того места, где его оставил Брессинджер. Через какое-то время священник отвернулся и направился в сторону Рилла. Как бы мне хотелось сказать, что тогда мы видели его в последний раз.

Вонвальт с недовольным видом оглядывал поляну. Наконец он легонько подтолкнул Винченцо и, подъехав к алтарю, остановился рядом. Затем его

клинок описал дугу, рассекая воздух. Маска упала, со стуком отскочила от каменного алтаря и неуклюже плюхнулась в грязь.

- Нить, - сказал Вонвальт. - Черная нить, привязанная к сокрытому блоку.
- Он равнодушно убрал меч в ножны.

Чары рассеялись. Какие бы дальнейшие проделки ни затевали местные жители в своем религиозном порыве, они были развеяны вместе с обманом.

Леди Фрост выглядела несчастной. Она начала плакать. Но я не испытывала к ней сочувствия. Этот спектакль, который она хотела разыграть позднее, во время празднества, был дурной затеей.

- Сейчас же возвращайтесь по домам, - сказал сэр Вонвальт язычникам. - Утром каждый из вас подойдет ко мне и отречется, или, клянусь богами, вам всем светит виселица.

Крестьяне, разве что не спотыкаясь, разбежались и исчезли в холодных, темных лесах.

- Дубайн, как он? - спросил Вонвальт у Брессинджера.

Брессинджер пожал плечами.

- Будет жить, если найдется толковый хирург.

Вонвальт посмотрел на леди Кэрол.

- Вы позаботитесь об этом человеке, - сказал он. - Если он умрет, вы будете держать ответ передо мной.

Она кивнула, переводя взгляд с безрукого язычника на Вонвальта и обратно.

Вонвальт вздохнул, покачал головой и потянул за поводья Винченцо, чтобы тот развернулся ко мне. Затем он рассеянно похлопал коня по шее.

- Хелена, возвращаемся в Рилл, - негромко сказал он. - Я хочу подготовиться к завтрашнему суду. День предстоит хлопотный.

* * *

Следующим утром мы встали рано. На улице снова было холодно и пасмурно, и я гадала, касалось ли солнце Рилла хоть когда-нибудь.

Мы выгрузили из телеги Герцога Брондского все, что нужно: книги учета, своды законов, перья и чернила, чистый пергамент, складной стол на козлах, кожаное кресло Вонвальта с откидной спинкой, свежий воск и штампы, щит с гербом Сованской империи, прикрепленный к пятифуртовому

шесту, и различные грамоты, подтверждавшие полномочия Вонвальта, которые люди имели право потребовать и проверить.

Деревня медленно просыпалась вместе с восходящим солнцем, и холодный воздух наполнился запахами готовящейся на огне еды. Для большинства крестьян завтрак состоял из кружки эля и жирной каши с кусочками того, что оказалось под рукой, хотя из поместья Фростов доносился отчетливый запах жареного бекона. Вонвальт, Брессинджер и я съели несколько холодных, черствых кусков пирога в трактире, и мой живот уже снова урчал.

- Значит, наш приятель священник уже уехал? - спросил Вонвальт, усевшись в свое кресло. Я примостилась на небольшом стуле рядом с ним. Будучи его секретарем, я должна была записывать все, что говорилось во время слушаний.

- Да, - ответил Брессинджер, стоявший по правую руку от Вонвальта. - Еще ночью, хотя перед отъездом он не преминул высказать мне все, что думал.

- Спасибо, что не стал меня будить.

- Он остался недоволен тем, как вы решили вопрос с драздистами.

- Это решать не ему, и его недовольство не имеет значения.

Брессинджер с укором посмотрел на Вонвальта.

- Он проявил неестественно живой интерес к этому делу.

- Он проявлял неестественно живой интерес ко всем моим делам с тех пор, как присоединился к нам. Я рад, что мы от него избавились. Я сожалею лишь о том, что он не покинул нас раньше. Он явно вполне способен путешествовать в одиночку.

- И вы не сочли это странным? - спросил Брессинджер.

- Конечно же, счел. Но этот человек и сам странен. - Вонвальт пожал плечами. - Полагаю, теперь он доберется до Моргарда раньше нас. Будет докучать маркграфу и его воинам, убеждая их расстаться со своими жизнями на Приграничье.

- Полагаю, что так и будет.

- Он глупец, Дубайн. Выбрось его из головы.

- Опасный глупец.

- Да уж.

- У которого, если верить ему же, есть могущественные друзья.

- Если ему верить, - сказал Вонвальт. Он хотел сказать больше, но тогда к столу приблизился наш первый ответчик за тот день - крестьянин средних лет, одетый в грубую домотканую одежду и шерстяную шапочку. Неуверенно шаркая ногами, он подошел к Вонвальту. Наше временное судилище

производило на него гнетущее впечатление, хотя мне оно казалось довольно убогим.

– Я, эм-м... – начал он, а затем поспешно стянул с головы шапочку. – Если позволите, милорд, я бы, хм, хотел... – Он наклонился поближе. Вонвальт с безграничным терпением – все-таки сейчас он был при исполнении – благосклонно подался ему навстречу. – Я бы хотел, э-э-э, отречься?

Вонвальт важно кивнул.

– Я принимаю отречение. – Он открыл одну из толстых учетных книг и начал писать. Он спросил и записал имя человека и род его занятий. На полях он вывел сумму штрафа, который составил один пенни и который Вонвальт собирался взять с сэра Отмара. – Есть ли у вас какие-либо прошения к Императору?

Мужчина энергично помотал головой.

– Нет, милорд, никаких.

Вонвальт снова кивнул.

– Тогда на этом все.

С остальными жителями деревни все проходило примерно так же. Один за другим те, кого мы видели в лесу, и другие крестьяне подходили и тихо отрекались. Других дел в тот день мы не разбирали. Обычно нам приходилось сталкиваться с самыми разными преступлениями, особенно учитывая то, что в последний раз имперский Правосудие заглядывал в эти места несколько лет назад. Разбираться приходилось с кражами и драками – они случались постоянно, – а также и с более серьезными преступлениями: убийствами, изнасилованиями, государственной изменой. Но в тот морозный серый день в Рилле звучали лишь тихие отречения от языческой веры.

Когда подошло время обеда, Вонвальт закрыл учетные книги и отправил меня в трактир принести ему и Брессинджеру немного хлеба, сыра и эля. Когда я вернулась, то с удивлением увидела лорда и леди Фрост, стоявших перед столом. Сэр Отмар держал в руке кошель с монетами. Я поспешила подойти и успела услышать последнее обвинение, которое решил выдвинуть против них Вонвальт: подстрекательство к ереси.

– В этом мы невиновны, – с презрительной усмешкой, свойственной всем, даже самым мелким аристократам, сказала леди Фрост. – Мы оплатим штраф, но лишь для того, чтобы защитить наших людей.

Я села на свой стул и стала спешно записывать сказанное.

Вонвальт забрал кошель из рук сэра Отмара и передал его Брессинджеру, который начал считать монеты.

– Я сделаю пометку для следующего Правосудия, который окажется в Рилле, что он должен увидеть здесь святилище Немы. Где-нибудь на видном месте, – строго сказал Вонвальт.

– И как же прикажете нам его сделать?

Вонвальт кивком указал в сторону леса.

– В ваших лесах водится полно оленей. Пошлите сегодня туда охотника. Сохраните череп. Пусть жрец его освятит. Затем соорудите алтарь в имперском стиле. Все очень просто.

Брессинджер закончил считать монеты.

– Здесь без гроута пять марок, – негромко сказал он.

Вонвальт посмотрел на Фростов. Повисла долгая тишина.

– Вы должны уплатить один пенни за каждого еретика, – сказал он. – Или вы желаете, чтобы я прибавил к обвинениям попытку подкупа?

Сэр Отмар, покраснев, выхватил у Брессинджера горсть лишних монет. Его жена резко отвесила ему подзатыльник.

– Дурень, – пробормотала она и зашагала прочь.

Когда она отошла подальше, а верная сумма штрафа была уплачена и перекочевала в наш сундучок, Вонвальт обратился к сэру Отмару:

– Сэр Отмар, мне хочется думать, что я справедливый человек. Империя предоставляет мне значительную свободу действий в решении подобных вопросов. – Он помедлил, подбирая слова. – Надеюсь, вы понимаете, что все могло обернуться совершенно иначе. Другой Правосудие, в другой день... – Он позволил словам повиснуть в воздухе. Сэр Отмар, которому явно не доставало бойкости его жены, смиренно кивнул.

– Я понимаю, милорд. Я перед вами в долгу.

Вонвальт отмахнулся от него.

– Я не дурак, сэр Отмар. Я прекрасно осознаю, что случится, когда я покину это место. И вот что я вам скажу: будьте осторожнее.

– Благодарю за прямоту, милорд, – сказал сэр Отмар и поклонился.

Мы молча смотрели ему вслед. Затем, когда стало ясно, что на сегодня дела закончены, Вонвальт закрыл книгу учета.

– Нехорошее у меня предчувствие насчет этой деревни, – сказал он и поднялся. – Совсем нехорошее.

III

Долина Гейл

«Вынося решение по делу убийства, необходимо удостовериться в справедливости обвинения, прежде чем приговор – смертная казнь – будет приведен в исполнение. Отнять жизнь – тяжкое преступление, но отнять вторую в расплату за первую – тяжкое вдвойне».

Из «Сованского преступника» Катерхаузера Кодекс: Советы практикующим Правосудиям

Всадник нашел нас в нескольких милях от Долины Гейл, большого процветающего торгового города в Южной Марке Хаунерсхайма – то есть в провинции, находившейся к юго-востоку от моего родного Толсбурга. Рилл был уже далеким воспоминанием, оставшимся в нескольких сотнях миль, двух десятках небольших городков и полутора месяцах пути позади нас.

Воздух здесь был холоднее и суше, чем в тени Толсбургских Марок, и в нем кружились хлопья снега. Брессинджер пытался приподнять наше настроение старой йегландской народной песней, которую наверняка слышал от Вонвальта, но я не могла подпевать ему, потому что не понимала слов – песня была не на старом саксанском, всеобщем наречии Империи, и не на толском, моем родном языке. Вонвальт же не подпевал, потому что в столь долгих путешествиях он предпочитал хранить молчание. Он ехал во главе нашего обоза, сторбившись в седле.

Всадник был молодым юношей из городской стражи, мускулистым и полным самолюбивого нахальства. Мне сразу же стало неловко за мой потрепанный внешний вид – ссутуленная, я куталась в свой вощенный плащ, и от меня разило, как от Герцога Брондского. Однако мне не стоило переживать – юноша посмотрел на меня лишь мельком и больше не обращал внимания.

– Лорд Саутер говорил, что по Хаунерской дороге едет Правосудие, – обратился он к Вонвальту. На стражнике был хауберк с кольчужным капюшоном, обрамлявшим его румяное от мороза лицо, а голову венчал шлем с полями. Его сюрко был синего цвета с горчишно-желтым крестом и вышитым гербом Долины Гейл.

– Правосудие сэра Конрад Вонвальт, – представился Вонвальт, выпрямившись в седле. – Это – мой пристав, Дубайн Брессинджер, и мой секретарь, Хелена Седанка.

Стражник поприветствовал нас, коснувшись шлема. Он выглядел встревоженным.

– Сэры. Мисс. – Мое сердце затрепетало, когда он на миг встретился со мной взглядом. – Вы приехали вовремя. Меньше двух дней назад произошло убийство. Убита жена лорда Бауэра. Половина города в ярости и стоит на ушах.

- А вторая половина? - негромко сказал мне Брессинджер.

- Помолчи, - рыкнул Вонвальт. Он снова повернулся к юноше. - Редкий случай, чтобы убитой была жена лорда.

- В Долине это неслыханное дело, сир. Ума не приложить, кто и зачем это сделал.

- Значит, убийца не лорд Бауэр? - спросил Вонвальт. Вопрос был резонным. Обычно виновными оказывались мужья.

- Насколько я знаю, он не под подозрением.

- Ясно, - сказал Вонвальт, потирая подбородок. - Странно.

- Да, сир, так и есть. Когда с Вельделинских ворот заметили ваш обоз, лорд Саутер приказал мне как можно скорее сопроводить вас в город.

Вонвальт повернулся ко мне и окинул взглядом то жалкое, заросшее грязью зрелище, которое я из себя представляла. Герцог Брондский, стоявший позади меня, фыркнул и, дрожа от холода, издал громкое «иа».

- Я поеду с вами вперед, - сказал Вонвальт стражнику, затем повернулся к Брессинджеру. - Дубайн, отведи Хелену в город. Проследи, чтобы лошадей поставили в стойло, и найди нам место, где можно переночевать.

- Конечно, сир.

- Где сейчас тело леди Бауэр? - спросил Вонвальт юношу.

- В доме врача, мистера Макуиринка. Он занимается официальными медицинскими вопросами.

- Первым делом мне нужно осмотреть тело, пока оно не прогнило настолько, что будет невозможно что-либо выяснить.

- Как вам угодно.

Они поспешили вперед, погнав лошадей галопом. Я смотрела им вслед. Брессинджер развернул своего коня и подъехал ближе. Должно быть, он прочел мои мысли, потому что сказал:

- Такой мальчишка тебе не подходит, Хелена.

Я покраснела.

- О чем ты? - возмущенно спросила я.

Брессинджер ехидно улыбнулся.

- Нам лучше поспешить, пока погода не испортилась. Помнишь, я учил тебя читать по облакам?

Я кивком указала на скопление низких, темных туч на востоке.

- Снег будет, - надувшись, сказала я.

- Вот и поехали поскорее. И на этот раз подпевай мне.

- Я не знаю йегландского, - сказала я.

Брессинджер выдержал паузу, нарочно приняв такой театрально-возмущенный вид, что я не выдержала и рассмеялась.

- Клянусь кровью Немы, Хелена, ты глуха, как тетерев. Песня была не на йегландском, а на грозодском. Надеюсь, ты не путаешь мою родину с родиной нашего уважаемого господина.

- Нет, - сдавленно хихикая, сказала я. - Забудешь тут, с таким манерным имечком, как Дубайн. - Я нарочно произнесла его имя так, как это делал Вонвальт - Ду-бан, - а не как все, кто жил за пределами Грозода, родины Брессинджера - Ду-байн.

- Я тебе язык отрежу, если не будешь за ним следить, - пригрозил он мне. - А теперь слушай внимательно, или следующие несколько часов будут тянуться слишком долго.

* * *

В город мы прибыли в середине дня, войдя в него через Вельделинские ворота, обращенные к южному подступу. Долина Гейл принадлежала Хаунерсхайму, хотя и Толсбург, и Гулич на протяжении всей бурной истории города пытались присоединить его к себе. Место это во многом было результатом своего положения, как географического, так и политического. В конце концов, соседним Гуличем владел князь Гордан Кжосич, третий сын Императора, и всякий крупный город, находившийся в непосредственной близости от любого члена императорской семьи, неизменно становился одновременно крепостью и временным дворцом.

Сам город - большой, окруженный крепостной стеной - был возведен на склонах Толсбургских Марок и делился на две части рекой Гейл. Земли окружавших его предгорий - вытянутых невысоких зеленых холмов - были плодородными и хорошо возделанными. На них росло достаточно капусты, гороха, бобов, лука и картошки, чтобы город мог не только кормиться сам, но и прибыльно торговать излишками. Впрочем, вовсе не земледелие стало источником богатства этого места. Река Гейл была широкой и глубокой, и корабли могли дойти по ней до самой Совы, хотя и заложив по пути небольшой крюк. Из-за этого Долина Гейл превратилась в крупный торговый узел, и на одних лишь торговых пошлинах город зарабатывал столько, что мог позволить себе приличную городскую стражу, хорошо уложенные и патрулируемые дороги, большой храм Богини-Матери Немы (который когда-то был храмом Ирокса, языческого бога, принимавшего облик быка) и

впечатляющий, смахивающий на крепость монастырь, занимавший видное место чуть дальше, на вершине холма.

Улицы были заполнены торговцами, ремесленниками, стражниками, простолюдинами, лордами и их женами. Мы пробирались через толпу, оставаясь неузнанными, хотя и выделялись, сидя верхом на лошадях. Я заметила, что большая часть улиц была вымощена булыжником и вдоль них шли закрытые сточные канавы – одно из лучших инженерных решений, которое было перенято у сованцев и еще не добралось до окраинных земель Империи. Впрочем, грязи все равно было много. К счастью, как и в Рилле, из-за холода запахи казались не столь резкими, хотя воздух все равно наполнился знакомым смрадом гари, мочи, отбросов и дерьма.

Дома в городе были самые разные – от небольших мазанок с соломенными крышами до внушительных городских усадеб из кирпича и древесины. Храмы, которых здесь имелось несколько дюжин, были сложены из больших блоков пожелтевшего камня. За многие годы дым закоптил их стены, украшенные фестоном с грубо вырезанными идолами. У ступеней храмов были рассыпаны цветы и различные безделушки, почти все втопанные в грязь. Выли, сотрясая холодный воздух, попрошайки, которым отказали как в милостыне, так и в крове.

Благодаря своему высокому положению Вонвальт имел право остановиться в доме наиболее влиятельного члена городского совета. Обычно это был мэр или местный мировой судья, но нередко им оказывался самый сановитый священник города, или какой-нибудь другой лорд, или рыцарь. Не имея особых распоряжений насчет того, где мы должны остановиться на ночь, Брессинджер решил направиться к резиденции мэра Саутера, которая, как оказалось, представляла собой огромный кирпичный дом с красивыми деревянными фахверками.

– Думаю, сойдет, – угрюмо сказал Брессинджер, когда мы подъехали и остановили лошадей у железных ворот резиденции. Мы спешили, и он подошел к стражнику, дежурившему у входа.

– Да? – в свойственной служивым людям манере сказал тот. На нем были такие же доспехи и сюрко, как и на других городских стражниках.

– Я – Дубайн Брессинджер, – сказал пристав. – А это Хелена Седанка. Мы – слуги и спутники Правосудия сэра Конрада Вонвальта. – Брессинджер показал стражнику свою имперскую печать.

– А, конечно, сир, – поклонившись, сказал стражник. – Нас предупреждали, что вы приедете. Я скажу мальчишке, чтобы отвел ваших лошадей и мула в стойло. Вы хорошо сюда добрались?

– Вполне, благодарю. Мы ищем дом городского врача, – сказал Брессинджер.

– У нас их несколько, но, подозреваю, вам нужен мистер Макуиринк, – сказал стражник и указал в ту сторону, откуда мы приехали. – Он на Аптекарской улице. Пройдите два перекрестка и сверните направо. Там сразу же увидите вывеску.

- Благодарю, - сказал Брессинджер. Вышел конюх - замызганный мальчишка, от которого разило конским навозом, - и начал уводить наших животных.

- Лорд Саутер приказал, чтобы вас по прибытии накормили, - неуверенно крикнул стражник нам вслед. - Вы не возьмете еды или вина?

- Позже, благодарю, - сказал Брессинджер. Я пала духом. В моем желудке было пусто, как в ограбленном амбаре.

- Как пожелаете, - кивнув, сказал стражник, и мы, передвигая затекшими от верховой езды ногами, пошли искать Вонвальта.

* * *

Врач вел свое безбедное существование на Аптекарской улице, окруженный другими учеными медиками, хирургами-цирюльниками и астрономами. Дорога здесь тоже была вымощена булыжником и не так изрезана колеей, как торговые улицы, отходившие от рыночной площади. Дом мистера Макуиринка был отмечен большой деревянной вывеской с голубой звездой - так в Империи обычно обозначалось жилище врача, допущенного к практике. Брессинджер вошел в переднюю, где в воздухе висел тяжелый запах крови и мертвечины. На задний двор дома выходили матовые окна, за которыми раздавалось чавканье диких свиней, копошившихся в отходах врача.

- Дубайн? - донесся откуда-то снизу голос Вонвальта. Мы оба посмотрели направо и увидели лестницу, спускающуюся в недра дома.

- Сир, - громко ответил ему Брессинджер.

- Спускайся вниз.

Мы повиновались и оказались в большом зале, растянувшемся на всю длину дома. Здесь в ряд стояли запачканные столы на козлах, и еще несколько таких же были придвинуты к стене. Свечи - восковые, а не из топленого жира, - горели, источая травянистый запах, который ничуть не скрывал смрада разложения. Вонвальт и врач стояли в дальнем конце комнаты рядом с единственным занятым столом, и Вонвальт прижимал к носу лавандовый платок.

- Мистер Макуиринк как раз рассказывал, как нашли тело, - сказал Вонвальт, когда мы подошли.

- Да, что ж, сын Тома Бевитта нашел ее у врат Сегамунда, там, где река вытекает из города. Она зацепилась за корень в воде, - сказал врач. Старик был сутулым, седовласым и усатым. Казалось, что забота о других вытянула из него все жизненные силы. Тощий, похожий на нищего, он совсем не походил на пухлых аптекарей, которых я видела прежде. - Чудо, что ее вообще нашли, - подводное течение очень мощное. То, что попадает в Гейл, редко находится снова.

- Кому мальчик сообщил об этом? - спросил Вонвальт.

- А никому сообщать и не пришлось. На его вопли сбежалась половина восточной части города. Стражники выловили ее из воды. Принесли сюда.

- И больше к телу никто не прикасался?

- Никто, милорд. Кроме меня, конечно же, и то лишь для того, чтобы ее уложить. - Врач махнул рукой. - И посмотреть на рану.

Побуждаемая нездоровым любопытством, я посмотрела туда, куда указывал врач. Впрочем, вид мертвецов меня особенно не тревожил; все-таки я была сиротой Рейхскрига, хорошо знакомой со смертью. Толсбург стал сованской провинцией еще до моего рождения, однако последствия войны - нехватка еды, борьба за власть и последние восстания - стали сходить на нет, лишь когда мне было лет десять. Только тогда жизнь пришла в некое подобие нормы. В те ранние годы моей жизни люди часто сражались и гибли, причем не только в Толсбурге. Теперь мне было уже почти два десятка, и за это время три большие страны - королевство Венланд и герцогства Денхольц и Ковоск - покорились сованским Легионам. Помимо них в Империю входили родина Вонвальта, Йегланд, лежавшая к западу от Толсбурга, и родина Брессинджера, Грозода, находившаяся на юге. Империя поглотила их тридцать лет назад, когда Вонвальт и Брессинджер были еще юношами. Исконно сованскими же землями были Сова, княжество Кжосич, Эстре и Гулич. Объединив все эти земли, Империя стала больше, чем когда-либо, и насчитывала почти сто миллионов подданных, живших под бдительным присмотром Двуглавого Волка.

Женщина на столе выглядела примерно лет на сорок; мертвенно-серая, она была одета в зеленое платье с дорогой золотистой парчовой оторочкой. Вода, из которой ее выловили, не пощадила останки, но даже мой нетренированный глаз видел, что умерла она не потому, что утонула.

- Сильный был удар, - заметил Брессинджер, - и били не лезвием и не ребром.

- Вы хорошо разбираетесь в трупах, - сказал врач. Я заметила, как Брессинджер и Вонвальт мельком переглянулись.

- Да уж, - мрачно сказал Вонвальт.

Несколько секунд мы все стояли молча.

- Кто шериф этого города? - спросил Вонвальт.

- Сэр Радомир Дражич, - сказал врач.

- Ему сообщили об убийстве? - спросил Вонвальт.

- Конечно, - сказал врач. - Вся Долина об этом знает. Лорд Бауэр - известный человек, и его жену в городе любили.

- А лорда Бауэра?

Врач заколебался.

- Он известный человек, - подтвердил он.

- А что говорят о шерифе?

- Что он хороший страж закона, но вы не найдете менее приветливого человека, и еще он закоренелый пропойца.

- Я еще не встречал хорошего стража закона, который бы им не был, - заметил Вонвальт, подступив ближе к убитой. Я заметила, что он старается не подходить совсем близко, чтобы не подхватить оспу. Губительные испарения нередко разлетались от трупов, как дым от костра.

- Один-единственный удар в висок, - пробормотал он. - Нанесенный со значительной силой.

- Да, милорд, - сказал врач. - Этот удар наверняка ее и убил. Посмотрите, как разошлась кожа, и череп проломлен. Удар нанесли дубиной или каким-то другим тупым оружием, причем сильной рукой.

- Почему вы решили, что его нанесли не клинком? - спросил Вонвальт. На этот вопрос он наверняка и сам знал ответ. Он просто проверял старого врача.

Мистер Макуиринк указал пальцем на рану.

- Меч или топор прорубил бы и кожу, и кость черепа, отчего на нем осталась бы ровная зарубка. Здесь же ее словно ударили куском гранита. Посмотрите на рисунок трещин в кости и на кожу - она разорвана, а не рассечена.

- У вас большой опыт с подобными ранами?

- Вы вряд ли найдете в Долине Гейл хоть одного ученого медика, которому бы не доводилось иметь дело с подобным. Спасибо за это Рейхскригу.

Вонвальт кивнул. Мы все стояли и смотрели на труп, словно могли заставить его выдать свои секреты, если бы посверлили взглядами подольше. Однако было ясно, что больше мы ничего здесь не узнаем. Леди Бауэр нанесли страшный удар, от которого она, скорее всего, скончалась на месте. Вонвальт был самым старшим представителем закона Империи в городе, и потому, согласно сованскому Закону Старшинства, он имел право провести расследование, а затем и суд.

- Вы нашли еще что-нибудь примечательное, пока осматривали тело? - негромко спросил Вонвальт.

- Ничего, милорд, - ответил врач. Он снова указал на рану. - Ve sama horivic.

«Все так, как вы видите». Слова были произнесены на высоком саксанском, языке правящих классов, но фраза была достаточно расхожей и не нуждалась в переводе.

- Значит, убийство, - сказал Вонвальт.

- Да, - негромко отозвался стоявший рядом Брессинджер.

Мистер Макуиринк взволнованно посмотрел на Вонвальта. Когда он заговорил, его голос был пропитан тревогой:

- Вы примените к ней... свою силу? Я слышал, что некоторые магистраты Империи могут разговаривать с мертвыми.

Вонвальт посмотрел на тело. Затем мягко покачал головой.

- Нет, - сказал он, с грустью окинув леди Бауэр взглядом. - Тело слишком сильно разложилось. Она умерла слишком давно. - Вонвальт помедлил, раздумывая. - Отойдите, - пробормотал он, и все поспешили подчиниться. Вонвальт протянул руку, растопырив пальцы, и указал ладонью на голову леди Бауэр. Его лицо приобрело чуть болезненное выражение, пока он оценивал шансы на успешный сеанс. Через несколько секунд он уронил руку. - Нет. Нет, я даже не стану пытаться.

- Кто знает, что за твари уже успели вонзить в нее свои когти, - пробормотал Брессинджер.

Вонвальт сурово посмотрел на него.

- Следи за языком. О таких вещах не болтают попусту.

Мистер Макуиринк и я беспокойно переглянулись. Прежде чем кто-либо успел сказать что-то еще, Вонвальт заговорил.

- Благодарю вас, мистер Макуиринк, - сказал он и отступил на несколько шагов. - Мы закончили. Вы можете готовить тело к освящению и погребению.

- Хорошо, милорд.

- Вы будете писать отчет? Чтобы зафиксировать свои наблюдения.

- Да, милорд.

- Очень хорошо. Дубайн, где мы остановились?

- У мэра, сир.

Вонвальт снова повернулся к врачу.

- Отправьте ваш отчет мне туда.

- Как пожелаете.

Вонвальт в последний раз посмотрел на тело. Помедлил.

- Что ж, ладно. Мы вас оставим.

Мы покинули жилище врача и вышли на Аптекарскую улицу. За то время, что мы провели внутри, небо затянуло облака, словно наше подавленное настроение притянуло их к нам. Они образовали низкий серый потолок, окутав город мрачными сумерками.

- Я желаю встретиться с сэром Радомиром, - сказал Вонвальт, глядя на облака. Затем он неуверенно прибавил: - До темноты еще полно времени.

- Полагаю, он в здании городской стражи, - сказал Брессинджер. - Мы прошли его по пути сюда, оно рядом с Вельделинскими воротами.

- Я помню, - сказал Вонвальт, рассеянно кивая. - Значит, нам в эту сторону. Хелена, не отставай!

Вонвальт ходил быстро. Такая у него была привычка. Учитывая, какими способностями и какой властью он обладал, как себя держал и какие знаки отличия носил, сэр Конрад, как правило, привлекал много внимания. Подданные императора были суеверны, и за нами, куда бы мы ни пошли, почти всегда увязывались последователи. Некоторые жаждали правосудия - такого, какое Вонвальт не мог свершить; другие хотели, чтобы он с помощью своих сил позволил им поговорить с близкими, которых они потеряли. Кого-то он просто пленил одним своим видом. От Вонвальта исходило нечто потустороннее, и некоторые люди поддавались этому сильнее других. Они сбивались в разношерстную толпу, которая следовала за нами, как маркитанты за армией. Обычно они держались в двадцати-тридцати шагах за нами и брели следом, кто-то с трепетом, а кто-то будто зачарованно. Проведи мы в доме еще какое-то время, то нашли бы на пороге различные безделушки, оставленные в качестве подношений: цветы, свечи, статуэтки идолов. Вонвальт уже давно привык к этому; я даже сомневалась, что он вообще их замечал. А меня и спустя два года это все еще приводило в замешательство.

Нам повезло, что Долина Гейл была торговым городом и ее лорды и состоятельные торговцы ходили по улицам, демонстрируя все свое богатство. Благодаря этому Вонвальт выделялся не так сильно, как обычно. Тем не менее шли мы быстро и решительно.

Здание городской стражи находилось в южной части города. Долина Гейл, как и большинство городов Империи, традиционно делилась на районы по гильдиям. Здание стражи располагалось в районе, посвященном поддержанию правопорядка, а это означало, что оно стояло на одной улице со зданием суда и городской тюрьмой. Здание стражи было двухэтажным, с фахверками из темного дерева и чрезмерным количеством решетчатых окон на фасаде. Пара больших труб изрыгала в ледяной воздух черный дым. Перед зданием располагался острог, который пустовал благодаря амнистии в честь праздника Зимних Холодов.

Мы миновали худошавого, измученного на вид стражника и вошли внутрь. Вонвальт сразу же решительно направился к столу дежурного, заставив скупавшего за ним сержанта вздрогнуть и выпрямиться.

– Я – сэр Конрад Вонвальт, Правосудие из Ордена магистратов Империи, – объявил он.

– П-правосудие Императора? – запинаясь, сказал сержант и поднес руку ко лбу. Он несколько раз молча открыл и закрыл рот. – Я... Я слышал сплетни, но не поверил им. К нам уже несколько лет не заезжал никто из магистратов. Вы приехали по старой Хаунерской дороге?

Вонвальт вздохнул.

– Я желаю поговорить с сэром Радомиром.

– Д-да, конечно, – сказал сержант. – Я попрошу одного из парней его позвать.

– В этом нет необходимости, – сказал Вонвальт. – Он наверху?

Сержант сглотнул.

– На верхнем этаже, милорд. – Казалось, ему стало неловко. – Сэру Радомиру... не понравится, что его беспокоят. Будет лучше, если я вас представлю.

Вонвальт скупо улыбнулся.

– Не утруждайте себя, сержант, – сказал Вонвальт. – Он не станет возражать, что его беспокою я.

Мы поднялись по скрипящим ступеням. Несколько дюжин свечей освещали нам дорогу – некоторые были восковыми, но большинство из свечного жира. Поскольку на мне была теплая шерстяная одежда и плотный плащ, мне быстро стало жарко. Комнаты сэра Радомира находились на верхнем этаже, и их было легко опознать по надписи «Шериф», намалеванной на двери по-саксански. Вонвальт громко постучал.

– Я же сказал, чтобы меня не беспокоили, – раздался за дверью суровый голос.

– Именем Императора, откройте эту дверь, – громко сказал Вонвальт.

Я услышала приглушенное: «Кровь Немь», затем звук шагов. Засов был сдвинут в сторону, и дверь распахнулась. Из комнаты пахло теплым воздухом, пропитанным алкогольным перегаром и дымом от очага.

– А вы, должно быть, Правосудие, о котором мы все столько слышали, – скалясь, произнес сэр Радомир. Он был высоким, ростом с Вонвальта, имел суровый, худощавый вид и короткие волосы с проседью. Его лицо уродовало багровое родимое пятно, похожее на винную кляксу. На нем были белые короткие штаны и синий с желтым дублет, а на поясе висел короткий кинжал.

– Да, это я, – ответил Вонвальт, неприязненно глядя на него.

– Вижу, лорд Саутер поспешил доставить вас в город.

- Так и есть.

Повисла пауза.

- Я - занятой человек, Правосудие, - нетерпеливо сказал сэра Радомир.

- В таком случае вы будете рады, что я не займу у вас много времени.

Снова пауза. Руки сэра Радомира были связаны, как и у всех, кто сталкивался лицом к лицу с имперским Правосудием, - и, как и многим другим, ему это совсем не нравилось. А еще, как и все, он побаивался способностей Вонвальта. Даже в столь крупном и развитом городе, как Долина Гейл, было трудно не верить бабушкиным сказкам и глупым сплетням, которые преследовали Правосудий повсюду, как облако тлетворных испарений.

- А эти двое кто? - спросил сэра Радомир, указав на нас подбородком.

- Мой пристав, Дубайн Брессинджер, и секретарь, Хелена Седанка.

- Гроздец и толка, - презрительно оскалившись, сказал шериф.

- И что с того? - резко спросил Вонвальт.

Сэр Радомир ткнул себя в грудь большим пальцем.

- Я два года сражался с толцами в Марках.

Вонвальт демонстративно оглядел меня, затем снова перевел взгляд на шерифа.

- Моего секретаря еще не было на свете, когда Рейхскриг достиг Мулдау, сэра Радомир. Или вы просто боитесь девятнадцатилетних девушек?

Шериф пожал плечами, не отвечая на колкость.

- Сэр Радомир, - сквозь стиснутые зубы процедил Вонвальт. - Я осознаю, что моему присутствию в Долине Гейл могут быть не рады. Однако я здесь для того же, для чего и вы, - чтобы вершить правосудие.

Сэр Радомир наигранно вздохнул. Он еще немного потянул время, а затем смилоствивился.

- Ладно, входите... пока все тепло не выпустили.

Мы прошли в его комнату. Она была на удивление хорошо обставлена, с дорогой на вид деревянной мебелью, большим, лишь чуточку цветлым ковром и чугунным очагом, в котором пылала большая груд дров. Такая обстановка совсем не подходила сэру Радомиру, который, судя по всему, вышел из самых низших сословий. Мне стало интересно, что у него за прошлое и как он стал дворянином.

Жара была невыносимой; мы сняли плащи и сели у письменного стола напротив сэра Радомира.

- Лорд Саутер места себе не находит из-за гибели леди Бауэр, - сказал шериф. Он указал на пару оловянных кружек, хотя на столе стояло вино. - Эля хотите?

- Нет, благодарю, - сказал Вонвальт. - Лорд Саутер был близок с семьей Бауэров?

- Лорд Саутер близок со всеми, кто может сделать его богачом, - сказал шериф, хотя, похоже, сразу же пожалел о своей прямоте. - Что объясняет, как у него вообще получалось терпеть леди Бауэр. Приятным ее обществом трудно было назвать. - Он снова вздохнул, поднял свой кубок и сделал большой глоток вина. - Позвольте говорить с вами начистоту, Правосудие.

- Боюсь, вы уже начали, - сказал Вонвальт.

- Когда-то леди Бауэр была замечательной женщиной. Затем ее сын умер от оспы, а дочь ушла в монастырь, и она изменилась. Ее характер изменился. Она стала меланхоличной и вспыльчивой. Теперь, когда она мертва, люди станут говорить о ней много хорошего, но, видит Нема, менее приветливую даму нужно было еще поискать.

Брессинджер встрепенулся. Вонвальт быстро сказал:

- Утрату ребенка вынести непросто, нет судьбы более жестокой. Вы не можете упрекать ее в этом.

- Это я понимаю, - отмахнулся сэр Радомир. - Но тут было что-то другое. Даже не знаю. Казалось, что дело не только в утрате. Ее мысли что-то занимало, и не только горе.

- Что вы имеете в виду?

Сэр Радомир немного подумал.

- Нет. Не знаю. Назовите это чуйкой законника. Я так и не смог разобраться, что тогда произошло. И, наверное, уже никогда не разберусь, раз она умерла. - Он тяжело вздохнул. - Дрянное дело, когда убивают благородных дам, - понимаю, что ничего более очевидного вы, скорее всего, не слышали.

Вонвальт склонил голову.

- Я понимаю, о чем вы.

- Половина города в гневе. Простолюдины, конечно, мрут довольно часто, как сами, так и с чьей-то помощью; для города вроде нашего это естественно. Но чтобы жену лорда... Вести об этом наверняка дойдут до барона Наумова в Кругокаменске, если уже не дошли. Возможно, и другие об этом узнают. Если же слухи пересекут границу Гулича и дойдут до ушей князя, вот тогда нам не поздоровится. Последнее, что мне нужно, так это императорский родственничек, сующий свое рыло в дела города. Нема тому свидетель, нам хватает диких свиней на Аптекарской улице.

– Следите за языком, – резко сказал Вонвальт, но шериф лишь невозмутимо отмахнулся от него. Вонвальт поджал губы. – Что еще вам известно? Вы говорили с лордом Бауэром?

Сэр Радомир кисло посмотрел на Вонвальта.

– Правосудие, я уже десять лет поддерживаю порядок в Долине Гейл. Конечно же, я говорил с лордом Бауэром.

– Что он сказал?

Сэр Радомир снова сделал большой глоток вина. Когда он поставил кубок обратно, его губы заблестели в свете пламени.

– Он был убежден, что в убийстве виновен его конкурент.

– Да неужели?

– Именно так.

– И он назвал имя?

– Назвал.

Вонвальт откашлялся – иногда он так делал, когда пытался сдержать свой гнев.

– Сэр Радомир, я желаю помочь вам с этим делом.

– Правосудие, здесь, в Долине, у Императора уже есть верный ему подданный, способный расследовать это преступление. И этот подданный – я.

– Я мог и сам догадаться.

– Мне не нравится, когда кто-то узурпирует мои полномочия.

– Не преувеличивайте. Никто ничего не «узурпирует», – сказал Вонвальт. – По Закону Старшинства я могу взять расследование на себя. Это вопрос права, а не принижение ваших способностей.

– Мне это все равно не нравится.

– Подобное вообще мало кому нравится, сэр Радомир. Надеюсь, вас утешит тот факт, что, как и у всех ваших предшественников, у вас нет выбора. Я могу предоставить вам грамоты, подтверждающие мои полномочия, если вам так угодно.

Сэр Радомир поморщился. Я никогда прежде не видела, чтобы законники с такой неохотой передавали дело.

Многие только радовались возможности избавиться от бремени расследования, большая часть которого была делом неблагодарным и в конце концов не приносила результатов.

- Я бы хотел, чтобы вы тесно сотрудничали со мной, - сказал Вонвальт. - Вы явно из тех, кто гордится своей работой. У меня нет желания становиться вашим врагом.

- Что, вы не присвоите себе все заслуги? Если мы найдем виновного?

- И приму на себя всю ответственность в случае, если расследование завершится неудачей.

- Какая редкая щедрость.

- Я не тщеславен, сэр Радомир. Я желаю лишь убедиться в том, что правосудие свершится.

Сэр Радомир, не ожидавший этого, внимательно посмотрел на Вонвальта.

- Что ж, посмотрим.

- Назовите мне имя подозреваемого, шериф. Я не стану просить снова.

- Зоран Вогт, - сказал сэр Радомир. - Конкурент Бауэра. Эти двое уже давно грызутся. Вздорят из-за пустяков, как дети малые.

- Какие-нибудь преступления за ними были замечены?

- В прошлом я подозревал эту парочку в нескольких нарушениях, но не смог ничего доказать. Многие из тех, кто ходят по Гейл, торгуют незаконно. Река течет до самой Совы.

- Они ведут общие дела?

- Судя по всему, да, хотя по ним и не скажешь. Все они похожи, эти новые лорды. «Торговые князьки», как их называют в народе. Они или их отцы нажились на Рейхскриге и заслужили себе при этом рыцарские титулы. Теперь они считают, что стоят выше закона.

- De jura nietra iznia, - пробормотал Вонвальт на высоком саксанском.

- «Никто не выше закона», - сказал сэр Радомир. - Пытаетесь произвести на меня впечатление своим знанием придворного языка, сэр Конрад?

- Достаточно! - рявкнул Вонвальт, и его голос грянул по комнате, как раскат грома. Я резко посмотрела на него. Он применил Голос Императора или же только его отголосок. Брессинджер встревожился. Сэр Радомир заметно побледнел. Его кадык заходил, и он секунду не мог ничего сказать. Он выпучил глаза и окинул взглядом комнату, явно впадая в панику от того, что потерял дар речи. Вид у него был как у человека, который только что осознал, что он тонет.

- Кровь Немы, - наконец прохрипел шериф. Прижав одну руку к сердцу, другой он уперся в стол. - Пропади моя вера, Правосудие, ну у вас и сила.

- И мне редко доводится ее применять, - стальным голосом сказал Вонвальт.

- Я устал, сэр Радомир, и мне уже порядком надоела ваша заносчивость. Я

отнесся к вам со всем терпением, на какое способен, поскольку вы явно из тех, кто ратует за справедливость. Но я не стану сносить дальнейшую непочтительность. Я уже сказал вам, что пришел помочь. Была убита женщина – леди, в конце концов. Вам бы не мешало помнить об этом. Сейчас я вам не враг.

Сэру Радомиру понадобилось время, чтобы прийти в себя, и несколько больших глотков вина. Он снова наполнил свой кубок и поставил его на стол.

– Что еще вы желаете знать? – спросил он. В его голосе появилась хрипотца.

– Расскажите мне об отношениях Бауэра и Вогта. Вы говорите, они давно знакомы?

Сэр Радомир кивнул.

– Несколько лет назад Вогт подал нам на него жалобу. Он заявлял, что лорд Бауэр подстроил диверсию на одном из судов, которое перевозило вниз по реке большую партию зерна. Вогт купил зерно на заемные деньги, и его утрата грозила ему банкротством.

– Он справился с трудностями?

– Справился. Но он считает, что тот случай стоил ему не только значительной суммы денег, но и рыцарского титула. – Сэр Радомир усмехнулся. – Вполне возможно, что он прав.

Вонвальт немного поразмыслил.

– Но ведь прошло уже несколько лет?

– Тот случай с зерном произошел по меньшей мере два года назад. Мы ведем учет в соответствии с имперскими указами. Я могу потребовать записи из архива.

– Было бы неплохо, благодарю.

– Не считая Вогта, лорд Бауэр и представить себе не может, кто мог желать его жене смерти.

– За исключением, возможно, самого лорда Бауэра, – сказал Вонвальт. – Мой опыт подсказывает, что, когда убивают женщину, чаще всего виновен оказывается ее муж.

– Верно, мой опыт говорит о том же. Я предупредил лорда Бауэра, что он все еще под подозрением. Но, хотя я его и недолюбиваю, чуйка подсказывает мне, что убийство совершил не он.

– Неужели? – спросил Вонвальт.

– Как я и сказал, Правосудие, я уже десять лет поддерживаю в Долине Гейл порядок – ну или что-то близкое к нему. До этого я охранял закон в Перри

Форде и был солдатом. – Он кивком указал на Брессинджера. – Вы и ваш пристав ведь сражались в Рейхскриге?

– Да, – сказал Вонвальт.

– Тогда вы знаете, что убийство делает с человеком. Как оно меняет его. Нельзя лишиться кого-то жизни и остаться прежним, даже если вы убиваете врага. Лорд Бауэр мрачный человек, но он не убийца. Характер у него не тот.

– Ясно, – сказал Вонвальт. Несмотря на изначальную неприязнь, я видела, что Вонвальт проникся к шерифу уважением.

– Впрочем, у меня нет ваших способностей, – сказал сэр Радомир.

– Нет, но, по-моему, профессиональной чуйки чаще всего вполне достаточно, – сказал Вонвальт. – Вы не выяснили, были ли у леди Бауэр какие-нибудь враги? Возможно, интрижка на стороне? Или она узнала что-то, чего не должна была знать?

Сэр Радомир пожал плечами.

– Если что-то подобное и было, то до меня даже слухи не дошли. Я приказал своим парням держать ухо востро, но... – Он снова пожал плечами. – Признаться, Правосудие, я особых надежд не питаю. Мотива нет. И меня это изводит.

– Могу себе представить, – рассеянно сказал Вонвальт. Я заметила, что это дело уже его озаботило. Наконец он поднялся. – На этом пока все. Благодарю, что уделили мне время, шериф.

Сэр Радомир встал.

– Пожалуйста. Надеюсь, мы скоро сможем пролить свет на произошедшее. Сколько лет служу закону, а с таким убийством еще не сталкивался. Даже в Перри Форде никто не убивал жен лордов.

– В Сове это тоже редкость, шериф, – сказал Вонвальт. – А когда подобное все же случается, не успеете и глазом моргнуть, как виновник уже обнаружен. – Он выглянул из окна. На улице стремительно темнело. Вонвальт снова посмотрел на сэра Радомира. – С убийства леди Бауэр прошло два дня, а у нас нет никаких зацепок, кроме разлагающейся покойницы. Нужно действовать быстро, если мы хотим во всем разобраться.

IV

Лорд Бауэр

«Лишь Правосудие может заставить человека свидетельствовать против самого себя».

Из «Столпов сованского гражданского права» Катерхаузера

Мы вышли из здания городской стражи и направились к резиденции лорда Саутера. Тучи наконец разродились, и в воздухе закружились снежинки. Я мысленно порадовалась богатству города и его мощным улицам – пробираться по грязи и слякоти в холодных, промокших башмаках мне совсем не хотелось.

– Суровый он человек, – сказал Брессинджер Вонвальту.

Вонвальт хмыкнул.

– Его повадки меня не волнуют, – сказал он, – к тому же он пьяница до мозга костей. Но прямодушный. И это ценно.

Мы быстро шли по холодному городу. За последний час рынок закрылся, улицы почти опустели, и лишь редкие стражники неторопливо шатались по бульжным мостовым. Один остановил нас, остальные же признали в Вонвальте Правосудие. К тому времени, когда мы добрались до резиденции лорда Саутера, дневной свет уже почти окончательно померк, и храмовый колокол прозвонил, возвещая начало комендантского часа и закрытие городских ворот на ночь.

– Сэр Конрад, – сказал стражник у резиденции, неуклюже поднимаясь на ноги. Резиденция была окружена кованой железной решеткой, единственные ворота в которой обрамлялись парой колонн из кирпича. – Лорд Саутер шлет свои извинения: его вызвали по срочному делу, и он не сможет встретиться с вами сегодня. Он распорядился, чтобы о вас позаботились.

– Хорошо, – сказал Вонвальт, и мы вошли в ворота. Я заметила, что на самом деле он остался доволен – его не радовала мысль о том, что в ближайшие несколько часов ему придется вести вежливые беседы или, что хуже, говорить о работе. Вонвальт считал подобные разговоры утомительными, а мне – младшему секретарю, которой полагалось сидеть молча и изображать заинтересованность, – они казались смертельно скучными.

Нас провели через парадную дверь в просторный вестибюль. Внутри дом выглядел так же внушительно, как и снаружи. Скучный свет проникал с улицы через витражные окна, усеивая половицы случайными цветными пятнами, которые были похожи на отблески пламени, просвечивающего через пригоршню драгоценных камней. Здесь было невыносимо жарко – видимо, во многих комнатах вовсю горели очаги. Стены увешивали гобелены, а полы устилали ковры. Мебель выглядела дорогой, и многие предметы, судя по виду, были ввезены из других стран. Дом словно кичился богатством своего хозяина.

Слуги проводили нас в покои на верхнем этаже. Вонвальту выделили большую спальню на углу здания. Ее окна выходили на две стороны; из одного открывался вид на протекавшую чуть дальше реку, а из другого – на широкую гильдейскую улицу, хотя ни там, ни там смотреть было особенно не на что. С неба густо валил снег, и тьма черным дымом обволакивала уличные фонари.

Мне и Брессинджеру выделили одну комнату на двоих. Она находилась дальше по коридору и была отделена от покоев Вонвальта еще одной закрытой комнатой. Я расстроилась, увидев, что в нашей комнате стояла лишь одна кровать, но не удивилась этому. Брессинджеру и мне уже приходилось спать вместе, и, с какой бы теплотой я ни относилась к нашему приставу, во сне он громко храпел и много ворочался. Впрочем, едва мы вошли, он отправился по местным пабам и борделям и вернулся только под утро.

Я с нетерпением ждала горячего ужина и возможности прилечь, чтобы немного поспать, но, вскоре после того как мы устроились, Вонвальт пригласил меня в свою комнату. Я пала духом. За последний год наша дорожная жизнь все больше и больше утомляла меня, а учеба и работа секретарем Правосудия разочаровывали. Так что у меня совсем не было настроения для одного из наших вечерних занятий.

– Садись, Хелена, – сказал Вонвальт, когда я вошла в его комнату, и указал на удобное на вид кресло. Вонвальт, снявший с себя пальто и жакет, сейчас был одет лишь в простую рубаху и короткие штаны. Он расслабленно сидел на банкетке у окна и курил трубку. Я знала, что он наверняка распорядился приготовить ему позднее вечернюю ванну. Когда возникала возможность помыться, Вонвальт всегда ею пользовался.

– Что ты думаешь? – спросил он, глядя в окно.

– О чем? – спросила я. Настроение у меня было скверным, и я этого не скрывала.

На лице Вонвальта промелькнуло раздражение.

– О деле в целом, – сказал он. – О сэре Радомире. О лорде и леди Вауэр. Ты сделала какие-нибудь предварительные выводы?

Я хотела было вздохнуть, но сдержалась. Вонвальт был терпелив, но показывать свое непочтение вздохами все же не стоило. Даже будучи не в духе, я это понимала. Однако, как и многие предыдущие наши занятия, сегодняшнее обещало оказаться долгим и скучным. Наши беседы не следовали никакому плану или сценарию, отчего они различались по длительности и содержанию. Иногда они принимали вид уроков, во время которых Вонвальт садился и час рассказывал мне о самых разных предметах: о праве, истории и Рейхскриге. К счастью, он никогда не заводил разговор о математике, в которой и сам был не очень-то силен. В другие дни Вонвальт старался вовлечь меня в дискуссию, в ходе которой неизменно разносил мои доводы в пух и прах, оставляя меня кипеть от гнева и негодования. Порой же мы просто разговаривали. Все-таки Вонвальт был человеком, и иногда ему хотелось обыкновенного общения.

Думаю, причин моей неприязни к нашим занятиям было две. Во-первых, практика Вонвальта вызывала у меня искреннее равнодушие, которое

постепенно росло. По большей части его работа была довольно нудной. Путешествуя по окраинам Империи, мы сталкивались с самыми разными преступлениями, но почти все они были мелкими и незначительными. С более важными и захватывающими делами Вонвальт обычно разбирался в одиночку, говоря, что я еще неопытна и относительно молода. А меня – дерзкую юную особу – это возмущало.

Вторую же причину я осознала намного позже – то был страх разочаровать Вонвальта. Он спас меня от жалкого существования на улицах Мулдау. Я была обязана ему всем, включая мою жизнь. Вонвальт явно стремился вылепить меня по своему образу и подобию, чтобы однажды я смогла присоединиться к Ордену, и я считала, что обязана отплатить ему добросовестным трудом и усердием. Но, сталкиваясь с неудачами, я начинала чувствовать себя недостойной и дурно на это реагировала, что, в свою очередь, вело к новым обидам.

Теперь, когда я оглядываюсь назад, мне становится стыдно за то, что я тогда чувствовала и как себя вела, но ведь я была еще совсем юна. А молодым и неопытным можно многое простить.

– Я думаю, что лорд Бауэр убил свою жену, – небрежно сказала я. – А то, что шериф говорит о возможной причастности Вотта, – это все домыслы.

– Ты не согласна с интуицией сэра Радомира?

Я пожала плечами.

– Я бы не придавала большого значения его словам. У него масса предубеждений. Вы же слышали, что он говорил обо мне и Брессинджере.

Вонвальт отмахнулся от меня, как от облака дыма из трубки.

– Большинство людей не доверяют и тем, кто живет по соседству, не говоря уже о выходцах из других стран. Будучи хаунерцем, сэр Радомир представляет собой типичного сованца. Наша терпимость к другим народам и верованиям – это скорее исключение, а не правило, по крайней мере, здесь, далеко за пределами Совы.

– Это не значит, что подобное приемлемо. – То, что меня столь пренебрежительно назвали толкой, задело меня гораздо больше, чем я думала. Вонвальт же был слишком великодушен, называя меня исключением. До того как он вступил в Орден, Вонвальт был призван в Легионы и убивал йегландцев, своих соотечественников, затем грозодцев и, наверное, многих толцев. Однако все это не мешало ему оставаться беспристрастным. Для него все были сованцами, поскольку все подчинялись законам общего права. Что же до меня – несмотря на то что наша работа отчасти избавила меня от предубеждений, я, как и всякий толец, все так же недолюбливала хаунерцев и – Нема сохрани – йегландцев вроде Вонвальта. Все-таки Йегланд, Хаунерсхайм и Толсбург сидели друг у друга костью в горле еще за много столетий до того, как возник Аутун. Ненавидеть друг друга было нормально. Трудно не утонуть в болоте предрассудков, когда находишься на самом его дне.

- Я не говорю, что это приемлемо; я говорю, что это свойственно людям здешних мест, - сказал Вонвальт. - Брось, неужели ты хочешь сказать, что сама выше всех предубеждений? Мы объехали часть - и только часть - Империи, но мир гораздо больше тех земель, что завоеваны Совой. В нем живут люди разных цветов кожи. На реке Треба я видел торговые корабли с матросами, чья кожа была черной как смоль. Казары на юге и вовсе наполовину волки. Посмотри хотя бы на Стража Императора - он один из них. - Вонвальт сделал затяжку из трубки. - А есть и многие другие. Признаю, твои странствия позволили тебе увидеть многие народы Сованской империи, но все эти народы похожи - более или менее - и ведут себя одинаково, какими бы ни были их воображаемые различия.

- Дубайн темнокожий, - сказала я. - И мы с ним близки.

- Дубайн - грозодец, - усмехнулся Вонвальт. - В молодости он слишком много времени провел на солнце. Он не темнокожий - по крайней мере, не в том смысле, в котором ты думаешь. Как бы ты себя чувствовала, окажись ты в компании человека с Пограничья?

- Меня бы это совсем не беспокоило, - сказала я.

- Да уж, - пробормотал Вонвальт. - К чему я веду: то, что у сэра Радомира имеются предрассудки, не значит, что он ошибается насчет лорда Бауэра. Хотя это и характеризует его не с самой лучшей стороны.

- А если бы подозреваемым был другой чужеземец? - спросила я.

Вонвальт немного поразмыслил.

- Это не имело бы значения. Принципы Ордена магистратов ясны: закон должен применяться одинаково ко всем, кто находится на территории Империи; а также ко всем, кто, находясь за ее пределами, добровольно этим законам подчиняется. - Вонвальт прибег к цитированию, что обычно делал, когда начинал уступать в дискуссии. Но я была уверена, что он заблуждается. Вопрос заключался лишь в том, было ли это заблуждение искренним или же он притворился, чтобы втянуть меня в спор.

- Но ведь согласитесь: то, что предписывает Орден, и то, что происходит на практике, - это две разные вещи.

Вонвальт снова сделал долгую затяжку.

- Естественно, Хелена, - сказал он. Ему пришлось согласиться, потому что я озвучила очевидную истину. - В этом и заключается весь смысл нашего существования.

Я стиснула зубы. Год назад я бы уже сдалась. Вонвальт нарочно говорил таким тоном, чтобы я чувствовала себя глупо, - представители закона часто прибегали к такой уловке. Но я понимала - во многом благодаря его урокам, - что он просто ушел от прямого ответа.

- Я говорю не о предназначении Правосудий, - с жаром сказала я. - Я говорю о том, как применяются законы Совы. Представитель закона может

осудить чужеземца или любого, кто ему не понравится, гораздо строже, чем позволяет закон, лишь из-за внешности.

- Для этого и существует общее право и прецеденты. Для этого мы и записываем все наши решения, и для этого их отправляют обратно в большую Библиотеку Законов, чтобы секретари могли проверить, применяется ли закон одинаково во всех случаях.

- Только эта проверка может занимать месяцы, а то и годы! - воскликнула я. - И ее результат вряд ли утешит человека, лишившегося головы за преступление, которое, как окажется неделю спустя, требовало гораздо меньшего наказания!

Вонвальт разве что не пожал плечами.

- Одно из преимуществ общего права заключается в том, что его законы могут меняться со временем, чтобы продолжать соответствовать устоям, принятым в обществе. Попробуй назвать систему лучше этой. Наверняка и законы Толсбурга, как и все, существовавшие прежде, представляли собой довольно убогий сборник постановлений.

Я ощутила, как увядает мое желание продолжать спор. Я ничего не знала о прежних законах Толсбурга, ведь они все утратили силу, а Вонвальт мог парировать любые, даже самые, казалось бы, неопровержимые доводы.

- Я не знаю, - устало сказала я. Урок начался с беседы и перешел в дискуссию о законах и этике. Вонвальт явно пребывал в одном из своих чудаковатых, воинственных настроений, первой жертвой которых чаще всего становилась я.

Вонвальт вздохнул, и из его рта вылетело большое облако дыма. Его наше занятие тоже явно не удовлетворило.

- Я хочу, чтобы утром ты принесла учетные книги, которые город хранит со времени визита последнего Правосудия. Полагаю, до нас здесь была Реси Августа - похоже, мы идем по ее следам, хотя она и оставила их уже давно. Затем можешь получить у сэра Радомира сведения по тому заявлению, которое мистер Вогт подал на лорда Бауэра. Принесешь все сюда и попросишь слуг поставить стол побольше. После можешь начать просматривать записи.

- Ладно, - сказала я. Хоть меня и переполняла обида, отказаться я не могла.

Вонвальт внимательно посмотрел на меня.

- Я собираюсь принять ванну. Увидимся внизу за ужином.

- Я не голодна, - пробурчала я, явно солгав.

Он секунду помедлил.

- Что ж, тогда спокойной ночи, - сказал он, не желая потакать моему кислому настроению, и потушил трубку.

Я поднялась на ноги и ушла, радуясь, что избавилась от его общества. Я вернулась в нашу с Брессинджером комнату и плюхнулась на кровать. Какое-то время я просто лежала на ней, пока не услышала, как Вонвальт спустился вниз; затем я все-таки сняла одежду, забралась под покрывало и потушила лампу.

* * *

Мы встали с восходом солнца – то есть, поскольку месяц был зимним, проспали дольше обычного. Несколько недель мы провели в пути, ночевали в трактирах, а порой и вовсе под открытым небом, сносили холод и постоянную угрозу нападения диких зверей и грабителей. После всего этого мне совсем не хотелось вылезать из роскошной гостевой кровати лорда Саутера. Слуги тоже встали рано, чтобы разжечь очаги, и тепло, исходившее от первого этажа, уже наполнило мою комнату. Благодаря этому скинуть с себя покрывало оказалось проще обычного.

Брессинджер вернулся вскоре после того, как я проснулась. От него разило пивом. Пока он шатался по комнате, я внимательно смотрела на него. Он был красив, даже красивее Вонвальта с его неизменно опущенными уголками губ, придававшими лицу выражение вечного недовольства. Они оба были темноволосыми, хотя волосы Брессинджера, которые он убирал в хвост, были темнее, как и его глаза и кожа. Самой заметной его чертой были усы, которые мне не очень нравились и которые редко можно было увидеть за пределами Грозоды и, наверное, некоторых частей Венланда. Также Брессинджер был от природы более мускулистым и лучше одевался – хотя сравнивать их в этом было нечестно, поскольку Вонвальту большую часть дня приходилось носить магистратскую мантию.

Что же до его характера, то Брессинджер сочетал в себе две противоположности. В одно время он мог быть неугомонным, флиртовать с местными женщинами, спорить с Вонвальтом и утомлять нас грозодскими песнями и народными сказаниями. Но уже на следующий день он мог впасть в глубокую тоску, проводить большую часть времени в угрюмом молчании и затевать драки в местных трактирах. Мне было известно, что он сражался вместе с Вонвальтом в Рейхскриге и умело обращался с мечом, но я точно не знала, как именно их дороги сошлись и как Брессинджер оказался у Вонвальта на службе. Одно лишь было совершенно ясно: Брессинджер всегда яро защищал своего господина и без колебаний бы вмешался, если бы решил, что я говорю с ним грубо или непочтительно.

Я смотрела, как он бродит по комнате, словно им движет не собственная воля, а какая-то магическая сила. Мне было неизвестно, чем занимался Брессинджер в те длинные ночи, которые проводил не с нами. Спал с девицами в местных борделях – конечно, – но на этом все не заканчивалась. Я знала, что он много пил и порой возвращался с раскрасневшимися глазами, словно провел несколько часов, кого-то оплакивая. По тому, как он выглядел теперь и как демонстративно не обращал на меня внимания, я поняла, что мне стоит какое-то время держаться от него подальше. Я

оделась, спустилась вниз, накинула свой плащ и, выйдя на свежий утренний воздух, зашагала к воротам. Там я увидела груды обычных подношений – безделушек, свечей и цветов, а также странную, наспех нацарапанную записку, которую Вонвальт никогда не стал бы читать. Большая часть вещей была прикрыта снегом, а некоторые торчали из него, как костлявые пальцы трупа на поле боя. В конце улицы стояла парочка зевак, но мороз и присутствие городских стражников мешали им подойти.

Я остановилась, едва вышла за ворота. По другой стороне улицы мимо резиденции мэра шел тот же стражник, что вчера сопровождал Вонвальта в город. Увидев меня, он тоже остановился.

– Доброе утро, – сказал он. Мороз превратил его выдох в облачко пара. На нем, как и на мне, был надет большой плащ, накинутый поверх его доспехов, и по румянцу на его щеках стало ясно, что он на улице уже давно.

Мое сердце затрепетало. Он был хорош собой, с широкими квадратными плечами, широкой квадратной челюстью и хорошими зубами, все из которых были на месте. Будучи сиротой, я росла на улицах и в домах призрения Мулдау, и та суровая, нищенская жизнь ожесточила меня. Однако за два года, которые я провела под отеческой защитой Империи, перенимая утонченные манеры Вонвальта, я снова смягчилась и отчасти вернула себе детскую невинность. Подойди этот парнишка ко мне два года назад, я бы коротко отбрила его и покрыла бы отборной бранью. Теперь же я ощутила, как краснеют мои щеки.

– Доброе утро, – сказала я.

– Как тебя зовут?

– Хелена Седанка, – ответила я. Не зная, куда деть свои руки, я сцепила их перед собой. – А тебя?

– Матас, – сказал он и прибавил: – Акер. Из городской стражи, – как будто это было не очевидно. Желая произвести на меня впечатление, он чуть повернулся так, чтобы продемонстрировать мне свое оружие – дорогой на вид меч в отличных кожаных ножнах. Сейчас я с улыбкой вспоминаю о том, что все-таки впечатлилась. Тогда я была всего лишь глупой девчонкой, очарованной молодым солдатиком.

Повисло неловкое молчание. Я, часто острившая с Брессинджером и Вонвальтом, двумя ветеранами Рейхскрига и агентами Империи, не могла найти слов, чтобы заговорить с юношей из провинции.

– Куда направляешься? – спросил он.

– Сначала в суд, потом в здание стражи, – сказала я. – По официальному делу.

– Какое приятное совпадение, – сказал Матас. – Я тоже иду к зданию стражи. Моя патрульная смена только что закончилась. Может быть, я тебя провожу?

- Как хочешь, - сказала я. Слова прозвучали резко, хотя я этого и не хотела.

Вместе мы побрели по снегу. На улицах было тихо, но те из прохожих, кто все же осмелился выйти наружу под утренний снегопад, часто останавливались, чтобы хоть мельком почтительно поприветствовать Матаса.

- А тебя многие знают, - негромко сказала я.

Он улыбнулся. У него была красивая улыбка.

- Мы стараемся, чтобы горожане замечали наше присутствие, - весело сказал он. - В Долине Гейл страже выделяют много денег. Поэтому мы можем регулярно патрулировать улицы. Лорд Саутер считает, что безопасный город - это процветающий город.

- И давно ты в страже?

Я заметила, что вопрос ему не понравился.

- Не очень давно, - наконец сказал он. - Только шесть месяцев. Видишь ли, нужно достичь определенного возраста, чтобы поступить на службу, - быстро прибавил он.

Мы свернули и прошли мимо рынка, где торговцы и работяги выкладывали товар на прилавки.

- А ты чем занимаешься? - спросил он. - Я видел тебя вчера. Ты работаешь на Правосудие?

- Я его секретарь, - сказала я.

- И тебе это не нравится?

Видимо, тон моего голоса выдал меня. Я посмотрела на Матаса.

- Нет, я довольна, - сказала я. - Это хорошая работа, и она открыла передо мной множество дверей. Сэр Конрад хочет, чтобы я тоже стала Правосудием.

- Я никогда не слышал, чтобы женщины ими становились.

- Такое случается довольно часто, - сказала я. - В правовых вопросах Аутун не видит различий между мужчиной и женщиной. «Все могут быть судимы законом, и все могут его поддерживать», - процитировала я одного старого юриста. Эта фраза была одной из любимых цитат Вонвальта.

- Так ты, значит, ученая, - сказал Матас, хотя по его тону было не понять, отпугнуло его это или нет. Я заметила, что других людей, в особенности мужчин, это часто отталкивало. - И ты бывала там? В Сове?

- Нет, - быстро сказала я. - То есть пока что нет. Когда-нибудь наш маршрут туда приведет, но не раньше, чем через несколько месяцев.

- А давно вы в пути?

- Уже почти два года, - сказала я.

- Пресвятая Нема! Так же нельзя жить.

Я пожала плечами. Мне почему-то захотелось вступить за наш образ жизни.

- Ко всему привыкаешь. И потом, мы делаем важное дело.

- Конечно. Но разве это не тяжело? Когда нет дома, куда можно было бы вернуться?

Я замялась, почувствовав себя неловко. Я не любила рассказывать о своем прошлом незнакомцам, особенно тем, которые мне нравились.

- У меня уже давно не было дома, - сказала я.

- Сочувствую, - сказал Матас.

- А что же ты? - быстро спросила я. - Ты всю жизнь прожил в Долине Гейл?

Он кивнул.

- Моя мать умерла от оспы, когда я был совсем маленьким, но я все еще живу с отцом. Он был ранен, сражаясь с толпами в Марках, и теперь не может ходить.

- Сочувствую, - настороженно сказала я. В разговоре с сэром Радомиром мне пришлось промолчать, но сейчас я этого делать не собиралась. Если Матаса чем-то не устраивало мое происхождение, я бы дала ему отпор, и не важно, нравился он мне или нет.

- Ты ведь толка, верно? - беззлобно сказал он. - Седанка - такие фамилии дают марчанам.

- Верно, - сказала я. - А что? Тебя это заботит? Я еще не родилась, когда Рейхскриг пришел в Мулдау.

- Нет, не заботит, - быстро сказал Матас. - Я не держу на марчан зла. И вообще, мы теперь все подданные Аутуна. Я и сам другой жизни не знал.

Я успокоилась и застенчиво, неискренне улыбнулась ему. Я злилась на саму себя. Матас был хорошим парнем, а я вела себя неуклюже и была плохой собеседницей.

Мы свернули на улицу, которая вела напрямик к Вельделинским воротам. Примерно на четверти пути к ним располагалось здание суда - богато украшенное каменное строение, ошетилившееся турелями с коническими крышами из серого шифера и увешанное промокшими знаменами Совы. Здание стражи находилось чуть дальше, рядом с городской тюрьмой.

- Что ты думаешь об убийстве леди Бауэр? - спросила я, когда мы подошли к зданию суда, понимая, что наша совместная прогулка подходит к концу.

Матас пожал плечами.

– Скверное дело, это уж точно, – сказал он. – Обычно, когда случается убийство, простые люди только и делают, что тычут в других пальцами, и ничем ты их не остановишь. У нас сразу же список подозреваемых становится длиной с локоть. – Матас помедлил. – Сейчас все по-другому. Даже заподозрить некого. Сэр Радомир твердо уверен, что лорд Бауэр, каким бы тяжелым человеком он ни был, не виноват. Никто ничего не видел и не слышал. Мы прочесали всю восточную часть города и не нашли никого, кто бы внезапно разбогател – на случай, если это был неудачный грабеж. И никто не треплет языком, даже когда мы пытаемся их... разговорить, если ты понимаешь, о чем я. Леди как будто просто исчезла. Если бы не трещина в ее черепушке, – он постучал по шлему у виска, – все бы подумали, что она просто оступилась на берегу Гейл и утонула. Река глубокая, и течение у нее опасное. Не зацепись она за корень дерева, сынишка Тома Бевитта ее бы и не нашел.

Я содрогнулась, представив себе, как труп леди Бауэр вертится глубоко под водой, уволаскиваемый течением, и как постепенно от него ничего не остается.

Матас вздохнул.

– Я сам не знаю, что и думать. Но у сэра Радомира есть свои мысли.

– Он подозревает кого-нибудь конкретного? – продолжала допытываться я.

– Не могу сказать, – сказал Матас. – Нема, я и так уже слишком много наговорил. Нам не положено болтать об этом деле. И потом, я почти не имею к нему отношения – у сэра Радомира, в соответствии с указами Совы, есть специальная группа людей, которые занимаются расследованиями.

– Понятно, – сказала я. Мы дошли до здания суда и остановились перед внушительными железными воротами. Наверху возвышалась большая каменная статуя двуглавого волка, зловеще глядящего вдаль. Над ней, на стене, были вырезаны слова на высоком саксанском: «De Jura Nietra Iznia». «Никто не выше закона».

– Ты ведь сказала, что потом пойдешь еще и в здание стражи за записями?

– Да, – сказала я.

– Я могу тебе помочь?

Я знала, что если задержусь еще больше, то пропущу разговор Вонвальта с лордом Бауэром, который был назначен на утро. Вонвальт не хотел слишком долго возиться с этим расследованием.

– Спасибо, но в этом нет нужды, – с сожалением сказала я. – Я лишь ненадолго зайду, чтобы их забрать.

Матас, похоже, расстроился.

- Я бы хотел снова тебя увидеть, Хелена.

Я не подала виду, но мне понравилась его прямота.

- А я - тебя, - ответила я, отчаянно желая, чтобы мы снова встретились.

Он сразу же просиял.

- Вы ведь остановились в резиденции лорда Саутера?

- Да, но у меня почти не бывает свободного времени, - быстро сказала я. - Я могу передать записку в здание стражи, когда в следующий раз освобожусь.

Он кивнул.

- Хорошо.

Мы стояли в снегу и неловко молчали.

- Что ж, тогда до встречи, - смущенно сказала я, теребя свой плащ.

Матас коснулся полей своего шлема.

- До встречи, - сказал он и пошел дальше. Я не знаю, оглянулся ли он, потому что сразу же поспешила в здание суда.

* * *

Я не смогла забрать записи из судебного архива, поскольку их было слишком много, но в здании стражи у меня получилось раздобыть у дежурного сержанта журнал с заявлениями о преступлениях. Затем я поспешила обратно. На улицах уже сталолюдно, и все прохожие выглядели довольно жалко. Я прошла через рыночную площадь и остановилась, чтобы посмотреть на большие храмовые часы, стараясь при этом не обращать внимания на трупы замерзших попрошайек у подножия колокольни. Было уже почти девять.

Я ускорила шаг и добралась до резиденции мэра как раз вовремя - Вонвальт и Брессинджер уже шли по дорожке, ведущей от входной двери к воротам. Оба были одеты внушительно, как и подобало агентам Империи, а сверху на них были накинуты строгие, отороченные мехом плащи.

- Не беги так, Хелена, а то поскользнешься на льду, - раздраженно крикнул мне Брессинджер. Я подозревала, что его мучает сильнейшее похмелье.

- Сэр Конрад, - сказала я. Он резко остановился.

- Да?

Я сказала ему, что не смогла принести учетные книги, хранившиеся в здании суда.

Он явно остался недоволен.

– Сейчас у меня нет времени разбираться с этим, – сказал он. – Я надеялся, что ты проявишь хоть немного инициативы, Хелена. Сегодня утром ты могла бы остаться в хранилище и начать просматривать записи там.

– Простите, – промямлила я. – Мне просто очень хотелось пойти с вами на встречу с лордом Бауэром.

Вонвальт смягчился. Не мог же он злиться, когда я проявляла интерес к нашей работе. Впрочем, он считал – и вполне справедливо, – что мне было интереснее смотреть на то, как суетятся и нервничают лорды на допросе, а не усердно рыться в записях, как это приходилось делать ему. Тем не менее порой он мне уступал, и я всегда была готова этим воспользоваться.

Брессинджер, прищурившись, смотрел на меня.

– Тогда займись делом, – буркнул Вонвальт. – Отнеси этот журнал в мою комнату и захвати с собой свой. Запись допроса у нас все-таки останется, – прибавил он, обращаясь к Брессинджеру.

– Спасибо, – с улыбкой сказала я и поспешила исполнить все, что он велел. Когда я вернулась, то обнаружила, что они не стали дожидаться меня, и мне пришлось узнавать у стражников и местных жителей, как пройти к дому лорда Бауэра. Вонвальта и Брессинджера я догнала уже у ворот.

Лорд Бауэр жил в большом городском особняке, похожем на дом лорда Саутера с единственным отличием – с двух сторон к нему липли другие большие дома торговцев. Всего их было около двадцати, и находились они в одной-двух улицах от гавани, где скрипел и покачивался на ветру лес корабельных мачт. Вонвальт постучал в дверь своим массивным кулаком в перчатке. Вскоре щелкнул засов, и дверь отворилась. Нас встретила служанка в траурных одеждах и с раскрасневшимися глазами. Изнутри повеяло теплом и запахом очага.

– Я – Правосудие сэра Конрада Вонвальта, – мягко сказал он. – Я пришел поговорить с лордом Бауэром. Мне не назначали встречу. Вы не могли бы проводить нас в приемную и попросить его спуститься?

Служанка просто кивнула – как и многие другие, она потеряла дар речи при виде человека, который воплощал собой власть Империи. Мы вошли, и нас безмолвным жестом пригласили в комнату справа от вестибюля. Внутреннее убранство дома походило на убранство резиденции мэра, то есть было дорогим и модным.

Какое-то время мы ждали. Мое сердце колотилось. Я слышала приглушенные голоса – даже в роскошных городских особняках звук хорошо разносился. Судя по тону того, что до нас доносилось, лорд Бауэр был недоволен неожиданными гостями, но, как и все, он не мог не принять нас. Вскоре с лестницы донеслись его шаги.

- Сэр Конрад, - сказал он, появившись в дверях приемной.

- Лорд Бауэр, - сказал Вонвальт, поднимаясь на ноги. Брессинджер и я тоже встали. - Благодарю, что согласились нас принять.

- Не стоит, - сказал Бауэр. Он был почти во всех отношениях непримечательным человеком - среднего роста и телосложения, с обычными волосами и чертами лица, - и поэтому его было трудно отличить от тысяч других сованских подданных. Его кожа была здорового розоватого оттенка, свойственного людям, не знавшим лишений, и он был упитаннее многих, хотя и не страдал избытком веса. Его борода была пострижена по моде, которая, как я слышала, полюбилась самому Императору. Одежда его была явно дорогой.

А еще у него был изможденный вид человека, недавно перенесшего тяжелую утрату.

- Я соболезную вашему горю, - сказал Вонвальт, когда мы все сели.

- Благодарю вас, - сказал Бауэр. Он откашлялся. - Я еще не до конца смирился.

- Конечно, - сказал Вонвальт. - Это естественно.

- Я могу вам что-нибудь предложить?

- Воду, если есть; эль, если нет, - сказал Вонвальт.

- Всем троим?

- Да, благодарю. Это Дубайн Брессинджер, мой пристав; а это Хелена Седанка, мой секретарь.

- Какая увесистая у вас книга, - сказал Бауэр, кивком указывая на журнал, лежавший у меня на коленях. Книга действительно была большой, и я до сих пор ее храню. Именно благодаря таким старым журналам и моим личным дневникам я могу в точности воспроизводить те разговоры, которые произошли уже несколько десятков лет назад.

- Хелена будет записывать нашу с вами беседу, - сказал Вонвальт.

Последовала неловкая пауза.

- Правосудие, я уже говорил с шерифом города.

- А теперь вы поговорите со мной, - сказал Вонвальт.

- Как пожелаете, - сказал Бауэр. Служанка вскоре вернулась и принесла три большие кружки болотного эля.

- Вы не пьете, сэр? - спросил Вонвальт.

- Мой желудок не выносит выпивки, - ответил Бауэр. - Позвольте спросить, сэр Конрад, зачем вы пришли? Я думал, Правосудия занимаются тем, что

проверяют записи в городских архивах и выслушивают мелкие жалобы простолюдинов.

Вонвальт натянуто улыбнулся.

– Я – представитель Императора, – сказал он. – Мои полномочия не имеют границ, не считая тех, что установлены самим законом. Так что убийство вполне попадает в сферу моей деятельности.

Бауэр, казалось, смутился.

– Я не хотел вас оскорбить, сэр Конрад.

– И не оскорбили.

Бауэр прокашлялся.

– Значит, вы расследуете убийство моей жены?

Вонвальт кивнул.

– С помощью сэра Радомира.

– Он подозревает меня, – со злобой сказал Бауэр. – Этот законник так же нечист на руку, как и все остальные.

Вонвальт нахмурился.

– Почему вы считаете, что сэр Радомир вас подозревает?

– Он уже давно пытается меня в чем-нибудь уличить. В каких преступлениях он только не обвинял меня раньше.

– Сэр Радомир когда-нибудь выдвигал эти обвинения в законном порядке?

– Нет. – Лорд Бауэр надулся. – Но пытался. Вы с ним уже разговаривали?

– Да.

– Несомненно, он пытался настроить вас против меня.

– Ничего подобного, – сказал Вонвальт. – Сэр Радомир – страж закона, расследующий убийство вашей жены. Вам следует проявить к нему хоть немного уважения.

– И не подумаю, – сказал Бауэр, но затем пошел на попятную. Он вдруг словно сдулся, как бурдюк с водой, который проткнули кинжалом. – Прошу меня простить, Правосудие. Я не в себе.

Повисла пауза.

– Ничего, – наконец сказал Вонвальт.

Лорд Бауэр косо посмотрел на него.

- Я слышал, что Правосудия обладают особыми способностями. Это правда, что вы можете заставить человека сознаться одним лишь резким словом?

Вонвальт помедлил.

- У меня есть определенные способности, это верно, - сказал он. - Но я не применяю их без веской причины.

- Я слышал, что вы можете говорить с мертвыми, - негромко сказал лорд Бауэр. Воздух словно стусился и стал тяжелее. Я содрогнулась. В прошлом Вонвальт несколько раз проводил сеансы некромантии, но процесс этот был жутким, требовал незаурядного умения и отнимал массу сил.

- Возможно, нам стоит начать с начала, - сказал Вонвальт. - Расскажите мне, что произошло с вашей женой.

- Да, - сказал лорд Бауэр. - С моей дорогой женой. - Он замолчал. Мне на миг показалось, что он сейчас заплачет, однако лорд взял себя в руки. - Наталия пропала три ночи назад. Она пошла на Портняжную улицу, чтобы посмотреть на новые ткани из Грозоды. Зеленый бархат, кажется. Этот цвет сейчас в моде. - Он сделал глубокий вдох. Я была рада, что он останавливался, - паузы позволяли моей руке и кисти возможность отдохнуть от спешного царапанья пером. - Она так и не вернулась. А затем я узнал, что какой-то местный мальчишка нашел ее тело в Гейл.

Вид у Вонвальта был задумчивым.

- С ней кто-нибудь был? До исчезновения?

- Служанка, Хана. - Бауэр махнул рукой, указывая на дверь, явно имея в виду девушку, которая впустила нас и принесла выпивку. - Они были близки. - Он пожал плечами. - Ближе, чем полагается быть хозяйке и прислужнице, - прибавил он.

- Полагаю, в роковой момент Хана и леди Бауэр были не вместе? - спросил Вонвальт.

Выражение лица лорда Бауэра стало недовольным.

- От этой девки никакого проку, - сказал он. - Наталия велела ей вернуться домой и приготовиться к моему возвращению. Большую часть дня я провел на пристани - дюжина человек могут это подтвердить.

- Я это учту.

- Хана оставила мою жену на Портняжной улице. Она ничего не видела. Если верить ее словам.

- Вы ее подозреваете?

Лорд Бауэр пожал плечами.

– Она говорит, что Наталия отослала ее прочь. Мне приходится верить ей на слово. Возможно, так мою жену заманили в ловушку.

– Полагаю, вы ее уже допросили? – спросил Вонвальт с нотками отвращения в голосе.

– Конечно. Но она твердит все то же, несмотря на тумачи. – Я подумала о той девушке, которая принесла нам выпивку. На вид она была на несколько лет младше меня. Мне стало жаль ее. Столь юная служанка вряд ли могла куда-нибудь уйти и была пленницей обстоятельств. Я сомневалась, что у нее рядом была родня. Если лорд Бауэр оставит ее у себя в услужении, то наверняка закрутит с ней интрижку – если уже не закрутил. А когда он наконец выставит ее за порог, она останется на милость городских приютов. Даже если в Долине Гейл подобные заведения содержались лучше, чем те, которые видела я, ее все равно ждала незавидная участь.

– Вы можете назвать лавку, в которой леди Бауэр видели в последний раз? – спросил Вонвальт.

– Нет. Сэр Радомир может. Он и его люди проводили прошлым утром расследование... только толку от этого немного.

Вонвальт помедлил.

– Сэр Радомир говорил мне, что вы подозреваете в убийстве вашей жены своего конкурента, мистера Вогта. Что вы можете об этом рассказать?

Лорд Бауэр замялся.

– В последние несколько дней я многое наговорил сторяча, – осторожно произнес он. – Мы с мистером Вогтом – давние конкуренты. Однажды он обвинил меня в том, что я умышленно сгубил его партии зерна.

– Об этом я слышал.

– Я сразу же решил, что это сделал он. Боюсь, я поторопился.

Вонвальт нахмурился.

– Однако что-то же заставило вас с такой готовностью его обвинить? Сэр Радомир говорит, что вы были совершенно убеждены в его причастности.

– Честно говоря, Правосудие, мне больше никто не пришел в голову. В своем горе я пытался найти любое объяснение, которое имело бы хоть какой-то смысл. У меня нет врагов – в полном смысле этого слова. В Долине жесткая конкуренция, но не настолько, чтобы мы опускались до столь ужасных мер. Мы – деловые люди, а не животные.

– И все же мне кажется странным, что вы вообще упомянули его, если он никак не связан с убийством.

– Правосудие, клянусь вам, – то был бред скорбящего человека. Связи никакой нет.

- Думаю, мы все же побеседуем с мистером Вогтом, - сказал Вонвальт.

- Как вам угодно, - угрюмо сказал Бауэр.

- Однако если мы на время исключим из наших подозрений его и тех, кто на него работает, - сказал Вонвальт, - неужели не останется никого, кто, по вашему мнению, мог бы попытаться совершить подобное?

- Совершенно никого, - сказал лорд Бауэр.

- Вы подозреваете, что произошло нечто иное? Ограбление?

- Откуда же мне знать? Я знаю лишь то, что ее больше нет.

Вонвальт тихо, недоверчиво усмехнулся.

- Весьма примечательно, милорд, что кто-то убил жену видного дворянина, причем столь грубым способом, и не оставил при этом никаких зацепок. Я столько лет служу Ордену магистратов, но ни с чем подобным не сталкивался.

Бауэр беспомощно пожал плечами.

- Я не знаю, что еще вам сказать, Правосудие.

- Хм. - Повисла долгая пауза. Затем Вонвальт сказал: - А что насчет других ваших рабочих связей? Вы ведь деловой человек, верно? Торговец?

- Верно.

- И чем именно занимаетесь?

- Перевозками. Я гарантирую доставку грузов за плату.

- Гарантируете? Каким образом? - спросил Вонвальт.

- Я возмещаю стоимость груза, если он оказывается утрачен.

- Похоже, это рискованное предприятие.

Лорд Бауэр покачал головой.

- Если подходить к делу с умом, то нет.

- И прибыльное, как я погляжу, - сухо сказал Вонвальт, демонстративно оглядывая комнату. - И в ваших делах не было никаких существенных изменений? Вы должны кому-нибудь денег?

- Нет.

- Хорошо, - сказал Вонвальт. - Прежде чем я вас оставлю, не могли бы вы рассказать мне о том, что вы делаете для города? Сэр Радомир говорил, что у вас есть какие-то обязанности в совете?

- Есть, - осторожно сказал лорд Бауэр. - Но они довольно ограниченные.

- Какие, например?

Лорд Бауэр заерзал в кресле.

- Их немного. Я помогаю организовывать некоторые благотворительные мероприятия на налоговые деньги, в качестве попечителя. Еще я помогаю церкви поддерживать приюты для бедноты. Есть и другие мелкие обязанности.

- И здесь тоже никаких затруднений?

- На ум точно ничего не приходит.

- А что насчет вашей семьи? У леди Бауэр остались дети? Я не заметил, чтобы в доме жил кто-то еще.

- У нас был сын, но он скончался от оспы несколько лет назад. Также у меня есть дочь. Она тяжело перенесла смерть своего брата и сбежала в монастырь, чтобы принять религиозные обеты. Я давно ее не видел. Все остальные дети не пережили младенчества.

- Соболезную о вашем сыне, - искренне сказал Вонвальт. - Это жестокая участь - потерять ребенка.

- А потерять ребенка и жену - еще ужаснее, - сказал лорд Бауэр. В его голосе внезапно прозвучала столь глубокая печаль, что я прониклась к нему сочувствием. - Благодарю вас за добрые слова.

- Конечно. Что ж, думаю, на этом мы закончим. Если вспомните что-либо еще, то я остановился у лорда Саутера. А пока мы продолжим наше расследование.

- Я благодарен вам за помощь, сэр Конрад.

- Тогда до следующей встречи.

- До встречи.

* * *

Прежде чем мы ушли, Вонвальт велел мне поговорить со служанкой, Ханой. Я ускользнула прочь, пока Вонвальт и Дубайн натягивали свои плащи и отвлекали лорда Бауэра. Я нашла ее на кухне, где та слонялась без дела. Служанка вздрогнула, когда я вошла.

- Ты ведь Хана? - негромко спросила я.

- Да, госпожа, - сказала она, склонив голову и присев в реверансе.

- Брось это, - сказала я, ненавидя себя за имперские интонации. - Мой господин просил тебе кое-что передать. Он беспокоится о твоём благополучии, теперь, когда ты осталась одна в этом доме. Лорд Бауэр показался нам жестоким человеком.

Хана ничего не сказала, а лишь скрутила руками юбку своего платья.

- Мы пробудем в Долине Гейл несколько недель, - сказала я. - Сэр Конрад говорит, что ты обязана сообщить ему, если лорд Бауэр начнет пытаться приставать к тебе или плохо с тобой обращаться. По законам Совы, принуждать женщину к плотским утехам против ее воли - преступление.

Она покраснела, но ничего не сказала. Впрочем, я и не думала, что скажет.

- Что ж, я передала все, что должна была, - сказала я. - И последнее. Когда ты в прошлый раз видела леди Бауэр? Лорд Бауэр говорит, что вы расстались перед тем, как она пропала.

Хана кивнула. Она начала приходить в себя.

- Леди отправила меня домой, чтобы привести его в порядок, - сказала она. - Разжечь очаги, начать готовить ужин и все такое. Я оставила ее на Портняжной улице. Тогда же я и видела ее в последний раз.

- Ты уверена? Ты не видела ничего подозрительного? За вами никто не шел, например?

- Нет, ничего, клянусь Немой, - сказала она. По ее щекам потекли слезы. Ей понадобилось все самообладание, чтобы продолжать говорить тихо. Я протянула руку и сжала ее плечо, чтобы приободрить, но заметила, что она чуть вздрогнула.

- Хорошо, - сказала я. - Все хорошо. Сейчас мне нужно идти, но ты помни о нашем разговоре, ладно?

Она кивнула, спешно утирая глаза.

- Хорошо, - сказала я, не зная, что еще сказать. С тяжелым сердцем я оставила ее и догнала Вонвальта и Брессинджера у двери.

- Идем, - сказал мне Вонвальт, когда Брессинджер распахнул дверь, впустив внутрь холод. - Нам пора.

Снаружи несколько человек бросили цветы у ворот дома Бауэра и убежали в переулки. Вдали храмовый колокол пробил час дня.

- Проклятье, - пробормотал Брессинджер, когда мы отошли достаточно далеко. - Я отчасти надеялся, что сегодня утром мы покончим с этим делом. Мне думалось, что это он ее убил. Вам не хотелось просто прижать его Голосом?

Вонвальт покачал головой.

- Нет, - с нотками упрёка в голосе сказал он. - По крайней мере, пока нет. Тебе хорошо известно, насколько ограничены возможности Голоса. Лорд Бауэр, может, и не убивал свою жену, но сэр Радомир прав: он ведет себя несколько подозрительно. Применить Голос сейчас, не разобравшись во всем подробнее, было бы неразумно. Ты слышал, как он спрашивал меня об этой силе. Его разум и так уже начеку, а примени я Голос сейчас, в будущем он сопротивлялся бы мне с двойным упорством.

Брессинджер угрюмо хмыкнул.

- Кажется, я никогда этого не пойму.

- Терпение, Дубайн, - сказал Вонвальт. - Скоро настанет время и для решительных действий. А пока нам нужно расставить сети пошире.

V

Недобрые вести

«Закон служит бдительным».

Поговорка сованских законников

Мы покинули дом лорда Бауэра поздним утром и направились в ближайшую таверну, чтобы пораньше пообедать. Местечко было довольно чистым и, учитывая, что трудовой день был в самом разгаре, почти пустым. Однако, когда мы вошли, некоторые посетители все же повернули головы, чтобы поглазеть на нас.

Большая часть таверны была заставлена деревянными скамьями, но в углу расположились и отдельные столы, разделенные перегородками. Вонвальт повел нас как раз к одной из таких кабинок, подальше от любопытных ушей. Мы сели, и через несколько секунд к нам подошел бармен.

- Милорды, - сказал он, лишь немного засомневавшись - было очевидно, что по крайней мере Вонвальт был из знатного сословия. - Для обеда еще немного рановато, но, если желаете, могу предложить вам мясную тарелку? Два пенса на троих.

- Да, благодарю, - сказал Вонвальт. - И принесите эля.

Бармен поспешил прочь. Вонвальт вздохнул.

- Хорошо. Давайте посмотрим, что нам известно. В последний раз леди Бауэр видели, когда она рассматривала грозодский бархат на Портняжной улице. Как минимум служанка, Хана, может подтвердить, что в тот вечер она была именно там. Хелена, служанка сказала что-нибудь, что противоречило бы словам лорда Бауэра?

Я покачала головой.

- Нужно поговорить с хозяином лавки, - сказал Брессинджер.

- Да, я как раз к этому и подвожу, - сказал Вонвальт. - Это первое. Также я хочу подробнее узнать, чем занимается лорд Бауэр. Не знаю, какое впечатление он произвел на вас двоих, но этот человек явно что-то скрывает. И то, что он говорил о Зоране Вогте, очень подозрительно. Сначала он обвиняет его, а затем тут же идет на попятную.

- Я вообще не понял, что он имел в виду, когда говорил, что гарантирует доставку грузов, - сказал Брессинджер.

- Да, - согласился Вонвальт. - Мне показалось, что это больше похоже на азартную игру. Лорд Бауэр делает ставку на то, что груз прибудет в целости, и после забирает деньги, которые заплатил хозяин судна. Я хочу узнать больше о том, как у него получается на этом зарабатывать. Как мне кажется, в такой схеме слишком много лазеек. Возможно, лорд Бауэр все же перешел кому-то дорогу, даже если и сам об этом не догадывается.

- Хелена и я можем расспросить людей в порту. Если у лорда Бауэра получается зарабатывать на этом деле, то наверняка найдутся и другие, кто этим занимается.

- Да, - сказал Вонвальт. - А вы заметили, как неохотно он говорил о своих обязанностях в совете?

- Он сказал, что помогает приютам и занимается благотворительностью.

- Но он говорил и о чем-то еще, - сказал Вонвальт, потирая подбородок. - Хелена, что он сказал?

Я вытащила из своей сумки журнал и нашла нужную страницу. Я сощурилась, разбирая свой торопливый, неровный почерк.

- Благотворительные мероприятия... попечитель... приюты... другие незначительные обязанности, - сказала я, перечитывая свои записи.

- Вот оно, - сказал Вонвальт, кивая. - «Другие мелкие обязанности». Интересно, что же это за обязанности такие?

- Возможно, они слишком заурядны, чтобы упоминать о них? - рискнула предположить я. В подобных беседах мне было трудно понять, приветствовались мои замечания или нет. Порой Вонвальт активно вовлекал меня и Брессинджера в обсуждение, а порой ждал, что я буду сидеть молча и впитывать все сказанное.

- Или вопрос застал его врасплох и он не хотел о чем-то проболтаться.

- Лорд Саутер наверняка знает, - сказала я.

- Да, - сказал Вонвальт. - Конечно, знает. Молодец, Хелена. - Надо признать, что такие маленькие искренние комплименты заставляли меня надуваться от гордости. - Сегодня вечером мы спросим мэра, что он знает об обязанностях лорда Бауэра. Я все равно хотел с ним поговорить.

Мы замолчали, когда трактирщик вернулся с высокими кружками эля и тарелками с ветчиной, посыпанной корицей. Также он принес квашеную капусту и теплый сырный соус с пряностями, который делали во всех уголках Империи. Трактирщик подал гораздо больше, чем обещал, - видимо, за это время он узнал, кто мы такие. Мы жадно набросились на еду.

- Удивительно, - через какое-то время сказал Вонвальт, - что дочь лорда решила уйти в монастырь. Столь суровая жизнь не подходит тем, кто может провести ее в богатстве и роскоши.

Брессинджер хмыкнул.

- Я тоже подумал, что это необычно.

- Тот монастырь показался мне достаточно богатым, - сказала я, вспоминая его высокие стены и башни. Монастырь был похож на крепость, врезанную в склон холма и возвышающуюся над Долиной Гейл. - Возможно, и жизнь там не такая суровая, как в других.

- Да уж, - кивая, сказал Брессинджер. - Учение Немы породило немало толстопузых монахов.

- Говори потише, - сказал ему Вонвальт. - Ты же представитель Короны.

Брессинджер улыбнулся и подмигнул мне. Я никогда не была истово верующей и не испытывала уважения к Учению. Но оно являлось государственной религией Империи, и Вонвальт, будучи ее агентом, не мог прилюдно говорить о нем в уничижительном тоне - и мы, его слуги, тоже не имели на это права.

- Лорд Бауэр сказал, что у него умер сын, - через полминуты молчаливого поедания ветчины сказал Брессинджер. - От оспы, и из-за этого его дочь ушла в монастырь. - Он пожал плечами. - Мало ли что горе может сделать с человеком.

- Возможно, - согласился Вонвальт. - Или, возможно, была другая причина, помимо смерти брата. Лорд Бауэр сам сказал, что она вдруг ощутила тягу к монастырской жизни. И молодежь нынче невозможно набожная - посмотри хотя бы на Клавера. Ему едва двадцать пять, и он уже важный священник.

- Священник с хорошими связями, - заметил Брессинджер.

Вонвальт отмахнулся от него.

- Я не желаю говорить об этом болване. Я и так уже не в духе. - Вонвальта будто что-то тревожило. - Впрочем, теперь, когда ты указал на это, ее

поступок действительно кажется мне более чем странным. Я говорю о девушке.

– Возможно, это просто домыслы, – сказал Брессинджер, пожав плечами.

– Возможно, – согласился Вонвальт, но его голос звучал задумчиво. Он повернулся ко мне. – Ты могла бы расспросить того паренька, с которым гуляла сегодня утром. Стражника.

Я покраснела.

– Мы не делали ничего предосудительного, – с жаром сказала я.

Вонвальт и Брессинджер переглянулись. Увидев их понимающие кривые усмешки, я почувствовала себя маленькой и глупой. И сразу же ощутила, как во мне просыпается Хелена из прошлого, Хелена с улицы: колючая, вспыльчивая и задиристая.

– Я и не говорил обратного, – сказал Вонвальт.

Какое-то время я не позволяла себе говорить. Вместо этого я, как ребенок, ковыряла еду и ждала, когда утихнет мой гнев. Мне понадобилось немало времени, чтобы научиться держать себя в руках, – времени и бесконечного терпения Вонвальта.

– Я не очень хорошо его знаю, – заставив себя говорить спокойно, произнесла я. – И наши дороги вряд ли пересекутся снова.

– Что ж, мы здесь по официальному делу, – сказал Вонвальт, – а молодой парнишка вроде него, состоящий в городской страже, наверняка будет держать ухо востро. Тебе не мешало бы этим воспользоваться. Выясни, не доходили ли до него какие-нибудь слухи о дочке Бауэра. Они наверняка с ней ровесники.

– Это что, приказ? – резко спросила я. И тут же пожалела об этом. Брессинджер, похоже, разозлился.

– А нужно приказать? – спросил Вонвальт.

Я ворочала на тарелке мою ветчину.

– Нет, – сказала я. – Я живу, чтобы служить.

– И я почти тебе поверил, – пробормотал Вонвальт, посмеиваясь над моим колючим ответом. Я заметила, как он подмигнул Брессинджеру, прежде чем снова принялся за еду, но затем нас всех отвлекла внезапно распахнувшаяся дверь трактира.

– Это еще что? – пробормотал Брессинджер. Стоявший в дверях парнишка явно был гонцом и, судя по ливрее, принадлежал одной из тех организаций, что обладали сверхъестественной способностью разыскивать людей. Он увидел, что мы сидим в углу, и сразу же направился к нам.

- Спокойно, - негромко сказал Вонвальт, когда Брессинджер собрался встать. Он повернулся к гонцу. - Вы ищете меня?

- Прошу прощения, милорд Правосудие; извините, что прерываю ваш обед. Но у меня для вас срочное письмо. - Он протянул запечатанный конверт без подписи. Я не смогла разглядеть герб на восковой печати, но по цвету и по ленте поняла, что письмо отправил другой имперский чиновник - возможно, даже другой Правосудие. Вонвальт нахмурился, забирая послание. Ему нередко приходили срочные письма, но на этот раз он точно ничего не ждал.

- Благодарю, - сказал он гонцу, и тот ушел. Вонвальт сломал печать и быстро просмотрел содержимое письма.

- Что там? - не сдержавшись, спросила я.

Вонвальт ответил не сразу. Он сложил письмо и сунул его себе в карман. Вид у него был озабоченный.

- Похоже, у нас возникли проблемы.

- С делом Бауэра? - спросил Брессинджер.

- Нет, - сказал Вонвальт. - С государственными делами. - Он огляделся, но рядом не было никого, кто бы мог нас подслушать. Тем не менее, когда Вонвальт снова заговорил, он все равно понизил голос: - Это письмо отправила Правосудие Августа. Она в Гуличе, ближе, чем я думал. Судя по всему, то, как я... обошелся с патре Клавером в Рилле, привело к гораздо большим неприятностям, чем можно было ожидать.

- «Чем можно было ожидать»! - проворчал Брессинджер. - Вы знали, какие у него политические связи. Нема тому свидетельница, он сам вам об этом столько раз говорил.

Вонвальт стиснул зубы, словно их свело от раздражения.

- Правосудие Августа говорит, что Клавер нашел союзника в маркграфе Вестенхольце. Эти двое, судя по всему, хорошие друзья.

Вестенхольц был могущественным человеком, лордом Моргарда и известным в политических кругах смутьяном. Несколько недель назад мы проезжали через Моргард - крепость была самой северной точкой нашего маршрута, - но тогда маркграф отсутствовал, и мы не стали задерживаться там.

- Вести распространяются быстро, - сказала я. - Моргард и Гулич расположены совсем не близко.

- Августа умеет говорить с животными. Это одна из ее способностей. Полагаю, что по северу уже давно летают одна или две ее птицы, - сказал Вонвальт и помедлил. - Она уделяет много внимания политическому положению Ордена.

- И вам бы тоже не мешало его уделять, - сказал Брессинджер.

Я ожидала, что Вонвальт осадит пристава, но он лишь раздраженно посмотрел на него.

- Ну и что с того? - наконец сказала я. - Вестенхольц может идти лесом. Вы же Правосудие.

- Вестенхольц имеет влияние на млианарских патрициев в Сове, - мрачно сказал Вонвальт. - Млианарские патриции же имеют влияние на саварских храмовников.

Мне были знакомы все эти имена, и ни одно из них не означало ничего хорошего. Млианарские патриции были могущественной фракцией сованских аристократов, которые исторически выступали против династии Хаугенатов, последними представителями которой были внуки императора Кжосича IV. Саварские храмовники были воинственным Орденом ортодоксальных неманцев, которые своими нерегулярными походами против неверных расширяли южные границы Империи в землях Пограничья. Эти две группы на протяжении веков были связаны традициями, деньгами и землями, и сейчас они вместе вернулись к жизни на политической арене.

- Похоже, патре Клавер продвигал интересы саварцев гораздо дольше, чем говорил в Рилле. Он объездил всю Империю, упрашивая лордов расстаться с землями, деньгами, сыновьями и дочерьями ради очередного похода на юг. Августа обеспокоена этим и считает, что поход на юг может с легкостью превратиться в поход на север.

- Она что, считает, будто храмовники пойдут войной на Сову? - спросила я. - Зачем?

Вонвальт пожал плечами.

- Сова уже много раз сталкивалась с вооруженными восстаниями. Млианары - смутьяны, жаждущие власти. Достаточно посмотреть лишь на недавнее прошлое Совы, и ты увидишь, что происходит, когда жаждущие власти смутьяны заключают союзы с армиями фанатиков.

Я втянула воздух сквозь стиснутые зубы.

- Вы одним махом нажили себе слишком много врагов.

Теперь Вонвальт раздраженно посмотрел уже на меня.

- Да уж.

- Nyiza, - Брессинджер выругался по-грозодски и легкомысленно пожал плечами. - Ну и что? Подумаешь, кто-то задел гордость Клавера. Видит Нема, он давно на это напрашивался. Хелена права, вы - Правосудие. Что он сделает? Попытается поквитаться с вами из-за столь мелких обид? Выступить против вас - значит выступить против самого Императора.

- Вот только... - начал Вонвальт, и у меня внутри все сжалось. Мне всегда было спокойнее думать, что власть Вонвальта абсолютна. Услышать от него самого, что у нее есть свои пределы, было крайне тревожно. - Судя по всему, Орден магистратов впал в немилость у Императора. Ни для кого не

секрет, что неманцы уже несколько лет болеют о том, чтобы силы Ордена вернули Храму. Пропади моя вера, даже Клавер об этом не умолкал. А магистру Кейдлеку хватило глупости предложить, чтобы взамен Орден оставили в покое. Императору не понравилось, что Кейдлек пошел на уступки.

Какое-то время я, потрясенная, сидела молча.

– Император не может рассориться одновременно и с млианарами, и с Орденом, – пробормотал Брессинджер. – Это же два из трех Сословий Империи, а третье возглавляет он сам. Так у него закончатся союзники.

– Именно, – сказал Вонвальт и вздохнул. – Из письма ясно, что Правосудие Августа сильно встревожена, и это неудивительно. На власть Ордена уже давно смотрят с завистью. Я всегда придерживался мнения, что когда-нибудь сочетание определенных обстоятельств ограничит влияние Ордена, а вместе с ним и верховенство общего права. Хотя Император и трудный человек, он всегда доверял своим магистратам надзор за соблюдением законов. Если к власти придет некто вроде Вестенхольца или, упаси небеса, какой-нибудь неманец, Аутуну придет конец.

– Но ведь до этого еще далеко? – с надеждой спросил Брессинджер.

– Посмотрим, – ответил Вонвальт, что совсем не обнадеживало. Он вздохнул и снова сел прямо – во время разговора он чуть подался вперед. Затем Вонвальт заговорил уже обычным голосом: – Как бы там ни было, сейчас мы ничего не можем с этим поделать. Идемте, пора приниматься за свои обязанности. Чем скорее мы покончим с делами здесь, в Долине, тем скорее сможем заняться более важными.

VI

Торговые гарантии

«Мало что в нашей жизни вызывает столь же твердую уверенность, как то, что человек пойдет на немыслимые ухищрения, лишь бы получить деньги из ничего».

Философ и юрист Фрэнсис Герехт

Мы быстро закончили обедать и, снова ощутив, что действовать нужно безотлагательно, расстались на выходе из трактира. После письма Августы меня охватило неутолимое любопытство, но я с большим успехом смогла бы

выдавить кровь из камня, чем выпытать что-либо еще у Вонвальта. Впрочем, мне не стоило беспокоиться: в недалеком будущем я стала молить богов, в которых не верила, чтобы получить вести хоть о чем-то – о чем угодно – другом.

Вонвальт хотел отправиться в здание суда и заявить о себе, причем поскорее – кому-то уже могло показаться, что, не появляясь там, он показывает свое пренебрежение. Поскольку наш хозяин был занят, Брессинджер решил, что мы с ним отправимся на пристань.

Мы пробирались по холодным, покрытым талой слякотью улицам к лесу мачт, который я видела перед этим. Воздух наполняли крики матросов и докеров, а улицы были загружены торговыми повозками. Стражников и констеблей здесь было предостаточно, и они внимательно приглядывали за драгоценной жемчужиной города.

Мы вышли из-за угла большого склада. За ним находился порт. Он был не самым большим из всех, что я видела, – это звание принадлежало Имперской морской верфи в Моргарде, – но он точно оказался самым загруженным. На воде теснились торговые котги и суда поновее – каракки, некоторые из них были высотой с трехэтажный дом. Качаясь на волнах, они скрипели и стонали натянутыми, набухшими от воды снастями. Многие корабли стояли под флагами Аутуна, но были и другие, над которыми развевались диковинные флаги далеких, не входящих в состав Империи стран, о которых я почти ничего не знала.

Воды порта были такими же коричневыми и вонючими, как и питавшая их река. Судя по всему, сюда выходила городская канализация. Если в гавани Моргарда пахло морской солью, то здесь, несмотря на холод, от воды разлило дерьмом. Мы шли по краю пристани, стараясь не путаться под ногами рабочих, разгружавших и загружавших корабли.

Чуть дальше на пристань выходили фасады нескольких питейных заведений, и мы нырнули в первое попавшееся. Оно мало походило на таверну, в которой мы только что обедали. Пол покрывали тростниковые циновки, от которых воняло прокисшим пивом, а единственный зал был забит длинными столами на козлах из дешевого дерева. В заведении яблоку было негде упасть, и среди посетителей, снося хамство и распускание рук, сновали многострадальные женщины с подносами болотного эля.

– Мадам, – обратился Брессинджер к проходящей мимо работнице. Грозодский акцент и черты лица пристава выделяли его из толпы хаунерцев.

– Да? – спросила она, смерив Брессинджера взглядом с головы до ног. Скорее всего, увидев его богатую одежду, она стала прикидывать, сколько денег сможет с него содрать.

– Я хочу поговорить с торговцем, который занимается гарантированием грузов, – сказал Брессинджер и достал из кошелька гроут. – Не привлекая лишнего внимания.

Женщина потянулась было за монетой, но Брессинджер ловко отвел руку в сторону.

- Отдам после того, как поговорю с ним.

Женщина, казалось, обиделась.

- Стол в самом конце, - сказала она. - Там ведутся дела. - Она прищурилась, глядя в ту сторону и не обращая внимания на подзывавших ее посетителей. Затем она указала на мужчину, сидевшего с краю стола. - Я точно знаю, что мистер Лоренц занимается чем-то подобным. Но подробности мне неизвестны.

- Благодарю, - сказал Брессинджер и, вопреки собственным словам, отдал ей монету.

Мы подошли к мужчине, на которого она указала. Тот пил в одиночестве и просматривал какие-то бумаги. Окинув взглядом длинный стол, я увидела, что остальные торговцы сидели точно так же, все с одной стороны. Двое из них вели переговоры с капитанами кораблей. У стены стояли несколько вооруженных верзил. Они настороженно смотрели на нас.

- Мистер Лоренц? - спросил Брессинджер.

- Да? - почти приветливо ответил мужчина. На вид он был грозодцем, смуглым, одетым в дорогой красно-желтый дублет из овечьей шерсти. Его шапочку венчало большое перо какой-то диковинной птицы - какой именно, я понять не могла. Минуту или две он и Брессинджер говорили на грозодском, болтали и смеялись, словно знали друг друга всю жизнь, пока Брессинджер наконец не вытащил грамоту, подтверждающую его полномочия.

- Я - представитель Короны, - теперь Брессинджер заговорил на старом саксанском, чтобы я могла его понять. - Я бы хотел задать вам несколько вопросов.

Лоренц внимательно изучил грамоту.

- Я уже наслышан о вашем господине, - сказал он, тоже перейдя на саксанский. - Могу вас заверить, что мои сделки честны и прозрачны и все налоги я уплачиваю в срок. Вы можете проверить документы в здании суда.

Мы с Брессинджером сели.

- Я пришел не за этим, - сказал Брессинджер. - И не для того, чтобы заключить с вами сделку. Я бы хотел, чтобы вы мне кое-что объяснили - простыми словами, как если бы говорили с дураком.

Лоренц приподнял бровь.

- Постараюсь сделать все, что смогу. Я - верный подданный его величества. - Я заметила, как он едва уловимым жестом приказал одному из верзил расслабиться.

- И вы никому не расскажете о нашем разговоре, - предупредил Брессинджер.

Лоренц понимающе склонил голову.

– Сегодня утром мы беседовали с лордом Бауэром, – понизив голос, начал Брессинджер. – Он поведал нам о своем деловом предприятии. О том, что он гарантирует грузы в обмен на плату.

– Такая практика встречается довольно часто в других частях света, – сказал Лоренц. – В ней нет ничего противозаконного.

– Меня интересует не ее законность, – нетерпеливо сказал Брессинджер. – Я хочу понять, как именно это работает.

– Как вам угодно, – сказал Лоренц. Он оглядел стол, взял стакан и кружку и поставил их перед собой. – Представьте, что мне нужно отправить груз ткани из Лиендау в Венланд. Как я могу это сделать?

– Я не торговец, – мрачно сказал Брессинджер. – География Империи меня мало интересует.

– Ясно, – сухо ответил Лоренц. Я подавила желание улыбнуться. – Я мог бы отправить его на восток, пройти между Лотгаром и Гвородской степью, затем выйти к Нефритовому морю. Или я могу пройти по реке Треба, миновать Хассе и герцогство Ковоск. Если груз слишком тяжел, я могу отправиться в сторону Денхольца, пройти на юг мимо Грозоды, затем выйти к Гралльскому морю. Три совершенно разных маршрута, и у каждого – свои риски. Я могу столкнуться с северянами или пиратами, корабль может налететь на камни, в море нас может застать шторм, а в реке мы можем сесть на мель... ну вы меня понимаете.

– Да, – сказал Брессинджер.

– Многие корабли пройдут, и с ними ничего не случится, но некоторым не повезет. Каждый рейс, в который отправляется корабль, может стать для него последним.

– Это понятно.

– Давайте представим, что мы все же решили отправить груз из Лиендау. Торговец заплатит за груз двадцать крон.

Я выпучила глаза. Двадцать крон за трюм ткани! Это была невероятная сумма. Неудивительно, что недавно возникший класс торговцев мог позволить себе строить огромные дома из дерева и кирпича, со стеклянными окнами и множеством очагов.

– Если корабль утонет, то торговец потеряет эти деньги, – сказал Брессинджер. – Это я понимаю.

– Верно, – сказал Лоренц. – Поэтому, чтобы.. снизить убытки, торговец заплатит человеку, занимающемуся гарантированием грузов.

– Он заплатит ему двадцать крон? – спросил Брессинджер.

– Нет! – Лоренц рассмеялся. – Это было бы равносильно тому, что корабль пошел на дно. Как бы ни завершился рейс, торговец все равно потеряет двадцать крон. Нет, вместо этого он заплатит лишь часть суммы, которая

рассчитывается с учетом всех различных рисков: времени года, маршрута, самого груза, состояния судна, охраняется ли оно вооруженным отрядом и так далее.

- Значит, сэръ Конрад был прав; это занятие сродни азартным играм.

- Да, если Правосудие сделал такое сравнение, то он недалек от истины. Гарант делает ставку на то, что корабль доберется до пункта назначения в целостности и сохранности, и, если это происходит, он забирает уплаченные деньги себе. Торговец же, при условии, что он соблюдает условия договора - например, он не должен отклоняться от согласованного маршрута, - покупает себе душевное спокойствие, поскольку, если с судном что-то случится, гарант возместит ему его стоимость. Иногда гарант может даже заслать на корабль своего шпиона, чтобы убедиться, что оговоренные условия перевозки соблюдаются. Я знавал и конную эстафету гонцов, которая подряжалась на такую работу.

- Ясно, - сказал Брессинджер. - По-моему, гарант получает деньги ни за что.

Лоренц подмигнул.

- Вам так кажется, мой друг, потому что большую часть времени так и есть. Однако эта торговая сделка ничуть не отличается от других, и ее заключают деловые люди, которые держат руку на пульсе жизни. Как я и сказал, в этом нет ничего противозаконного.

- И именно этим занимается лорд Бауэр?

- Да. Он не единственный, кто предоставляет подобную услугу, но, насколько мне известно, он за короткий срок сколотил на таких сделках огромное состояние.

Я заметила, что один из торговцев, сидевших с нами за столом, вслушивается в наш разговор, хотя мы и говорили тихо. Я несильно ткнула Брессинджера в бедро.

- Я знаю, - тихо сказал он мне, а затем снова повернулся к Лоренцу. - Благодарю, что уделили нам время, мистер Лоренц. Я больше не стану вас отвлекать.

Торговец склонил голову.

- Я всегда рад оказать услугу Императору.

Мы вышли из трактира. Даже холодный воздух пристани с его тлетворным душком показался мне приятнее стоявшего в таверне зловония. Мы быстро пошли обратно, двигаясь той же дорогой, и остановились лишь для того, чтобы Брессинджер мог спросить у прохожего, как пройти на Портняжную улицу.

- Что думаешь? - спросил он, когда мы зашагали по слякоти.

– Думаю, что все ясно, – сказала я. – Сэр Конрад раньше уже рассказывал о сложных денежных махинациях, которые проводятся в Сове.

– Ага, – ответил Брессинджер. – И чего только люди не придумают, когда появляется возможность заработать денег. – Мы миновали двух стражников в ливреях, и на лице Брессинджера появилась ехидная ухмылка. – Ты, наверное, ждешь не дождешься, когда снова увидишься со своим кавалером?

– Никакой он мне не кавалер! – огрызнулась я, прекрасно осознавая, что именно такой реакции он и добивался.

– Пока еще нет, – согласился Брессинджер. – Только я видел, как ты смотрела на него вчера. Я же тебе говорил – такой парнишка тебе неровня. Ты же состоишь на службе у Императора.

– Уж лучше бы не состоялась, – буркнула я.

Брессинджер внезапно остановился и резко повернулся ко мне.

– Думай, что говоришь! – прошипел он. – Глупая девчонка. – Я совершенно опешила; Брессинджер часто бывал угрюм, но его настроение редко менялось так внезапно и столь кардинально. Думаю, он и сам себе удивился, потому что я сразу же прочла на его лице сожаление. Пристав смягчился. – Нельзя тебе так трепать языком, – немного лицемерно сказал он. – Особенно так близко к Гуличу.

– Критиковать Императора не преступление, – сказала я.

– Да, но только на словах, – сказал Брессинджер. – Ты ведь слышала, что он за человек.

– Хм, – недовольно промычала я.

Брессинджер выпрямился и огляделся.

– Мы – его представители, – сказал он. – Ты не можешь так говорить, особенно на людях. И вообще, Хелена, подумай, что бы почувствовал сэр Конрад, услышь он от тебя такое?

Вот Брессинджер и назвал настоящую причину, почему он так быстро и так сильно вспылит. Ему не было дела до того, что я оскорбила Императора, – Нема тому свидетельница, он и сам частенько делал то же самое.

Я вздохнула, постепенно остывая, и сказала:

– Я знаю. – Чувствовала я себя отвратительно, и, должно быть, это отразилось на моем лице, потому что Брессинджер подошел и положил руки мне на плечи.

– Я знаю, о чем ты думаешь, – сказал он. – Ты молода, тебе не сидится на месте, и тем, что тебе пришлось пережить в юности, мог бы гордиться сам князь Преисподней Казивар. Но не позволяй своим порывам загубить тебя. Под покровительством сэра Конрада тебя ждет жизнь, полная богатства и привилегий.

– А что, если мне не нравится наша работа? – Эмоции переполнили меня и вместе со словами выплеснулись через край, как пена из наскоро налитой пинты. Мне внезапно захотелось плакать от злости, досады и стыда.

Брессинджер не смог скрыть охватившую его тревогу – у него было слишком выразительное лицо. Но, учитывая, насколько близки мы стали за эти два года, он должен был ослепнуть, оглохнуть и отупеть, чтобы не заметить, как сильно за последние несколько месяцев изменился мой настрой.

– Но ведь ты все схватываешь на лету, – с убеждением сказал он. – Только вспомни, с чего ты начинала. – Он огляделся, словно ища правильные слова в холодном воздухе вокруг нас. – Я не должен тебе этого говорить, но сэр Конрад мне все время тебя нахваливает. Он гордится тобой так, как гордился бы любимой дочерью.

Я не хотела этого слышать. Он не сказал ничего, чего я бы не знала. Я прекрасно осознавала, как Вонвальт ко мне относится и что он чувствует по отношению ко мне. Именно из-за этих чувств – из-за его гордости, его отеческой любви и желания видеть, как я добиваюсь успеха и становлюсь лучше, – я и испытывала такие душевные муки. Я уже объездила гораздо больше уголков Империи, чем доводилось увидеть большинству. И я видела ту нищету, в которой это большинство жило. Проклятье, да я и сама столько лет провела в Мулдау, живя в холоде, неуверенности и страхе. Брессинджер был прав; мне нужно было лишь продолжать трудиться, и когда-нибудь меня отправили бы в Орден, чтобы я закончила там обучение и сама стала Правосудием.

Однако я просто не могла с этим смириться. Я считала работу законника кропотливой и в основном нудной. Посвятив себя ей, я могла превратиться в кого-нибудь вроде Вонвальта – сурового, мучимого своей некромантией, вынужденного иметь дело с людьми вроде сэра Радомира и патре Клавера и наводящего ужас на простых людей. Его жизнь, проводимая в странствиях, казалась мне немного печальной, ведь он был лишен любви хорошей женщины и места, которое мог бы назвать домом. И чем дольше я сама так жила, тем больше мне хотелось освободиться. Пусть у Вонвальта были богатства и привилегии, но ни то ни другое не приносило ему счастья.

– Брось, Хелена, – осторожно сказал Брессинджер, пытаясь определить источник моего недовольства, подобно рыбаку, который забрасывает леску в мутный омут. – Мужчины Совы не похожи на мужчин из провинций. Говори об Аутуне что хочешь, но с женщинами они обходятся как с равными. Ты сможешь найти там множество достойных кавалеров. Мужчин, с которыми ты сможешь раскрыться и которые будут тебя уважать.

– Хорошо, Дубайн, – сказала я, раздосадованная, расстроенная и стремящаяся поскорее закончить этот разговор.

– Ты ведь еще не прыгнула в постель к тому пареньку? – внезапно спросил Брессинджер.

– Нема! – выругалась я. – Да когда бы я успела? Мы и пяти минут в Долине не пробыли! – Брессинджер продолжал смотреть на меня с каменным лицом. Я

стиснула зубы. – Нет, а даже если бы и прыгнула, то это было бы не твоего ума дело!

– Смотри, чтобы и дальше ни-ни, – строго сказал Брессинджер, которого ничуть не смутило мое возмущение. – Если он тебя обрюхатит, сэру Конраду придется найти себе нового секретаря, и будет уже не важно, захочешь ты остаться или нет.

Он отвернулся и пошел дальше в сторону Портняжной улицы. И я была рада тому, что он ушел, – если бы Брессинджер остался, то я наговорила бы ему такого, отчего вылетела бы из услужения Вонвальта и безо всякой беременности.

* * *

Лавку на Портняжной улице мы нашли только с третьей попытки, поскольку портных, швей и разнообразных торговцев тканями там было хоть пруд пруди. Владелец лавки был суетлив, носил очки и явно сделал удачную ставку на грозодский бархат – торговля у него шла очень бойко. Его лавка была набита женами состоятельных торговцев и их служанками так же, как таверна на пристани любителями выпить.

Торговец был измотан, наши имперские грамоты его ничуть не впечатлили, и мы слишком долго выуживали из него ответы. Его уже допрашивали люди сэра Радомира, и он смог лишь подтвердить, что леди Бауэр посетила его лавку вместе с Ханой, что они выбирали бархат и что леди Бауэр велела Хане уйти прежде, чем ушла сама. Когда мы снова вышли на Портняжную улицу, день уже клонился к вечеру. Солнце висело так низко, что почти спряталось за гряды Толсбургских Марок, а талая слякоть на улицах уже снова начала замерзать. Словно и этого было мало, тучи снова затянули небо, и в воздухе закружились снежинки, гонимые пронизывающим ветром.

Мы поспешили вернуться в резиденцию лорда Саутера. Вонвальт уже был там. Я надеялась, что мы успеем еще немного обсудить содержимое письма Правосудия Августы, однако сразу же услышала, что Вонвальт с кем-то разговаривает. По-видимому, лорд Саутер уже вернулся. Брессинджер и я скинули с себя плащи, Брессинджер снял свой меч, а затем слуга провел нас в главную приемную – уютную, теплую комнату, обставленную дорогой мебелью.

– А, вот и вы, – сказал Вонвальт, когда мы оказались в дверях. Тепло постепенно возвращалось в мою кровь, и мое лицо покалывало с мороза.

– Добро пожаловать в мой дом, – сказал грузный лысый мужчина, который, по всей видимости, и был мэром. – Сэр Конрад рассказал мне о вас двоих. Вы, должно быть, Дубайн и Хелена.

Мы поклонились.

- Сир, - сказал Брессинджер.

- Проходите, садитесь, - сказал Саутер. Он показался мне приятным человеком, а не суровым, как я ожидала. Я сразу же поняла, почему люди вроде сэра Радомира его недолюбливали. Несмотря на его добродушие, мэр все время нервничал, и было легко представить, как его осаждают властные торговцы и лорды, каждый из которых пытается склонить его к своей воле.

Мы сели. Нам предложили еду и выпивку. Я увидела, что Вонвальт пьет вино - горячее и со специями, - и потому мы с Брессинджером оба благодарно согласились выпить. Однако правила этикета обязывали меня, несмотря на урчание в желудке, отказаться от еды, поскольку ни Саутер, ни Вонвальт не ели.

- Мы как раз собирались обсудить убийство леди Бауэр, - сказал Вонвальт, и я поняла, что мы с Брессинджером пропустили лишь пустую болтовню в начале разговора.

- Да, да, - сказал лорд Саутер, заламывая свои пухлые руки. - Страшное дело. Вся Долина потрясена. И ни одного подозреваемого.

- Вы правильно сделали, что поспешили сообщить мне об этом деле, - сказал Вонвальт, отпив вина. - Хотя шериф Радомир впечатлил меня своим ревностным стремлением к поддержанию законности и правопорядка.

Лорд Саутер чуть поджал губы, услышав имя шерифа.

- Ревностным - это вы верно подметили, - сказал он и немного поерзал. - Откровенно говоря, Правосудие, я был рад слышать о вашем приезде. Вы слывете просвещенным и мудрым человеком. Сэр Радомир же, хотя и стал дворянином в силу своей должности, так и остался грубым и неприятным типом.

- Очевидно, друзьями вас не назвать.

Лорд Саутер вздохнул.

- По правде говоря, сэр Радомир сохраняет свой пост лишь благодаря моему покровительству, хотя он сам и не знает об этом. Он успешно следит за соблюдением законов; даже слишком успешно, по мнению некоторых, если вы меня понимаете.

Вонвальт утвердительно склонил голову.

- Он мне не друг, это вы точно сказали, но порой ради общего блага нам приходится быть выше личной неприязни. Преступность следует за деньгами как хвост за собакой, а в Долине Гейл денег очень много. Чтобы поддерживать порядок в подобном месте, нужны люди определенного склада характера.

Вонвальт был впечатлен.

– Столь самоотверженная позиция достойна восхищения, – сказал он. – Немногие на моей памяти поступили бы так же. Тщеславие слишком часто берет верх над здравым смыслом.

Комплимент был приятен Саутеру, но он мог принять его лишь усталым пожатием плеч.

– Рейхскриг породил множество злодеев, сэр Конрад, и злодеи эти с тех пор стали дворянами. Но наличие благородного титула не делает никого благородным человеком.

Вонвальт печально улыбнулся.

– Я прежде слышал о Долине Гейл, – сказал он, – но город не всегда слыл крупным торговым узлом.

– Нет, он стал таковым лишь в последние лет десять, с тех пор как построили новую пристань. Все дело в глубине русла Гейл. Новые морские карраки – чудо, а не суда, они могут перевозить много тонн грузов, но им нужны глубокие воды, иначе они не пройдут. Гейл, в отличие от других рек, достаточно глубока, чтобы они могли по ней пройти. И течет она почти до самой Совы. Все это приносит просто ошеломительный объем денег. До того как я стал мэром Долины, я и в глаза не видел золотой кроны; теперь же карраки еженедельно привозят сюда грузы стоимостью в сотни крон. Даже с низкими акцизными сборами казна практически переполнена.

– Вы направляете эти деньги на работы?

Саутер кивнул.

– Мы можем поддерживать стены города и все башни в очень хорошем состоянии и оплачивать снаряжение, вооружение и содержание большого гарнизона стражников. Вы ведь уже видели здание суда?

– Видел. Здание новое и в сованском готическом стиле. Должно быть, оно стоило небольшого состояния.

– Верно, и оно полностью окупилось. Практика торгового права у нас просто расцвела.

– Я рад это слышать. Все, что я видел, не вызвало у меня ни малейших замечаний – а мои спутники могут подтвердить, как редко я это говорю.

– Это воистину высокая похвала, – сказал Брессинджер, и мы все рассмеялись.

– Осмелюсь сказать, что, не случись убийства леди Бауэр, мне было бы здесь совсем нечем заняться, – сказал Вонвальт, и безрадостный настрой быстро вернулся, подобно мокрому одеялу, наброшенному на огонь.

– Да, – сказал Саутер. – Мы были сильно потрясены. В Долине, конечно, случаются убийства, как и в любом городе, но чтобы жену лорда... Это неслыханно.

- Именно, - сказал Вонвальт. - Сегодня утром я поговорил с лордом Бауэром, и мы уже опрашиваем свидетелей совместно с людьми сэра Радомира. Подобные преступления необходимо расследовать быстро, чтобы была хоть какая-то надежда то, что правосудие свершится.

- У вас есть предположения, кто мог это совершить? - с надеждой спросил Саутер.

- Нет, - просто ответил Вонвальт. - Но дело уверенно продвигается. Вы, наверное, понимаете, что, добросовестно проводя расследование, мне приходится держать кое-какие детали в тайне.

- Конечно, конечно, - ответил Саутер. - И ваши... способности помогут с расследованием?

- Помогут, - сказал Вонвальт, - если возникнет необходимость их использовать.

Саутер на мгновение открыл и закрыл рот.

- Мистер Макуиринк сказал, что вы не стали применять к убитой некромантию?

- Не стал, - терпеливо сказал Вонвальт. - Обстоятельства были далеки от идеальных. Каким бы могущественным инструментом ни была некромантия, боюсь, для того чтобы она сработала, многое должно сложиться нужным образом.

- Н-например?

Вонвальт поджал губы.

- Если человек был хорошо расположен ко мне, если он был убит чисто и недавно и если голова более-менее цела, тогда я могу поговорить с ним, как сейчас говорю с вами.

Саутер не сдержался и содрогнулся.

- А если нет?

- Бросьте, лорд Саутер, мы так приятно проводили вечер. Мне бы не хотелось его портить, - мягко сказал Вонвальт.

- Тогда не расскажете ли о других своих способностях? - не унимался Саутер. Он нарушал все правила приличия, но Вонвальт видел в мэре союзника и, будучи в хорошем настроении, не стал ему отказывать.

- У меня их лишь две; вторая - это Голос Императора. Большинству Правосудий хватает сил только для поддержания двух способностей. Даже Магистр Кейдлек, насколько мне известно, владеет лишь тремя. Некромантия встречается реже всего, и, как следствие, практикуют ее немногие. Однако, как я уже говорил, в большинстве случаев нам хватает власти, данной нам Императором, и могущества общего права.

- Но не в этом случае?

- Еще посмотрим.

Саутер неуверенно заерзал.

- Конечно, убийство могло быть и случайным, - сказал мэр, пытаясь хоть как-то себя успокоить. - Например, ограбление пошло не так, как планировалось.

- Возможно, - согласился Вонвальт. - Такое случается довольно часто. Кстати, я был бы вам признателен, если вы предоставите моей помощнице список членов совета и их обязанностей, как основных, так и второстепенных.

Глаза Саутера чуть расширились.

- Неужели вы подозреваете кого-то из совета?

Вонвальт отмахнулся.

- Нет, эти сведения нужны мне как представителю Империи, в рамках моих обычных обязанностей и текущих дел.

Саутер с облегчением поверил в ложь.

- Как пожелаете. Такие списки хранятся в моем кабинете. Я с радостью сделаю для вас копию.

- Благодарю, - сказал Вонвальт.

- И, естественно, мой кабинет в вашем распоряжении, - прибавил Саутер.

- Я знаю, - ответил Вонвальт. Он выглянул в окно. Дневной свет уже окончательно померк, и тьма снова окутала город. По стеклу постукивали хлопья снега. - Уже поздно. Я вас сильно задержал, - сказал он Саутеру и встал.

- Пустяки, сэр Конрад, - быстро сказал мэр, тоже поднимаясь. - Вы хорошо устроились? У вас есть все, что необходимо?

- Да, - ответил Вонвальт. - Если позволите, сэр, сегодня вечером я поужинаю в своей комнате. Мне нужно заняться кое-какими делами, и это займет несколько часов. Вы не прикажете принести мне свежих свечей?

- Конечно.

- Моей помощнице они тоже понадобятся, - прибавил Вонвальт, и я пала духом, хотя и ожидала этого. Вонвальт наверняка хотел, чтобы я просмотрела журнал, который получила в здании стражи. Я же надеялась, что он займется этим сам.

Саутер согласно кивнул.

- Что ж, хорошо. На этом все. Спокойной вам ночи, - сказал Вонвальт.

- Спокойной ночи, - сказал Саутер. Мы простились с ним и поднялись наверх, где нас ждало длительное ночное чтение.

VII

Полуночная погоня

«Покушение на жизнь представителя государства есть покушение на само государство.

Все, что мешает законному, размеренному течению жизни цивилизации, должно искореняться без колебаний».

Правосудие Иоганн Кейт

Что-то разбудило меня посреди ночи. Я закончила читать лишь несколько часов назад, и мои глаза еще не успели отдохнуть.

Я оглядела комнату. После пробуждения я всегда несколько секунд собиралась с мыслями. За последние два года мы останавливались во множестве различных мест, так что я привыкла, просыпаясь, несколько мгновений не понимать, где нахожусь, - насколько к этому вообще можно было привыкнуть.

В тот раз я спала необычайно крепко, и мне понадобилось больше времени, чем обычно, чтобы узнать дорогое убранство дома лорда Саутера. Снаружи все еще было темно. Понять, который час, у меня не получилось, но я увидела тусклый отблеск лунного света, озарявший штукатурку у занавесок.

По тому, как прогнулась кровать, и по доносившемуся из-под одеяла запаху перегара я поняла, что когда-то среди ночи в комнату вернулся Брессинджер. Удивительно, но он не разбудил меня. Я повернулась, чтобы посмотреть на пристава - у меня вошло в привычку проверять, не болен ли он, причем делала я это как для его, так и для моего собственного блага. К своему удивлению, я увидела, что его глаза открыты и он смотрит в потолок.

- Дубайн? - прошептала я. Он был теплым, и, хотя выглядел так, будто его высекли из камня, чутье подсказывало мне, что он не мертв - хотя, видит Нема, в тот миг он очень походил на мертвеца. Несмотря на оклик, он не

пошевелился. Я продолжала сверлить его взглядом, и он наконец тихонько помотал головой.

Я не поняла намека.

- Дубайн? - настойчиво позвала я. Он снова помотал головой, на этот раз энергичнее. Я совсем не понимала, чего он хочет.

- Дубайн! - прошипела я. На этот раз пристав чуть пошевелился.

- Да закрой же ты рот и, ради Немы, не шевелись, - прошептал он сквозь стиснутые зубы.

Я возмущенно отшатнулась. Повернувшись на бок, я приподнялась на локте и посмотрела на него.

- Не смей так со мной гово... - начала было я, и тут же, к моему невероятному удивлению, Брессинджер извернулся, как испуганный кот, и сильно оттолкнул меня обеими руками.

Я слетела с кровати и с изяществом мешка с дерьмом хлопнулась на холодные деревянные половицы.

- Да что ты, Казивар тебя подери, творишь? - завопила я, вскакивая на ноги. Я была вне себя и собиралась наброситься на него, когда увидела, что меня уже кто-то опередил. Брессинджер метался по кровати как одержимый. Он что-то сжимал в левой руке, и несколько секунд мне казалось, что это ремень. Лишь когда пристав перекатился на другую сторону кровати и приложил тварь головой о стену, я поняла, что это змея.

Меня передернуло от отвращения и затошнило. Я пришла в ужас при мысли о том, что находилась в одной комнате - да что там, в одной кровати! - с этой тварью.

- Чтоб меня... Откуда она взялась? - сдавленно спросила я. Мое сердце колотилось так сильно, что казалось, вот-вот вырвется из грудной клетки.

Брессинджер пропустил вопрос мимо ушей. Он схватил свой меч и с такой силой распахнул дверь комнаты, что ручка оставила на стене вмятину.

- Дуба... Куда ты идешь? - окликнула его я, но он уже выскочил за дверь и бросился по коридору. Я обежала изножье кровати и помчалась за ним. - Подожди! - отчаянно крикнула я, не желая оставаться в комнате одна. Брессинджер не стал ждать. Оказавшись у двери Вонвальта, он врезался в нее плечом, распахнул и так ловко взмахнул своим мечом - грозодским, со сложным закрытым эфесом, - что я услышала свист рассекаемого воздуха.

- Там! У сундука! - послышался крик Вонвальта. Я вбежала в его спальню и увидела, что он стоит в оконном проеме в одной ночной рубашке. Он так сильно вжимался в раму, что мог выдавить окно, упасть и разбиться насмерть с тем же успехом, как и погибнуть от укуса змеи. Сама тварь, свернувшаяся у сундука из красного дерева, была примерно два фута в длину, с грязновато-коричневыми отметинами, почти незаметными в тусклом лунном свете. Если бы Брессинджер не отреагировал столь отчаянно и резко,

я бы подумала, что она неопасна. Пристав не терял времени и расправился с ней: он пронзил череп змеи острием меча, мгновенно умертвив ее, после чего еще несколько раз рубанул по ней, просто на всякий случай. Затем он поднял глаза на Вонвальта.

- Вас укусили? - спросил Брессинджер и шагнул к нему. - Ну же, говорите!
- Его грудь тяжело вздымалась от внезапных, стремительных действий, а глаза были выпучены и полны отчаянной тревоги. Брессинджер редко поддавался панике; теперь же он, казалось, наполовину обезумел от нее.

- Что происходит? - спросила я, переводя взгляд с Вонвальта на Брессинджера и на мертвую змею. - Она ядовитая? Она вас укусила?

- Нет, - сказал Вонвальт, спускаясь с подоконника. Я видела, что он немного смутился из-за того, что запрыгнул на него. - Я в порядке. - Он подошел к мертвой змее и присел рядом с ней.

- Грозодский аспид, - хриплым голосом сказал Брессинджер. Он приподнял тело кончиком меча, показывая едва заметные черные полосы на брюхе змеи. Остальное тело было грязно-коричневым. - Гадюка. В нашей комнате была такая же.

- Значит, она ядовитая? - спросила я.

- Смертельно, - прорычал Брессинджер. Он упер острие меча в половицы и прислонился к стене. - Кровь Немы, да взрослому мужчине стоит лишь оцарапать ее клык, и за час его не станет.

- Они мигрируют? - спросил Вонвальт. Он откинул крышку сундука и вытащил свой собственный короткий меч.

Брессинджер не понял вопроса.

- Что? К чему вы это? - выдохнул он.

Вонвальт решительно зашагал к двери.

- Мне кажется маловероятным, чтобы две такие змеи самостоятельно проделали сюда такой путь. - Он кивком указал на окно. - Идемте. Если поторопимся, то еще сможем поймать того, кто их подбросил.

Мы не раздумывая пошли за ним и быстро пересекли дом лорда Саутера. Шум разбудил большую часть слуг, но Вонвальт в своей властной манере велел им вернуться обратно в комнаты. Очень скоро мы оказались на улице, в леденящем холоде Долины Гейл, превращавшем наше дыхание в большие облака пара. В спешке никто из нас и не подумал надеть хоть какую-нибудь подходящую одежду, и лишь из-за накала момента я не дрожала от холода.

- Проклятье, - сказал Брессинджер. - Смотрите. - Он ткнул пальцем, и я, проследив, куда он указывает, увидела темный силуэт, растянувшийся среди растений в садике перед домом Саутера. Даже в темноте было ясно, что это труп. Судя по доспехам и ливрее, это был городской стражник, а темное влажное пятно на булыжной мостовой у ворот подсказало, как он встретил свою жестокую кончину. Я вспомнила, как этот человек встретил нас, когда

мы только прибыли в резиденцию мэра: дружелюбный рядовой, вежливый, озабоченный нашим благополучием. Он погиб лишь потому, что оказался между нами и нападавшим. Понимание этого неожиданно наполнило меня такой печалью, какую не вызывали другие смерти – даже людей, куда более близких мне.

– От крови все еще идет пар, – сказал Брессинджер.

– Значит, его убили лишь несколько минут назад, не больше, – сказал Вонвальт.

– Этого предостаточно, чтобы сбежать.

– Нет, – пробормотал Вонвальт, качая головой. – Он захочет узнать, получилось ли у него убить нас.

Я подняла глаза и окинула взглядом дома, стоявшие напротив резиденции лорда Саутера. Как и дом, из которого мы только что выбежали, они были огромными и дорогими на вид, из дерева и кирпича, и вздымались в небо на два, три и даже четыре этажа. В темноте они казались зловещими, похожими на согбенных спящих великанов.

Юность, проведенная в Мулдау, научила меня виртуозно искать пути к отступлению, и мое внимание сразу же привлекли разновысотные крыши. Глядя на крепкие ползучие растения, увивавшие кирпичные фасады, на выпирающие балки и водостоки, было нетрудно представить, как кто-нибудь легко карабкается на верх дома, чтобы занять точку с хорошим обзором. Это получилось бы у кого угодно, не говоря уже о профессионале. Лишь теперь я осознала, что мы трое были как на ладони.

– Нам стоит найти укрытие, – взволнованно сказала я. Моя оживленность постепенно угасала, и я начинала замерзать.

Вонвальт, как обычно, опередил меня.

– Я его вижу, – пробормотал он, глядя туда, где примерно в пятидесяти ярдах от нас высились две соломенные крыши с перепадом между ними в целый этаж. Из зазора высывался едва различимый силуэт, похожий на голову в капюшоне и плечо. Я вообразила себе, как за нами наблюдает человек, сжимающий в правой руке лук.

– Нам никак его не поймать, – сказал Брессинджер.

– Он не сможет оставаться там вечно, – ответил Вонвальт.

– И каков ваш план?

– Я побегу к нему, – сказал Вонвальт. – Подберусь достаточно близко, чтобы на него подействовал мой Голос.

– Хотите заставить его спрыгнуть с крыши и разбиться? – спросил Брессинджер.

Я с ужасом посмотрела на него. Даже Вонвальт, многое прощавший пристава, посмотрел на того с укором.

- Это было бы преступлением, убийством, - сказал Вонвальт.

- Если вы его поймаете, то все равно повесите, - возразил Брессинджер.

- Твои шутки сейчас неуместны, - сказал Вонвальт. - Прибереги их на потом. Мне бы хотелось привести его с крыши живым. Я хочу узнать, кто отправил его сюда.

- Тогда каков все-таки ваш план? - снова настойчиво спросил Брессинджер.

Вонвальт поморщился.

- Я попытаюсь заставить его побежать. Сейчас комендантский час, так что он не сможет пройти через городские ворота. Я думаю, что он побежит к Гейл. И мы можем подтолкнуть его к этому, на своих условиях.

Брессинджер сделал несколько шумных глубоких вдохов, словно морально готовился к игре в гандбол на сованской арене.

- Тогда давайте поторопимся, - сказал он, - пока мы вконец не окоченели.

- Хелена, - сказал Вонвальт, повернувшись ко мне, - оставайся здесь. Присядь за этой колонной, пока опасность не минует. Нет причин нам всем безрассудно рисковать своими жизнями.

Я отчасти надеялась, что он отправит меня обратно в дом, но не потому, что я боялась. Как бы мне ни хотелось поучаствовать в погоне, я и правда почти окоченела. Однако я просто кивнула.

- Нужно действовать быстро, - сказал Вонвальт, не сводя глаз со своей цели.

- Да, - нетерпеливо буркнул Брессинджер.

- Хорошо, тогда вперед.

Я смотрела, как они вдвоем выскочили из ворот и бросились по улице, словно двое сбежавших заключенных. Я ждала, что один из них вот-вот упадет со стрелой в груди, но силуэт не шевелился. Я нахмурилась. Вцепившись руками в холодную, покрытую инеем кирпичную колонну, я щурилась, пытаюсь разглядеть что-либо в тусклом лунном свете. Затем я услышала, как Вонвальт применил Голос Императора.

Даже находясь так далеко, я ощутила его силу. Казалось, что мой череп завибрировал, а в ушах зазвенело, словно кто-то постучал по вилочному камертону и поднес его к моей голове. Я никогда прежде не видела, чтобы Вонвальт вкладывал в Голос столько мощи, - однако силуэт все равно не шелохнулся.

Я резко обернулась. Справа, в конце улицы, из теней выступил человек в капюшоне и плаще. Я вдруг словно оцепенела; человек двигался по темной

улице столь ловко и неуловимо, что несколько мгновений мне казалось, будто это и не человек вовсе. Однако затем этот призрак извлек из-под плаща вполне человеческое оружие – маленький арбалет, – и наваждение рассеялось.

– Сэр Конрад! – завопила я. Он и Брессинджер резко обернулись. В холодном ночном воздухе просвистел арбалетный болт, но почему-то – наверное, из-за моего крика – рука убийцы дрогнула, и болт пробил только ночную рубашку Вонвальта.

На один короткий миг все замерли, а затем пришли в движение, словно нами управлял один кукловод. Убийца, упустив свою единственную возможность, развернулся и побежал. Вонвальт, Брессинджер и я бросились за ним.

Отглядываясь назад, я понимаю, что та безрассудная, стремительная погоня по темным улицами Долины Гейл могла закончиться для нас трагедией. Мы трое плохо знали город, на нас не было доспехов, и, соберись убийца с мыслями, он бы сообразил, что преимущество все еще оставалось на его стороне. Возможно, он был напуган или же не хотел приближаться к Вонвальту и попасть под действие Голоса – какой бы ни была причина, он бежал как безумец, и его смекалка испарилась, как капли воды с раскаленной сковороды.

Мы трое выглядели нелепо, мчась по заледенелой бульжной мостовой. Ночная одежда развевалась вокруг нас, как тряпье. Признаю, что, когда непосредственная опасность миновала, погоня показалась мне довольно захватывающей; она напомнила мне мое детство, как я скрывалась от толских стражников с горячей булочкой или кошелем монет, зажатými в моих чумазных руках.

Вонвальт, как всегда пронцательный, оказался прав: его неудавшийся убийца, перед этим придумавший столь изобретательную уловку, побежал к Гейл самым прозаическим путем – через неблагоприятную восточную часть города. Здесь, несмотря на холод, воздух был пропитан запахами истоптанной грязи и отбросов, а еще маслянистой рыбной вонью, жирным облаком окутывавшей все вокруг. Она напомнила мне запах, иногда исходивший от Вонвальта, когда тот принимал рыбий жир – бурду, которая, по его собственным заверениям, укрепляла тело и вместе с тем была эффективным средством оттолкнуть от себя собеседников.

– Стоять! – крикнул Вонвальт, но он был еще далеко, его дыхание сбилось, и у него все равно не хватило сил заставить беглеца подчиниться Голосу Императора.

Убийца не остановился. Хотя он и не мог остановиться. Слепо мчась вперед, он недооценил коварство берега реки Гейл. Там, где снег не припорошил его, берег оставался покрыт склизкой слякотью, и беглец, заскользив по крутому склону, рухнул вверх тормашками в ледяную воду.

– Чтоб его, – со страхом пробормотал Брессинджер, наверняка думая, что Вонвальт сейчас прикажет ему попытаться спасти беглеца. Но когда мы втроем наконец добежали до того места, убийцы нигде не было; остались лишь треснувшие пластины тонкого льда и столб пузырей, поднимавшийся из-под черной воды.

– Куда, Казивар его подери, он делся? – задыхаясь, спросила я. Ледяной воздух больно обжигал мне горло.

Несколько мгновений никто ничего не говорил. Мы стояли, и от нас, как от лошадей, пробежавших три круга на скачках, поднимался пар. Мы искали хоть какие-то следы убийцы, но было ясно, что Гейл присвоила нашу добычу себе.

– Он не мог выплыть? – спросила я. Мне казалось невероятным, что кто-то мог войти в реку и просто исчезнуть, даже ни разу не всплыв.

Вонвальт мрачно покачал головой, но ответил мне Брессинджер.

– Холод вышиб бы из его легких весь воздух. – Пристав сплюнул в грязь, затем выгнул спину, потянулся и поморщился, когда его позвоночник несколько раз хрустнул. – Немино вымя, как же больно.

– Я не понимаю, – сказала я. – Разве он не мог просто задержать дыхание?

Брессинджер помотал головой.

– Это невозможно, – сказал он. – Сама подумай: ты как залезаешь в холодную ванну?

Я пожала плечами и сказала:

– С большой неохотой?

– Верно, – сказал Брессинджер. – Но, даже если окунаться медленно, иногда у тебя перехватывает дыхание. – Он снова кивком указал на воды Гейл, затянувшие в себя убийцу не хуже любого болота. – А если окунуться вот так, сразу целиком, то ты не сдержишься и вдохнешь поглубже. И без воздуха в легких пойдешь на дно как камень. – Он снова сплюнул, а затем покрутил корпусом из стороны в сторону. – Течение его уже утянуло. Все ж говорят, что это коварная река.

– Ради крови богов, да заткнись ты уже, – пробормотал Вонвальт.

Я подняла на него глаза, но Вонвальт не смотрел на меня. Словно замороженный, он глядел на дыру во льду.

– Сэр Конрад? – мягко позвала я.

Какое-то время помолчав, он вздохнул.

– Дубайн прав, – сказал он и несколько раз прокашлялся. Холодный воздух не пощадил и его горло, как и мое, и Брессинджера, но, в отличие от нас, Вонвальт вдобавок надорвал его Голосом Императора.

Мы еще немного постояли на месте, но скоро снова начали замерзать. Сзади к нам подошли стражники, привлеченные шумом и наверняка отравленные лордом Саутером. Теперь, когда суматоха улеглась, мое настроение резко испортилось – я сообразила, что нас ждет долгая и утомительная ночь, полная объяснений и официальных запросов.

Вонвальт сделал глубокий вдох, а затем медленно выдохнул.

– Вы двое, возвращайтесь в кровать, – сказал он. – С этим я разберусь сам.

* * *

Когда мы с Брессинджером вернулись в резиденцию лорда Саутера, в ней царил хаос. Несмотря на то что Вонвальт, отпустив нас, пытался сделать нам одолжение, в итоге на большую часть вопросов мэра пришлось отвечать нам. Саутер, похоже, злился из-за поднявшейся суматохи, но я чувствовала, что его раздражение – всего лишь маска, за которой пряталось глубочайшее чувство стыда за то, что его дом чуть не стал местом убийства имперского Правосудия. На самом деле было трудно не заподозрить мэра в причастности, хотя на роль заговорщика он подходил мало. К тому же утром его ждал шквал непростых вопросов от Вонвальта, так что я могла простить его за грубость.

Брессинджер настоял, чтобы мы оставили убитых змей, сказав, что, как и в Грозоде, любой местный аптекарь даст за них приличную сумму. Для меня было загадкой, как нечто столь ядовитое могло обладать хоть какими-то целебными свойствами, однако Брессинджер заверил меня, что в малых дозах гадючий яд был не только отличным противоядием, но и обладал целым рядом лекарственных свойств, проявлявшихся в зависимости от того, как и с чем его смешивали. Он попросил кухарку принести ему большую банку уксуса и поставил свой жуткий трофей на сундук рядом с нашей кроватью. Я позволила ему это сделать только при условии, что он тщательно обыщет нашу спальню и проверит, что в ней не притаились другие змеи, – и, конечно же, он ничего не нашел.

Облака опять затянули небо, и к тому времени, когда в доме снова воцарилось некое подобие тишины и спокойствия, пошел снег. Вонвальт все не возвращался, и я надеялась, что кто-нибудь дал ему плащ. Как выяснилось позднее, он отправился в здание городской стражи, и нам предстояло снова встретиться с ним лишь в середине следующего утра.

Несмотря на наши ночные приключения, Брессинджер уснул невообразимо быстро и вскоре уже храпел рядом со мной. Я же не сомкнула глаз до тех пор, пока на горизонте не начал занимать серый рассвет. Я никак не могла перестать прокручивать в голове события этой ночи, снова и снова. Кто-то пытался нас убить. Лишь по счастливой случайности моя жизнь – по крайней мере, моя земная жизнь – не оборвалась. С тех пор подобное происходило со мной столь часто, что мне трудно вспомнить, какие чувства я тогда испытывала. Однако я помню, как лежала той долгой холодной ночью во тьме, испытывая глубочайшее смятение. Я не знала, на какие дьявольские козни мы наткнулись в Долине Гейл, но то, что кто-то пытался убить Правосудие Императора, означало, что их корни уходили гораздо глубже лежавшего на поверхности убийства жены лорда. И, конечно же, в этом и

заключался настоящий источник моего страха: то, что кто-то вообще осмелился покуситься на жизнь Правосудия. Это было немисливо – по крайней мере, раньше, ведь даже отчаявшиеся, обреченные люди не смели нападать на Вонвальта. Многие из того, что я считала непреложным, вдруг оказалось под сомнением. Как я могла спать, когда кто-то подкосил сами основы моего мировоззрения?

Наконец меня одолела дрема, но она была тревожной и поверхностной. Я металась по кровати, словно в бреду, отчего Брессинджер все время раздраженно толкал меня в бок, и мне понадобилось немало времени, чтобы погрузиться в глубокий сон. Город уже начал пробуждаться и готовиться к очередному торговому дню, когда я наконец провалилась в забытие.

Мне снилось, что я тону.

* * *

Следующей день выдался отвратным. Брессинджер и я проснулись из-за грохота, донесшегося снаружи. Все еще полусонные, мы бросились к окну и распахнули занавески. Небо снаружи было тусклым и серым, но свет все равно обжег мне глаза; я отшатнулась, как от удара, и осознала, что мы проспали до середины утра. На улице, сразу за палисадником перед домом лорда Саутера, стоял отряд городской стражи; еще два стражника, без мечей и доспехов, стояли на крыше дома, где мы прошлой ночью видели человеческий силуэт.

– Вот же сукин сын, – сказал Брессинджер, кивком указав на то, что стало причиной такого грохота. Когда стражники разошлись в стороны, я увидела, что они сбросили с крыши грубое деревянное пугало, завернутое в драпный плащ.

Я окинула взглядом сад, но, конечно же, тело убитого стражника уже унесли. Скорее всего, теперь он занимал стол в морге мистера Макуиринка. Когда в город приходил Вонвальт, врачи редко оставались без дела, но в Долине Гейл они, похоже, успеют заработать целое состояние.

Я гадала, как отреагировал на эти вести сэра Радомир. Хватило бы всего одной или двух неурядиц, чтобы его отношения с Вонвальтом разладились окончательно; и хотя эти двое пусть неохотно, но все же прониклись друг к другу взаимным уважением, мне казалось, что шериф не из тех людей, кто сдержанно отнесся бы к вести о гибели своего подчиненного.

Брессинджер и я поспешно оделись. Вонвальта в его спальне не оказалось, и мы вышли из резиденции мэра, чтобы справиться о нем у собравшихся снаружи стражников. Они сообщили нам, что Вонвальт большую часть ночи провел с сэром Радомиром, однако сейчас уже вернулся в восточную часть города. Завернувшись в плащи и склонив головы навстречу холодному ветру и крупицам мокрого снега, мы направились по тому же пути, что проделали ночью.

Вонвальт стоял на берегу Гейл с еще одним отрядом стражников. Выглядели те довольно жалко. Волосы Вонвальта намокли и слиплись. Должно быть, он уже побывал в доме мэра, поскольку был облачен в свои лучшие имперские одежды, но вонючая жижа уже заляпала его сапоги и подол плаща. Даже издали вид у него был изнуренный. Бледный, с осунувшимися чертами лица, он выглядел очень уставшим. После бессонных ночей Вонвальт всегда пребывал в дурном расположении духа, и я поняла, что проведу большую часть дня, пытаясь не попасться ему под руку.

Когда Брессинджер и я подошли, мы увидели рыбаков в высоких шипованных забродных сапогах. Они вытаскивали на берег маленькую гребную лодку – по-видимому, в ней и собирался бежать наш убийца. Один городской стражник изо всех сил старался разогнать толпу зевак, собравшихся рядом, несмотря на погоду, но слухи о втором убийстве уже начали расходиться.

– Надеюсь, вы оба отдохнули? – спросил нас Вонвальт, когда мы подошли ближе. Он не сводил глаз с лодки.

– Да, – сказал Брессинджер. – Мы видели приманку с крыши.

Вонвальт хмыкнул.

– Жалкая уловка.

– Вас из-за нее чуть не пришили, – заметил Брессинджер, кивком указав на ребра Вонвальта, где арбалетный болт прорвал его ночную рубашку.

– Можно было и не напоминать, – сказал Вонвальт. Настроение у него было еще хуже, чем я ожидала. Он указал на гребную лодку. – Будем надеяться, что хотя бы здесь мы что-нибудь найдем. Местные эксперты.. – он поморщился и указал на толпу горожан, – ...сообщили мне, что надежды выловить тело у нас нет.

– То, что река выбросила тело леди Бауэр, уже было чудом, так все говорят, – сказал Брессинджер. Я скосила на него глаза, дивясь тому, насколько он не замечал дурного настроения своего хозяина. Или, возможно, ему было просто все равно. Как бы там ни было, Вонвальта прервали еще до того, как он ответил.

– Милорд, – неуверенно позвал его один из рыбаков. Когда Вонвальт был при исполнении, простые люди и в хорошие-то дни боялись говорить с ним, а сейчас всем и подавно было ясно, что его лучше не злить. – Лодка пуста. Можете сами посмотреть.

Вонвальт глянул на лодку так, словно та была проклята.

– Не нужно, – пробормотал он, развернулся и зашагал в сторону дома мэра.

До конца дня Брессинджер и я были предоставлены сами себе. Вонвальт лег поспать, а через несколько часов вернулся в здание городской стражи. Поскольку на трупе убитого стражника не нашлось улик, Вонвальт позволил вернуть тело вдове, а затем поздним вечером отправился на похороны. Я чувствовала себя отчасти виноватой в гибели этого человека, и мне было стыдно за то, что я пропустила прощание. Впрочем, ни Брессинджера, ни меня никто не звал, да и Вонвальт позже сказал мне, что проводы прошли напряженно и его присутствию были не рады.

Брессинджер пошел к аптекарю, чтобы продать своих драгоценных змей, а затем отправился по местным питейным заведениям. Я же, чувствуя себя растерянной и больной, решила подольше полежать в ванне. Я надеялась расслабиться, но вместо этого просто несколько часов размышляла над произошедшим.

Вонвальт вернулся вечером, и мы вместе поужинали в столовой. Он рассеянноковырял еду, погруженный в мысли, и у меня не получалось разговаривать с ним – впрочем, обсуждать было почти нечего. С ночи не осталось никаких улик, так что нам оставалось лишь предполагать, что покушение было как-то связано с убийством леди Бауэр, хотя и в этом мы не могли быть уверены.

Думаю, как и меня, Вонвальта больше потрясло не само покушение, а то, что оно означало. Вонвальт искренне считал, что, являясь одним из влиятельнейших представителей закона Империи, он был защищен от подобных посягательств. Он не испугался, нет, – мужества ему было не занимать, – но умные люди обычно задумываются над подобными вещами, а Вонвальт был умным человеком. Для него покушение на его жизнь было неотделимо от посягательства на верховенство закона, а последнее он стерпеть не мог. Чтобы понять его, достаточно было лишь вспомнить, как он сам пришел к своим убеждениям. Вонвальт своими глазами видел, как сованское общее право цивилизовало другие народы. Его отец принял Высшую Марку, и Вонвальту пришлось поступить на службу в Легионы. Он воевал со своими соотечественниками. И он, и его отец наверняка верили, что за сованское гражданство и за то, что оно представляло, стоило бороться. Разве иначе можно было оправдать ужасы Рейхскрига? Вонвальт принял сованские порядки с рвением обращенного в иную веру – не по глупости, а лишь в силу своей юности, ведь ему было всего пятнадцать лет, когда он ушел на войну. Теперь в это верится с трудом, но в то время его мировоззрение было еще податливым и легко поддавалось внешнему влиянию.

Нам пришлось на время отложить эти вопросы. Недовольные таким завершением дел, мы быстро поужинали и разошлись по нашим спальням, едва обменявшись парой слов. Позже вечером вернулся Брессинджер, и я надеялась, что хотя бы он с сочувствием выслушает меня. Однако, к моему удивлению, он лишь отмахнулся от моих страхов.

– Не позволяй им поглотить тебя, Хелена, – сказал пристав, когда мы оба улеглись в кровать. – К утру он уже придет в себя.

– Ты совсем за него не волнуешься?

- Нет, и он не обрадуется, если узнает, что волнуешься ты. Чтобы напугать нашего почтенного хозяина, нужно что-то посерьезнее ночной стычки с каким-то гадом. - Он усмехнулся. - И с его гадюками. Смешно, кажется, получилось, да? Я не так хорошо знаю саксанский, как ты.

- Ты неплохо на нем говоришь... по крайней мере, когда трезв.

- Острый у тебя язык, - фыркнул пристав. - Осторожнее, в следующий раз я ведь могу дать гадюке покусать тебя.

- Интересно, сколько же ты получил за своих змей?

Брессинджер вмиг погрузился.

- Да какая разница, - буркнул он. - Я уже все равно все прокутил.

Я помедлила, пытаюсь подобрать правильные слова.

- Кстати, спасибо, - наконец сказала я. - За то, что спас мне жизнь.

Он отмахнулся.

- Не за что, Хелена. Ты ведь знаешь, что я скорее сам умру, чем допущу, чтобы с тобой что-нибудь случилось. - Пристав помолчал и тяжело, судорожно вздохнул. - Видит Нема, я скорее сам умру, - тихо повторил он.

Брессинджер отвернулся от меня и погасил лампу, прежде чем я успела что-либо ответить. Не зная, что делать, я ненадолго положила руку ему на плечо. Затем, когда он не пошевелился, я тоже отвернулась. Усталость взяла свое, и через несколько секунд я провалилась в глубокий сон.

VIII

Морозный воздух, горячие речи

«Действуй споро, раскаивайся не спеша».

Старая сованская пословица

На следующее утро меня разбудил звон храмового колокола. Несмотря на все усилия слуг лорда Саутера, растопивших в доме множество очагов, в комнате все равно было прохладно, и мне не хотелось вылезать из теплой постели.

Брессинджер, напротив, с готовностью встал и распахнул занавески, за которыми снова показались унылое серое небо и сугробы свежего снега, завалившего город.

– Хелена, вставай, – угрюмо сказал он. Я завидовала ему за ту легкость, с которой он стряхивал с себя сон. Брессинджер научился этому за годы солдатской жизни. От той печали, что внезапно охватила его вчера вечером, не осталось и следа. Да и все приключение со змеями уже казалось далеким, как полузабытый сон.

Брессинджер собрал свою одежду и пошел переодеваться в соседнюю комнату, а я воспользовалась минутным одиночеством, чтобы окончательно проснуться. Затем я натянула свои чулки, блузу и киртл, а сверху, поскольку было холодно, надела платье. Всю одежду мне купил Вонвальт в качестве аванса за мою службу, и поэтому она была сделана из крепкой, добротной ткани. В первые месяцы нашей совместной работы я просто радовалась тому, что больше не живу на улице, и с радостью принимала все, что мне давал Вонвальт. Теперь же мои вкусы стали утонченнее. Я начала больше интересоваться имперской модой: в столице, в отличие от провинций, одежда должна была облегать фигуру и выглядеть более женственной – скандально женственной, по некоторым меркам. Кроме того, сованцы еще век назад отказались от женских головных уборов, и в моду вошли различные прически. Большинство женщин слепо повторяли стрижки известных дам, но я редко делала что-либо со своими волосами, разве что стягивала их сзади.

Я вышла из комнаты и в коридоре столкнулась с Брессинджером. Он был одет в рубаху, дублет и рейтузы, а его черные мокрые волосы, доходившие приставу до плеч, были убраны в хвост. Мы оба спустились вниз и встретили Вонвальта в столовой, где уже был подан сытный завтрак: хлеб, яйца, острая ветчина и оставшийся с прошлого вечера пирог с мясом, тушенным в эле. Вонвальт пил легкое пиво и в тишине читал книгу о сованской юриспруденции.

– Лорд Саутер еще не встал? – спросил Брессинджер, когда мы сели.

– Он уже ушел, – сказал Вонвальт, не отрывая глаз от книги. – У него дела в монастыре, что-то связанное с праздником Зимних Холодов. – Вонвальт явно был не в духе, не то из-за покушения, не то из-за недавнего письма Правосудия Августы.

– А когда в этом году праздник? – непринужденно спросила я. Праздник Зимних Холодов был ежегодным неманским фестивалем, который проходил в один из двух зимних месяцев, длился две недели и обычно – но не всегда – пересекался с днем зимнего солнцестояния.

– Во второй половине Русена, – сказал Вонвальт и больше не проронил ни слова. Он на время прервался, чтобы немного поесть, после чего снова открыл книгу. На некоторое время повисла неловкая тишина, а затем он повернулся ко мне.

– Хелена, скажи мне, что ты нашла в журнале из здания городской стажи?

Прошлым вечером мы не обсуждали результаты моих изысканий. Вонвальт, поглощенный собственными делами и вестями от Правосудия Августы, вместо

этого велел мне подготовиться к обсуждению этим утром. После того как кто-то пытался нас убить, я думала, что наши разговоры о делопроизводстве и практике ведения учета если не отменятся, то хотя бы отложатся. Мне следовало догадаться, что этого не случится.

- Записи ведутся хорошо, - сказала я, пытаюсь сосредоточиться на вопросе.
- Подробно и организовано. В них содержатся дата подачи жалобы, сведения о мистере Вогте и несколько абзацев с кратким описанием дела. Каждая заметка подписана и датирована констеблем, который ее вносил.

Брессинджер, впечатлившись, хмыкнул. Вонвальт согласно промычал, разбил вареное яйцо и стал намазывать его содержимое на большой кусок твердого хлеба с маслом.

- Описание в целом совпало с тем, что нам рассказал сэр Радомир, - продолжила я. - Мистер Вогт отправил в Ковоск сотню тонн кормового зерна. Оно должно было пойти на фураж для конницы Легионов. Зерно требовалось доставить как можно скорее. Мистер Вогт купил его на заемные средства, взяв деньги в банке Гулича. Предполагалось, что он хорошо наживется на продаже зерна, даже невзирая на процент, который должен был отдать банку. Но, по всей видимости, груз задержали в княжестве Кжосич - они обнаружили, что Вогт не получил на имперской таможне необходимое разрешение на ввоз. Усложнило ситуацию и то, что за время пути зерно испортилось и сбыть его было уже нельзя.

Когда Вогт попытался воспользоваться гарантией и вернуть деньги за испорченное зерно, Бауэр отказал ему на том основании, что Вогт, не получив разрешения, нарушил контракт. Вогт был убежден, что Бауэр каким-то образом ухитрился подговорить таможенников задержать корабль, чтобы не возвращать ему гарантированные деньги.

- Но откуда Бауэр мог знать, что так случится? - спросил Вонвальт.

- Вчера мы разговаривали с торговцем, который сказал, что гаранты часто засылают шпионов или используют сеть эстафет, чтобы приглядывать за грузами, которые они гарантируют. Возможно, Бауэру сообщили, что зерно должно испортиться, и он успел передать весточку своим партнерам в Кжосич?

Вонвальт вздохнул и потер подбородок.

- Проклятые гарантии, - с набитым ртом сказал он и повернулся к Брессинджеру. - Ты вчера смог разузнать о них подробнее?

Брессинджер склонил голову.

- Да.

- Объясни мне, как это работает. Я примерно уже понял, но расскажи своими словами.

Брессинджер пересказал ему наш вчерашний разговор с торговцем Лоренцем. Когда он закончил, Вонвальт кивнул.

- Значит, это все-таки похоже на ставки в азартных играх. И, зная, как торговые адвокаты составляют контракты, я вижу немало лазеек, которыми нечистый на руку человек может воспользоваться, чтобы уклониться от уплаты денег за утраченный груз. - Он немного поразмыслил. - Любопытно, почему Вотт не стал добиваться своего? Торговое право здесь хорошо развито. Он мог подать на лорда Бауэра в суд, и это того бы стоило. - Он поразмыслил еще немного. - Нам придется разузнать побольше о делах лорда Бауэра. Я хочу вооружиться как можно большими сведениями о нем, прежде чем я применю на нем Голос.

- Значит, вы его подозреваете? - спросила я.

Вонвальт покачал головой.

- Я согласен с сэром Радомиром. Бауэр не похож на человека, который совершил убийство, тем более убийство собственной жены. Но он что-то скрывает. Он слишком быстро указал на Вотта и слишком быстро отказался от своих слов. Как бы там ни было, теперь нам придется поговорить еще и с Воттом. Дубайн, выясни, где он сейчас. Если он в городе, то я бы хотел побеседовать с ним сегодня днем. Давайте поторопимся с этим делом.

- Как скажете, сир, - сказал Брессинджер.

- Хелена, в журнале городской стражи было еще что-нибудь важное?

- Да, кое-что, - сказала я.

- И что же?

- Мистер Вотт хотел, чтобы по этому делу провели расследование.

- И? Его провели? Он присылал адвокатов?

- В журнале отмечено, что дело закрыли через две недели. Мистер Вотт отозвал свое заявление.

Вонвальт снова потер подбородок.

- Это настораживает, - наконец сказал он. - И заявление было подано два года назад?

- Примерно.

- Вспоминай, Хелена! Помнишь, что я тебе говорил? В юридических вопросах во всем важна точность! - внезапно рявкнул Вонвальт, заставив меня и Брессинджера вздрогнуть.

- Кровь Немы, - буркнул Брессинджер, поднимая яйцо, которое уронил.

- Два года и три месяца, - обиженно сказала я. - Точная дата записана в журнале.

Вонвальт цокнул языком.

- Очень странно. Не могу понять, по какой причине можно было добровольно прервать расследование, особенно если дело касалось военных поставок для Рейхскрига. Есть сведения о том, что поставку зерна выполнил кто-то другой? Мог, например, сам Бауэр исполнить этот контракт?

Я помотала головой.

- Больше в записях ничего нет.

- Значит, нам придется навести еще справки. Я снова поговорю с сэром Радомиром. Будем надеяться, что констебль, принимавший заявление, еще жив и может о нем рассказать. Кто бы ни убил леди Бауэр, я убежден, что ее муж и Вогт к этому как-то причастны.

- Как скажете, - сказал Брессинджер.

Еще пять минут мы ели молча, давая Вонвальту поразмышлять и почитать. Брессинджер и я оба знали, что нарушать такую тишину не стоит, особенно праздными разговорами.

Наконец Вонвальт повернулся ко мне.

- Сегодня поговоришь со стражником, с тем твоим пареньком. Как его зовут?

- Матас, - сказала я, и у меня внутри все сжалось. - Матас Акер. - Я пыталась не показывать своего недовольства. Вонвальт и Брессинджер и так последние день или два с удовольствием дразнили меня, чем сильно раздражали.

- Расспроси его сегодня о дочери Бауэра, ушедшей в монастырь. Если он не на службе, сходи к нему домой. Он наверняка о ней знает. Они одного возраста, а он довольно молод и наверняка следит за городскими сплетнями.

Я почувствовала, как краснеют мои щеки. Я ничего не могла с собой поделать.

- Я не хочу этого делать, - сказала я полным негодования голосом.

Вонвальт отложил столовые приборы и раздраженно нахмурился.

- Пусть и так, но я плачу тебе жалованье секретаря Ордена магистратов, что делает тебя чиновницей на службе Империи... хотя ты со своим вечным нытьем и ведешь себя неподобающе.

Я отшатнулась от него, словно он отвесил мне пощечину.

- Я не стану шпионить, - резко ответила я.

Я заметила, что глаза Брессинджера чуть расширились. Когда Вонвальт заговорил, он с трудом сдерживал себя.

- Ты сделаешь так, как я велю, и задашь юноше нужные вопросы.

- Вы хотите, чтобы я ему лгала, - сказала я. - Вы пользуетесь моими к нему чувствами.

Рука Вонвальта сжалась в кулак.

- Мне все равно, увлечена ты им или нет. Делай, как я велю, и выясни, что он знает. И хватит нести глупости.

Меня захлестнул жгучий гнев, и я потеряла последние остатки самообладания.

- Да вы просто ревнуете к нему!

- Ох, Хелена, - устало, разочарованно и с гневом в голосе сказал Вонвальт. Он указал на дверь. - Вон, с глаз моих.

- Сир... - сказал было Брессинджер, которого наша неожиданная перепалка застала врасплох, но Вонвальт прервал и его.

- Кровь Немы, Дубайн! - заорал Вонвальт, ударив кулаком по столу, а затем указав на дверь. - Иди и займись делом!

* * *

Я покинула столовую, кипя от злости. Промчавшись через вестибюль, я натянула башмаки, но в спешке позабыла о плаще. Вместо этого в то раннее утро я сердито протопала наружу, распинала в стороны безделушки и подношения, оставленные Вонвальту, а затем зашагала по улице.

Сейчас, когда я пишу это, мои мысли в тот день кажутся мне столь наивными, но тогда я искренне верила, что все кончено. Я несколько месяцев держалась на грани и наконец ее переступила. Я собиралась на какое-то время остаться в Долине Гейл и жить на накопленные с секретарского жалованья деньги. А потом - кто знает? Я могла делать все, что хотела. Все дороги были открыты передо мной.

Я быстро прошла большую часть пути до здания стражи, прежде чем мне пришлось сбавить шаг и отдышаться. Беспечно топая по грязному талому снегу, я испачкала подол моего киртла, так что его теперь нужно было стирать. А перейдя с бега на шаг, я стала постепенно замерзать. Мне нужно было купить новый плащ и заплатить прачке за стирку киртла - всего за несколько минут я совершила две оплошности и уже понесла немалые расходы. До меня постепенно начали доходить реалии жизни без покровительства Вонвальта. Однако я яростно подавила эти мысли лавиной своего праведного гнева. Для Вонвальта я была лишь пешкой, рычагом давления на чувства других. И я решила, что эту черту я точно не переступлю.

Конечно же, я вела себя глупо. Вонвальт был прав, тот гнев породило мое увлечение. Мне было стыдно за то, что я так быстро увлеклась молодым

человеком, и я полностью отрицала свои чувства. Кроме того, сованские нравственные устои – по крайней мере, в аристократических кругах – порицали подобные страсти; они считались вульгарными, и их следовало держать при себе. Вонвальт и Брессинджер хотя бы не родились имперцами. Они оба познали радости провинциальной жизни, прежде чем переняли строгие повадки Аутуна.

Матаса я нашла не сразу. Дежурный сержант направил меня к торхаусу[2] ворот Сегамунда – укреплению, охранявшему восточную часть города. Я припомнила, что у тех ворот нашли тело леди Бауэр, и находились они на самой окраине. Район явно был очень бедным. Когда я пересекла последнюю выложенную булыжником улицу и вошла в ту часть города, я увидела, что она была почти полностью отдана под склады, жилища бедняков и грязные или не связанные с торговлей ремесленные здания вроде сырмятных и литейных мастерских. Русло Гейл здесь было широким и глубоким, ее берега разделяла сотня футов, и пересечь реку можно было только на лодке. Холод уже пробирал меня до костей. Хорошо, мне еще хватило ума надеть башмаки – землю укрывал толстый слой полузамерзшей грязи.

Я пошла вдоль реки. Набережной здесь не было, и на зловонном берегу валялись мусор и дерьмо. Крысы, свиньи и лисы свободно копошились во всем этом, не обращая внимания на людей вокруг. Констеблей и стражников в этом районе было немного, и моя дорогая одежда бросалась в глаза, указывая на то, что я здесь чужачка и меня можно ограбить. Наверное, и леди Бауэр показалась кому-то хорошей мишенью. Несмотря на это, я не ощущала опасности. Юность, проведенная в Мулдау, дала мне внутренний стержень, и даже два года на службе у Империи не смягчили меня.

Наконец я увидела торхаус ворот Сегамунда. Он состоял из двух крепких каменных башен, стоявших в стороне от Гейл. Сами ворота находились промеж них; они были большими и закрывались двумя решетками из переплетенных железных прутьев – ржавых, старых и покрытых склизкой влагой. Ворота стояли открытыми и, похоже, не закрывались уже много лет. На стене я увидела стражников; некоторые расхаживали по ней, а другие толпились вокруг жаровен, в которых плясало рыжее пламя.

Я подошла к воротам и сказала, что хочу видеть Матаса. Один из стражников повел меня по ступеням на стену. Там, высоко над домами и складами, ветер свободно пел и гулял меж зубцов, и я задрожала от холода.

– Хелена? – позвал меня знакомый голос. Я обернулась и увидела у жаровни Матаса. Он был почти целиком закутан в большой, отороченный мехом плащ.

– Матас! – радостно воскликнула я. Я услышала, как его товарищи стали негромко подтрунивать над ним. А его сердитые взгляды, похоже, только раззадоривали их.

– Нема, ты, наверное, замерзла, – сказал Матас, снимая плащ. Я не стала возражать, когда он закутал меня в него. От плаща пахло гарью, но я слишком замерзла, чтобы обращать на это внимание. За нашими спинами стражники продолжали отпускать шуточки. – Пойдем, – сказал Матас, закатив глаза. Он кивком указал на башню. – Там внутри тепло. Нас не потревожат.

Я смущенно пошла за ним. По всем правилам приличия, которые только можно было вспомнить, мы вели себя беспечно и непристойно. К счастью, нас видели только стражники, которым было совершенно плевать на пристойности.

В башне было заметно теплее. Она была квадратной, четыре этажа в высоту, и каждый этаж был разбит на несколько комнатшек с дешевыми стенами из обмазанного штукатуркой дерева. Первая комната, в которую мы вошли, была простой, в ней стояли лишь столы на козлах, и на стене висел большой деревянный щит с гербом Долины.

- У тебя все хорошо? - спросил Матас, снимая шлем и кольчужный капюшон. Несколько секунд он взъерошивал себе волосы, смутившись от того, что броня прижала их к голове. Казалось, будто они нарисованы на его скальпе.

Я потеряла плащ.

- Я рада снова тебя видеть, - сказала я.

Он прокашлялся.

- А я - тебя.

Я улыбнулась. Мое сердце билось часто и сильно.

- Я поругалась с сэром Конрадом, - сказала я. Мне почему-то казалось неправильным рассказывать об этом кому-либо.

- Что? Нема, ты ведь не в бегах? - Матас так внезапно и комично погрузился, что я рассмеялась.

- Нет! - сказала я.

- Тогда что случилось? - спросил он, растерянно улыбаясь.

Я все ему рассказала. Когда я дошла до нашей с Вонвальтом гневной перепалки, то снова распереживалась. Матас же озабоченно смотрел на меня, и, как я ни старалась сдержаться, это окончательно довело меня до слез.

- Ну же, - сказал он, положив руку мне на плечо. Несмотря на слезы, я затрепетала от его прикосновения. - Не нужно плакать. Вы всего лишь повздорили. Я все время ругаюсь с сержантами. - Он пожал плечами. - Правосудие, кажется, порядочный человек. Он не станет держать зла.

- Ты не понимаешь, - сказала я, когда взяла себя в руки. - Я не хочу быть секретарем. Во мне все кипит из-за этого. Сэр Конрад столько мне дал, я всем ему обязана, но... Боюсь, что я не та, какой он хочет меня видеть. Он самый умный и мудрый из всех, кого я знаю. А я - никто, всего лишь помойная крыса с улиц Мулдау. Когда он взял меня к себе, я почти не умела читать. А теперь разговариваю на трех языках. Я ношу дорогую одежду. Люди высочайших чинов и званий начинают бояться меня, когда узнают, что я служу Короне. Я просто... Мне кажется, что я сама не знаю, кем стала. Я превратилась в совершенно другого человека, и меня это пугает.

Матас не знал, что сказать. Конечно, разве кто-нибудь, кроме самого Вонвальта, мог мне что-то на это ответить? Я не хотела изливать Матасу душу, но не смогла сдержаться и обнажила все свои чувства. Брессинджер не желал выслушивать мои переживания. Он уже считал меня неблагодарной. Других друзей у меня не было, поскольку мы проходили через каждый город и деревню как еда через желудок – то есть не задерживались надолго. Матас был первым встретившимся мне человеком, который оказался готов меня выслушать, как бы глупо я при этом ни выглядела.

А затем он меня поцеловал.

Я этого не ожидала. Меня никогда раньше не целовали. Жизнь в Мулдау была тяжелой, и романтические мысли даже не приходили мне в голову. А потом я прожила два года с Вонвальтом и Брессинджером и все время проводила в путешествиях, училась или помогала вершить правосудие Императора. На остальное у меня просто не было ни времени, ни возможности.

Я поцеловала его в ответ, точнее, попыталась поцеловать. Я плохо себе представляла, как это делается. И Матас, думаю, тоже. Но, каким бы неуклюжим ни был поцелуй, он вскружил мне голову. Мне казалось, что меня сейчас охватит пламя.

Мы отстранились. Я порадовалась, что мое лицо было румяным с холода, иначе от смущения его бы залила краска. Матас начал смеяться, и я тоже засмеялась. Думаю, мы бы поцеловались снова, если бы донесшиеся со стены голоса не напомнили нам, что кто-нибудь может войти и увидеть нас.

– Я никогда раньше не целовалась, – сказала я.

– Я тоже, – признался Матас. – И я никогда не думал, что первая девушка, которую я поцелую, будет столь красива.

Я не смогла сдержаться и улыбнулась. Казалось, будто кто-то извлек экстракт чистой радости, и я его проглотила.

Но, как бы мне ни хотелось насладиться этим моментом и забыться в нем, я уже ощущала смутное чувство тревоги, которое все возрастало. Оно мучило меня, как заноза, застрявшая под кожей. Что же я делала? Я не могла просто так уйти от Вонвальта. Неужели я правда решила, что больше никогда его не увижу? Что несколько недель буду избегать его и Брессинджера, пока они не завершат свои дела, а дальше просто останусь жить в Долине? По меньшей мере я должна была поговорить с ним о том, что я чувствовала, – причем честно. Теперь, когда я остыла и у меня появилось время подумать, я начала жалеть о своих неосторожных словах и о том, что сбежала.

Видимо, мое беспокойство было хорошо заметно, потому что Матас спросил:

– Что-то не так? – Он внезапно поник. – Ты не рада?

– Я счастлива, – сказала я. – Правда. – Я вздохнула и окинула взглядом пустую комнату. – Но я разрываюсь на части, Матас. Я не знаю, что мне делать. И мне стоит предупредить тебя, что я пришла не просто так... точнее, меня просили прийти. Сэр Конрад велел мне поговорить с тобой и расспросить о деле Бауэра. Я отказалась. Поэтому мы и поссорились. – Я

обвела рукой комнату и безрадостно рассмеялась. – Однако я тем не менее пришла.

– А что сэр Конрад хочет от меня узнать? – встревожившись, спросил Матас.
– Я ведь тут ни при чем!

– Нет, нет, – сказала я и, осмелев, положила руку ему на грудь. Его сюрко был холодным – кольчуга забирала все тепло. – Он хотел узнать о дочери Бауэра, которая ушла в монастырь. Он считает, что ты наверняка что-нибудь о ней да знаешь.

– Только то, что знают все, – все еще недоумевая, сказал Матас. – Каких-то особых сведений у меня о ней нет.

– Думаю, это ему и нужно. То, что знают местные.

Матас пожал плечами.

– Я могу рассказать тебе, что знаю, но... – Он нахмурился. – Хелена, я думал, ты больше не хочешь служить Правосудию?

Я снова вздохнула. Я не знала, чего хотела.

– Что бы я ни решила, мне придется с ним поговорить, – сказала я. – Возможно, у меня получится умилостивить его, если я вернусь с чем-нибудь полезным.

Какое-то время мы стояли молча.

– Может быть, ты сможешь остаться здесь, – сказал Матас, теребя в руках перчатки. – Знаю, мы с тобой только встретились, но я чувствую... – Он замолк, смутившись.

– Я чувствую то же самое, – сказала я.

Сейчас кажется, что это звучало так глупо и драматично. Я с улыбкой вспоминаю, как быстро мы влюбились друг в друга. На такое способна лишь юность. Однако, думаю, по отношению ко мне и Матасу было бы несправедливо списать те мои чувства на легкомысленное увлечение молодой девушки. То, что все произошло столь быстро, не означало, что чувства не были серьезными. Иногда мне приходится самой напоминать себе об этом.

– Ты расскажешь мне, что знаешь? – спросила я. – Обещаю, мы еще снова увидимся. Я вернусь, как только смогу.

– Конечно. Но мне известно немного. Ее зовут Санджа Бауэр. Насколько помню, ничего особенного в ней не было. Я сам с ней никогда не разговаривал, но часто видел в городе. Она примерно нашего с тобой возраста.

– Лорд Бауэр сказал, что она ушла в монастырь, потому что ощутила тягу к той жизни.

Матас пожал плечами.

- Я знаю лишь то, что она в монастыре. Я никогда об этом не задумывался, но ушла она туда как-то внезапно. И с тех пор не покидала его, насколько мне известно.

Я нахмурилась.

- Но ведь от города до монастыря всего лишь миля, - сказала я. - В Учении Немы ведь нет заветов, запрещающих монахиням покидать его, верно?

Матас покачал головой.

- Нет, они все время выходят в город. Большинство неманцев придут сюда на время праздника Зимних Холодов. Можешь посмотреть, они сейчас все время суетятся вокруг храма. И по традиции каждую зиму приносят подарки в приюты и сиротские дома. Вообще, зимой им полагается давать кров попрошайкам, но, судя по замерзшим мертвецам у дверей храма, они этого делать не стали, - горько прибавил Матас.

Я рассеянно кивнула. Я помнила, как сама получала подобные подачки в Мулдау. Монахи и монахини порой приходили к нам и раздавали еду и старую одежду. Некоторые из них были глубоко благочестивы, но среди них находились и те, кто пользовался бедными и юными. Я не питала любви к сованской религии и искренне презирала лицемерие, заражавшее наиболее ярых ее последователей.

- Однако Санджа не выходит? - спросила я.

- Точно сказать не могу, но я, кажется, уже давно ее не видел. Может быть... пару лет?

- Тогда почему же все уверены, что она еще там? - спросила я.

- О, кажется, лорд Бауэр время от времени ее навещает. Думаю, она просто очень набожна. Всегда находится кто-нибудь, кто остается в стенах монастыря всю свою жизнь, особенно старики и калеки. А что же до остальных... Чего только религия с мозгами не сделает.

Я собиралась согласиться, как вдруг меня осенило.

- Ты сказал, что ее не видели уже пару лет?

- Ну, я ее столько не видел, - сказал Матас. - Это не значит, что и другие не видели.

- Но ты сказал «пару лет».

- Да.

- Два года?

Он пожал плечами.

- Наверное, примерно.

- Два года и три месяца?

- Нема, ну я уж так точно не помню!

- Вспомни!

Удивленный, он на время призадумался.

- Да, кажется. Точно, в последний раз я видел ее на ярмарке по случаю Сбора Урожая. И больше с ней не встречался.

Я лихорадочно соображала.

- Мне нужно поговорить с сэром Конрадом, - сказала я.

- Хелена, все хорошо? Что я такого сказал?

- Прости, мне нужно идти. - Сказав это, я услышала, как снаружи по грязи глухо прочавкали копыта и кто-то окликнул всадника с вершины башни. Всадник ответил, и я узнала голос Брессинджера.

- Это Дубайн, - сказала я и быстро чмокнула Матаса в щеку. - Мы скоро увидимся снова. - С этими словами я поспешила наружу.

- А, вот вы, - сказал сержант, увидев меня. - Мисс, вас хочет видеть какой-то джентльмен.

- Хелена! - позвал меня Брессинджер. Он сидел верхом на Гэрвине. Я ожидала, что он будет зол, но вид у него был встревоженный и нетерпеливый. - Я тебя битый час ищу.

- Мне нужно поговорить с сэром Конрадом, - сказала я, спешно спускаясь по ступеням со стены.

- Задница Немы, от тебя костром за милю разит, - сказал Брессинджер, когда я подошла. Он привез с собой мой плащ и указал кивком на тот, что был на мне. - Вернула бы ты его парню, а то он замерзнет.

Я быстро сняла плащ и поспешила обратно наверх, но меня перехватил сержант.

- Я ему отнесу, - сказал он и подмигнул. Я пробормотала: «Спасибо», - и снова спустилась к Брессинджеру.

- Давай быстрее, - сказал он и втащил меня на спину Гэрвина.

- Что за спешка? - спросила я, закутываясь в собственный плащ. - Я и так знаю, что должна поговорить с сэром Конрадом.

- Ага, «должна» не то слово, - сказал он, пуская Гэрвина галопом. - Но не о вашей перепалке. У нас появились новые заботы.

- Какие? Что произошло?

- Гонец принес сэру Конраду еще одно письмо. От сэра Отмара Фроста из Рилла.

- И что же написал сэр Отмар? - спросила я, перекрикивая ветер.

- Свои последние слова. Его убили.

IX

Возвращение в Рилл

«Не обращать внимания на дурные вести и мудрые советы столь же легко, как и на тех, кто их приносит и дает».

Старая пословица магистратов

Я до сих пор отчетливо помню, как мы ехали обратно через восточную часть города. С момента нашего с Матасом поцелуя мое сердце колотилось не переставая, но если раньше оно трепетало от радости, то теперь - от страха. И смерть сэра Отмара была лишь отчасти тому виной.

Вонвальт и я редко ругались. Мы препирались и отгрызались, как и все люди, много времени проводившие в компании друг друга, но до по-настоящему жаркой ссоры дело доходило редко. Вонвальта было трудно разозлить, и он, придерживаясь сованских нравов, считал неподобающим открыто выражать свои чувства на людях. Когда я горячилась, он обычно не обращал на меня внимания или отстранял от работы до тех пор, пока я не успокаивалась.

Поэтому, увидев Вонвальта в гневе, я испугалась. Несмотря на то что Брессинджер уверял меня в обратном, я ожидала, что разговор будет непростым.

Гэрвин несся по улицам быстрее, чем позволялось в стенах города. Снег еще не выпал, но тучи уже стусилились над Долиной, закрыв собой тусклое зимнее небо. Я вовсе не торопилась встретиться с Вонвальтом и потому совсем пала духом, когда мы приблизились к резиденции лорда Саутера. На центральных улицах города уже зажигали фонари, и с каждой минутой они пустели все больше - колючий мороз и приближающийся снегопад заставляли горожан и торговцев спешно расходиться по домам.

- Я поставлю коня в стойло, - сказал Брессинджер, когда стражник впустил нас в ворота и я спешила. - Сэр Конрад в своих покоях. - Он помедлил. -

Если хочешь, дам тебе совет: лучше честно расскажи ему, чего ты хочешь. Сэру Конраду нужно, чтобы его люди были собраны и сосредоточены на текущих делах. Он не может позволить, чтобы ты отвлекалась, особенно теперь.

К дому я шла как на виселицу. Я видела отблески света в окне Вонвальта на углу резиденции мэра. Войдя в дом, я сняла плащ. Никто из слуг не встретил меня. Я повесила плащ, сняла ботинки и поднялась по лестнице.

– Хелена, это ты? – позвал меня Вонвальт. Я попыталась понять по его голосу, в каком он настроении, но у меня не вышло.

– Да, – ответила я почти шепотом.

– Я у себя. Иди сюда.

Я пересекла коридор и вошла в комнату Вонвальта. Он снова сидел на банкетке у окна, одетый в одну лишь рубаху и короткие штаны, и курил трубку. В комнате витали табачный дым и запах вина со специями; у очага, в котором трещали и искрились полена, на небольшом столике стоял кубок.

– Дубайн рассказал тебе о сэре Отмаре? – спросил он.

– Рассказал, – ответила я.

– Значит, ты понимаешь, насколько все серьезно.

– Да.

– Хорошо. Тогда давай потратим пять минут, и не более, чтобы разрешить наши недомолвки. У меня есть заботы и поважнее, чем думать о том, нравлюсь я моему секретарю или нет.

Несмотря на его слова, он не выглядел разгневанным. Только мрачным.

– Я должна перед вами извиниться, – нервничая, сказала я.

– Да, должна, – сказал Вонвальт. – Садись.

Я села.

– Выпей вина.

Я налила себе вина и сделала большой глоток. Благодаря выпивке и пылавшему рядом огню я быстро согрелась.

Какое-то время мы сидели молча. Несмотря на то что мои первоначальные опасения уже развеялись, я ждала, когда Вонвальт заговорит.

– Когда я впервые увидел тебя, Хелена, – начал он, глядя в окно, – я испытал жалость. Ты была юной, одевалась в тряпье и старую, пожертвованную храмом одежду, питалась болотным элем и подачками. Твои родители были мертвы. Ты и сотни других оказались на попечении государства. – Он издал протяжный, тяжелый вздох. – Я, конечно, не был

сиротой, но я потерял мать в очень юном возрасте. Думаю, ты об этом уже знала. Болезнь не ведает чинов, она забирает императоров так же скоро, как и нищих. И так же она забрала мою мать. Мой отец заплатил врачам баснословные деньги, но они не смогли справиться. – Он сделал долгую затыжку из трубки. – Я лишь хочу сказать, Хелена, что знаю, каково это – потерять родителя в юном возрасте. И в старшем тоже.

Я жалел тебя, но при этом увидел в тебе потенциал. Он окутывал тебя, как аура. У тебя был цепкий, пронизательный взгляд. Храм занимал тебя всякой бессмысленной работой, однако ты все равно вела себя по-уличному. И все же я видел, что повадки эти – приобретенные, а не врожденные. Ты рядилась в них, как в плащ, чтобы выжить.

Я понял, что ты можешь быть мне полезна. Из всех попрошаек, шлюх, беспризорников и карманников того жалкого города лишь тебе хватило безрассудства попытаться ограбить меня, Правосудие Императора. Тогда я сделал тебя своей ученицей. Я научил тебя порядкам Совы и Ордена магистратов, законам Империи и юриспруденции. Я научил тебя языкам и манерам. Я дал тебе образование, какое многие лорды и мечтать не могут дать своим детям. Кроме того, я тебе еще и платил.

– Я знаю, что вела себя неблаго... – начала было я, но он поднял ладонь, заставив меня замолчать.

– Хелена, я не глуп. Я понимаю, что у юной девушки вроде тебя не может быть врожденного желания стать имперским магистратом. Я знаю, что наш образ жизни не позволяет нам заводить и поддерживать дружбу или отношения с другими людьми. Я не удивлен, что ты увлеклась этим юношей из стражи. Честно говоря, единственное, что меня удивляет, так это то, что ты только сейчас стала упираться. Сколько тебе, девятнадцать? Обычно в твоем возрасте девушки уже три года как замужем.

Он отпил вина и сделал затыжку.

– Ты очень дорога мне, Хелена... хотя и не в том отношении, на какое ты намекнула утром, – прибавил он с характерной суровостью, и я густо зарделась. – Но я не стану заставлять тебя заниматься тем делом, которое тебя не интересует, и вести такую жизнь, к которой у тебя не лежит душа. Ни тебе, ни мне не будет от этого никакого проку. Поэтому я хочу кое-что тебе предложить.

Я сидела как на иголках. Такого я совсем не ожидала. Я ждала, что Вонвальт устроит мне жесткую выволочку и решительно отправит восвояси. Из-за того, что он говорил со мной столь рассудительно, я почувствовала себя еще хуже. И я уже сомневалась, действительно ли хочу остаться в Долине Гейл. Разве мне, в конце концов, не наскучила бы подобная жизнь? Разве было не лучше остаться с Вонвальтом, пока мы не доберемся до Совы? Мои мысли настолько спутались, что мне хотелось кричать.

– Наши дела здесь продвигаются споро. Либо мы в ближайшие несколько дней выясним, кто убил леди Бауэр, либо этого не выяснит уже никто и никогда. Все это время ты будешь работать прилежно и усердно. Я постараюсь как можно чаще вовлекать тебя в расследование. Когда мы закончим, ты сможешь

решить, хочешь ты остаться у меня на службе в качестве секретаря и ученицы или же ты хочешь остаться здесь. Справедливое предложение?

Оно было справедливым. Оно было настолько совершенно, непредвзято справедливым, что я расплакалась.

- Простите, - сквозь слезы сказала я. - Простите меня за то, что я так себя вела в последнее время. Но я не могу повлиять на то, что чувствую. Я не знаю, как мне поступить.

Я не часто плакала в присутствии Вонвальта, и ему явно стало неловко.

- Я не пытаюсь расстроить тебя, Хелена, - сказал он. - Я пытаюсь найти решение, которое подойдет нам обоим. Видишь ли, как бы мне ни хотелось, чтобы ты осталась моей ученицей, если ты будешь злиться и обижаться на меня, то станешь плохо работать, и тогда мы неизбежно расстанемся на дурной ноте. И мы оба не хотим этого, верно?

- Нет, - сказала я, быстро утирая глаза. - Нет, я этого совсем не хочу.

- Вот и хорошо. - Вонвальт потушил трубку и встал. Подняв лежавшее рядом письмо, он передал его мне. Я увидела сверху оттиск герба сэра Отмара - голову вепря и сломанное копье - и по неровному почерку поняла, что письмо писалось в сильной спешке. Пергамент был испачкан большими коричневыми пятнами застарелой крови.

- Что произошло? - спросила я. Моя рука чуть дрожала.

- Юноша из Кольста нашел сэра Отмара в сторожевой башне на кургане Габлера. Сэр Отмар был смертельно ранен. Он дал мальчишке свою печать и достаточно денег, чтобы тот мог воспользоваться Имперской Эстафетой, после чего велел найти меня. - Вонвальт указал на письмо. - Прочти.

Я снова посмотрела на письмо. Оно содержало всего три строчки, и я смогла разобрать лишь несколько слов:

сэр конрд

все в Рилле убиты

СВЯЩЕННИК

- Князь Преисподней его раздери, - пробормотала я и подняла глаза. - Клавер.

- Идем, - сказал Вонвальт. - Лорд Саутер и сэр Радомир ждут. Нам предстоит разобраться с куда более важным делом.

* * *

Мэр, сэр Радомир и Брессинджер сидели в приемной; последние двое, не снимая верхней одежды, грелись у очага. Когда мы вошли, лорд Саутер встал.

- Правосудие, вы получили дурные вести, - сказал он, заламывая руки.

- Редко проходит день, чтобы я их не получал, - сказал Вонвальт. - Сядьте, все. Я буду краток.

Все сели. Вонвальт остался стоять, словно обращаясь к судебному заседанию.

- В самом конце Вандагара, в канун Госса, мы проезжали через небольшую деревушку в Толсбурге. Рилл. Как оказалось, жители этой деревни широко практиковали драздизм.

Сэр Радомир кивнул.

- На севере это довольно частое явление.

- Именно, - сказал Вонвальт. - Теми землями владел сэр Отмар Фрост. Он был небогат, но показался мне порядочным человеком, заботящимся о вверенных ему людях. Я оштрафовал его за то, что он закрывал глаза на проведение драздических ритуалов, и постановил воздвигнуть святилище Немы где-нибудь на видном месте.

- Справедливое решение, - неуверенно пробормотал лорд Саутер. В разных местах к драздизму относились по-разному, но Долине Гейл, скорее всего, не приходилось иметь дело с языческими бунтами, как городам и крепостям у толской границы и на северо-западе Хаунерсхайма.

Вонвальт вздохнул. Я видела, что он в гневе.

- В то время мы путешествовали вместе с молодым и ревностным неманским священником. Он не согласился с тем, как я поступил с жителями деревни, - хотя и не имел на то никаких оснований, - и мы дурно с ним расстались. Позже я узнал от коллеги, что этот священник нашел союзника в лице маркграфа Моргарда. А сегодня я получил письмо от сэра Отмара, в котором тот сообщил, что все жители деревни и он сам были убиты. Боюсь, что после нашего расставания священник воспользовался своей дружбой с маркграфом, чтобы взять дело в свои руки.

- Разве идти наперекор постановлениям Правосудия - это не измена? - спросил сэр Радомир.

- Измена, - сказал Вонвальт.

- Что вы собираетесь делать? - помолчав, спросил сэр Радомир.

Вонвальт выпрямился во весь рост.

– Я должен выяснить, что произошло. Я предполагаю, что священник Клавер повел отряд рекрутов, только вступивших в ряды храмовников, к югу от Моргарда.

Сэр Радомир медленно кивнул.

– Солдаты той крепости славятся своей жестокостью.

– Но ведь это крепость Империи! – сказал лорд Саутер. – Они обязаны подчиняться законам Сове.. и вашим постановлениям, Правосудие! Разве не так?

Вонвальт пожал плечами.

– Север – дикое и бесплодное место, – сказал он. – Во многом столь же суровое, как и Пограничье. На Моргард часто нападают северяне и язычники. У маркграфа наверняка есть свое видение того, как нужно поступать с деревнями вроде Рилла, особенно если он глубоко религиозный человек.

– Но ведь ему не дано подобной власти, – сказал сэр Радомир.

– Нет, – сказал Вонвальт. – Не дано. Именно поэтому я должен провести срочное расследование.

– Вы собираетесь покинуть Долину? – спросил Саутер.

– Да, – сказал Вонвальт. – Полагаю, меня не будет до конца Русена. Учитывая обстоятельства, время для отъезда сейчас самое неподходящее; однако я должен с сожалением сказать, что эти события несколько превосходят по важности убийство леди Бауэр. Дубайн останется здесь и будет действовать от моего имени. Он продолжит помогать сэру Радомиру.

Я сразу же посмотрела на Брессинджера, который принял эти неприятные известия, просто кивнув. Я не сомневалась, что позже, с глазу на глаз, пристав станет возражать, но прилюдно он не мог этого сделать.

– Откладывать отъезд до утра бессмысленно. Я немедленно отправлюсь в Васаю, – сказал Вонвальт. – Лорд Саутер, вы собирались предоставить мне список членов городского совета и их обязанностей. Пожалуйста, проследите, чтобы теперь этот список получил Дубайн.

– Конечно, – сказал лорд Саутер, растерянный и взволнованный. Было заметно, что ни он, ни сэр Радомир не хотят, чтобы Вонвальт уезжал.

– В таком случае я прощаюсь с вами.. на время, – сказал Вонвальт, целеустремленно двигаясь вперед. – Дубайн, Хелена, идите со мной.

На этом обсуждение закончилось. Брессинджер и я покинули приемную и пошли за Вонвальтом наверх, в его комнату. Он закрыл за нами дверь.

– Сир, вы не можете.. – начал было Брессинджер, предсказуемый, как часы, но Вонвальт прервал его.

- Нет, Дубайн, ты со мной не поедешь. Ты нужен мне здесь. Несмотря на все усилия сэра Радомира, я боюсь, что без имперского вмешательства расследование завершится неудачей. Изучи список, который тебе даст лорд Саутер, и узнай во всех подробностях, чем занимается Бауэр в городском совете. Когда выяснишь, в чем заключаются его обязанности, расспроси о них других людей - в особенности удели внимание тому, о чем он не считал нужным рассказать нам.

- Как скажете, сир, - недовольно сказал Брессинджер. Вонвальт не обратил внимания на его тон. Он был слишком занят тем, что складывал вещи в кожаную сумку. Он собирался отправиться в путь налегке.

- Следующий важнейший шаг заключается в том, чтобы разыскать Зорана Вотта. Он - ключ, который откроет следующую дверь. Жаль, что меня здесь не будет и я не смогу применить к нему Голос Императора. Тебе придется вытянуть из него все, что только сможешь, - законными методами.

- Хорошо, сир, - сказал Брессинджер.

- Хелена, что ты узнала о дочери Бауэра? Ты выяснила хоть что-нибудь?

Воодушевление, которое я испытала во время разговора с Матасом, настолько затерялось в последовавшем водовороте событий, что теперь, когда я заговорила, в моем голосе было больше неловкости, чем энтузиазма.

- Санджа Бауэр, - сказала я. - Так ее зовут. Матас рассказал, что она была обычной девушкой. Он не очень хорошо ее знал, но они были знакомы, и он часто видел ее в городе. Она не казалась ему особо набожной, и Матас не смог вспомнить каких-либо очевидных причин, из-за чего она могла бы уйти в монастырь. - Я помедлила, вспоминая, как воодушевилась из-за полученных сведений. Однако снова пробудить в себе те чувства не смогла. - Любопытнее всего мне показалось то, когда это произошло. Она подалась в монахини чуть больше двух лет назад.

Вонвальт помедлил.

- Примерно в то же время, когда Зоран Вотт подал жалобу на лорда Бауэра.

- Именно, - сказала я.

Вонвальт потер подбородок.

- Нема, а это действительно любопытно.

- Это может быть совпадением, - сказал Брессинджер.

- Знаю, - раздраженно сказал Вонвальт. - Она когда-нибудь покидает монастырь?

Я помотала головой.

- Судя по всему, нет. Похоже, ее не видели с тех пор, как она ушла.

- Это ведь не один из тех монастырей, куда уходят от внешнего мира навсегда? - спросил Вонвальт.

- Нет, монахи и монахини выходят в город во время праздника Зимних Холодов.

- Я их видел, - подтвердил Брессинджер.

- Узнай обо всем поподробнее, Дубайн, но осторожно. Выясни побольше об этом монастыре и поспрашивай о Сандже Бауэр. Конечно, бывает, что некоторые люди внезапно становятся глубоко верующими, но то, что это случилось именно тогда, вряд ли совпадение.

Брессинджер кивнул.

- Хорошо, я все выясню.

Вонвальт кивнул. Он протянул руку, и они с Брессинджером попрощались традиционным сованским рукопожатием - взяв друг друга за предплечья.

- Я вернусь самое позднее к концу Русена. Если этого не случится, значит, что-то пошло не так. Как бы там ни было, я постараюсь передать тебе весточку.

- А мне что делать? - спросила я. Они оба повернулись ко мне.

- Как же, Хелена, - сказал Вонвальт. - Ты поедешь со мной.

* * *

Мы провели немало холодных ночей, путешествуя по северным землям Империи, но путь от Долины Гейл до Васаи был по сравнению с этим сущим кошмаром. Ледяные порывы ветра рассекали открытые равнины, как коса жнеца. Копыта Винченито грохотали по Хаунерской дороге и покрывали нас брызгами грязи. Коварный снег оседал на наших старых воценых плащах и проникал в волокна, так что холод ложился нам на плечи мертвым грузом.

И все же мы очертя голову неслись вперед. Я изо всех сил цеплялась за Вонвальта, и мои пальцы затекли. Мое лицо сначала больно щипало, а затем онемело. Я неудержимо тряслась от ветра и влаги. Я понимала, что мы не сможем долго поддерживать такой темп, но Винченито скакал дальше, не обращая внимания на темную пустую Хаунерскую дорогу и ее опасности. Все-таки он был старым боевым скакуном.

Мы добрались до Васаи за несколько часов, хотя казалось, что ехали всю ночь. Окруженный крепостными стенами город был небольшим, вдвое меньше Долины Гейл. Мы подъехали к главным воротам и спешили.

– Кто идет? – окликнул нас со стены привратник. Он был облачен в кольчугу, и я смогла разглядеть цвета Империи на его сюрко. Город за его спиной тихо и мирно спал в ночи.

– Мне нужно воспользоваться Эстафетой, – крикнул Вонвальт. – Две лошади, готовые выехать немедленно.

– Хорошо, сир, – сказал привратник. Вонвальт предъявил свою гербовую печать, и тот прищурился, пытаясь ее разглядеть. – Подождите, – сказал он. – Я спущусь.

Мы ждали; наше дыхание клубами пара разлеталось в воздухе, а вокруг падал снег. Я дрожала, с тоской глядя на жаровни по обе стороны от ворот.

В главных воротах открылась маленькая дверь. Вонвальт подошел и снова предъявил печать.

– Правосудие... сэр Конрад, – сказал привратник, вдруг смутившись. Он отсалютовал Вонвальту, коснувшись полей шлема, и махнул кому-то, кого мы не видели. Через несколько мгновений тяжелая железная решетка с грохотом поднялась.

Мы вошли внутрь, и сразу за воротами я увидела стойла с двадцатью или тридцатью рысаками, крепкими, откормленными, ухоженными и оплаченными золотом из императорского кошелька. Передо мной было одно из звеньев очень длинной цепи, которая называлась Имперской Эстафетой. Она тянулась от Моргарда, располагавшегося на самом севере Хаунерской дороги, до самой южной ее точки, находившейся в Грозоде. Это был самый быстрый способ передать сообщение с окраин Империи к тронному залу в Сове.

Идея была прекрасной и простой. Вместо того чтобы заставлять одну лошадь нести на себе гонца тысячу миль, почему бы не расставить по пути сотню лошадей, каждая из которых пронесет его лишь десять миль? Сованцы уже много веков пользовались неким подобием этой системы и теперь лишь протянули ее через всю Империю. Расстояния стали больше, но принцип остался прежним.

Мы быстро прошагали по слякоти и вошли в стойла. Кто-то разбудил мальчишек-конюхов, дежуривших ночью, и те, заспанные, переложили наши вещи с Винченто на двух новых лошадей, которые должны были отвезти меня и Вонвальта на север. Все прошло быстро и без лишних слов. Привратник подвел нас к дежурному старшему конюху, который убедился, что Вонвальт знает, как ехать на север. Все было просто: нам следовало лишь ехать по Хаунерской дороге до следующей станции Эстафеты в Эспе, в десяти милях отсюда.

Уже через несколько минут мы вышли из ворот, и конюхи вывели наших лошадей на дорогу. Животных почти не пришлось понукать; я чуть не свалилась со своей, когда она сорвалась с места, припустив резвым галопом, и мы понеслись в снежную тьму.

* * *

Путешествие быстро стало утомительным. Мы гнали лошадей десять миль, пока те не начинали исходить пеной изо рта и обливаться потом. Это занимало почти час. Затем мы добирались до следующей станции Эстафеты, перекладывали наши вещи на новую пару лошадей и повторяли весь этот изнурительный процесс. Нам оставалось лишь держаться крепче и стараться не думать о холоде. Лошади были хорошо выучены и знали дорогу. Мы почти не направляли их; к тому же Хаунерская дорога была широкой и содержалась в порядке. Из-за ее стратегической важности на лордов, владевших землями, через которые она пролежала, возлагались тяжелые повинности, согласно которым они должны были поддерживать дорогу в хорошем состоянии. Но ни это, ни щедрые суммы, затраченные на ее содержание, не спасали дорогу от беспощадной северной зимы: некоторые ее участки затопило или они размякли от слякоти, а из-за снега часть мощения растрескалась.

Наступил рассвет, и вместе с ним движение стало более плотным. Те, кто часто путешествовал по Хаунерской дороге, прислушивались к грохоту копыт и заранее отходили в сторону; остальные же вместе со своими пожитками нередко оказывались в грязных канавах по сторонам дороги. Вонвальт и я были не единственными, кто пользовался Эстафетой, и порой мы проносились мимо какого-нибудь гонца, видного сановника или даже другого Правосудия, двигавшихся навстречу нам. То были краткие моменты разнообразия в том монотонном и утомительном путешествии. Поначалу я испытывала воодушевление от того, что мы ехали по официальному делу, и от восхищенных, сбитых с толку взглядов других, когда мы проносились мимо с криками: «Дорогу!» – но все это быстро прошло. Внутренние стороны моих бедер превратились в сплошной синяк, а кости таза, казалось, были готовы треснуть от постоянных ударов о спину лошади. Ветер раздувал мой плащ, как парус, и каждая мышца нещадно ныла от одного лишь усилия удержаться на спине животного. Так мы провели несколько дней и ночей, постоянно меняя лошадей и ненадолго останавливаясь в тесных, холодных, практичных комнатах путевых фортов, которые составляли большую часть станций Эстафеты. Однако наконец Вонвальт догадался, что нам нужно отдохнуть.

Мы остановились в небольшом, не защищенном стенами городке под названием Йоск. За половину недели мы проехали почти две сотни миль, и к тому моменту, когда наши лошади пробрались через грязь к станции Эстафеты на окраине города, мне казалось, что надо мной надругался сам Казивар. В кои-то веки снежные тучи рассеялись, и над нами, сверкая звездами, простерлось темно-синее вечернее небо. Облака пара, поднимавшиеся от дыхания наших коней и их всадников, клубились в сумеречном воздухе. От холода мое тело онемело и заоченело, как труп.

– Мы движемся быстрее, чем я рассчитывал, – угрюмо сказал Вонвальт. Его борода отросла и стала неопрятной, а шарф, который он натянул до самого носа, покрылся льдом в том месте, где осело его влажное дыхание.

Мне едва хватило сил, чтобы ему ответить. Я что-то пробормотала себе под нос, но в тот же миг моя лошадь решила заржать.

– Говори яснее, Хелена, – сказал Вонвальт. По его голосу я слышала, что он улыбается. – И не надо ржать.

Даже будучи в столь жалком состоянии, я не сдержалась и рассмеялась. Смех перешел в истерический хохот, и вскоре я уже плакала, а холод грозил приморозить слезы прямо к моим щекам. Подошедший к нам стражник растерялся при виде двух путников, с ног до головы покрытых замерзшей грязью и от души хохочущих.

– Я попросил моего секретаря не ржать как лошадь, – пояснил Вонвальт, когда смог взять себя в руки.

Стражник, взявший лошадей под уздцы, лишь закатил глаза.

– Эту шутку я уже слышал, – сказал он, и мы прошли вслед за ним в Йоск.

* * *

Мы двигались по Эстафете еще один день и одну ночь, а затем сдали наших лошадей на имперской станции в Бакире, у границы Толсбурга. Там, в местной конюшне, мы наняли двух других верховых лошадей, свернули с Хаунерской дороги и поехали по полям в сторону Рилла.

На этот раз мы подъезжали к деревне с востока, двигаясь по направлению к Толсбургским Маркам, чьи серые склоны и острые пики возвышались далеко на горизонте, похожие на гигантские выщербленные зубы. Землю здесь покрывал сверкающий снежный ковер, отчего эти места казались еще более унылыми и безликими, чем прежде. Мы пересекали поля совершенной белизны, проезжали мимо голых скелетов деревьев и погребенных под снегом путевых камней. Лишь бледное сияние солнца, тщившегося пробиться через облачный покров, помогало нам ориентироваться. Снег приглушал все звуки, и после грохочущей скачки по Имперской Эстафете казалось, что теперь мы тащимся медленно и зловеще тихо.

Весь день мы ехали по полям. Кони оставляли за собой глубокие борозды и были явно недовольны тем, что их заставляли тащиться по снегу, утопая по икры. Воздух кололся морозом, и в нем плясали снежинки. Выдохи – наши и животных – клубились большими облаками тумана. Несмотря на множество слоев одежды на мне, ветер, как нож изо льда, прорывался через мой местами прохудившийся вощеный плащ.

В середине дня мы увидели знакомый ориентир – старую заброшенную сторожевую башню на кургане Габлера. Поскольку каменное строение находилось в четверти дня пути от Рилла, а Вонвальт не хотел подъезжать к деревне впотьмах, мы направились к башне.

– Кроме того, тело сэра Отмара все еще может быть там, – сказал Вонвальт. Из-за снега его голос прозвучал необычайно тихо.

Пустив лошадей рысью, мы подъехали к башне. Она представляла собой единый столп из серого камня, примерно двадцать ярдов в поперечнике. Ее было легко заметить на пустынной местности, поскольку она была единственным рукотворным сооружением в округе. Она походила на монолит, зловещий и одинокий, и, приближаясь к ней, я испытывала растущее чувство страха. Но нам нужно было где-то укрыться на ночь, и башня была единственным местом поблизости, где мы могли это сделать.

Через час скачки мы подъехали к ее покрытому лишайником основанию. Я оглянулась и проследила взглядом борозды в снегу, оставленные нашими лошадьми. Несмотря на то что мы уже десятки миль не видели ни единой живой души, я вдруг испугалась, что кто-нибудь поедет вслед за нами. Я молилась, чтобы снег пошел сильнее и замел следы.

А еще я жалела, что с нами нет Дубайна.

– Да, его тело еще внутри, – мрачно сказал Вонвальт, выходя из башни наружу. Увидев выражение ужаса на моем лице, он прибавил: – Там нет ничего страшного. От холода труп заоченел. Если бы не следы крови, можно было бы подумать, что он просто спит.

– Я не хочу туда входить, – сказала я. Не знаю, почему я тогда так распереживалась, ведь до этого я много раз видела мертвецов. Но по какой-то причине я никак не могла избавиться от глубочайшего дурного предчувствия.

– Придется, – сказал Вонвальт. Он посмотрел на небо. – Уже смеркается, и нам понадобятся дрова для костра. Брось, Хелена, это всего лишь мертвец. Нема тому свидетель, ты их повидала немало.

Я с досадой пнула снег.

– Вы можете его убрать? – жалобно спросила я.

Вонвальт с удивленным видом посмотрел на меня.

– Конечно, – сказал он. – Ты что, думала, будто я хочу провести ночь под одной крышей с ним?

Я чуть не заплакала от облегчения.

– Я могу собрать дров, – поспешно сказала я. Лес, в котором леди Фрост проводила свои языческие богослужения, находился всего в миле от нас, и, хотя он казался темным и запретным, бродить в нем все же было лучше, чем смотреть, как Вонвальт вытаскивает мертвеца на снег.

Вонвальт кивнул и снова посмотрел на небо.

– Но поторопись. Помнишь, что нужно искать?

– Да, – раздраженно ответила я. – И я принесу столько, чтобы хватило на всю ночь.

– Хорошо, – сказал он. – Я пока осмотрю тело. Когда вернешься, не входи внутрь сразу, а сначала позови меня. Это важно.

– Ладно, – ответила я, решив, что Вонвальт просто хочет умыться и переодеться.

Путь до леса занял больше времени, чем я ожидала. Лошадь замерзла, не слушалась и хотела остаться с подветренной стороны башни, так что ей не понравилось, когда я стала понукать ее пятками. Но животное не приняло в расчет мой собственный страх – а я боялась оказаться в лесу после наступления темноты, и мысль об этом пугала меня даже больше башни. Так что в конце концов лошадь поддалась моим уговорам.

Я спешила на край леса. Он представлял собой темное безмолвное сплетение деревьев, которое казалось бесконечным, и я ощущала себя так, словно стояла на краю известного мира. Не переставая говорить с лошадью, чтобы справиться со страхом, я быстро собрала несколько охапок веток, связала их, подвесила к седлу, а затем снова оседлала лошадь. К тому времени, когда я поехала обратно, уже наступили сумерки, и ветер усилился.

Я добралась до башни и собралась было уже войти внутрь, чтобы укрыться от холода, но вдруг резко остановилась. Изнутри доносился голос, и принадлежал он не Вонвальту. Однако вокруг ничто не указывало на то, что к нам кто-то присоединился. Следы, которые мы оставили, прокладывая путь по этим землям, уже замело снегом.

Я напрягла слух, решив, что, наверное, перепутала голос с завываниями ветра, гулявшего среди ветхих зубцов сторожевой башни. Но нет, все-таки кто-то говорил – и этим кем-то был не Вонвальт.

Я слезла с лошади и медленно приблизилась ко входу в башню. Свежевыпавший снег поскрипывал под моими ногами. То страшное предчувствие, которое я испытала, когда мы только подъехали сюда, вернулось. Мои ноги налились свинцом. Когда ветер снова стих, я отчетливо услышала голос Вонвальта, но не разобрала, что именно он говорит.

Второй голос принадлежал сэру Отмару Фросту.

Меня охватила столь сильная дрожь, что на миг помутнело в глазах. Глубочайший ужас обуял меня. Я пошатнулась на месте, не в силах сделать еще один шаг. Мои ноги будто вросли в землю.

Вонвальт нечасто прибегал к некромантии. Как я уже говорила, за нее приходилось платить большую цену, и после сеансов Вонвальт оставался совершенно без сил. Кроме того, они выводили его из душевного равновесия. Но то, что Вонвальт пользовался некромантией нечасто, не означало, что он не пользовался ею вовсе. Некромантия была мощным инструментом, помогавшим в расследованиях, а нужные слова или имена, полученные из уст жертвы, могли мгновенно раскрыть дело. Но до тех пор я еще ни разу не видела, как проходит сеанс, и это лишь подпитывало ужасы, рождавшиеся в моем воображении.

Теперь я ясно слышала голос сэра Отмара. Казалось, барон не в себе, но говорил он отчетливо и много. Порой из него вырывался поток бессмыслицы, словно в его голове всплывали старые воспоминания или же его поврежденный разум восставал против того, что с ним происходило. Но большую часть разговора он вел вполне осознанно.

И это было совершенно невыносимо. Ситуация казалась мне столь темной и неестественной, что я не могла слушать дальше. Вместо этого я закрыла уши руками и закричала.

* * *

Что происходило дальше, я осознавала смутно; помню лишь, как пришла в себя уже в башне, лежа рядом с потрескивающим костром. Сэр Отмара нигде не было. Вонвальт сидел рядом и курил трубку.

– Простите, – сказала я, выведя его из оцепенения. Он посмотрел на меня, но, судя по печальному выражению лица, его мысли были где-то далеко. Мне это не понравилось. Было ужасно видеть его таким... затравленным. Таким несовершенным. Я никогда не забуду, как он выглядел в тот миг. Сэр Конрад? – позвала я. Его вид начинал пугать меня.

– Да, – сказал он и тряхнул головой, словно отгоняя воспоминания. – Да. Прости. Это я должен извиниться. Мне стоило предупредить тебя о том, что я намереваюсь сделать. Я думал, что ты будешь собирать хворост дольше. Я не хотел... напугать тебя. Но тело замерзло и сохранилось почти идеально – я не мог упустить столь отличную возможность.

Я ничего не сказала. Несмотря на тепло, исходившее от огня, и на то, что мы были укрыты от ветра, я никак не могла перестать слышать в своей голове голос сэра Отмара.

– Это сделал Клавер, как и было написано в письме, – негромко сказал Вонвальт. Я не ответила, и Вонвальт не отвел глаз от огня. – Их сожгли. Всех. Но не сразу.

– Боги, – прошептала я. Мне стало дурно.

Вонвальт сделал долгую затяжку из трубки.

– Попытайся поспать, Хелена, – сказал он. – Я посижу за костром.

Хотя той долгой холодной ночью я даже думать не могла о сне, в какой-то миг я все же провалилась в беспамятство. Проснувшись на следующее утро, я увидела, как Вонвальт поджаривает хлеб. Верный своему обещанию, он всю ночь не давал огню угаснуть, что объясняло, как я вообще смогла поспать. Во время наших путешествий я часто просыпалась прямо перед рассветом рядом с тлеющими остатками костра, безудержно дрожа от холода, пробиравшего меня до самых костей.

Вонвальт, судя по виду, за ночь не сомкнул глаз.

– Держи, – сказал он, протягивая мне поджаренный хлеб. – В сумке за тобой есть немного мяса.

Мы молча поели, затем собрали вещи. Вонвальт, выходя наружу, сказал мне подождать в башне – якобы чтобы он мог совершить утренний туалет, хотя на самом деле он собирался убрать тело сэра Отмара. Я догадывалась, что оно где-то неподалеку. Чуть позже Вонвальт вернулся и в своей деликатной манере велел мне тоже «воспользоваться удобствами» – та еще радость на столь зверском холоде. Затем, завершив все приготовления, мы направили наших лошадей в сторону Рилла.

Утром ненадолго появилось солнце, но вскоре оно скрылось за облаком, и через час мы уже ехали под низким серым потолком. Ужас прошлого вечера уже казался мне далеким воспоминанием; кроме того, кое-что хорошее из него все же вышло – мы не сильно удивились, увидев на месте Рилла обугленные балки и растрескавшиеся фундаменты.

Мы смотрели на то, что осталось от деревни, почти отрешенно. Учítывая, что ее сожгли пару недель назад, руины уже по большей части завалило снегом – как и останки несчастных драэdistов, живших здесь. Вонвальт провел час, бродя и вороша снег, пока не нашел место, где Клавер и его шайка возвели костры, на которых сожгли местных жителей. Он стал мрачно перебирать кости. Среди них я увидела грудную клетку, явно принадлежавшую маленькому ребенку, и тихо заплакала, сидя верхом на моей лошади.

– Их сожгли здесь, – уставшим голосом сказал Вонвальт, указывая себе под ноги. Рукой, облаченной в перчатку, он перевернул кости в куче. – Следы от клинков здесь тоже есть. Видишь зарубки?

Я кивнула, глядя туда, куда он указывал. Я все еще не спешила. Моя лошадь мирно щипала траву в том месте, где Вонвальт откинул снег в сторону.

– Мечи носят с собой солдаты, – сказал Вонвальт, поднимаясь. Он посмотрел на северо-восток, щурясь так, словно пытался разглядеть вдалеке Моргард. – У крестьян не было шансов.

Вонвальт устало обошел руины. Поместье сэра Отмара, будучи чуть более крепким, чем остальные дома, сохранилось немного лучше, хотя крышу пламя пожрало полностью. Я видела, как Вонвальт вошел внутрь и через несколько минут вышел наружу. Он поднял на меня глаза.

– Не ходи туда, – сказал он.

В ответ я смогла лишь кивнуть.

Я давно не видела Вонвальта таким разгневанным. Рилльское пепелище представляло собой нечто большее, нежели просто жестокую и бессмысленную гибель мирной деревни. Оно означало начало упадка верховенства общего права. Когда-то даже такой фанатик, как Клавер, не мог и помыслить, чтобы пойти наперекор решению Правосудия. А теперь мы ходили среди обуглившихся

свидетельств его неповиновения. Несмотря на все: на письмо Правосудия Августы, на покушение на жизнь Вонвальта, на письмо сэра Отмара – и даже на разговор с сэром Отмаром, – я все же думаю, что Вонвальт до конца не верил, что кто-то осмелится бросить столь вопиющий вызов власти Ордена магистратов. Его разум не мог этого принять. Для него верховенство закона было нерушимым фактом.

В конце концов он вернулся к своей лошади. Полдень уже прошел, и, учитывая это, я предполагала, что мы снова разобьем лагерь в сторожевой башне. Я сильно удивилась, когда час спустя мы, не останавливаясь, проехали мимо старого укрепления и выехали на заснеженные просторы за ним.

Я прокашлялась, помня о том, что вот-вот наступят холодные зимние сумерки.

– Куда мы едем?

– Прямоком в Моргард, – сквозь стиснутые зубы ответил Вонвальт. – Каков бы ни был титул его властелина, меня это не заботит. За свое преступление маркграф Вестенхольц будет повешен.

X

Моргард

«Все лорды должны быть взволнованы появлением Правосудия, услужливы во время его пребывания рядом и испытывать облегчение после его отъезда».

Старая пословица магистратов

Однажды мы уже посещали Моргард – он находился в самой верхней точке петли, по которой мы объезжали земли далекой Соы. Тем не менее, когда мы подъехали к нему во второй раз, дух у меня захватило не меньше прежнего. Моргард был последним бастионом Империи, протянутой когтистой лапой Аутуна. За ним простиралось Северное море, бурлящее, ледяное и серое, – единственное, что отделяло материк от королевств стойких северян. Как и Пограничье на юге, север был по-своему таинственен: пугающая, пустынная страна, холодная, убогая степь, где обитали холодные, убогие люди.

Моргард был огромной крепостью. Когда-то отсюда правили старые хаунерские короли, пока полвека назад Империя не поглотила Хаунерсхайм. Его стены, башни и донжон были возведены из местного черного камня, и я часто

слышала, как крепость называли домом Казивара. Описание было точным. Это место словно нарочно создали таким, чтобы оно внушало ужас; и я, глядя на огромные темные, как вулканическое стекло, стены, вздымавшиеся со скал, могла с уверенностью сказать, что его создатели справились со своей задачей.

Несмотря на регулярные патрули, в которые ходил гарнизон крепости, северяне часто устраивали набеги на прибрежные города и порты Хаунерсхайма, и поэтому многие в спешке снимались с места и селились в тени самой крепости – тем самым нарушая указы Империи, согласно которым вокруг большинства имперских укреплений, сразу за наружной крепостной стеной, следовало оставлять полмили голой земли. Поэтому, чтобы приблизиться к главным воротам, мы должны были проехать через бурно разрастающийся город. Местные почти не обращали на нас внимания; они привыкли видеть, как в Моргард приезжают и уезжают чиновники Империи. Продолжая заниматься своими делами, эти люди – вечно мерзнущие, изможденные жестокими зимами и постоянным страхом нападения – двигались уныло и скованно. Снег здесь был растоптан в грязную жижу, а воздух насыщали запахи морской воды и дыма от очагов.

Мы ехали к воротам, и толстые каменные стены крепости зловеще возвышались над нами. Они были похожи на отвесные склоны скалы высотой в сорок футов, и я увидела, что по ним ходят дозорные в красно-желтых с голубым ливреях Империи. Должно быть, в ясную погоду они видели все на тридцать миль вокруг. Над ними кричали морские птицы, искавшие ошметки рыб в городе внизу.

У ворот к нам подошли стражники. Они узнали нас с предыдущего визита и позволили войти, не задерживая. Мальчишки-конюхи быстро увели наших лошадей, и дежурный сержант выбежал из сторожки у ворот, чтобы официально поприветствовать нас.

– Правосудие, – сказал он, кланяясь. Сержант был крепким и сильным, но при этом полноватым – что было обычным делом для тех, кто питался из замковых погребов. Маркграф слыл строгим человеком, но он хорошо обращался со своими людьми. Состоять в гарнизоне Моргарда и патрулировать побережье было тяжело, но, как ни странно, эта служба привлекала лучших военных лордов Империи. Среди аристократов считалось престижным служить здесь; замок был огромен и хорошо содержался, и они гарантированно могли поучаствовать в схватках с врагом. Многие аристократы старались заполучить титул маркграфа Моргарда с тем же рвением, с каким они стремились возглавить форты храмовников на южном Пограничье и на восточной границе, шедшей вдоль реки Кова.

– Сержант, – ответил Вонвальт. – Я желаю немедленно видеть маркграфа.

Сержант взволнованно поклонился.

– Я могу проводить вас в замок, сир, но не могу пообещать немедленную аудиенцию с маркграфом.

Мы последовали за сержантом в наружный двор, который лишь благодаря щедро разложенной соломе не превратился в грязное, вонючее месиво, истоптанное несколькими дюжинами вооруженных мужчин и их лошадьми. Затем мы прошли

через вторые ворота, поменьше, и оказались во внутреннем дворе. Двор был вымощен булыжником, и над ним возвышалась широкая деревянная пристройка с приставными ступенями, обеспечивавшими единственный доступ внутрь. Крепость не была отделана вычурными украшениями, какие я видела в других имперских укреплениях и путевых фортах – а некоторые из этих укреплений представляли собой просто большие поместья, окруженные зубчатой стеной.

Сержант повел нас по лестнице к главному входу – к небольшой двери с аркой, перекрытой несколькими железными решетками. Поговорив с еще одним стражником, мы вошли в низкий обшарпанный коридор, который вел к комнате, где нас попросили разоружиться. Там Вонвальт отдал свой меч и кинжал извинившемуся стражнику, а затем мы прошли в главный вестибюль.

Там мы и остались.

Мы прождали, наверное, около получаса, прежде чем появился дружинник из свиты маркграфа – молодой юноша в дорогой на вид одежде из овечьей шерсти.

– Сэр Конрад, прошу меня извинить, – сказал он, низко и неискренне кланяясь. – Сейчас лорд Вестенхольц занят неотложными делами военного толка. Он приветствует вас в своем замке и просит принять его гостеприимство. Мне было поручено отвести вас в ваши покои и предоставить вам еду и напитки... если вы изволите?

Вонвальт заскрежетал зубами. Будучи представителем Императора, он обладал большой властью. Он был воплощением имперского правосудия. Я видела, как он входил в залы прямо во время деликатных переговоров между высокопоставленными сованскими дворянами, прерывал важные судебные заседания и даже как-то раз остановил свадьбу. Но он всегда избегал вмешательства в военные дела. Благодаря своим полномочиям Вонвальт имел право присутствовать на самых секретных военных совещаниях, проводимых самыми высокопоставленными генералами этих земель, однако он по праву считал это неблагоразумным. Орден магистратов Империи давным-давно уяснил, что, вмешавшись в дела императорских армий, можно расшибить себе лоб о глухую стену Его исполнительной власти.

Маркграф был явно хитер и понимал, что если Вонвальт не решит действовать опрометчиво, то ему останется лишь ждать. Таким жестом Вестенхольц показывал нам, кто здесь хозяин, и это оскорбило Вонвальта до глубины души.

– Вот как, – наконец сказал Вонвальт. Он заговорил в основном для того, чтобы смутить посланника, которому явно не хватало трудностей в жизни.

Какое-то время мы стояли молча. Наконец слуга сказал:

– Не желает ли Правосудие пройти за мной в его покои?

Снова молчание. Юноша беспокойно замаялся.

– Что ж, ведите, – наконец сказал Вонвальт.

По замку мы шли в неловкой тишине. Наш проводник двигался вперед неохотно, словно боялся, что Вонвальт в любой миг может напасть на него сзади. Донжон был хорошо утеплен гобеленами, коврами и очагами, и, несмотря на редкий леденящий сквозняк, врывающийся в амбразуры, здесь было тепло и уютно. В более новых сованских крепостях, большая часть из которых находилась на границе с Конфедерацией Ковы на востоке, под деревянными полами располагались воздуховоды, позволявшие более эффективно перенаправлять и разносить нагретый воздух. Каким бы множеством разнообразных недостатков ни обладал Аутун, недостатка изобретательности среди них не было.

Нас привели в роскошные покои, предназначавшиеся для важных гостей, и, в отличие от внешнего облика замка, их внутреннее убранство не страдало от нехватки великолепия. Как и в других частях донжона, стены и полы были увешаны и уложены гобеленами и коврами, а из небольших окон – свинцовых решеток со стеклянными вставками – открывался потрясающий вид на Северное море. Трудно было представить себе место, более разительно отличавшееся от нашего убогого ночлега в сторожевой башне на кургане Габлера.

– Распорядитесь принести в мою комнату еды и эля, – сказал Вонвальт. – На двоих. Мой секретарь будет ужинать со мной. Я не желаю сегодня спускаться в общую столовую.

Юноша поклонился, желая поскорее избавиться от недовольного гостя.

– Конечно, сир.

– И сообщите маркграфу, что он должен явиться ко мне в тот же миг, как только разберется со своими военными делами. Передайте ему это слово в слово.

Юноша, поставленный в невыносимое положение, мог лишь неохотно кивнуть.

– Хорошо, – сказал Вонвальт. – Наш багаж тоже принесите сюда. И распорядитесь, чтобы кто-нибудь постирал наши вещи.

– Как скажете, сир.

– Можете идти, – наконец велел ему Вонвальт. – И лучше выполните мои указания побыстрее, иначе я велю высесть вас вместе с вашим господином.

* * *

Больше к нам никто не приходил. Весь вечер Вонвальт молча кипел от злости, и находиться в его обществе было крайне сложно. Наконец, когда стало ясно, что маркграф не собирается с нами встречаться, мы разошлись по кроватям.

В ту ночь мне снилась одинокая сторожевая башня, стоявшая на бескрайней белой равнине. Меня переполняло ужасное предчувствие, но я, сама того не желая, приближалась к ней. Стоило мне переступить порог, как я проснулась в слепой панике, уверенная, что слышу голос сэра Отмара, что-то шепчущий мне на ухо. Однако в комнате стояла тишина и слышались лишь обычные стуки и шумы замка, в котором всегда кто-нибудь бодрствовал.

Остаток ночи я спала урывками, как в бреду, и проснулась перед рассветом. С красными глазами, невыспавшаяся, я ждала, когда комнату наполнит тусклый свет зимнего солнца.

* * *

Утром мы привели себя в порядок и позавтракали в общем зале. Благодаря высокому положению Вонвальта мы сидели – как и было положено, – во главе стола. Нас окружала небольшая армия рыцарей, служивших маркграфу. Некоторые были замерзшими, промокшими и покрытыми грязью – они всю ночь патрулировали побережье и ходили до самого Эноса, ближайшего к крепости города, который находился к западу отсюда. Другие выпались, умылись и готовились отправиться в дневной дозор.

– Вы приехали к нам по официальному делу, Правосудие? – спросил рыцарь, сидевший напротив Вонвальта. Его синий сюрко был таким темным, что казался почти черным, а на груди красовалась белая чайка – герб маркграфа Вестенхольца. От рыцаря пахло соленой водой, а на лице виднелись грязные брызги.

– В некотором роде, – безрадостно ответил Вонвальт.

– Если один из моих бойцов натворил что-то, заслуживающее вашего внимания, сир, я лично его повешу, уж поверьте. В этом замке чтят закон и справедливость.

– Верно, – вставил другой рыцарь. Я увидела на его шее цепь с саварским крестом. – Здесь собрались благочестивые воины. За последние несколько недель мы уже отправили две дюжины солдат на юг, чтобы они присоединились к войску, что собирается в Васае. И маркграф посчитал, что сможет выделить еще тридцать.

Вонвальт хмыкнул.

– Не видел я никакого войска. А мы ехали напрямик по Эстафете.

Конечно, только мы проехали Васаю глубокой ночью, и было неудивительно, что мы ничего не видели.

– Оно там, Правосудие, – стал убеждать его рыцарь. – У Васаи уже должно было собраться несколько сотен человек из Северной Марки. Патре Клавер пообещал патрициям, что отодвинет Пограничье на сотню миль.

Вонвальт сдержанно улыбнулся. Я же думала лишь о том, что один из рыцарей, предавших Рилл огню, мог сейчас сидеть с нами за одним столом.

– Будем надеяться, что они в этом преуспеют, – наконец сказал Вонвальт. Вид у него был недовольный и неприветливый, и, несмотря на попытки других рыцарей вовлечь его в разговор, он им больше не отвечал. Вонвальт и я ели молча, пока солдаты шумели и ночной патруль обменивался беззлобными подначками с теми, кто собирался отправиться в дневной дозор. Несмотря на то что я находилась под защитой законов и негласных правил, я все же чувствовала себя неуютно. Солдаты – знатные и безродные, имперские или любые другие – часто оказывались ненамного лучше бандитов с большой дороги и отличались от них лишь униформой.

Мы закончили завтракать и собрались уходить. В тот же миг человек, который до этого слонялся неподалеку, вдруг преградил нам путь. На миг я испугалась, подумав, что это еще один убийца.

– Сэр Конрад? – спросил он.

– Да?

– Лорд Вестенхольц готов принять вас, милорд.

– В таком случае вам стоит отвести меня к нему, не так ли? – сказал Вонвальт.

Посыльный поклонился, сбитый с толку тоном Вонвальта, и вывел нас из столовой. Пройдя через замок, мы поднялись на тот же этаж, где располагались наши покои, но оказались в другом углу донжона. Здесь находились личные покои маркграфа.

В обычных обстоятельствах мы бы встретились с маркграфом в зале для аудиенций на первом этаже. Там он принимал прошения, выслушивал жалобы местных жителей и управлял землями, за которые отвечал Моргард от имени Императора. То, что нас проводили в его личные покои, говорило о многом. Маркграф явно не желал, чтобы кто-либо подрывал его авторитет в присутствии его подданных. С такими лордами – теми, кто правил огромными крепостями на границах Империи, – всегда возникала подобная трудность. Поскольку Сова находилась во множестве миль отсюда, в своих владениях маркграф пользовался неограниченной властью. И для человека, привыкшего быть своим собственным сеньором, Вонвальт был крайне нежеланным гостем.

Нас провели в приемную. В нее из двух больших окон, выходящих на пристань внизу, лился поток света. Лес мачт, вздымавшихся с морских карраков, покачивался на ветру. Развевались имперские флаги. Вдали я видела такой же корабль, качавшийся на гребнях волн и пересекавший пролив; он казался маленьким насекомым на поверхности бурлящей серой воды.

Когда мы вошли, маркграф стоял за столом лицом к нам. Он был высоким мужчиной непримечательной внешности, с выбритым суровым лицом и темными волосами. У него было мускулистое телосложение человека, не чуждого физическим упражнениям, и безжизненные серые глаза, привыкшие видеть

смерть во всех ее проявлениях. Он не излучал ни тепла, ни радушия и отметил наше появление одним лишь сухим кивком – что в тех обстоятельствах было несказанной грубостью. Поверх дублета на нем была надета коричневая кожаная куртка, а его штаны были заправлены в военные сапоги для верховой езды, доходившие ему до колена. На руки он уже натянул перчатки, а на спинке кресла висел тяжелый вощенный плащ.

– Вижу, вы куда-то собираетесь, – заметил Вонвальт.

– Да, – ответил Вестенхольц. – Время от времени я выезжаю в дозор. Так проще завоевать уважение солдат.

– А иначе они бы не стали вас уважать? – спросил Вонвальт. Я понимала, что на этой встрече колкостей было не избежать, но обычно Вонвальт не опускался до подобной мелочности.

Маркграф и бровью не повел.

– Я не испытываю недостатка в их уважении, – спокойно ответил он. – Вы ведь и сами человек военный. Ваша слава идет впереди вас. Я слышан о ваших подвигах в Рейхскриге.

– Я нечасто вспоминаю те времена.

– Что ж, некоторым людям место за книгами, а не на поле боя.

Я переводила взгляд между ними. Их разговор не произвел на меня особого впечатления, но при этом я ненавидела маркграфа. Раз они решили устроить обмен пустыми колкостями, то я хотела, чтобы Вонвальт одержал верх.

– Империи строятся и поддерживаются словами. А мечи всего лишь предшествуют перу.

– Я не ученый человек, Правосудие, – пожимая плечами, сказал маркграф. – Так что нет нужды цитировать мне ваших иссохших старых юристов. Скажите, что же привело вас в Моргард... снова. Мне сообщали, что вы были у нас совсем недавно.

– До меня дошли тревожные сведения, – сказал Вонвальт.

– Неужели? – спросил маркграф. – Об этой крепости?

– Да.

– Ну а я не слышал ничего, что дало бы мне повод тревожиться. Будучи господином и хозяином этого замка, я...

– Вы сожгли дотла деревню Рилл и всех ее жителей!

Голос Императора. Он прокатился по комнате, как раскат грома. Свечи потухли. Я почувствовала его силу – неосязаемую, но бьющую не хуже кулака. Она оглушала, как удар мечом плашмя по шлему. Всякий слабовольный человек сломился бы от такого натиска, а сильного он заставил бы пошатнуться.

Маркграф Моргарда остался стоять как ни в чем не бывало.

– Не растрчивайте на меня свои фокусы, Правосудие. Я безо всяких колебаний готов это признать, – невозмутимо сказал он.

Что-то пошло не так. Вонвальт – воплощение самообладания – заметно растерялся. Голос Императора действовал не всегда, но у нас не было причин думать, что маркграф сможет выстоять против него. Лишь те, кто прошел подготовку в Ордене магистратов, были на это способны.

– Мне дать вам время собраться с мыслями, Правосудие? – спросил Вестенхольц. – Вы, кажется, чем-то потрясены.

– На каком основании вы сожгли деревню? – требовательно спросил Вонвальт.

– На основании моего собственного приказа, разумеется. Рилл – деревня, находящаяся в границах моей вотчины. Ее жители – мои вилланы[3], сэр Отмар – мой вассал. Был им, – прибавил маркграф.

Рука Вонвальта сжалась в кулак.

– Вы не отрицаете, что действовали наперекор моему решению?

Маркграф пожал плечами.

– Мне показалось, Правосудие, что вы несколько ошиблись, вынося его. Патре Бартоломью Клавер любезно сообщил мне о вашем промахе. Не переживайте, Правосудие, даже членам Ордена магистратов свойственно ошибаться.

– Вы вышли слишком далеко за пределы своих полномочий, – рявкнул Вонвальт. – Пойти наперекор решению Правосудия – значит пойти на измену. Объяснитесь немедленно, пока я не обвинил вас в ней здесь и сейчас!

Вестенхольц усмехнулся.

– Вы слишком давно не были в Сове, сэр Конрад. Ваша власть может оказаться не столь незыблемой, как вам кажется.

Вонвальт отнесся к словам маркграфа с завидным спокойствием, но на меня они произвели глубочайший эффект. То, что сказал Вестенхольц, наверняка было правдой, особенно в свете письма Правосудия Августы. Вонвальт не был в Сове по меньшей мере два года. Его единственной связью с Орденом магистратов были секретари, приносившие ему жалованье и переправлявшие его книги учета в Библиотеку Закона для сверки. А для сердца Империи два года были целой эпохой. Она успевала поглотить целые провинции и за меньшее время.

– Вы бредите, – резко сказал Вонвальт. – И что же, интересно, вам сказал Клавер? Будьте так добры, объясните мне, в чем заключалась моя «ошибка», на которую он столь любезно вам указал?

– В том, что вы отпустили признанных еретиков, лишь оштрафовав их. Закон ясен: те, кто практикует дразнические ритуалы, должны быть сожжены.

– Они не были признанными еретиками. Я не выдвигал никаких обвинений. Я не был связан законами канонического права и разобрался с тем нарушением надлежащим образом. – Вонвальт гневно фыркнул. – Моргард слывет жестоким местом, но я никогда не слышал, чтобы им правили глупцы. Скажите мне, что в безумных рассказах этого выскочки Клавера заставило вас послушаться его? Я и не догадывался, что могущественнейший маркграф севера готов отправлять войска на сожжение собственных деревень, основываясь на кривотолках набожного мальчишки!

На этот раз его слова заделали маркграфа. Вестенхольц, охваченный внезапным гневом, выпрямился.

– Какая дерзость перед лицом тех, кто выше вас! Тот, чей отец принял Вышнюю Марку, смеет читать нотации маркграфу Империи! Вы осмеливаетесь приходить сюда, оспаривать мои действия и угрожать мне судебным обвинением? Да мне стоит высечь вас! Убирайтесь из Моргарда и возвращайтесь в Сову, к своим немощным хозяевам! Там вы увидите, как сильно изменился мир – уж попомните мои слова. Империи больше не нужны ваши одряхлевшие отшельники!

Воцарилась мертвая тишина. Все это время я пятилась и уже оказалась почти у самой двери. Чин мой был столь низким, что маркграф, наверное, даже и не заметил моего присутствия. Я порадовалась тому, что этот замок был действующим и у гостей отбирали оружие при входе. Иначе Вонвальт наверняка попытался бы убить маркграфа. И, вероятно, даже преуспел бы в этом. Пусть сэр Конрад и предпочитал мечу книги, в юности он был солдатом, и в одном Вестенхольц не ошибался: Вонвальт слыл искусным фехтовальщиком, и его слава нередко шла впереди него. Я часто видела, как он поддерживал свое мастерство, тренируясь с Брессинджером. В такие моменты, даже при моих скудных представлениях о баталиях, я не хотела бы оказаться в рядах ополченцев на пути стального вихря в руке Вонвальта.

– Этот вопрос еще не закрыт, – сказал Вонвальт.

– О, а по-моему, он вполне исчерпан, – возразил маркграф, однако Вонвальт уже резко развернулся и вышел вон. Потрясенная, я последовала за ним.

Когда мы отошли достаточно далеко от покоев Вестенхольца, я спросила:

– Что вы будете делать? Он признался, что нарушил закон.

– Не переживай, Хелена. Я прослежу, чтобы этот человек отправился на виселицу, – резко ответил Вонвальт.

Мы пошли напрямиком в выделенные нам покои. Там уже лежала наша одежда, выстиранная и высушенная за ночь.

– Хоть что-то в этом проклятом замке делается правильно, – резко сказал Вонвальт и начал со злостью запихивать свои вещи в сумки.

– Вы его арестуете? – спросила я. Мое сердце бешено колотилось. Я никогда прежде не видела подобной словесной перепалки. В них Вонвальт обычно разбивал своих оппонентов в пух и прах. Мне было тяжело видеть, как он потерпел поражение.

– Да, но не сейчас. Будь прокляты эти бредни об Ордене магистратов в Сове. Ордену не привыкать к борьбе за власть, но раз кто-то – пусть даже столь могущественный человек, как Вестенхольц, – осмеливается говорить с Правосудием в подобном тоне... это означает, что что-то неладно. Мне нужно поскорее выяснить, что произошло в последние годы. И я не могу сделать этого, пока мы торчим здесь, в заднице мира.

– «Мудрый человек сначала вооружится знанием, и лишь затем – мечом», – процитировала я.

Вонвальт посмотрел на меня и мельком улыбнулся.

– Кейн. Никто никогда не произносил более верных слов. Давай собирайся. А потом подготовь мне обвинительное заключение с отсрочкой исполнения приговора.

– На имя маркграфа? – спросила я. У меня вдруг пересохло во рту.

– Да, – ответил Вонвальт.

Мои руки дрожали, когда я потянулась за свитком пергамента.

– В чем он обвиняется?

Вонвальт был мрачен.

– В убийстве.

XI

Расследование возобновляется

«Даже острый глаз совы видит не все».

Старая сованская пословица

Времени у нас было немного. Вонвальт и я обсудили, как сформулировать обвинение. Я понимала, что часть сведений, которые он мне рассказал, были

получены от трупа сэра Отмара, и, будучи не в силах скрыть мой ужас, содрогалась при мысли об этом.

Я писала быстро, но осторожно. Обвинительное заключение не всегда представляло собой длинный документ, но его нужно было составлять аккуратно, чтобы оно отвечало всем формальностям. Это относилось ко всем подобным документам, но в особенности к тем, в которых выдвигались столь серьезные обвинения – и к тому же против могущественного лорда Империи. Говорили, что перед сованской системой правосудия все равны так же, как и перед лицом смерти, однако, как это часто бывает, жизнь показывала, что принцип этот работал далеко не всегда.

За два года, проведенные с Вонвальтом, я составила несколько дюжин обвинений, однако в тот раз мне пришлось собраться и приложить все силы, чтобы унять дрожь в руке. Мое сердце бешено колотилось и кровь бурлила от волнения, пока я царапала на бумаге слова:

«Его Императорское Величество государь император Лотар Кжосич IV, по решению его Правосудия сэра Конрада Вонвальта из Ордена магистратов Империи, сим обвиняет маркграфа Вальдемара Вестенхольца в убийстве – или в подстрекательстве, или в попустительстве оному – сэра Отмара Фроста, леди Кэрол Фрост и других жителей деревни Рилл, находящейся в провинции Толсбург, совершенном в неустановленный день в пределах месяца Госса.

По сему обвинению и до приведения в исполнение обвинительного заключения маркграф Вальдемар Вестенхольц обязан предстать перед судом, дата и способ проведения которого будут установлены позже. В случае, если маркграф будет признан виновным, он сможет уповать лишь на высочайшую милость Императора».

Не кажется ли вам странным, читатель, что мы вообще потрудились составить это письменное обвинение? Учитывая те кровавые, незаконные времена, которые вот-вот должны были наступить, желание соблюсти надлежащие правовые процедуры кажется смехотворным. Действительно, даже тогда Вонвальт имел право попросту казнить Вестенхольца, ведь тот сознался в содеянном. Однако существовали обстоятельства, мешавшие ему это сделать. Вестенхольц был могущественным дворянином, который обладал покровительством млианарских патрициев и преданностью саварцев. В то же время Орден магистратов обладал большим влиянием и все чаще ввязывался в политику, а Вонвальт, даже несмотря на его истовую веру в верховенство закона, не был дураком. Пусть ему и не нравилось, что магистраты впутались в имперские политические интриги, это не означало, что он мог закрывать на это глаза. Убить Вестенхольца было все равно что поднести спичку к бочке с маслом.

Существовали и другие причины, помимо практических. Законы общего права обычно требовали, чтобы лордов судили присяжные. Более того, Империя становилась все больше, и все больше людей оказывались лишь в дне езды от здания суда. Предполагалось, что когда-нибудь всех станут судить присяжные, и роль магистратов Империи как единоличных вершителей

правосудия уйдет в небытие. Это уже происходило – наш двухлетний маршрут почти полностью пролегал по отдаленным провинциям, где мы разбирались с мелкими разногласиями простых крестьян, в то время как большие и малые города наводняли расцветающее судебное-правовое ремесло.

– Хорошо, – сказал Вонвальт, читая обвинительное заключение. Документ переполняла магия, и от него исходила почти осязаемая аура власти. Я гадала, какими же чарами была напитана бумага. – Очень хорошо, Хелена. У тебя превосходный почерк, ясный и читаемый. – Он нанес на лист сургуч, оставил на нем оттиск своей печати, затем скатал свиток и аккуратно убрал его.

Мы взяли наши вещи, облачились в путевую одежду и поспешили покинуть покои. Когда мы нашли дорогу к комнате, где разоружались, Вонвальт воссоединился со своим мечом, после чего мы снова вышли во двор, на морозный зимний воздух. Там наше внимание привлекло большое сборище солдат, каждый из которых был облачен в приметный черный сюрко с вышитой на нем белой саварской звездой. Среди них стоял неманский священник, одетый в потрепанную пурпурную рясу. Священник читал проповедь, и солдаты зачарованно слушали его.

Вонвальт жестом велел мне двигаться дальше, и лишь несколько минут спустя, когда мы дошли до стойл и начали седлать наших лошадей, он заговорил со мной:

– То были новобранцы храмовников, о которых нам рассказывал рыцарь за завтраком, – мрачно сказал он. – Плоды стараний Клавера.

Уже через несколько минут мы оседлали лошадей и выехали из ворот замка.

– Что вы будете делать с обвинением? – спросила я, когда мы поехали через город и оставили монументальную крепость Моргарда таять в утренней дымке позади нас.

– Отправлю ее из Бакира, – сказал Вонвальт. – Я хочу оказаться подальше от людей маркграфа – и от этих храмовников, – прежде чем мы пошлем ему нашу повестку.

– Вы думаете, что он отправит за нами людей? – спросила я и содрогнулась. Казалось, что всю свою жизнь я смотрела на мир сквозь тонкую завесу, а теперь ее сорвали. Поразительно, насколько хрупкими могут оказаться даже великие основы государственного устройства и как быстро мировой порядок может быть ввергнут в хаос.

Вид у Вонвальта был мрачный.

– То, что произошло, выходит за рамки простой дерзости, – сказал он. – Маркграф или нет, он никогда бы не заговорил со мной в таком тоне, не будь он уверен в прочности своего положения. Если его поддерживают и патриции, и храмовники, нам нужно быть осторожными.

– Разве тогда не опасно выдвигать против него обвинения? – спросила я. Теперь, когда жители города остались позади и не могли нас услышать, я говорила громче. – Разве это его не разгневает?

– Опасно и разгневаает, – ответил Вонвальт. – Отсюда и задержка. Обвинительное заключение с отложенным временем исполнения – это всего лишь лист бумаги до тех пор, пока я не скажу иначе. Но я не хочу, чтобы маркграф забыл обо мне лишь потому, что прогнал с глаз долой.

– Разве он не может просто порвать бумагу? Или сжечь?

– Конечно, может. Но обвинение-то я уже все равно выдвинул. Сам документ – всего лишь формальность. Моего слова – слова Правосудия – вполне достаточно.

– А что насчет Клавера? Против него вы тоже выдвинете обвинения?

Вонвальт со злостью ответил:

– Мы найдем Клавера, попомни мои слова, – мрачно сказал он. – И обвинение будет меньшей из его проблем.

* * *

Мы добрались до Бакира на следующее утро, и там Вонвальт воспользовался услугами компании гонцов в ливреях, чтобы отправить обвинительное заключение. Затем мы сдали наших лошадей и вернулись на Имперскую Эстафету.

Путешествие на юг по Хаунерской дороге прошло столь же быстро и сумбурно, как и путешествие на север, но, к счастью, обошлось без происшествий. На этот раз, когда мы добрались до Васаи и воссоединились с дестриэ Вонвальта Винченцо, мы увидели большой лагерь храмовников, о котором нам рассказывали рыцари в Моргарде. Примерно в полумиле от города расположилась сотня шатров, от которых долетали запахи костров, еды и далекий звон военных упражнений.

Вонвальт смотрел на лагерь с таким презрением, словно мог поджечь шатры одним взглядом. То, что произошло в Рилле, сильно задело его и, похоже, вывело из душевного равновесия. Я знала его два года, и за это время так редко видела его в гневе, что могла пересчитать те случаи по пальцам, и еще несколько остались бы незагнутыми. Теперь же казалось, будто сэр Конрад находится в этом состоянии постоянно.

Мы отъехали от места, откуда наблюдали за лагерем, и двинулись дальше по дороге. Чтобы достичь Долины Гейл, нам понадобился почти весь день, и мы подъехали к Вельделинским воротам к наступлению ночи. Я видела, что украшения к празднику Зимних Холодов уже сняты, и лишь тогда сообразила, что уже начался месяц Эббы и имперский Новый год. Это означало, что нас не было тринадцать дней. Вонвальт явно хотел поскорее разобраться с делом леди Бауэр и завершить наши дела в Долине. Но, конечно же, к тому времени пропасть между тем, чего хотел Вонвальт, и тем, что должно было произойти

на самом деле, стала очень широкой, и желания сэра Конрада оставались в разладе с действительностью до конца его жизни.

Я ничего не сказала Вонвальту, но была рада снова увидеть влажные, покрытые мхом стены этого города. Я словно вернулась домой. Как же я была наивна: в тот момент мои мысли целиком занимало желание вновь увидеть Матаса, словно наши отношения могли продолжиться, невзирая на происходившие вокруг значимые события.

Мы въехали в ворота, когда город постепенно готовился ко сну. Я смертельно устала, однако, к моему глубочайшему разочарованию, мы направились не к резиденции лорда Саутера с ее мягкими, удобными постелями, а напрямик к зданию стражи, в кабинет шерифа. Так совпало, что Брессинджер и сэр Радомир сами только что вернулись туда и опередили нас всего на несколько минут. Оба были еще при оружии, в плащах и с раскрасневшимися от мороза лицами.

- Правосудие, - удивленно сказал сэр Радомир, когда Вонвальт распахнул дверь. - Вы вернулись.

- Мне тоже налейте, - сказал Вонвальт, кивком указывая на вино в руке шерифа. - И Хелене.

- Что произошло? - спросил Брессинджер.

- Судя по тому, как вы оба выглядите, вам не удалось добиться возмездия, - сказал шериф, щедро наливая в два кубка горячего вина. Я с благодарностью взяла свой, и мы, сняв плащи, устроились на стульях перед столом сэра Радомира.

- Нет, - сказал Вонвальт и поведал им обо всем, что произошло в Рилле.

- Нема, - выругался Брессинджер. - Ситуация становится хуже с каждым днем.

- Именно, - устало сказал Вонвальт. Он допил свое вино, и сэр Радомир налил ему еще. - Вестенхольца совсем не заботило, что он пошел против воли Императора. Напротив. Он будто упивался собственной дерзостью. Но больше всего меня беспокоит его невосприимчивость к Голосу Императора.

- Так что же такое этот Голос? - спросил сэр Радомир, переводя взгляд между Вонвальтом и Брессинджером. - Фокус? Или какая-то магия?

- Это магия, даже не сомневайтесь, - сказал Вонвальт. - Сила, которая позволяет заставить человека раскрыть его мысли. Как я уже говорил раньше, она действует не во всех обстоятельствах и не на всех людей; однако она должна была сработать на маркграфе. Насколько я знаю, лорд Вестенхольц никогда не проходил обучение в Ордене... хотя после письма Правосудия Августы я в этом уже не уверен, - устало прибавил он.

- Какой же силой воли нужно обладать, чтобы противостоять такой мощи, - сказал сэр Радомир. - Я отнюдь не слаб, но, клянусь Немой, в меня словно врезался бешеный бык.

- И вы уверены, что это Вестенхольц приказал убить жителей деревни? - спросил Брессинджер. Мне пришлось вслушиваться, чтобы понять его: когда усталость брала свое, его речь становилась неразборчивой из-за грозодского акцента.

- Он сам мне об этом сказал.

- Моргард всегда был жестоким местом, - мрачно сказал сэр Радомир. - И все же это редкость, чтобы кто-то предавал мечу собственных вилланов. Маркграф, должно быть, крайне набожен.

- Чрезмерно, - сказал Вонвальт. - Полагаю, Клаверу почти не пришлось лить мед ему в уши, чтобы он отправил своих воинов на юг. - Вонвальт вздохнул. - Кстати говоря, мы видели и храмовничьих новобранцев. Около тридцати человек, все с белой звездой. И у Васаи лагерем стоит их войско.

- Пропали моя вера, - пробормотал сэр Радомир. - У нас на прошлой неделе происходило то же самое. Неманские священники из Гулича призывали мужчин, способных держать оружие, отправиться на Пограничье. Саутер сказал, что отпустит любого горожанина, который пожелает уйти. Говорят, ушло около сотни человек. Бедняки на такое легко соглашались.

- Значит, они будут дожидаться людей маркграфа, - сказал Вонвальт. - А Васая станет для них местом сбора войск.

- Вообще-то, думаю, они дождутся Клавера, - сказал сэр Радомир. - В последний раз я слышал о нем, когда он отправился далеко на восток, к Кругокаменску, чтобы просить помощи у барона Наумова. Барон тоже известен своей набожностью. Однако это уже давние новости.

- Если Клавер собирается повести храмовников на юг, клянусь, я остановлю всю их шайку, пока они не выдадут мне его, - сказал Вонвальт. - Видит Нема, глупее предприятия еще надо поискать.

Мне стало трудно следить за разговором. Мое сердце гулко колотилось. Неужели Матас тоже ушел? Я уехала из города в ночи почти две недели назад, не сказав ему ни слова. Мог ли он подумать, что я потеряла к нему интерес и сбежала?

- В Долине ничего не слышали о том, что нам рассказывали вы, - сказал сэр Радомир. Он выглядел обеспокоенным. - Что млианары и их прихвостни плетут интриги в Сенате.

- Хорошо, - сказал Вонвальт. - Но все же мы находимся в сотнях миль от столицы. Вести могут распространяться медленно, особенно если те, кто их создает, этого хотят. - Он немного помолчал, раскуривая трубку. Вскоре знакомый дымок и запах табака наполнили комнату. - Что вы успели выяснить по делу Бауэра? - Он обвел рукой стопки старых учетных книг в кожаных переплетках, которых не было в кабинете в прошлый раз. Они были пыльными, потрепанными, и от них пахло влагой. - Этого здесь раньше не было.

- За последнюю неделю мы многого добились, - сказал сэр Радомир. В его голосе звучало не столько удовольствие, сколько мрачное удовлетворение от проделанной работы. Я подумала, что, даже когда все закончится и

преступление все же будет раскрыто, сэр Радомир все равно будет считать, что они – стражи закона – подвели город уже в тот миг, когда леди Бауэр нанесли смертельный удар.

– Вот как?

– Тот список членов совета, который вы просили, – сказал Брессинджер. – Мэр Саутер нам его предоставил.

– В конце концов, – прорычал сэр Радомир.

Брессинджер согласно хмыкнул.

– Как оказалось, лорд Бауэр вовлечен в управление Долиной гораздо сильнее, чем рассказывал нам.

– Речь о тех «мелких обязанностях», которые он упоминал? – спросил Вонвальт.

– О да, – с чувством ответил сэр Радомир. – Он отвечает за отчетность городской казны. За все деньги, что покидают Долину.

Глаза Вонвальта расширились.

– Пропади моя вера, – сказал он.

– Да, – сказал сэр Радомир. – И помощник у него есть. Скользкий тип по имени Фенланд Грейвс.

– Необычное имя, – заметил Вонвальт.

– Он не из Долины, – сказал сэр Радомир.

– Я так понимаю, всю работу по счетоводству проводит Грейвс? – спросил Вонвальт, дымя трубкой.

– Верно, – сказал Брессинджер. – Под присмотром...

– ...и руководством...

– ...лорда Бауэра.

– Лорд Бауэр распоряжается тем, куда идут городские деньги? – спросил Вонвальт, выгнув бровь.

– Верно, – сказал сэр Радомир. – Но и это еще не все.

– Помните, Бауэр говорил, что он занимается организацией городской благотворительности? – сказал Брессинджер.

– На доходы от налогов, да, – сказал Вонвальт.

– Так вот, – сказал сэр Радомир, указывая на стопки учетных книг. – Мы нашли записи о регулярных...

- ...и крупных...

- ...пожертвованиях монастырю, - завершил сэр Радомир. - Нема, сколько же бессонных ночей мы раскапывали этот клад.

Вонвальт недолго пососал трубку, затем вынул ее изо рта и выпустил большое облако дыма, заполнившее комнату.

- Связь есть? - спросил Вонвальт. Он, конечно же, сразу ее увидел, но не хотел отнимать у шерифа возможность похвалиться проделанной работой.

- Есть, - сказал сэр Радомир. - Благодаря тому, что успела выяснить Хелена, связей теперь навалом. - Несмотря на усталость, я ощутила прилив гордости. - Все началось в одно и то же время. Зоран Вогт подал жалобу на Леберехта Бауэра чуть более двух лет назад. Затем он ее отозвал. Чуть позже дочь Бауэра ушла в монастырь, и с тех пор ее в городе не видели. Лорд Бауэр утверждает, что к этому девушку подтолкнуло горе по усопшему брату, хотя, даже принимая это во внимание, ее поступок все равно кажется внезапным и неожиданным. - Шериф обвел руками стопки учетных книг, расставленных по кабинету. - С тех пор монастырю регулярно выделяются большие суммы денег. Понимаете?

Поскольку, заканчивая свою речь, сэр Радомир смотрел на меня, ответила ему я:

- Санджа Бауэр - заложница, - сказала я. - А у лорда Бауэра вымогают деньги, чтобы она оставалась жива в этом монастыре.

Сэр Радомир кивнул с выражением мрачного триумфа на лице.

- Почти три дня назад мы наведались в монастырь, но там нам наплели, якобы девчонка слегла с болезнью. Они знают, что законы города очень строги, когда дело касается заразной оспы. Мы пообещали вернуться, когда она поправится. Это лишь подогревает подозрения.

- А еще это объясняет, почему Бауэр столь поспешно отозвал жалобу, - сказал Вонвальт.

- И почему он так скоро отказался от своих слов, после того как обвинил Вогта в убийстве своей жены.

- Он говорил сторяча, не подумав, а затем вспомнил, что на кону жизнь его дочери.

- Другого подходящего объяснения нет. Жену Бауэра убивают, он винит Вогта - говорю вам, Правосудие, он был совершенно в этом уверен, - а затем тут же отказывается от своих показаний. Полагаю, хватило пары резких слов от посредника, и Бауэра поставили на место.

Вонвальт обдумал сказанное.

- Вы отлично поработали, - сказал он. - Оба. Это именно то, на что я рассчитывал.

- Мы бы не справились без ваших указаний, сир, - признал сэр Радомир, что, полагаю, он делал редко.

- Меня только одно смущает, - сказала я, привлекая к себе внимание всех троих. - Зачем было указывать все в официальной отчетности? Выкуп то есть. Зачем оставлять след?

- Дело в особенностях ведения вашей сованской отчетности, - сказал сэр Радомир. - Денежные поступления и расходы должны сходиться. Пусть Бауэр и ведет учет, но любой лорд имеет право проверить записи. Поэтому он не может не учесть эти деньги; он может лишь скрыть, на что они пошли, и надеяться, что никто не станет внимательно сверять цифры. А золото течет в этом городе столь же щедро, как вода в реке. Полагаю, пока оно оттягивает им карманы, немногие утруждаются проверкой отчетов.

Вонвальт поднялся с оживленным и довольным видом.

- Этого более чем достаточно, чтобы применить Голос Императора в полную силу. Сегодня я вытащу из Бауэра и Вогта всю правду, да так, что у них мозги из носа потекут. Где они?

На этих словах сэр Радомир и Брессинджер оба сникли.

- Вот и дурные вести, - кисло сказал сэр Радомир.

- Мы только что вернулись из двухдневного путешествия в имперский путевой форт в Гормогоне, - устало сказал Брессинджер. Он сделал короткий грозодский жест: подул на собранные пальцы, а затем раскрыл их, словно его рука была головкой одуванчика. - Бауэр исчез. Сбежал.

- А Вогта в городе и не было, - горько прибавил сэр Радомир. - По сведениям Гильдии Торговцев, он отправился в торговую миссию, причем давно. Скорее всего, дал деру, едва вы сюда приехали. Этой новости уже несколько недель, и она все еще выводит меня из себя.

Вонвальт вздохнул и сник. Затем снова сел.

- Это... досадно, - сказал он, пытаясь сдержать свое недовольство. - Я рассчитывал сегодня покончить с этим делом.

- Как и все мы, Правосудие, - с укором сказал сэр Радомир.

Вонвальт поднял глаза.

- Не принимайте это на свой счет, сэр Радомир. Я вовсе не виню вашу контору. Нам придется работать с тем, что имеем.

- Помощник Бауэра, Грейвс, недавно сам вернулся из поездки, вероятно из Кругокаменска, - сказал Брессинджер. - У нас пока не было возможности его допросить, но он сможет что-нибудь рассказать.

– Это уже лучше, чем ничего, – согласился Вонвальт. – Хотя, если Бауэр и Вотт оба сбежали, нам придется подбираться к нему осторожнее. Он наверняка предупрежден.

– И укрепил свой разум в ожидании того, что к нему применят Голос, – заметил Брессинджер.

– Верно, – пробормотал Вонвальт. Он немного поразмыслил, прокручивая в голове новые сведения, как шестеренки в храмовых часах. – В таком случае давайте предположим, что дочь Бауэра действительно заложница. Тогда мы можем сказать следующее: Зоран Вотт определенно причастен к гибели леди Бауэр, пусть даже косвенно. Также у него есть подельники оттуда. – Он указал в сторону монастыря. Скажите мне, шериф, орудуют ли в стенах монастыря какие-нибудь сомнительные личности?

Сэр Радомир пожал плечами.

– Лично я ни о ком таком не слышал. Хотя обычные жалобы, конечно, поступают.

– Жалобы на что?

– На насилие того или иного рода. Там живут и мужчины, и женщины, и дети, так что разврат процветает. Несколько лет назад мы повесили одного подонка за домогательства. Еще и хозяйство ему отрезали. Перед повешением.

– Но о махинациях с деньгами вы не слышали?

Сэр Радомир пожал плечами.

– Правосудие, Долина купается в деньгах. И многие разбрасываются ими вполне законно, отчего обнаружить незаконное богатство становится гораздо труднее. Как я уже говорил, я задумался об этом лишь тогда, когда Брессинджер заметил регулярные выплаты монастырю. И даже тогда они удивили меня не сильно и не сразу. Лорд Саутер щедро тратится на благотворительность. Если бы Хелена не обратила внимание на то, что все эти события произошли почти в одно и то же время, я бы даже ничего не подумал.

Вонвальт потер подбородок.

– На что тратятся деньги, которые город выделяет монастырю?

– На подачки бедным. На ремонт храма и самого монастыря. На содержание лазарета – в нем трудится множество врачей – и приюта для неизлечимо больных. На миссионеров для Пограничья. На вооружение для всех этих несчастных новых храмовников. Кажется, еще они содержат запас продовольствия в подземельях монастыря на случай неурожая.

– Боюсь, нам придется углубиться в математические расчеты, – сказал Вонвальт, – чтобы точно вычислить, сколько денег туда отправляют. Судя по всему, речь идет о больших суммах, и не похоже, чтобы в этом были замешаны лишь два человека.

Сэр Радомир жадно отхлебнул вина.

– Клянусь Немой, – прорычал он, – этого мне только не хватало. Огромного проклятущего заговора.

– Однако, шериф, как и в кавалерийском клине, во главе него будет всего один человек, – сказал Вонвальт. – Определенно лорд Бауэр остается под подозрением, но, судя по всему, он оказался втянут во все это против воли. И теперь мы можем быть уверены в причастности Вогта. Однако должен же быть кто-то еще, кто-то, действующий изнутри этого монастыря. С кем вы говорили, когда ходили туда?

– С какой-то мелкой сошкой. С чудаковатым старым хрычом по имени Уолтер. Монастырь возглавляет обенпатре Фишер, но он быстро от нас отделался. Монахи кичатся своими церковными законами, – прибавил сэр Радомир, – и считают, что иметь дело с такими, как я, ниже их достоинства.

Вонвальт цокнул языком.

– До меня им точно придется снизойти. Однако, – он гневно вздохнул, – нам стоит поразмыслить, как подойти и к этому щекотливому вопросу. Каноническое право действительно дает им частичную неприкосновенность и защищает от некоторых моих полномочий. Возможно, придется действовать окольными путями. Сначала посмотрим, как пройдет мой разговор с Грейвсом.

Повисла пауза. Какое-то время мы все сидели молча. Никогда ответы не казались столь близкими и при этом столь недостижимыми.

– Подождите, – внезапно сказала я. Все вопросительно посмотрели на меня. До этого я была погружена в собственные мысли и снова прокручивала в голове хронологию всех событий. – Считается, что Санджа Бауэр ушла в монастырь из-за смерти брата. Когда мы говорили с лордом Бауэром, он сказал, что мальчик умер от оспы.

– Верно, – сказал сэр Радомир.

– Ну а что, если это не так? Что, если он умер по какой-то другой причине?

– Ты предполагаешь, что мальчика могли убить? – спросил Вонвальт.

– Если так, то это опровергнет слова лорда Бауэра о причине его гибели, – сказала я.

– И докажет, что он солгал, – задумчиво произнес Вонвальт.

– И прибавит нам до кучи еще одно убийство, – сказал сэр Радомир. – Но из этого получился бы неплохой рычаг давления.

– Нема, а это хорошая мысль, Хелена, – сказал Вонвальт. – Мальчишку могли убить. Следы оспы исчезли бы вместе с плотью, но, как и в случае с телом леди Бауэр, его кости скажут нам, не погиб ли он от удара. Так нашим теориям будет на что опереться.

Брессинджер был явно не рад этому.

– Дурное это дело, – сказал он. – Сейчас же нам нет нужды все проверять, верно? Пусть парнишка покоится с миром, как бы он там ни умер.

Но Вонвальт уже полностью сосредоточился на деле и почти не обращал на нас внимания.

– Наши дальнейшие шаги ясны, – сказал он так, словно Брессинджер ничего и не говорил. – Необходимо найти и допросить Грейвса и разослать всадников на поиски Вогта и Бауэра.

– Да их уже и след простыл, – горько сказал сэр Радомир. Затем он протяжно и громко зевнул. – Нема, как же я устал. Одним богам известно, как вы двое еще держитесь.

Мне не нужно было напоминать о том, насколько я утомилась. Зевок сэра Радомира заразил и меня... и Брессинджера тоже.

– Я подумаю о том, как подобраться к монастырю, – сказал Вонвальт, недовольный этим всеобщим проявлением усталости. – Центр заговора, вероятно, находится там. Чтобы действовать наверняка, возможно, придется прибегнуть к какой-нибудь... уловке. – Говоря это, он мельком глянул на меня. – Этот Грейвс может тоже сбежать?

Сэр Радомир помотал головой.

– Я отправил нескольких стражников приглядывать за его домом. – Шериф подавил еще один зевок. – Да и ворота вот-вот закроются на ночь. Он подождет до утра.

Вонвальт поднялся, и мы все последовали его примеру.

– Ладно, – сказал он. – Тогда расходитесь спать. Завтра посмотрим, что Грейвс скажет в свое оправдание.

XII

Противостояние на Хаунерской дороге

«Правосудие никогда не должен терять контроль над ситуацией, входить в здание, из которого он не знает выхода, и задавать вопросы, на которые он заранее не знает ответа».

Магистр Карл Ротзингер

Вонвальт разбудил нас на рассвете, бесцеремонно застучав кулаком по двери спальни.

– Вставайте, оба. Мы не можем позволить себе терять время попусту, – крикнул он, и мы услышали его шаги, сначала удалившиеся по коридору, а затем спустившиеся по лестнице.

– Нема, – проворчал Брессинджер, поднимаясь с кровати. – Старею я. Уже не гожусь для таких дел.

Он откинул занавески. В комнату проник серый свет. Солнце едва показалось над горизонтом, и холодный моросящий дождь заливал улицы. Нас ждал еще один убогий день в Долине, на который, однако, возлагались большие надежды. Если допрос Грейвса даст результаты, дело можно было закрыть уже к ночи.

Превозмогая боль, я вылезла из кровати. После недели бешеной скачки по морозу мои ноги и спина мучительно болели. Брессинджер подхватил свою одежду и пошел переодеваться в соседнюю комнату, а я натянула свою и прошла расческой по волосам.

Мы встретили Вонвальта в столовой. Слуги лорда Саутера снова расстарались и подали обильный завтрак. Я налила себе кружку болотного эля и взяла кусок обжигающе горячего мясного пирога.

– С этим Грейвсом я тянуть не стану, – с набитым ртом проговорил Вонвальт. – Мы отправимся за ним сразу после завтрака.

– А как же монастырь? – спросил Брессинджер. – Вы уже решили, как будете действовать?

Вонвальт кивнул. Он собирался сказать что-то еще, но всеобщее внимание привлек громкий стук во входную дверь. Послышались приглушенные голоса, хлопанье дверьми и грохот шагов, затем дверь в столовую распахнулась, и в нее вошел запыхавшийся сэр Радомир.

– Ваш священник, Клавер, – сказал шериф, задыхаясь. – Он вернулся и движется на юг по Хаунерской дороге вместе с войском храмовников из Васаи.

Вонвальт тут же вскочил на ноги.

– Далечно они? – требовательно спросил он.

– В десяти, может быть, пятнадцати милях к югу. Должно быть, они прошли мимо города ночью.

– Седлайте коней!

– Я уже приказал приготовить их к выезду, – сказал сэр Радомир, но говорил он Вонвальту в спину, поскольку тот уже выскочил из столовой.

Мое сердце бешено колотилось. Мы все поспешили покинуть резиденцию лорда Саутера вслед за Вонвальтом, остановившись лишь для того, чтобы накинуть плащи. Уже через несколько минут мы вскочили на наших коней и понеслись по улицам Долины. Вонвальт громогласно приказывал ошарашенным прохожим разойтись. Сэр Радомир с отрядом городских стражников следовал за нами.

Мы промчались через Вельделинские ворота и понеслись по Хаунерской дороге напрямик на юг. Из-под наших коней, глухо грохотавших копытами по размокшей от дождя земле, разлетались грязь и клочья травы. Погода, похоже, не собиралась меняться к лучшему, и уже скоро наша одежда промокла насквозь. Через несколько минут нам пришлось замедлить темп скачки до медленной рыси. Задержка казалась бессмысленной, но кони могли пронестись галопом лишь несколько миль, после чего выбивались из сил.

Через несколько часов безостановочной скачки мы догнали хвост колонны Клавера. Процессия двигалась медленно и состояла из нескольких сотен солдат, лошадей и повозок. Все были облачены в черные ливреи храмовников Савара с приметной белой звездой на груди. Некоторые явно были лордами: они сидели верхом на дорогих боевых конях, а отряды их слуг вели других лошадей и повозки с сундуками. Остальные были рыцарями различного достатка. Некоторые ехали верхом и везли с собой копья и щиты; другие, коих было больше, тащились по дороге пешком, имея при себе лишь заплечный мешок и меч. Среди них изредка попадались неманские священники в пурпурных рясах, державшие длинные шесты с закрепленными на них заветами Учения Немы и украшенные флажками и факелами.

Мы ехали параллельно Хаунерской дороге. Продвигались мы с трудом, поскольку дождь и пешие странники, желавшие обойти храмовников, превратили обочину в вязкое месиво. Но все же двигаться так было быстрее, чем пытаться проехать через огромную толпу людей и их снаряжения.

Процессия растянулась почти на милю. Проезжая мимо, мы привлекали к себе все больше внимания. Люди поворачивались к нам, прерываясь на полуслове. Перешептывания и бормотания следовали за нами, как холодный ветерок. Некоторые из этих солдат служили Вестенхольцу, и после нашего столкновения с маркграфом мне было неуютно находиться рядом с ними. Даже та защита, которую нам предоставлял статус Вонвальта, не помогала мне подавить мою робость.

Клавер, напустивший на себя смиренный вид, выглядел совсем не так, как много недель назад, когда путешествовал с нами. Его голова была обрита, и он шел босиком, как кающийся грешник, а его пурпурные одеяния на вид были сильно изношены. Он не читал вслух Учения, не проповедовал и не пел; он просто молча шел, а вокруг него раболепно толклись лорды, желавшие оказаться к нему поближе. Мне стало интересно, куда подевалась его лошадь.

– Патре, – окликнул его Вонвальт, когда мы поравнялись с ним. – Вы собрали внушительную дружину.

Клавер скупой улыбнулся, словно ожидал, что мы его догоним. Я подумала, не нарочно ли они проехали Долину Гейл ночью, чтобы избежать подобной встречи. Те, кто ехал рядом с ним, настороженно поглядывали на нас.

– Сэр Конрад, – сказал Клавер, заставив себя произнести эти два слова снисходительным тоном. Хотя с тех пор, как мы видели его в последний раз, прошло не так много времени, он казался старше и вышемернее. От него больше не исходило то лихорадочное, возбужденное волнение, как раньше. Теперь перед нами стоял человек, обладавший тем неуловимым качеством, которое свойственно лишь тем, кто находится под покровительством очень могущественных людей.

– Скажите, патре, есть ли среди этого войска те, кто истребил жителей Рилла? Я сберегу уйму времени, если смогу повесить их всех разом.

У меня чуть не отвисла челюсть. Я посмотрела на Брессинджера, который, к моему восхищению, сохранил совершенно бесстрастный вид. Сэр Радомир, однако, не смог скрыть удивления, и то промелькнуло у него на лице.

Клавер снова презрительно улыбнулся, а окружавшие его солдаты начали с жаром возмущаться. Вонвальт снес их крики, как скала сносит ударяющиеся о нее волны. Храмники лишь демонстративно показывали, что оскорбились, но ничего не предпринимали. Стало ясно, что, какие бы политические потрясения ни происходили в Сове, мысль о том, чтобы перейти черту и поднять меч на Правосудие, все еще была запретной.

Как жаль, что она не осталась таковой впоследствии.

– Это войско направляется на юг, к землям неверных, чтобы вести против них праведную, священную войну, – сказал Клавер, когда гомон утих. Он говорил так, словно Вонвальт был ребенком, – терпеливо и с отеческой мягкостью. Он обвел рукой новопосвященных храмников. – Вы сами видите, что они отмечены белой звездой Савара, Бога-Отца. Они более не подчинены законам общего права. Их тела отныне принадлежат Церкви. Вы не имеете над ними власти, сэр Конрад.

– Никто не выше закона, – сказал Вонвальт. – Если ваши прихвостни столь уверены, что мой клинок не дотянется до них, то пусть сознаются в содеянном. По вашим собственным словам, им ничего не грозит. Считайте это испытанием их веры.

Никто не подал голос. К этому моменту процессия остановилась вместе с Клавером, и люди столпились позади нас. Никогда прежде я не ощущала чужое внимание столь остро.

Вонвальт повернулся к войску и повысил голос:

– Кто пришел сюда из Моргарда? Кто из вас участвовал в сожжении Рилла? Именем императора Кжосича IV я обвиняю вас в убийстве. Если вы сознаетесь, я обезглавлю вас здесь и сейчас. – Он повернулся и указал на Клавера. – Патре Клавер утверждает, что вы выше законов общего права и что я не смогу этого сделать. Если вы верите словам священника больше моих, то признавайтесь! Вам нечего терять.

Мне казалось невозможным, чтобы над Хаунерской дорогой – одной из крупнейших дорог Империи, ежедневно пропускавшей через себя тысячи человек, – повисла тишина. Но в тот миг мы словно оказались на кладбище. Перед нами стояло войско из нескольких сотен человек, преисполненных праведного рвения и, несомненно, будучи частью толпы, чувствовавших себя непобедимыми, – и это войско было остановлено одним-единственным Правосудием. Даже надменные лорды, облаченные в свои дорогие доспехи и подпоясанные мечами, не могли вымолвить ни слова. Возможно, кто-то из них и был вассалом Вестенхольца, но дерзости своего господина они не разделяли.

– Эти воины отдали себя делу Бога-Отца, – громко произнес Клавер. Его маска спала. Я увидела за его словами гнев и страх. – Они дисциплинированы. Они не станут ввязываться в эти бестолковые игры.

Вонвальт не обратил на него внимания.

– Я уверен, здесь есть хотя бы один человек, совершивший то злодеяние. Я повторяю! Именем Императора я обвиняю любого, участвовавшего в сожжении жителей Рилла, в убийстве! Пусть тот, кто не согласен с этим обвинением, выскажется в свое оправдание!

– Это не преступление, если убиваешь еретиков, – крикнул кто-то из толпы. Мое сердце екнуло. Я надеялась, что ни у кого не хватит дурачества ответить. Пусть Вонвальт искренне верил, что ни один человек не был выше закона, даже я понимала, что Клавер прав: здесь господствовали законы канонического права. Эти солдаты действительно принадлежали Церкви, одному из тех редких прибежищ, в которых человек оказывался недосыгаем для длинной руки Императора. Впрочем, за подобную неприкосновенность часто приходилось платить тяжелыми повинностями – например, многолетней службой в неманском военном ордене, – и давалась она нелегко.

– Кто это сказал? – крикнул Вонвальт. Я видела, что он разъярен. Его ноздри раздувались, и он втягивал воздух глубокими, судорожными вдохами. – Кто это сказал?!

Чуть дальше толпа немного расступилась. Вперед вышел спешившийся рыцарь. Он был грузным, с уродливым, жестоким лицом. К храмовникам Савара присоединялись самые разные типы, и мне подумалось, что этот рыцарь относился к той категории, которая просто хотела убивать и не могла найти другого законного способа делать это.

– Сэр Конрад, пора закончить этот балаган, – нетерпеливо окликнул его Клавер. – Вы не можете причинить вред этому человеку. Он подчиняется законам Церкви.

– Какие преступления ты совершил в Рилле? – спросил Вонвальт рыцаря Голосом Императора. Казалось, что гром расколол небо. Идиот отшатнулся, словно его ударили по лицу кулаком. Я сразу же увидела, что он оказался особенно восприимчив к Голосу, поскольку не имел ни подготовки, ни прирожденного ума, чтобы хотя бы попытаться противостоять ему.

– Я изнасиловал женщину, а затем сжег ее живьем! Я п-пытался убить ее детей, но они сбежали! – завершал он.

По воинам прокатилась волна смятения. Было легко предположить, что все они придерживались взглядов Клавера и что войско целиком состояло из дурных людей, желавших убивать и калечить под предлогом праведности. Но, конечно же, многие из храмовников были пусть и заблудшими, но по-настоящему благочестивыми и порядочными людьми, которые вовсе не хотели водиться с признавшимся насильником и убийцей.

Его товарищи отшатнулись от него. Вонвальт и Брессинджер спешили, первый с яростью в сердце, второй – с неохотой и чувством долга.

– Сэр Конрад! – крикнул Клавер. – Я вас предупредил!

– Закрой рот! – рявкнул сэр Радомир.

Вонвальт вытащил меч из ножен. Не медля он двинулся на рыцаря. Тот все еще не пришел в себя от Голоса, но все же выхватил свой собственный клинок.

– Ты сознался в совершении преступлений: насилия и убийства, – неумолимо сказал Вонвальт. – Именем его императорского величества Императора Кжосича IV я, Правосудие сэр Конрад Вонвальт, признаю тебя виновным и приговариваю к смерти через обезглавливание.

Брессинджер шел за Вонвальтом быстрым шагом, держа ладонь на рукояти меча. Рыцарь отшатнулся от них, немного поскользнувшись на склизком мощении Хаунерской дороги.

– Помогите! – крикнул он своим товарищам, но они подались назад, словно Вонвальт стоял в центре незримого круглого барьера. Некоторые, должно быть, считали, что рыцарь заслуживает смерти, даже если и верили, что Вонвальт не имеет права убить его. Другие попросту боялись, что их самих ранят или убьют, если они вмешаются. Но большинство все же не верили словам Клавера об их неприкасаемости. Как бы там ни было, все они были напуганы. Как жаль, что я не могу передать пером, какой трепет внушал в тот миг Вонвальт своим видом. Он представлял собой воплощение власти, разгневанного бога, неостановимого, как восход солнца.

– Подождите! – закричал рыцарь. – Просто подождите!

Вонвальт не стал ждать. Рыцарь бросился вперед. Вонвальт с неожиданной легкостью отразил удар его клинка и шагнул в сторону. Он трижды взмахнул мечом: первым движением он отрубил рыцарю кисть, державшую оружие; вторым занес клинок над его шеей; а третьим могучим махом отсек ему голову. Храмовники издали тяжкий вздох. Тело рыцаря еще несколько секунд держалось прямо, а затем неуклюже рухнуло наземь, короткими струями выплескивая на каменные плиты теплую кровь.

Я потрясенно следила за происходящим. Взглянув на сэра Радомира, я увидела, что мое удивление отражается и на его лице. А стоявшие за ним стражники просто наслаждались представлением. Оглядываясь назад, я понимаю, что этого следовало ожидать – в их понимании магистрат Империи был именно таким: воплощением смерти, скорым, решительным, справедливым. Но они не видели Правосудия, которого знала я: его внимание к тонкостям,

терпение и медленное, скрупулезное применение законов. Они видели сэра Конрада из легенд и небылиц. Я же видела пугающее проявление безрассудства.

Вонвальт вытер клинок, а затем убрал его в ножны.

– Кто еще желает признаться? – Он развернулся и снова подошел к началу процессии. – Патре, может быть, вы желаете сознаться в подстрекательстве к убийству? Ведь это вы подговорили Вестенхольца отправить этих злодеев на юг?

Клавер был бледен от ярости.

– Вы, – сказал он, трясущимся пальцем указывая на Вонвальта. Он издал внезапный, дребезжащий смешок, словно сам себе удивился. – Любопытно, понимаете ли вы, какую глупость совершили сегодня. Как глупо вы вели себя весь последний месяц. Какие непоколебимые силы действуют сейчас в Сове, готовясь низвергнуть вас и ваш старый языческий орден.

– Скажи только слово, священник, – со злостью произнес Вонвальт. – Сознайся. Увидишь, защитят ли тебя от Правосудия Императора твои боги или законы твоей Церкви.

Клавер ехидно оскалился и окинул Вонвальта долгим, оценивающим взглядом.

– Вы так рветесь раздавать смертные приговоры. Полагаю, это уместно, что вы сами же подписываете свой.

Настал черед Вонвальта скупно улыбнуться.

– Никто не выше закона, – сказал он. – Никто. Ни вы, ни Вестенхольц, ни кто-либо еще. Мне нет дела до ваших нелепых фокусов. Мне нет дела, храмовники передо мной или нет. Мне нет дела до того, что они дали обеты Богу-Отцу. Если они совершили убийство, я их обезглавлю.

Клавер шагнул вперед. Брессинджер хотел преградить ему дорогу, но Вонвальт удержал его, выставив руку.

– Примените на мне свой Голос, – прошипел Клавер. – Давайте, здесь и сейчас. Посмотрите, что случится.

Вонвальт покачал головой.

– Вы хотите, чтобы я опозорил вас еще больше? Неужели вы так хотите умереть?

– Ну же! – взревел Клавер.

Вонвальт понимал, что Клавер наверняка столь же устойчив к Голосу, как и Вестенхольц, поэтому он сделал то, чего не ожидал никто – включая меня.

– Сэр Радомир, – позвал он, оглянувшись через плечо. – Арестуйте патре Клавера.

Клавер и каждый храмовник, слышавший это, как раз собирались разразиться громким негодованием и устроить несомненно впечатляющий спектакль, когда их мгновенно прервал властный голос.

– Сэр Конрад!

Все обернулись. Со стороны ближайшей рощицы, находившейся в стороне от дороги, приближалась женщина – высокая, властного вида, облаченная в тяжелый вощеный плащ и ведшая за собой белую верховую лошадь. В ее темных волосах виднелась проседь, а лицо было покрыто морщинами, говорившими о ее возрасте и лежавшей на ней ответственности. На одежде виднелись знаки, указывавшие на ее должность, выцветшие со временем, но хорошо заметные.

– Правосудие леди Августа, – ответил Вонвальт и поклонился. Если он и не ожидал ее вмешательства, то он хорошо это скрыл.

– Я уже допрашивала патре Клавера, – сказала Августа. Клавер нахмурился, услышав это, но ничего не сказал. – Вы, конечно же, не могли этого знать.

– Вот как, – сказал Вонвальт после долгого, напряженного молчания.

– Идемте, нам нужно многое обсудить, – негромко сказала она, кивнув в сторону Долины Гейл. Затем она посмотрела на главу войска.

– Патре Клавер, да благословит Бог-Отец вас и ваших храмовников. Счастливого вам пути.

Клавер хмыкнул. Он бросил на Вонвальта последний ядовитый взгляд, а затем продолжил свой путь по Хаунерской дороге. Не желая продолжать стычку с Вонвальтом, он с радостью ухватился за столь вовремя предложенную Августой ложь.

За ним войско храмовников, похожее на огромное чудовище, нехотя пробудившееся от долгого сна, пришло в движение и направилось дальше на юг.

XIII

Неуслышанные предупреждения

«Невозможно заставить кого-либо осознать всю тяжесть ситуации, пока не станет слишком поздно ее исправлять. Такова природа человека, его врожденная глупость. Боги, должно быть, сами не верят своим глазам и качают головой, глядя на нас».

Правосудие София Джукас

- Ты получил мое письмо?
- Получил.
- Значит, ты осознаешь, что сейчас поступил очень опрометчиво.
- Ты, конечно, не допрашивала Клавера.
- Конечно же нет.

Мы сидели в таверне, располагавшейся в стороне от Хаунерской дороги, в нескольких милях к северу от места, где столкнулись лбами Вонвальт и Клавер. Заведение было маленьким и тесным, плохо освещенным, с низким потолком и закутками, в которых можно было спокойно вести тайные дела. Трактирщик - невысокий, неприметный старик - по-видимому, хорошо знал Августу и принес ей ее любимый напиток и небольшой поднос с закусками. Сэр Радомир и его стражники отправились напрямик в Долину, стремясь поскорее отделаться от государственных дел.

- Тот рыцарь сознался в убийстве, - сказал Вонвальт. Я видела, что он уже начинает сожалеть о своих действиях. Общее и каноническое право в чем-то пересекались, и грань между ними была довольно размытой, так что, если бы Вонвальту сделали официальный выговор, он мог легко оспорить его. Однако он переступил черту и понимал это.

- Я говорю не о том олухе, - сказала Августа. Она была похожа на природную стихию, прекрасную и могущественную, и мгновенно заморозила меня. - Я говорю о том, что ты угрожал Клаверу арестом. Если ты читал мое письмо, то должен прекрасно понимать, почему не стоило этого делать.

- При всем уважении, Правосудие...

- К Казивару титулы. Мы что, мало друг друга знаем? Или ты перед девчонкой церемонишься? - Она кивком указала на меня, но не оторвала взгляда от Вонвальта. Я предположила, что в прошлом они были близки - и, как выяснилось позже, не ошиблась.

Вонвальт откашлялся.

- Хорошо, Реси. Твое письмо было довольно туманным.

- Князь Преисподней тебя раздери, - сказала Августа, закатив глаза. - Да маяки Кормондолтского залива предупреждают об опасности не так ясно, как то письмо. Я же писала тебе, что Клавер нашел союзника в лице Вестенхольца.

- Вестенхольц - всего лишь человек.

Августа пристально посмотрела на него.

- Он - самый могущественный человек в Империи, не считая, пожалуй, самого Императора.

- Не говори ерунды, - усмехнулся Вонвальт. - Сыновья Императора правят целыми княжествами. А у Вестенхольца за душой один замок и болото шириной в несколько лиг.

- Конрад, - сказала Августа. Ее тон внезапно стал искренне озабоченным, отчего я встревожилась еще сильнее. - Когда ты был в Сове в последний раз?

Вонвальт махнул рукой.

- По меньшей мере два года назад.

- Но ты ведь следил за новостями?

- За теми немногими, что доходят до северных краев, да.

Августа положила ладонь на руку Вонвальта.

- Конрад, в Ордене сейчас неспокойно. Возможно, мое письмо недостаточно ясно дало понять, насколько все серьезно. Магистр Кейдлек почти готов передать наши секреты млианарам. У меня есть веские основания полагать, что он уже продал часть знаний в обмен на спокойную жизнь. - Последние слова она произнесла с нескрываемой злостью. - Из Кругокаменска до меня дошли слухи о людях, невосприимчивых к Голосу Императора. В их число входят и Клавер, и Вестенхольц, и таких, как они, становится все больше.

Мое сердце оборвалось. Я увидела, что Вонвальт тоже сник.

- Да, это правда, - пробормотал он. - По крайней мере, насчет Вестенхольца. Я сам пытался применить на нем Голос. Он и глазом не моргнул.

Августа откинулась назад. Она выглядела озабоченной.

- Значит, все гораздо хуже, чем я думала... А я считала, что хуже уже некуда. Выходит, сомнений в том, что Клавер тоже невосприимчив, нет?

- Я не осмелился это проверить, - сказал Вонвальт. - Но думаю, что так и есть.

- Пропади моя вера, - выругалась Августа. Вонвальт зажег трубку. Августа вытащила свою и тоже раскурила ее. За несколько секунд маленький закуток, который занимали мы вчетвером, заполнился дымом.

- Скажи, что преувеличиваешь, - сказал Вонвальт, - хоть чуточку. Не может же Император сидеть сложа руки, пока Вестенхольц и млианары разжигают восстание. Разругаться еще и с Орденом с его стороны было бы безумием.

- Император и его сторонники-хаугенаты в Сенате всегда держались наравне с патрициями. Но теперь нужно учитывать еще и храмовников. Исторически они были связаны с млианарами, но... тебе и так известна их репутация.

- Мне известно, что они с большой помпой покидают Империю, а затем в кратчайшее время теряют уйму воинов, земель и уважения, - с презрением сказал Вонвальт. - Если ты об этом.

- Верно, - мрачно сказала Августа. - Только они уже не те, какими были сто лет назад. Ныне среди лордов стало модно отдавать в храмовники своих вторых или третьих сыновей. Богатых рыцарей в латных доспехах и на хороших лошадях. Они ведут свои завоевания гораздо разумнее и возводят в захваченных землях огромные замки, которые содержат на деньги млианаров. Говорят, что крепости в Зюденберге, Кераке и Цетланде - это настоящие чудеса света.

- И все во имя Немы?

- Якобы.

Вонвальт потер лицо.

- Разве храмовники не заняты своим походом? Как они могут угрожать Сове, если связаны войной?

- Здесь-то и вступает в игру твой священник, Клавер, - сказала Августа, кивая Вонвальту. - Он много месяцев колесил по Империи, подстрекая массы и вымогая еще больше сыновей и земель у лордов, которые приняли Высшую Марку и все еще опасаются за свое положение. Клавер убеждает всех, что так они продемонстрируют свою веру и преданность Сове, и люди толпами вступают в его ряды. Храмовников теперь как грязи; их более чем достаточно, чтобы разместить полноценный гарнизон во всех принадлежащих им крепостях и создать армию для походов.

Вонвальт наморщил нос.

- Брось, Реси. Легионы насчитывают десятки тысяч воинов, закаленных в многолетних кампаниях. Они бы наголову разбили сборище храмовников, вдесятеро превосходящее их по численности.

- Легионы рассеяны по всему свету, - сказала Августа. - Пропади моя вера, Конрад, услышь же, что я тебе говорю. По меньшей мере половина их войск сейчас на востоке, растянута вдоль реки Кова и сражается с Конфедерацией. Остальные рассеяны по всей Империи, расквартированы по гарнизонам, поддерживают порядок или продолжают военные кампании. - Она махнула рукой. - Но сейчас не об этом.

Вонвальт вздохнул.

- Ладно, продолжай, - сказал он. Я заметила, как Брессинджер косо глянул на него. Упрямство не числилось среди недостатков Вонвальта, но в тот день всем за столом казалось иначе.

Августа стиснула зубы.

- Клавер принадлежит обществу правоверных неманцев, которые считают, что силы Ордена должны быть возвращены Церкви. Они много лет давили на

Императора, чтобы жрецам позволили посещать Великую ложу и изучать наши методы. Однако Клавер пошел еще дальше: он требует, чтобы нашими силами наделили храмовников и чтобы те использовали их как оружие. Подумай, Конрад: не нужно много усилий, чтобы извратить Голос Императора и с помощью него, например, заставить человека бросить оружие. А ведь есть и другие, более древние силы, описанные в старинных манускриптах, которые магистры хранят под замком и которые не применяет даже Орден. Для солдата подобная сила чрезмерна. А если ею овладеет политик – об этом и подумать страшно. Даже сам Император не владеет Голосом. Люди никогда полностью не доверяли нашему Ордену, но они, по крайней мере, верили, что мы используем наши силы во имя добра и с их помощью следим за соблюдением законов общего права ради всеобщего блага. Клавер же желает заполучить эти силы и с их помощью захватить известный мир во имя Немы. И Вестенхольц, и все остальные млианарские патриции готовы ему помочь.

Повисла тишина. Было трудно осознать то, что говорила Августа. Я своими глазами видела, как Вестенхольц выстоял против Голоса; видела, как Клавер и его храмовники маршировали по Хаунерской дороге; видела дюжину других вещей, которые подтверждали опасения Августы. Но даже зная все это, я не могла поверить, что происходит нечто столь судьбоносное. Несмотря на то что Августа была искренне убеждена в своих словах, звучали они немного безумно. Сейчас мне больно думать о том, как безучастно мы отнеслись к ее предупреждению, что мы не оставили дело леди Бауэр сэру Радомиру и его подчиненным и не помчались на юг, в столицу. Даже тогда у нас еще оставалось немного времени, чтобы все изменить.

– Я не знаю, чего ты ждешь от меня, – наконец сказал Вонвальт. – Закон есть закон. Наш Орден не вмешивается в политику. По крайней мере, в теории.

Августа оживленно махнула трубкой.

– Если мы не вмешаемся, то Ордену придет конец; Церковь поглотит и его, и наши силы. Мы слишком расслабились за годы, решили, что все просто принимают верховенство общего права как данность. Правосудия стали мягкотельми. Мы – сборище философов и юристов, которые больше заинтересованы в том, чтобы писать и продавать книги, а не приводить законы в действие. В некоторые города, которые я посещала, уже много лет не ступала нога Правосудия.

Вонвальт выпрямился.

– У меня остались дела в Долине. Пока я их не закончу, я отсюда не уеду.

Стало ясно, что Вонвальт не до конца поверил в рассказ Августы о надвигающейся неминуемой опасности, и много позже он сам признавался мне в этом. Тогда у него были свои причины, которые лишь сейчас, годы спустя, кажутся надуманными. Все-таки он был ветераном Рейхскрига. Он своими глазами видел, на что способны Легионы. Он понимал, как и все мы, что Вестенхольц и Клавер были опасными людьми, явно ввязавшимися в какие-то политические интриги. Но он никогда всерьез не думал, что хоть кто-нибудь, будучи в своем уме, выступит против Императора и победит. Кжосич IV был беспощадным человеком и блестящим стратегом. Достаточно было лишь посмотреть на тех, кто сидел за нашим столом, чтобы увидеть свидетельство

его успеха: йегландец, грозодец и толка; все – подданные Империи, и даже более того – ее официальные представители. Наши короли были мертвы, а страны стали простыми провинциями, и все это за последние пятьдесят лет. Лишь Августа была исконной уроженкой Совы.

– Как бы там ни было, – Вонвальт невежливо отмахнулся от Августы, словно все сказанные ею слова повисли облаком между ними, – все патриции, храмовники и церковники мира не смогут силой отнять у Ордена способности. Чтобы хорошо овладеть ими, требуются годы терпеливого изучения. Меня не заботит, что несколько человек научились противостоять Голосу Императора. Это слабейшая из наших сил, и научиться сопротивляться ей проще всего. Всякий образованный и достаточно хладнокровный человек может и безо всякого обучения сорвать любые попытки применить ее. А способности говорить с мертвыми, с животными, читать мысли.. все они развиваются под тщательным надзором на протяжении многих месяцев. Магистру Кейдлеку достаточно лишь отказаться. Если магистров убьют, знания будут утрачены вместе с ними.

– Обучение занимает годы лишь потому, что излагается пространными академическими понятиями. Убери всю науку, все право, и упорный человек сможет успешно овладеть многими нашими силами в кратчайшие сроки. – Августа продолжила, прежде чем Вонвальт успел возразить: – Кроме того, под угрозой пыток магистры могут и сломаться. Или, может быть, их подкупят посулы сказочных богатств и гарема покорных юношей и девушек? Брось, Конрад, они, конечно, слуги закона, но не все разделяют наше рвение. Когда ставки столь высоки, они не погнушаются взяточничеством. Сам магистр Кейдлек уже начал по-тихому выдавать наши секреты неманцам, хотя хватило бы одного слова Императору, и тот положил бы конец поползновениям патрициев. Магистры – не воины, Конрад. Те дни, когда они объезжали окраины Империи, уже давно прошли. Они не станут защищать законы общего права любой ценой.

Повисла долгая пауза, дольше, чем прежде. Вонвальт прикрыл глаза и рассеянно жевал трубку. Затем он сделал глубокий вдох.

– Когда я завершу дела здесь, то сразу же вернусь в Сову. Даю тебе слово. И тогда я сделаю все, что в моих силах, чтобы восстановить верховенство общего права, положение магистра Кейдлека и Ордена тоже.

– Будет лучше, если ты выволочешь Кейдлека за ухо и сам займешь его место, – проворчала Августа, но, когда Вонвальт поджал губы, склонила голову. – Спасибо, Конрад. Мне остается лишь молиться о том, чтобы ты завершил свое дело поскорее.

– Оно почти закрыто. Еще несколько ходов, и виновные будут у меня.

– И тогда ты поедешь на юг?

– После того как они предстанут перед судом.

Рука Августы сжалась в кулак.

– Это может занять несколько недель!

Вонвальт пожал плечами.

– Я не могу пойти другим путем, это не в моей власти. Ты не хуже меня знаешь, чего требует Орден в случаях, когда здание суда находится менее чем в дне пути. Ожидается, что однажды, когда вся Империя будет окончательно укрощена и цивилизована, суды полностью заменят нас. И не смей меня, это займет вовсе не «несколько недель».

Августа смотрела Вонвальту прямо в глаза.

– Конрад, каждый день, что ты задерживаешься здесь, – это день, когда наши враги продолжают плести свои интриги.

– Реси, ты позоришь себя подобными безумными речами, – резко сказал Вонвальт. – Я выслушал тебя и сказал, как поступлю. Больше здесь нечего обсуждать!

Я видела, что он задел Августу не только как коллегу, но и лично. Она сделала большой глоток вина, затем погасила трубку и встала.

– Ты хорошо понимаешь, что просто упрямисься, Конрад, – сказала она. – Я молюсь, чтобы за последствия пришлось расплачиваться лишь тебе. – И она без лишних церемоний покинула таверну.

Вонвальт закатил глаза и прикончил остатки своего эля.

– Она говорит так, словно небеса вот-вот рухнут нам на головы, – буркнул он.

– А ведь она не глупа, – сказал Брессинджер. – Вы не думаете, что ваше с ней прошлое не дает вам трезво оценить ситуацию?

– Империя каждый год разделяется с полудюжиной восстаний, – резко ответил Вонвальт. – Это зачахнет в зародыше так же, как и все остальные. Оно лишь кажется более важным, потому что мы оказались лично втянуты в эти события. У нас здесь есть важное дело, которое нужно закончить. Лишь тогда я займусь этими интригами. Вероятнее всего, уже через две недели головы Вестенхольца и Клавера будут красоваться на пиках у Императорского дворца, а трупы храмовников будут иссыхать на диких лугах Керака.

Брессинджер хмыкнул.

– Надеюсь, вы правы, – только и сказал он.

Однако Вонвальт был неправ. Он ошибался так, как никогда прежде.

XIV

Последний мирный вечер

«Лишь тот, в чьей груди бьется каменное сердце, способен стать достойным Правосудием».

Из «Сованского преступника» Катерхаузера Кодекс: советы практикующим Правосудиям

Лошади не выдержали бы еще одной бешеной скачки, поэтому нам понадобился весь остаток дня, чтобы доехать до Долины. Путь мы провели в тягостном молчании. К тому моменту когда мы въехали в Вельделинские ворота, тьма уже начала сгущаться и моросящий дождь превратился в мокрый снег.

Вонвальт повернулся к Брессинджеру. Его неопрятная борода намочла и блестела.

– Ты поедешь со мной, – сказал он. – Есть одно дело, с которым я хочу разобраться сегодня ночью. – Затем сэр Конрад раздраженно прибавил: – Грейвсу придется подождать до завтра. Хелена, можешь делать что хочешь. Увидимся завтра на рассвете.

Я не стала возражать. Я была рада избавиться от общества Вонвальта. Пусть он отказывался видеть то, что происходило вокруг него, я все же была напугана. Вечер на то, чтобы отвлечься, был очень кстати, и я точно знала, куда пойду.

Я оставила лошадь в стойле у здания стражи, а затем поспешила по холодным сумеречным улицам. Стражники зажигали фонари и пытались прогнать с них попрошайек. Сержант в здании стражи сказал мне, что Матас и его отец жили в западной части города, где обитала большая часть горожан среднего достатка. Дома здесь были совсем не похожи на покосившиеся хибары восточной части, где из Гейл выловили тело леди Бауэр, но и до особняков богатых торговцев и правящих классов, к которым я уже привыкла, они недотягивали. Строения были высокими, простыми, с деревянным каркасом и мазаными стенами; они теснились друг к другу столь плотно, что промеж нависавших над улицами крыш почти не проникал свет.

Матас занимал комнаты на верхнем этаже одного из домов. Поднявшись по скрипучим ступеням, я постучала в дверь.

– Хелена? – с недоуменным видом спросил Матас, когда открыл дверь. Было так странно видеть его в простой домотканой одежде. – Как.. зачем ты пришла?

Я рассмеялась, видя его замешательство, и бросилась обнимать его. Правила приличия не допускали подобной фамильярности, но после невеселых событий того дня мне очень хотелось, чтобы меня утешили. Думаю, Матас был немного ошарашен столь неподобающим проявлением моих чувств, но, несмотря на это, его руки сомкнулись, и он крепко прижал меня к себе.

- Хвост Казивара, где ты была? - спросил он. - Я боялся, что ты и Правосудие уже уехали. Я видел, что в городе еще околачивается ваш пристав, но он, кажется, не хотел со мной разговаривать.

- Ой, не обращай внимания на Дубайна, - небрежно сказала я, хотя на самом деле сильно разозлилась на Брессинджера за то, что он не сказал Матасу, куда я пропала. - Я ездила в Моргард по Имперской Эстафете.

Матас выпучил глаза.

- По Эстафете! Мать-Богиня! Да я бы убил за то, чтобы ее увидеть. А правду о ней говорят? Будто ты мчишься по Хаунерской дороге со скоростью орла так, что аж дух захватывает? Я слышал, что в хорошую погоду до побережья можно добраться всего за неделю.

- Все точно так, как ты говоришь, - сказала я. - Впрочем, должна признаться, под конец путешествия мое мягкое место было мне не очень благодарно.

Матас хотел было ответить какой-то пошлостью, но остановил себя, вспомнив о приличиях. Он зарделся, и я, сообразив, что происходит, удивленно раскрыла рот.

- Негодяй! - сказала я и толкнула его, хотя на лице у меня была улыбка. - Ты же... в присутствии дамы. - Я напустила на себя важный вид, и он рассмеялся.

- Я готов с радостью его растереть, - смело сказал он. По сованским меркам это было крайне неприлично, хотя в Мулдау я слышала предложения и похуже. Как бы там ни было, я была рада отбросить привычные душные манеры и просто подурачиться с юношей, который мне нравился.

- Вы не сделаете ничего подобного, сэръ, - сказала я. - Агент Империи вроде меня не может позволить, чтобы ее... мягкие места... кто-либо... - закончить я не смогла. Я рассмеялась, он рассмеялся вместе со мной, а затем мы поцеловались. О, с какой тоской в сердце я вспоминаю о тех счастливых мгновениях. Я схожу с ума, думая о том, какой выбор тогда сделала. О том, что все могло сложиться по-другому.

- Входи, - сказал Матас, приглашая меня внутрь. - Мой отец будет рад познакомиться с тобой.

- А я - с ним, - тепло сказала я.

Мы вошли в небольшую гостиную, в которой располагались стол, стулья и место для готовки с железным чайником и вертелом. В небольшом очаге горел огонь, по счастью не заполнявший комнату дымом, хотя и источавший удушающий жар, который лишь усиливался от того, что в двух квартирах под нами тоже горели очаги. Не считая этого, больше в комнате почти ничего не было.

- Матас? Кто там? - послышался голос из соседней комнаты.

- Я хочу тебя кое с кем познакомить.

- Если это снова Тивек, тот бессовестный мальчишка...

- Отец! - поспешно прервал его Матас и с извиняющимся видом улыбнулся. - Это девушка. Следи за языком. Я хочу познакомить тебя с ней, и она очень хочет познакомиться с тобой, хотя я ума не приложу почему.

- Казивар, - услышала я негромкое ворчание. За ним послышались кряхтение, натужные вздохи, потом какой-то стук, и наконец в дверях показался мужчина, сидевший в неуклюжем на вид кресле-коляске.

- Надо же, а ты хорошенькая, - хрипло буркнул он. - Простите меня, мисс, за то, что я не встаю. Как вы уже, наверное, догадались, этого я сделать не могу.

Признаюсь, я немного оторопела, увидев его. Естественно, он был похож на Матаса, и, хотя до преклонного возраста ему было еще далеко, увечье явно вытянуло из него всю молодость. На нем было столько слоев одежды, что сразу становилось понятно, почему в квартире стоял такой невыносимый жар - он очень остро чувствовал холод. Нижнюю часть его лица покрывала коротко стриженная белая борода, а в волосах, доходивших ему до плеч, виднелась седина. На шее у него висел мешочек с травами - они должны были скрывать исходивший от него резкий запах, который я, впрочем, могла ему простить, ведь он вряд ли часто покидал квартиру.

Я поклонилась ему по-имперски.

- Рада познакомиться с вами, - сказала я. - Хелена Седанка.

- Гм, - сказал он. - Говоришь и ведешь себя как имперка, а фамилия у тебя толская. - В его словах не было злобы, но и спокойнее мне от них не стало. Я вспомнила, как Матас говорил, что его отца ранили во время сражения в Марках. Поэтому, как и сэр Радомир, он мог испытывать глубокую неприязнь ко всем, кто родился в Толсбурге.

- Хелена не имеет никакого отношения к Рейхскригу, - быстро сказал Матас. - И я не потерплю, если ты станешь ее попрекать.

- Ай. - Отец отмахнулся от сына. Когда он снова посмотрел на меня, в его глазах плясали едва заметные искорки. - Я ни на кого зла не держу, - проворчал он, хотя я не до конца ему поверила. - Меня зовут Вартан. Я тоже рад познакомиться с вами, мисс Седанка. Мы садимся ужинать, не присоединитесь к нам?

- С радостью, - сказала я.

- Матас, Доротейя должна что-то нам принести сегодня вечером. Скажи ей, что у нас гостья; может быть, у нее найдется немного кенны.

Кенна была неофициальным национальным блюдом Совы, которое состояло из свинины, запеченной в остром сырном соусе. Глядя на жилище Акеров, я сомневалась, что они могли позволить себе подобную роскошь.

- Не стоит так утруждаться из-за меня, - поспешно сказала я. - Правда, мне все равно, что есть. На работе я привыкла питаться тем, что остается к ночи. Такая уж особенность у нашего ремесла.

- Не беспокойтесь о нас, мисс, - сказал Вартан, когда Матас ушел. - Доротея любит о нас заботиться. А что, кстати, у вас за работа? Необычно это, чтобы девица вашего возраста где-то трудилась.

- Я секретарь, - сказала я. - Служу сэру Конраду. Он - Правосудие.

Вартан заметно опешил.

- Так вы - чиновница из Сова? Служите Правосудию? - Его расположение ко мне заметно переменялось. Вместо высокомерия и насупленности он вдруг посмотрел на меня с уважением и, как мне показалось, чуточку со страхом. - А правду говорят, что Правосудия владеют особыми способностями? У вас они тоже есть?

Я улыбнулась, надеясь, что моя улыбка покажется ему ободряющей.

- У сэра Конрада способности точно есть... а у меня их точно нет.

Люди часто реагировали на меня и мою профессию так же, как Вартан, но я лишь недавно стала обращать на это внимание. До дела леди Бауэр и до Долины я была наивной. Теперь же я наконец стала осознавать: простые люди, даже те, кто был старше и лучше меня, боялись нас. И боялись они не только сил, которыми владел Вонвальт, но и просто потому, что мы были агентами Империи. Для большинства сованцы оставались завоевателями, пусть теперь они и царили повсюду. И хотя я всегда считала себя в первую очередь толкой и лишь затем сованской подданной - увы, я никогда по-настоящему не ощущала себя имперкой, - другие видели меня совсем иначе. Я могла с тем же успехом облачиться в цвета Империи и носить на груди ее герб. Для других мы были воплощением власти Императора, словно он висел в нескольких футах над нами и управлял нашими действиями, дергая за ниточки. Мы часто слышали, как другие ропщут о жестокости Императора, однако я долго не осознавала, что простые люди могут считать нас такими же жестокими и лютыми, каким был он. Как жаль, что я не могла объяснить им, как ревностно Вонвальт относился к общему праву и применял его законы. Он ценил его превыше всего.

- Я слышал, что они умеют говорить с мертвыми, - со страхом сказал Вартан. Вдруг, отведя от меня глаза, он начал плотнее кутаться в одеяла. - Чудовищное и противоестественное дело, как по мне, - пробурчал он.

Мне оно тоже казалось чудовищным и противоестественным. Я не хотела снова думать о сэре Отмаре.

- Многое из того, что слышат люди, - это просто слухи, - сказала я, радуясь, что в тот миг нас прервал вернувшийся Матас.

- Немного кенны у нее все же было, - сказал он, и маленькую комнату заполнил узнаваемый запах сыра со специями. - Только ее придется разогреть.

Лицо Вартана просияло. Он посмотрел на меня, ища одобрения, и я ободряюще улынулась. Вел он себя в целом немного странно, одновременно неприветливо и заискивающе, и я сообразила, что увечье, приковавшее Вартана к коляске, наверняка сильно изменило его характер. Полагаю, когда-то он был грубым и неприятным типом, но теперь полностью оказался на милости своего сына и некой Доротей.

Мы неторопливо беседовали, пока Матас готовил кенну и другую еду, которую передала Доротей. То были простые продукты, которыми изобиловали здешние места: овощи, картошка, хлеб и сыр.

- Он, должно быть, вам очень помогает, - негромко сказала я, хотя Матас наверняка это услышал.

- Мальчишка просто святой, - сказал Вартан. - Без его заботы я бы уже давно помер. Однако, - прибавил он, повысив голос, - сейчас я здоров как никогда. И обо мне заботится Доротей. Так что я все пытаюсь выпереть его отсюда. Ему нужно найти свой собственный путь в этом мире, а не сидеть тут со мной. Верно, парень? А? Пытаюсь я тебя выгнать?

- Да уж, это точно, - сказал Матас, широко улыбаясь и накладывая кенну в деревянные миски.

- Не возражаете, если я спрошу..

- Это был толец, на голову выше меня, - прервал меня Вартан. Матас со вздохом сел и закатил глаза.

- С каждым разом он становится все больше.

- Огромный, Казивар бы его побрал, толец, - продолжал Вартан, оживившись. - С большущей черной бородой и длиннющими черными волосами, которые доходили ему до самого низа спины.

- И пальцами толщиной с сардельки, и руками, как дубовые ветви, - подхватил Матас.

- Сам хочешь рассказать ту историю? - требовательно спросил Вартан, указывая на Матаса ножом. - Я ведь и тебя могу в каталку усадить, а? Только представь, какая бы из нас вышла парочка! Колесили бы по всей Долине!

- Я бы тебя обогнал, - сказал Матас. Теперь они уже оба смеялись, и я вместе с ними.

- Ага, но опыта-то у меня побольше. - Вартан похлопал по деревянным колесам. - Прицеплю сюда лезвия и посеку все твои спицы.

Матас посмотрел на меня, проверяя, что они не смутили меня, но я была рада просто послушать, как отец и сын подтрунивают друг над другом. Их болтовня была такой душевной, искренней и казалась мне глотком свежего воздуха.

– Ладно, – сказал Вартан с полным ртом кенны. – Значит, Рейхскриг, я в Марках, да? Как и каждого хаунерского дуралея, меня призвали в Легионы. Мы сражались под знаменами маркграфа Нойманна – может, слышала о таком?

Я помотала головой, и одновременно с этим Матас сказал:

– Конечно же, она не слышала!

– В общем, видите ли, командир из него был так себе. Хотя нет, не совсем – он хорошо справлялся на открытой местности. Но в Марках-то все по-другому. Дело в погоде, понимаете? Она все время меняется. В одну минуту палит солнце, а в другую Богине-Матери приспичит поссать, и на тебя польется ледяной ливень.

На этих словах у меня от удивления вырвался высокий, громкий смешок, а Матас залился краской от столь ужасной шутки.

– Так вот, день был туманный, и тут Нойманн говорит, что нам нужно занять такой-то холм – я даже не помню, как он назывался, чтоб его. Просто огромный такой земляной бугор. Предполагалось, что наверху стояло какое-то деревянное укрепление, но я туда так и не дошел. Топаем мы, значит, вверх по склону, медленно пробираемся через грязь, как вдруг прямо из тумана появляются эти толцы. Одна Нема знает, как я тогда перетрусил. У меня ведь даже меча или доспехов не было, как у некоторых лордов, лишь палица и поношенная стеганка, которую я купил почти задаром.

Значит, появляются эти здоровенные толцы, раздетые до пояса и все разрисованные красной краской, чтобы было похоже на кровь. Некоторые из наших просто развернулись и побежали. И никакая сила на земле их не удержала бы. Но я подумал: «Да сношайся оно все Казиваром», – уж простите мне мой сованский, – подбежал к ближайшему и попытался огреть его моей палицей.

Вартан замолчал. До этого он рассказывал историю довольно оживленно, но теперь его лицо омрачилось, и я поняла, что он все еще помнил тот миг – миг удара, мгновенного паралича, осознание того, что он, скорее всего, умрет, – и переживал его столь же ясно, словно все происходило наяву.

– Вы, должно быть, были невероятно храбры, – сказала я, чтобы заполнить повисшую тишину. Я протянула руку, сжала его ладонь, и он улыбнулся мне.

– Благослови тебя Нема, девочка, – ласково сказал он. Затем его лицо внезапно просветлело. – Так ты ведь и сама толка, хотя по тебе и не скажешь. Из каких ты мест? И как оказалась на службе у Правосудия?

Об этом мне говорить не хотелось, особенно с малознакомыми людьми. Но Вартан открылся мне, поэтому я ответила ему той же любезностью.

– Я родилась в Мулдау, – сказала я. – Толсбург уже лет пять или шесть как стал сованской провинцией, но в Марках все еще продолжались стычки. Когда мне было три года, случилось всеобщее восстание. Моего отца убили. Мама оберегала меня еще несколько лет, но затем она тоже погибла, когда Мулдау снова захватили и разграбили. После я попала в сиротский приют, а потом, когда достаточно повзрослела, в работный дом. – Я пожала плечами, хотя на

самом деле мне все еще было больно рассказывать об этом. – Больше десяти лет я нищенствовала, а потом в Мулдау приехал сэр Конрад. Я попыталась ограбить его, но вместо того, чтобы осудить, он взял меня в ученицы.

– Нема, как же тебе повезло! Он ведь мог отрубить тебе за это руку!

– Да, – угрюмо сказала я. – Он сказал мне то же самое, почти слово в слово.

Вартан расхохотался, и Матас смог выдавить из себя смешок. Даже я улыбнулась. Но я о многом умолчала. О годах нищеты, о милостыне, кабале, жестокости и попытках лишить меня невинности. История моей юности была скверной, и, рассказывая ее, можно было испортить настроение даже на самых оживленных посиделках.

– Простите, я не хотела портить вечер, – сказала я. – Моя история не из приятных.

Вартан указал на меня ножом.

– Не извиняйся. Не за моим столом. Посмотри, кем ты была и кем стала. Я бы ни за что и в тысячу лет не поверил в эту историю, если бы не услышал ее из твоих собственных уст. Ты столького добилась и далеко пойдешь, будучи агентом Короны. Молодчина.

Признаю, слова Вартана согрели мою душу. Я сердечно поблагодарила его и наконец принялась за мою кенну, которая быстро остывала, но не становилась от того менее вкусной.

Мы проговорили до поздней ночи. То был замечательный вечер, и провела я его в хорошей, честной компании. Мы беззаботно смеялись и шутили от души. Я даже ощутила, как постепенно уходят приобретенные мной повадки и сованский акцент и как проскальзывают мои родные толские интонации. К концу вечера мой живот и щеки болели от хохота, и я была совершенно одурманена мыслью о том, чтобы стать женой Матаса и невесткой Вартана. Это было неудивительно – после того, что я слышала утром от Августы, меня отчаянно тянуло к столь простым, душевным радостям жизни.

– Что ж, мне пора на боковую, – сказал Вартан. К тому времени Матас и я, сидя за столом, открыто держались за руки, и становилось ясно, что вечер подходит к поворотной точке. Вартан не собирался вести себя как чопорная дуэнья. Он был простым человеком, давным-давно махнувшим рукой на излишние формальности.

– Спокойной ночи, – сказал Матас.

– Спокойной ночи, Вартан, – сказала я, искренне улыбаясь. – Спасибо, что приняли меня. Вечер был чудесный.

Вартан, скромно улыбнувшись, отмахнулся от меня и, не говоря больше ни слова, укатил обратно в свою комнату.

Когда мы пошли в комнату Матаса, я заволновалась. Хотя я выпила эля и он ударил мне в голову, все же опыта у меня не было совсем.

- Я не... - негромко сказал Матас. Затем он замолк, но я его поняла. Он тоже не знал, что делать.

- Думаю, вместе мы разберемся, - сказала я, и мы упали на кровать, смеясь над самими собой и нашей неопытностью.

Я никогда не забуду ту ночь. Боль в начале, а затем удовольствие. После первого раза мы не остановились. Мы действовали неумело и несмело, но с юношеским энтузиазмом. Мы потели, скакали, стонали и хихикали и закончили лишь после трех раз. Уставшие и обнаженные, мы лежали, тепло прижавшись и сплетаясь друг с другом, пока сквозь облака не начал пробиваться холодный утренний свет.

- Разве Правосудие тебя не хватится? - спросил Матас, легонько поглаживая меня пальцами по бедру.

- Не знаю, - сказала я. Я уже давно думала о Вонвальте. Он вошел в мои мысли в то же время, когда Матас вошел в меня, отчего я пришла в замешательство и сильно злилась на себя.

- Какие у вас с ним отношения? - спросил Матас.

- Ты о чем? - спросила я, тоном и видом давая понять, что вопрос мне не понравился. - Ты же сам видел, что я была цела.

- Мать-Богиня, да нет же, - быстро сказал Матас. - Я не об этом. Совсем. Просто я задумался, понимаешь. Вы несколько лет провели вместе, в дороге. Он человек... могущественный. И обеспеченный.

- А еще он вдвое старше меня, - сказала я, хотя это было скорее вопросом личных предпочтений и в провинциях не казалось чем-то странным. Даже в Сове пары с большой разницей в возрасте встречались часто, особенно среди знати. Иногда детей обручали с рождения, чтобы сохранить чистоту родов и скрепить важные союзы. - Он никогда не говорил и не делал ничего непристойного. Я - его работница, а не любовница.

Я чувствовала, что начинаю сердиться и замыкаться в себе. Я никогда прежде не рассказывала о моих взаимоотношениях с Вонвальтом. Мне было просто не с кем обсудить их. Поначалу, когда сэр Конрад только поставил меня себе на службу, я полагала, что когда-нибудь он все же потребует от меня какую-нибудь плотскую услугу - все-таки он был богатым агентом Короны. Мысль об этом претила мне, но я смирилась с ней ради лучшей жизни, ведь я была по горло сыта попытками наскрести себе на жизнь в приютах Мулдау. Шли недели, за ними - целые месяцы, и он не требовал от меня ничего, кроме усердной работы. Мне было семнадцать, когда Вонвальт принял меня в ученицы, и в большинстве мест я уже считалась женщиной. Теперь мне стало девятнадцать - кого ни спроси, я уже давно могла выйти замуж и рожать детей, но он до сих пор ни разу не приставал ко мне. Мы десятки, если не сотни, раз оставались наедине, трезвые и пьяные. Иногда нам даже приходилось спать в одной постели, но Вонвальт просто отворачивался от меня и засыпал. Порой я думала, что он, возможно, предпочитает мужчин, но однажды ночью Брессинджер, когда мы распили с ним бурдюк вина, проболтался, что Вонвальт, как и он, нередко посещал

бордели. Разница была лишь в том, что Вонвальт был гораздо более разборчив и скрытен, в то время как Брессинджер охотился за всем, что двигалось.

Я же испытывала к Вонвальту самые разные и противоречивые чувства, какие часто испытывают юные девушки к мужчинам старше них. Вонвальт был красив, силен и таинственен, и каждая из этих черт подчеркивала другую. Он был мечтой многих девушек. Пусть я наивно заблуждалась о силе той власти, которой обладала, будучи агентом Короны, я все же замечала зависть, исходившую от девушек Долины Гейл, как жар от костра. Но со временем я увидела в Вонвальте и его недостатки: мнительность и привередливость. Он был склонен к унынию и неразговорчив, и всякий раз, когда представлялась возможность уединиться, он хватался за нее.

Ситуацию осложняло и кое-что еще. Вонвальт был не только моим нанимателем, но и моим защитником. Я знала, что он убивал людей, как в ходе Рейхскрига, так и исполняя долг Правосудия. И он без колебаний убил бы, чтобы защитить меня. Это пугало, но в то же время благодаря этому я чувствовала себя защищенной. Так что наши отношения были сложными. Они носили черты всего, что могло связывать мужчину и женщину: он был для меня отцом, дядей, братом, мужем – всем, кроме любовника, и, если задуматься, наверное, именно поэтому я так быстро позволила Матасу занять в моей жизни эту роль.

Я вдруг осознала, что уже давно молчу, погруженная в свои мысли. Все это время Матас ждал ободрения, а я его ему не давала. Я повернулась к нему и с жаром заговорила:

– Я тебя люблю и хочу, чтобы мы провели жизнь вместе. Но у меня есть обязанности. Сэр Конрад заключил со мной сделку. Я продолжу работать на него, пока мы не закроем дело леди Бауэр, а затем я сообщу ему о моем решении.

– И ты останешься? – спросил Матас.

Несмотря на вихрь мыслей и чувств, бушевавших в моей голове, я с уверенностью кивнула.

– Я останусь, – сказала я.

XV

Грейвс

«Вступить в Орден магистратов Империи – значит принять суровую жизнь, посвященную чести и долгу. Ни один посвященный не должен обманывать себя: это непростой путь, полный непростых дел».

Правосудие Реджинальд де Беренгар

Мальчика выкопали из могилы. Это сделали ночью, под покровом темноты. Вонвальт, Брессинджер, сэр Радомир и несколько стражников отправились на городское кладбище и, действуя по приказу Правосудия, выкопали кости. Затем они отнесли их мистеру Макуиринку – врачу, который занимался трупом леди Бауэр, – чтобы он их осмотрел.

– Мальчишку убили, – сказал мне Брессинджер позднее тем утром, попивая болотный эль из кружки. Мы сидели в кабаке неподалеку от Аптекарской улицы. Вонвальт все еще разговаривал с мистером Макуиринком. У Брессинджера же аппетит к расследованию на время пропал, и он отправился искать утешение в ближайшей таверне. – Его ударили по голове, как и мать.

– До чего же поганое дело, – сказала я, чувствуя себя отвратительно. Ведь это я придумала выкопать тело, и тогда мысль показалась мне хорошей; однако теперь, когда все было сделано, меня одолела глубочайшая печаль. При мысли о том, как несколько хмурых мужчин вытаскивали из земли кости давно усопшего мальчика, мне хотелось разреветься. Я жалела, что тогда не промолчала.

Брессинджер сделал большой глоток эля.

– Да уж. – Казалось, что он сейчас заплачет.

Какое-то время мы сидели молча, пили и слушали суетливую болтовню окружающих нас посетителей таверны.

– А как прошла твоя ночь? Ты ведь провела ее с тем парнем, Акером.

На этот раз я не покраснела, а просто кивнула.

– Да. Мы любим друг друга.

Брессинджер пожал плечами. Признаюсь, я была озадачена его безразличием.

– Я уж понял. – Он взял еще одну кружку болотного эля и несколькими большими глотками осушил ее наполовину. – Значит, ты останешься? Будешь вынашивать ему детишек здесь, в Долине? Станешь женой и хозяйкой?

Мне не понравился тон Брессинджера, и его немного осоловевший взгляд говорил о том, что эль уже начал на него действовать. Но мне хотелось убедить его. Все-таки я собралась покинуть Вонвальта. И если я сомневалась в своем решении и не могла его отстоять, значит, это решение было неверным.

– У нас будет такая жизнь, какую мы сами себе устроим, – резко ответила я. – Но я не стану сидеть сложа руки и целыми днями возиться с детьми.

- Ты не в Сове, Хелена. В провинциях к женщинам относятся иначе. Парнишка влюбился в тебя, потому что ты миловидная и не похожа на девок, к которым он привык. Но он – продукт своего воспитания, как и все. Не важно, что он говорит сейчас, скоро он захочет, чтобы ты сидела дома.

- Ты его не знаешь, – сказала я, начиная злиться.

- Я знаю парней вроде него, – сказал Брессинджер. Мой тон ничуть его не смутил. – Вы оба юны и втрескались друг в друга по уши. Но ты не вынесешь однообразия, не сможешь жить в одном и том же городе до конца своих дней. Ощущение новизны быстро пройдет, и, когда это случится, сэра Конрада здесь уже не будет.

- Мы будем путешествовать, – с вызовом сказала я.

- На какие деньги? Ты не осознаешь, сколько платят сэру Конраду. Чтобы поддерживать даже его скромный образ жизни, нужна уйма денег. Необходимо платить за каждый ночлег, за еду, за лошадей, за хранение вещей. За новую одежду и стирку. Путешествия, девочка моя, дорого обходятся. На жалованье, которое получает сэр Конрад, можно прокормить целую семью в западной части этого города.

- Я знаю, сколько получает сэр Конрад, – сказала я. – Я же его секретарь.

- Ага, пока что.

- Разве ты не хочешь, чтобы я была счастлива? – спросила я. Прозвучало это почти жалобно. Несмотря на ту уверенность, которую я испытывала прошлой ночью, теперь я чувствовала, что аргументы Брессинджера действуют на меня, раскапывая мои потаенные сомнения, как умелый расхититель могил.

- Да очнись же ты! – рявкнул Брессинджер, отчего соседние посетители таверны покосились на нас. – Посмотри, что выпадает на долю большинства людей. Ты даже не понимаешь, как тебе повезло. Да одно твое жалованье привлекло бы внимание большинства провинциальных поместных лордов. Сэр Конрад обучил тебя языкам, праву, философии, юриспруденции... у тебя образование как у благородной дамы. И у тебя все получается, Хелена. Нема, да у тебя таланта как угля в шахте. – Он говорил с жаром, свойственным подвыпившим людям, но теперь помрачнел. – И глаз у тебя наметан, прямо как у него. Ты видишь, как достичь цели. Выкопать кости мальчишки... Каким хладнокровием нужно обладать, чтобы подумать об этом.

- И мне тошно от того, что я подумала об этом! – огрызнулась я.

- Но посмотри на результат! Посмотри, чего ты добилась! Один ход, и ты доказала, что лорд Бауэр – лжец. Доказала. Он смотрел сэру Конраду в глаза и говорил, что мальчик умер от болезни, а его сестра от горя ушла в монастырь. И звучало это хоть немного правдоподобно. А теперь мы знаем, что это ложь. Даже сэр Конрад не догадался выкопать кости мальчика. – Брессинджер посмотрел на меня с удивительной смесью презрения и уважения. – У вас с ним гораздо больше общего, чем ты хочешь признать.

- Все нет, – обиженно солгала я.

Брессинджер допил остатки своего болотного эля и долго смотрел на меня. У меня возникло неприятное чувство, что впервые характер наших с ним отношений начал меняться. Брессинджер терял свое влияние, а я его приобретала. Он видел, как я впитываю уроки Вонвальта, его повадки, его образ мышления. Глядя на меня, он наблюдал становление Правосудия, и чем более образованной я становилась, тем больше я взрослела. Я уже не была беспризорницей из Мулдау, которую он помнил, грубой сиротой, ставшей ему одновременно дочерью, племянницей и сестрой. Я стала женщиной, обрела власть и ум. Думаю, он почувствовал угрозу с моей стороны.

– Сэр Конрад никогда тебе этого не скажет, – серьезно сказал Брессинджер, – но ты разобьешь ему сердце, если покинешь нас.

– Замолчи, – сказала я, качая головой. Я не хотела этого слышать. Это было до возмутительного нечестно. – Как ты смеешь читать мне нотации? Это моя жизнь, и я буду делать с ней то, что сама захочу.

– Да, я уже понял, какой у тебя подход.

– Сволочь ты, – огрызнулась я, внезапно всплыв. Брессинджер усмехнулся, но больше ничего не сказал; он лишь обмяк немного, как подушка, из которой вынули половину набивки.

Я встала и, движимая гневом, решительно прошагала к двери. Обернулась я лишь единожды. Взгляд Брессинджера был уперт в стол, и он медленно поднял руку, прося еще эля. Испытав отвращение, я покинула таверну.

* * *

Я направилась к дому мистера Макуиринка, находившемуся за углом, прошла мимо толпы последователей Вонвальта, стоявших с приоткрытыми ртами, миновала их бессмысленные безделушки и подношения и вошла в дверь на первом этаже. Голос Вонвальта снова доносился из подвала. Спускаясь по лестнице, я чувствовала себя незваной гостьей. Внизу передо мной предстала знакомая сцена: Вонвальт и врач стояли, склонившись над столом, и изучали труп.

– Хелена, – с поразившей меня веселостью сказал Вонвальт. – Ты можешь гордиться собой. У тебя пронцательный ум сыщика.

Я прикусила язык. Вид костей на столе подействовал на меня не так сильно, как я ожидала. Там лежала лишь жалкая маленькая кучка, и кости едва можно было отличить друг от друга. На самом деле я несколько удивилась тому, как мало их осталось. Телам, которые хоронили в гробах, требовались многие годы, чтобы разложиться полностью, и я не могла себе представить, чтобы лорд Бауэр положил своего сына прямо в землю.

Я была почти готова сказать Вонвальту, что разрываю наш уговор, но меня переполнило любопытство, неудержимое, как волна.

- Тело было покрыто известняком, - сказала я, ощутив внезапное желание показать свой ум и проницательность.

- Как раз об этом мы только что и говорили, - сказал Вонвальт.

- Весьма впечатляющее умозаключение, мисс, - сказал мистер Макуиринк. - Вы проходили подготовку в этой области?

- Официально нет, - сказала я, быстро увлекшись делом, несмотря на жгучее чувство отвращения к самой себе. - Как вы и сказали, это лишь умозаключение. Лорд Бауэр почти наверняка похоронил сына в гробу. А если так, то от тела и от костей должно было остаться гораздо больше, чем эта жалкая кучка.

Трудно описать словами, что я испытывала тогда. Раньше я писала, что глубоко дорожила похвалой Вонвальта, но на самом деле я ценила ее гораздо больше - она вызывала привыкание, как наркотик. Как сладкий эликсир. И теперь, благодаря неуместным вопросам Матаса, я внезапно увидела Вонвальта в новом, совершенно нездоровом свете. Он действительно был красив, могущественен и умен. Когда я снова оказалась рядом с ним, Матас начал казаться мне мальчишкой, незрелым, с глупыми представлениями о любви. Я внезапно ощутила странное желание отдалиться от него.

Мне претили эти мысли, которые, вдобавок ко всему, пришли ко мне прямо рядом с трупом. Они многое говорили о том, какая неразбериха царила тогда в моей голове и какую бурю чувств я испытывала, раз я отчетливо помню их по сей день. Откровенно говоря, мне кажется чудом, что люди выходят из юношеского возраста, хоть отчасти сохранив рассудок. Я все еще не уверена, что у меня это тогда получилось.

- Нет никаких сомнений в том, что мальчик скончался по злему умыслу... И в том, что лорд Бауэр об этом знал. - Последние слова Вонвальт прибавил, скривившись от отвращения. - Я договорился с сэром Радомиром, чтобы на его поиски отправили вооруженных констеблей. Надеюсь, скоро мы его поймем.

- Что вы будете делать теперь? - спросил врач.

- Поговорю с помощником Бауэра. - Вонвальт повернулся ко мне. - Дубайн пошел в таверну?

- Да. Он немного не в себе, - сказала я, не испытывая угрызений совести за то, что наябедничала. Я хотела ранить его так же, как и он меня.

К моему удивлению и недовольству, Вонвальт ничуть не разозлился.

- Да, полагаю, что так, - рассеянно сказал он. - Прошлая ночь далась ему нелегко. - Он снова повернулся к мистеру Макуиринку. - Еще раз спасибо, что уделили нам время. И прошу прощения за то, что мы отняли у вас большую часть ночи.

- Я всегда рад помочь, чем могу, - великодушно сказал усталый пожилой врач. Я не сомневалась, что он закроется для посетителей, как только мы уйдем. Едва мистер Макуиринк отошел подальше, я повернулась к Вонвальту.

- Что произошло с Дубайном? - прямо спросила я.

- Ты о чем? - спросил Вонвальт.

- Вы знаете о чем, - сказала я. - Очевидно, это как-то связано с детьми. Всякий раз, когда мы обсуждаем или сталкиваемся со смертью ребенка, он впадает в уныние и становится злым. Он сейчас чернее тучи, напивается до одурения... - Я запнулась, внезапно пораженная очевидным ответом. Мне уже давно следовало догадаться. - Сэр Конрад, - спросила я, мгновенно забыв о своем гневе, - он что, потерял ребенка?

Вонвальт косо посмотрел на меня и какое-то время молчал, оценивая меня взглядом. Когда он заговорил, голос его звучал крайне серьезно:

- Ты не скажешь ему ни слова из того, что я тебе поведаю. Не подавай виду, что ты об этом знаешь, даже если тебе захочется проявить сочувствие. Если проболтаешься, то увидишь, насколько черным может быть его настроение.

- Хорошо, - неуверенно сказала я. - Я ничего не скажу.

- Я не шучу, Хелена. Об этом нельзя даже упоминать.

- Я не буду, - сказала я, чувствуя, как меня саму уже охватывает печаль.

Вонвальт вздохнул. Казалось, что он вмиг постарел лет на десять.

- Дубайн потерял не одного ребенка, - негромко сказал он, - а двоих.

Я непроизвольно прикрыла рукой рот. В первый же миг я ощутила стыд. Как я могла не знать о Брессинджере нечто столь важное, нечто, объяснявшее его изменчивый темперамент?

- Как? - спросила я шепотом. От того, что Брессинджеру довелось пережить подобное горе, на мои глаза навернулись слезы.

- Во время Рейхскрига, - сказал Вонвальт, и на миг я подумала, что на этом он и закончит. - Нам тогда было девятнадцать... как тебе сейчас. Он и я служили в одной роте. Подробности значения не имеют. Мы сражались в Южной Марке Денхольца - дикое место, там и сейчас порой разгораются восстания. Пока мы бились там, небольшая армия венландцев вторглась в Грозоду с востока и сокрушила имперский гарнизон в Аннхольте. Они перерезали весь город, включая жену Дубайна и двух его младенцев-сыновей. - Вонвальт немного помолчал. - Что ж, нетрудно себе представить, как такая утрата меняет человека.

- Нема, - сказала я. Слезы свободно катились у меня по щекам. - Я не знала.

- Да, и неспроста. Дубайн - человек стойкий, но он каждый день несет на себе это бремя. Понадобились долгие годы дружеской поддержки и терпения, чтобы он стал таким, как сейчас, однако подобную боль можно лишь притупить, но не исцелить. Так что прости его, если иногда он теряет самообладание.

- Конечно, - сказала я, чувствуя себя совершенно отвратительно.

Вонвальт покачал головой и выпрямился.

- Что ж. Ты хотела знать и теперь знаешь. Но не позволяй Дубайну взвалить на себя еще и твое горе. Возьми себя в руки. Нам нужно приниматься за работу.

Я утерла слезы со щек и с глаз.

- Да, - сказала я. - Да, конечно.

- Тогда идем, - сказал Вонвальт. - Займемся делом.

* * *

Мы направились к городскому казначейству - двухэтажному зданию с деревянным каркасом, зажатому между городской ратушей и храмом. Все эти здания выходили на площадь - широкую, выложенную большими каменными плитами, - на которой, согласно городским указам, обычно запрещалось ставить лавки. Однако в тот день странствующий рынок, приехавший аж из Венланда, продавал товары из-за Нефритового моря, и площадь кишела торговцами и покупателями.

Мы пробрались через толчею и подошли к зданию казначейства. По очевидным причинам чужаков внутрь не пускали, и у двери нас остановил стражник.

- Вы служите сэру Радомиру? - спросил Вонвальт.

Стражник поднес руку к шлему.

- Да, сир, - сказал он. Стражник был лет тридцати, с прямыми длинными волосами и шрамами на лице от перенесенной в детстве оспы. Как и сэра Радомира, его ничуть не пугал ни Вонвальт, ни власть, которую он представлял.

- Я пришел побеседовать с Фенландом Грейвсом. Он внутри? - спросил Вонвальт.

Стражник кивнул и распахнул дверь. Почти сразу за ней начиналась деревянная лестница.

- Да, внутри. Давайте я вас провожу. Только мне придется забрать у вас меч, сир, - в казначейство нельзя с оружием.

Вонвальт вздохнул.

- Боюсь, для меня вам придется сделать исключение. - Он указал рукой на лестницу. - Идемте же, мое дело не терпит отлагательств.

Стражник помедлил, сбивый с толку.

- Как скажете, - наконец сказал он и начал подниматься на следующий этаж.

- Вы следили за ним? - спросил Вонвальт.

- Да, - негромко сказал стражник, не останавливаясь.

- И он не совершал ничего подозрительного?

- Я ничего такого не видел, сир. Приходил, уходил - все как обычно.

- Позже я бы хотел допросить вас и узнать, где он был. Вы ведь вели учет, как велел сэр Радомир?

- Вели, - немного раздраженно ответил стражник.

Пройдя по лестнице, мы вышли на широкую квадратную площадку, на которой лежал ковер, украшенный затейливым орнаментом.

- Мистер Грейвс ведет свои дела в этой комнате. Давайте я пойду с вами. Он считает, что я его охраняю.

- В этом нет необходимости, - сказал Вонвальт. - Вы можете вернуться в здание стражи и продолжить заниматься своими обычными обязанностями.

Стражник снова помедлил, словно не зная, что делать дальше. Затем он недовольно хмыкнул, развернулся и ушел.

- Странный он, - негромко сказал мне Вонвальт, когда стражник отошел подальше. Затем он громко постучал в дверь. - Мистер Грейвс. Пожалуйста, откройте. Это Правосудие сэр Конрад Вонвальт.

- Входите, - послышался простой ответ.

Вонвальт и я переглянулись. Вонвальт начал открывать дверь... и чуть не свалился с ног, когда кто-то на противоположной стороне рывком дернул ее на себя.

- Осторожно! - закричала я. Справа стоял вооруженный мечом человек в ливрее стражи, готовившийся отрубить Вонвальту голову. Я бездумно бросилась вперед и толкнула нападавшего в ребра. Потеряв равновесие, тот качнулся вбок, и его меч вонзился в темный стол Грейвса из цельного дерева.

– Как это понимать? – взревел Вонвальт, выпрямляясь. В комнате находились трое мужчин, вооруженных и облаченных в доспехи, и на каждом были желто-голубые сюрко стражи Долины Гейл. Каждый держал в руке меч. Не понять, что происходит, было невозможно.

– Хелена, уходи, – с мрачным видом сказал мне Вонвальт. Он вытащил свой короткий меч из ножен, висевших у него на поясе. Признаю, я оценила его шансы довольно низко.

– Сэр Конрад! – крикнула я.

– Уходи! Приведи сэра Радомира!

Но когда я повернулась, чтобы убежать, стражник, приведший нас наверх, перегородил мне путь на лестницу.

– Чего вы ждете, кретины? – заорал он троим в комнате. – Убейте его!

Я беспомощно смотрела, как трое двинулись на Вонвальта. Тот, кто уже пытался зарубить его, снова подошел и неумело замахнулся сбоку. Вонвальт почти играючи отбил удар, а затем ловким движением разрубил нападающему нижнюю челюсть надвое. Тот отшатнулся, выпучив глаза, и из уродливой раны полилась кровь. Он машинально схватился руками за лицо, и Вонвальт быстро пронзил его в сердце.

– Немино вымя, – прорычал стражник за моей спиной и выхватил собственный меч.

– Нет! – закричала я. Клянусь богами, я была не робкого десятка, но мне потребовалось все мое мужество, чтобы снова броситься на солдата, который был вдвое выше меня.

– Бросьте оружие! – проревел Вонвальт голосом Императора. Позади стола в окнах растрескалось стекло. Те двое нападавших, что были в комнате, пошатнулись. Из их носов хлынула кровь. Они с ужасом смотрели, как их руки вдруг разжали оружие. Даже я, оглушенная, остановилась и прервала мою странную, безнадежную атаку на стражника.

Вонвальт двинулся на обезоруженных мужчин. Они были похожи на новорожденных щенят, беспомощных и ошалелых. Они подняли руки, пытались закрыться от яростных ударов Вонвальта, но это их не спасло. С одним Вонвальт разобрался омерзительным уколом – острие меча вошло ему прямо в рот и вышло из шеи сзади. Второй, рыдая, упал на колени; одним ударом Вонвальт скинул с его головы шлем, а вторым прорубил голову посередине, от макушки до подбородка. Я с отвращением смотрела на его мозги, выскользнувшие из расколотой черепной коробки, как моллюск из раковины.

– Сзади, – попыталась выкрикнуть я, но Голос и кровавая сцена, только что развернувшаяся передо мной, вышибли воздух из моих легких. Стражник на площадке избежал прямого воздействия Голоса и подступал, намереваясь напасть на Вонвальта со спины.

Я бросилась ему наперерез.

– Сэр Конрад! – снова крикнула я и смутно увидела, как Вонвальт резко обернулся, после чего стражник, подошедший к дверному проему, неуклюже ударил меня наверху мечом. Я до сих пор помню ту внезапную резкую боль, беззвучно пронзившую мое сознание, и как у меня поплыло перед глазами. Я опустилась на пол, смутно осознавая, что Вонвальт что-то кричит. Кажется, он выкрикнул мое имя.

Затем он снова применил Голос Императора, и я тут же провалилась в беспамятство.

* * *

Очнувшись, я увидела над собой взволнованного, забрызганного кровью Вонвальта, а рядом с ним гораздо более невозмутимого на вид мистера Макуиринка.

– Тише, милая, – сказал морщинистый пожилой врач. – Ты в безопасности.

Я с трудом села. В моей голове стоял туман, и я была уверена, что стражник все еще поблизости, готовится завершить начатое.

– Успокойся, – сказал Вонвальт. Он был так взволнован, что случайно применил Голос Императора. Тот не успокоил меня, а скорее сработал как пощечина, выведя из немощного состояния.

Мистер Макуиринк укоризненно посмотрел на Вонвальта, но тот не обратил внимания на упрек врача.

– Грейвс, – прохрипела я.

– Дайте ей питье, – настойчиво и обеспокоенно сказал Вонвальт. Он вел себя как отец, трясущийся над больным ребенком.

– Вот, возьмите, – сказал мистер Макуиринк. Он вложил мне в руки кружку, и я сделала большой глоток. В кружке оказался болотный эль.

– Я не смею давать вам что-либо крепче, – сказал Макуиринк, видя, как я поморщилась от вкуса воды, немного разбавленной элем. – Неразумно затуманивать голову, пострадавшую от удара.

– Он пытался... – начала было я, но Макуиринк мягко перебил меня.

– Посидите немного и соберитесь с мыслями, – сказал он.

– Дубайн отправился за Грейвсом, – сказал Вонвальт, чтобы хоть немного рассеять мое неведение.

Я снова опустилась на кровать – а это, к счастью, была именно кровать в доме мистера Макуиринка, а не ужасные столы для трупов в его подвале, – и

выдохнула. Лишь тогда я обратила внимание на тупую, пульсирующую боль в моей голове, которая, казалось, значительно усиливалась с каждой секундой. Я потянулась к виску, но мистер Макуиринк остановил меня.

- Не трогайте, - сказал он. - На ране сейчас бальзам. Я ее промыл и через некоторое время перевяжу.

- Все плохо? - спросила я.

- Заживет, - сказал Макуиринк. - Я сшил ее жилами. Шрам останется, но волосы прикроют его, когда снова отрасли.

Я тут же подняла руку, чтобы ощупать рану, и, к своему ужасу, ощутила, что на моем правом виске остался лишь короткий ежик волос. Как ни странно, именно эта мелочь стала для меня последней каплей.

Охваченная внезапным отчаянием, я разразилась глубокими рыданиями.

Вонвальт смутился, что и было ожидаемо, но мистер Макуиринк посмотрел на меня с неподдельным сочувствием.

- Простите меня, мисс Седанка, - сказал он. - Я бы и не тронул ни волоса, но это было необходимо, чтобы осмотреть и промыть рану. Волосы отрастают быстро и скоро станут приемлемой длины.

Я долго не могла успокоиться. Врач снова дал мне выпить - на этот раз более крепкое и вкусное легкое пиво, но он поступил правильно, не дав мне его с самого начала. Несмотря на то что алкоголя в нем было всего ничего, от пива у меня закружилась голова, и я вернула врачу кружку, сделав лишь несколько глотков. Макуиринк вынес ее из комнаты - Вонвальт явно хотел поговорить со мной наедине.

- Где сейчас Грейвс? - спросила я.

- Дубайн и сэр Радомир взяли нескольких стражников и отправились за ним в погоню. Он движется на восток, к Кругокаменску. Если это и правда конечный пункт его побега, то я не знаю, на что он надеется. Как бы там ни было, далеко он не убежит. Грейвс выехал из города лишь полдня назад.

Ответить я не успела. Ощувив внезапно подкатившую тошноту, я потянулась к стоявшей рядом с кроватью миске, и все пиво и эль, которые я выпила, оказались в ней.

- Врач! - проревел Вонвальт. Мистер Макуиринк мигом вернулся в комнату, и я, закончив опустошать свой желудок, рухнула обратно на кровать.

- Что с ней? - спросил Вонвальт.

Врач не ответил ему, а положил ладонь мне на лоб и осмотрел рану.

- Не спите, Хелена, - сказал он. - Вам нельзя засыпать после удара по голове. Ваш мозг хочет отключиться. Если уснете сейчас, можете больше не очнуться. Следующие несколько часов - важнейшие для вашего выздоровления.

Даже несмотря на эти пугающие новости, желание закрыть глаза и задремать пересиливало меня. Я была измотана как духом, так и телом.

- Хелена! Слушай врача, - сказал Вонвальт. Я видела в его глазах страх.

- ...устала, - смогла произнести я.

Мистер Макуиринк быстро подошел к окну и распахнул его. Холодный зимний воздух ворвался внутрь, смягчив боль в моей раскалывавшейся голове.

- Нужно сделать так, чтобы она испытывала неприятные ощущения. Тело жаждет провалиться в беспамятство, но оно смертельно для нее, - сказал мистер Макуиринк. Он снова повернулся ко мне. - Хелена, вы должны встать или, по крайней мере, сесть. Ну-ка, подойдите к окну.

Я позволила им подтащить меня к открытому окну. Холодный ветер неудержимым потоком врвался внутрь.

- Давайте, снимите верхнюю одежду, - продолжал старый врач. Я ощутила, как с меня стягивают одеяния, и в конце концов я осталась в одной лишь тоненькой сорочке. Скоро я неудержимо дрожала от холода.

- Это хорошо, - сказал мистер Макуиринк. Он и Вонвальт всячески старались не смотреть на меня. С точки зрения как сованских, так и провинциальных норм мы нарушали все правила приличия. Одного крепкого порыва ветра было бы достаточно, чтобы я осталась совершенно обнаженной. Даже несмотря на внезапно охватившую меня пугающую слабость, в глубине души меня терзало жгучее чувство стыда.

Какое-то время они не давали мне уснуть, обливая холодной водой и заставляя вышагивать по лазарету. Это было настоящей пыткой, и мое тело протестовало против каждого шага. Я ощущала себя ходячим мертвецом и едва замечала манипуляции Макуиринка. Впрочем, к тому времени, когда наступила ночь и в распахнутые окна начали влетать снежинки, я уже чувствовала себя бодрее, хотя больше ничего хорошего из моих мучений не вышло.

Вонвальт и врач вместе подвели меня к кровати и велели мне сесть. Я продрогла до мозга костей, и нескончаемый озноб измотал меня не меньше, чем головная боль.

Мистер Макуиринк внимательно осмотрел меня, сверил мое состояние по различным звездным и зодиакальным картам и проделал математические вычисления, основываясь на множестве различных факторов. Еще он сделал большой глоток моей мочи, объявил, что та в порядке, хотя и чересчур концентрированна, и дал мне еще болотного эля, на этот раз наказав пить его маленькими глотками. Затем он пространно объяснил мне, зачем проделал все эти манипуляции, - Вонвальт, будучи неисправимым ипохондриком, все это время понимающе кивал, - и лишь после всего этого врач разрешил мне отдыхать. Но я тогда могла думать лишь о том, сколько Вонвальту придется заплатить за мое лечение. Врачи уровня мистера Макуиринка обходились недешево.

- Сколько... - пробормотала я, но Вонвальт быстро прервал меня.

– Отдыхай, Хелена. Ни о чем не беспокойся. Я приду проведать тебя поутру.

Я расслабилась, радуясь, что наконец могу провалиться в столь желанное беспмятство. Еще я предвкушала долгий, спокойный сон и пробуждение примерно в середине следующего утра с последующим приглашением к сытному завтраку.

Но вместо этого меня ждала одна из самых ужасных ночей всей моей жизни.

XVI

Разговор с мертвецом

«Вытягивать слова из уст мертвеца есть гнусное, безбожное дело, отравляющее душу того, кто непрестанно участвует в нем».

Сэр Кристофер Майер

Я проснулась от ужасного шума. Хлопали двери, грохотали сапоги, раздавались мужские крики. Я поднялась с кровати, заспанная и не понимающая, что происходит. Рана на моей голове пульсировала с каждым ударом сердца. Стояла глубокая ночь; за окном было темно, и свет источали лишь тусклые, дымящиеся уличные фонари.

На одно ужасное мгновение я подумала, что на дом врача напали грабители, но, даже будучи в замешательстве, я смогла расслышать в шуме знакомые голоса Брессинджера и Вонвальта.

Дверь в лазарет распахнулась от мощного пинка. Четверо с трудом втащили внутрь упирающегося пятого. Среди четверых были Брессинджер, Вонвальт, сэр Радомир и еще один вооруженный мужчина в доспехах – последнего я не знала, но он был одет в сюрко с гербом города. У меня не получалось рассмотреть, кем был пятый, пока его грубо не опрокинули на койку рядом с моей.

Это мог быть только Грейвс.

– Свет, быстро, – рявкнул Вонвальт. В дверях возник шестой человек – мистер Макуиринк.

Они вели себя так, словно меня не было в комнате. На миг я подумала, что умерла ночью и за ними наблюдает уже мой дух, призрачный и незримый. Но

городской стражник мельком бросил на меня мрачный взгляд, и я поняла, что не осталась незамеченной. На меня просто не обращали внимания.

Я с ужасом и восхищением наблюдала за возней, пытаюсь, несмотря на боль в голове, разобраться, что происходит. Лишь когда в комнату внесли фонарь и зажгли свечи, я разглядела длинный кровавый след, тянувшийся от двери; влажные алые пятна, растекшиеся по одежде Грейвса, и то, что почти все остальные пытались его удержать.

– Держите ногу! – натужно буркнул Брессинджер сэру Радомиру. Грейвс вырывался, как бешеный пес. Я слышала, как что-то хрипит и хлюпает у него в груди на каждом вдохе. Очевидно, его пронзили мечом. Я видела рану – справа, промеж ребер. Оттуда лилась пузырящаяся кровь, похожая на розовую морскую пену.

Четверо продолжали бороться с раненым Грейвсом. В суматохе и панике я осознала, что Вонвальт пытается задать ему вопросы. Пока сэр Радомир, стражник и Брессинджер с трудом удерживали брыкающегося человека, Вонвальт допрашивал его, словно они были на суде. В тот момент я думала, что сэр Конрад сошел с ума, и никак не могла понять, чего он хочет добиться. В подобном состоянии Грейвс ничего не мог сделать, разве что, судорожно брыкаясь, отойти в небытие. Однако теперь, зная, что произошло дальше, я понимаю, почему Вонвальт хотел выудить из него хоть что-нибудь, пока он не околел.

Это было безнадежно. Не знаю, долго ли умирал Грейвс. Уверена, что это заняло гораздо меньше времени, чем казалось. Большинство упали бы замертво от такой раны. Но с Грейвсом мы будто бы ждали, когда его жилы покинет последняя капля крови.

И тогда, после глубокого, хриплого вздоха, наступила тишина. Грейвс обмяк и повис на руках у тех, кто еще несколько секунд назад с трудом удерживал его. Мне показалось, что его кожа стала бледной как воск.

Вонвальт с горестным видом повернулся к Брессинджеру.

– Принеси мои вещи как можно скорее, – негромко сказал он.

Брессинджер быстро вышел из комнаты.

– Что будете делать? – спросил сэр Радомир.

– Я попытаюсь поговорить с ним, – сказал Вонвальт.

Секунду шериф выглядел озадаченным. Затем он все понял.

– Нема, – пробормотал он.

– Я в этом участвовать не стану, – произнес незнакомый мне стражник с местным акцентом. Он попятился от трупа и посмотрел на Вонвальта отчасти со страхом, а отчасти с отвращением.

– Тогда проваливай! – зло сказал сэр Радомир.

– Вам лучше тоже уйти, – сказал Вонвальт, когда стражник покинул комнату и больше не мог их услышать. – Я сильно преуменьшу, если скажу, что зрелище будет не из приятных. – Я вздрогнула, когда его взгляд вдруг встретился с моим. В суматохе я уже подумала, что стала невидимкой.

– Ты тоже, Хелена. Ты не готова.

– Нет, – сказала я, сама удивившись своим словам. Не знаю, отчего мне вдруг захотелось остаться и увидеть сеанс. Я точно сожалею, что не ушла. Думаю, тогда я обманывала себя, считая, что это мой долг. Некромантия была неотъемлемой частью деятельности Ордена магистратов. Пусть лишь немногие преуспевали в освоении этой силы, тем не менее каждый Правосудие должен был изучать ее. Если, несмотря на мои постоянные колебания, мне было суждено стать одной из них, то я должна была с чего-то начать. Однако, вспоминая об этом сейчас, я думаю, что мною двигало исключительно болезненное восхищение смертью.

Какой бы ни была причина, одно я могу сказать с уверенностью: если бы я могла стереть из моей памяти совершенно все воспоминания о той ночи, я бы это сделала. Тогда я и представить себе не могла, что когда-нибудь и сама начну практиковать некромантию.

Вонвальт пожал плечами.

– Как хотите, – сказал он. – Помогите мне передвинуть кровати.

Сэр Радомир, мистер Макуиринк и я оттащили кровати подальше от Грейвса, после чего Вонвальт и сэр Радомир уложили тело Грейвса на пол. Кровь все еще текла из раны, но уже медленно, и в тусклом свете свечей она казалась коричневой и лишенной всякой жизни.

– Отойдите, пожалуйста, – сказал Вонвальт. Мы смотрели, как он суетится вокруг тела, пока наконец не вернулся Брессинджер. Он принес с собой черный, запертый на замок ящик, который вызывал у меня глубочайший ужас.

– Спасибо, – пробормотал Вонвальт.

– Идем, Хелена, – сказал Брессинджер, подходя, чтобы увести меня.

– Нет, – сказал Вонвальт, открывая ящик и доставая его содержимое: несколько амулетов и «Гримуар Некромантии» – крепкий фолиант в черной кожаной обложке, запертый на застежку.

– Вы ведь не хотите, чтобы она это видела? – недоверчиво спросил Брессинджер, напрягшись.

– Я велел ей уйти, – сказал Вонвальт, – но она пожелала остаться.

– Хелена, – сказал Брессинджер, поворачиваясь ко мне. Страх за самого себя сменялся на его лице беспокойством за меня. – Ты еще не готова.

Прежде чем я успела ответить, Вонвальт положил руку Брессинджеру на плечо, привлекая его внимание.

- У нас нет на это времени. Нужно действовать быстро.

Брессинджер вздохнул. Я смотрела, как Вонвальт надевает серебряный медальон - поначалу мне показалось, что по форме он похож на лань Богини-Матери Немы. Но на самом деле это оказалось драэдическое божество Олени, которым сованцы пополнили свою религию.

Затем Брессинджер и Вонвальт встали друг напротив друга. Брессинджер положил руку Вонвальту на плечо, и они заговорили на Высоком саксанском:

- Azshtre stovakato bratnya to zi chovekna eyrsvet linata. Kogata govoria dumitenta boga ma`ika, to`imoz daesevu`rne vyr zemyatra nazivite.

Свечи замерцали. Я смутно осознала, что в тот момент ушел мистер Макуиринк, достаточно насмотревшийся на тайную магию, но сэр Радомир остался, хотя и отошел, попятившись, в угол. Воздух насытился нашим волнением. Я никогда прежде не знала подобной тишины.

Вонвальт отвернулся от Брессинджера, расстегнул застёжку и раскрыл гримуар. Перелистнув на нужную страницу и убедившись, что все в порядке, он встал у ног Грейвса.

- Когда я начну, - сказал он, - никто не должен покидать комнату. Вы все должны не шевелиться и не издавать ни звука. Что бы ни случилось и что бы вы ни увидели, не сходите с места. И, самое главное, не касайтесь меня.

- Подождите, - сказал сэр Радомир из угла. Он был бледен, и его дрожащий голос едва слышался посреди ревушей тишины. - Я передумал.

- Тогда за порог, и быстро, - сказал Вонвальт. Шериф ушел.

- Не кричи, - сказал Вонвальт, обратившись ко мне. - Тебе захочется, но ты должна молчать.

- Хорошо, - шепотом выдавила я из себя.

Вонвальт кивнул Брессинджеру, и тот кивнул ему в ответ. Тогда сэр Конрад обратил взор на «Гримуар Некромантии» и произнес короткое заклинание призыва, которое я не стану повторять здесь. Закончив, он закрыл книгу и передал ее Брессинджеру, который застегнул застёжку и вернул фолиант в ящик. Затем Брессинджер сделал несколько размашистых шагов назад.

И стал ждать.

Я смотрела на труп Грейвса. Кровь стучала у меня в ушах. Тишина была столь всеобъемлющей, что оглушала. Мне понадобилось несколько минут, чтобы осознать, что Вонвальт заговорил. Он произносил слова низким, тихим голосом, на языке, который я не понимала.

Затем глаза Грейвса распахнулись.

Трудно описать словами то чувство потрясения, отвращения и ужаса, которое охватило меня. Я помню, как перед моими глазами все поплыло и мои внутренности сжались. Примерно то же чувствует человек, стоя на вершине

башни Святого Велуриана у храма Савара в Сове – самого высокого здания в Империи. Глядя вниз на далекую землю, человека охватывает глубочайшее чувство тревоги; от него испытываешь головокружение и ужас, а разум приходит в смятение.

Мое сознание отказывалось принимать то, что я видела. Я была так напугана, что у меня потекли слезы, и я не могла их сдержать. Я хотела отвести глаза, но совершенная невероятность происходящего притягивала мой взгляд. Глаза Грейвса были похожи на две глубокие, бездонные чернильницы, которые, казалось, поглотили весь свет в комнате. Его губы дрогнули. Слова Вонвальта, негромко, но настойчиво произносимые на чародейском языке, заставили Грейвса приоткрыть рот, словно кто-то потянул его за ниточку.

Тело мертвеца заскрипело и затрещало, дергаясь и вздрагивая, как марионетка. Выглядело это зловеще. Из-за этих ужимок из его раны вылилось еще больше мертвой крови. Маленькую комнату наполнил хруст суставов, встающих на место, и на меня накатила тошнота. Наконец его рот зашевелился, открываясь и закрываясь, как у тонущего человека. В тот же миг я ощутила, что в комнате появился кто-то еще. Я была в этом совершенно уверена. По моей коже побежали мурашки. Свечи затрепетали и начали меркнуть. Я молила всех богов, лишь бы они не угасли. Они остались зажженными, но горели теперь как-то иначе. Казалось, словно сам свет стал черным.

Вонвальт перестал бормотать. Я посмотрела на него. Его взгляд стал стеклянным.

– Ты работаешь на лорда Бауэра, – сказал Вонвальт.

Труп вздрогнул и пошевелился.

– Лорд Бауэр, – сказал Грейвс. Голос покойника звучал так, словно его рот был набит землей или болотной жижей. Он был скрипучим, булькающим и глубоким.

– В городском казначействе, – сказал Вонвальт.

– Нефрит... хлопок развеивается на легком ветерке, – даваясь словами, произнес Грейвс. – Летний жаворонок... рулон дорогой ткани. Море. Я вижу море.

– Кто убил тебя? – спросил Вонвальт.

– Кто убил меня? – отозвался Грейвс.

– Кто убил тебя? – настойчиво повторил Вонвальт.

– Огромный грозодский верзила. Я вижу его сейчас, – неожиданно внятно сказал мертвец. Я мельком переглянулась с Брессинджером. Его лицо выражало то же, что и мое, – молчаливый ужас. После того как сэр Конрад разговаривал с трупом сэра Отмара в сторожевой башне на кургане Габлера, я знала, что Вонвальт мог и сам провести все необходимые обряды. Поэтому я начала гадать, в чем же заключалась роль Брессинджера в этом сеансе.

- Ты работаешь на лорда Бауэра, - повторил Вонвальт.

Последовала долгая пауза. Наконец Грейвс сказал:

- За жизнь я совершил многое, но подобного - никогда.

- Ты помогал ему вести учет городской казны.

- Отец Времени - строгий покровитель.

- Услышь меня! - внезапно рывкнул Вонвальт, отчего я вздрогнула.

- Я в лапах Плути, - сказал Грейвс. Я увидела, как на этих словах из его рта потекла черная жижа. По моим щекам лились слезы. Помня наказ Вонвальта, я пыталась заглушить рыдания.

- Ты работал на лорда Бауэра.

- В городском казначействе. - Жижа продолжала течь изо рта Грейвса.

- Ты платил деньги монастырю.

- Это темное место, - сказал Грейвс.

- Дочь лорда Бауэра держат в монастыре заложницей?

- В том месте все заложники.

Вонвальт повторил вопрос еще три раза, прежде чем смог получить хотя бы немного разборчивый ответ.

- Она - гостья опасного человека, - сказал Грейвс. Слова были произнесены как будто на вздохе. - Я очень страдаю, Правосудие. Отпустите меня и уходите.

- Как зовут этого человека из монастыря? Кто удерживает там Санджу Бауэр?

- Монастырь... темное место, - сказал Грейвс. Теперь его голос звучал так, словно говорила юная девушка. - Меня ждет черное будущее.

- Назови мне имя того человека.

Рот Грейвса открылся и закрылся, как у выброшенной на берег рыбы.

- Я в лапах Плути, - наконец промямлил он. - Того, кого ты ищешь, зовут охотником на рыб.

- Назови мне имя твоего нанимателя из монастыря.

- Это темное место.

- Имя!

- Темное место для темных деяний. Отец Смерти, забери меня. Я назвал тебе имя. Я вижу Белую Лань.

- Ты видишь лишь болото.

- Я вижу девушку в комнате. Кто она?

Я вздрогнула. Меня охватил озноб. С моих уст сорвался едва слышный стон.

- Молчать! - рявкнул Вонвальт. Было неясно, обращался он ко мне или к Грейвсу.

- Еще я ее слышу. - Голос Грейвса приобрел иные интонации. Кто-то - что-то - другое заговорило его устами. - Много времени прошло с тех пор, как мы говорили в последний раз. Кого же ты привел ко мне, Правосудие?

- Вы его потеряли, - сказал Брессинджер уголком рта. - Возвращайтесь.

- Нет, он все еще передо мной, - сказал Вонвальт. Его взгляд был стеклянным и пустым. Я быстро теряла нить их разговора.

- Отдай мне этого человека, - сказал Грейвс.

- Он не ответил на мои вопросы, - сказал Вонвальт.

- Ты же его слышал. Твое расследование завершится в монастыре. Но ты и так уже это знал. Отпусти его.

- Я хочу знать имя.

- Ты уже получил подсказку. Имя за имя; скажи, как зовут девушку в комнате. Я вижу ее.

Брессинджер посмотрел на меня и кивком указал на дверь. Он хотел, чтобы я ушла, но Вонвальт велел мне сидеть тихо и не двигаться. Впрочем, Брессинджеру он сказал то же самое, однако ситуация, похоже, изменилась.

- Ты ничего не видишь. Отвечай на мой вопрос.

- Это не важно. Скоро я с ней встречу... Нити времени сплетаются воедино. Я это вижу. - Грейвс сдавленно хохотнул, и из его рта выплеснулось еще больше черной жижи, которая потекла по губам. - Твой пристав прав. Тебе стоит уйти. Вернуться.

- Уходи, - прошептал мне Брессинджер.

Я встала. Быстро и тихо пошла мимо Вонвальта. Сорочка прилипла к моим ногам, и, лишь ощутив холод, я поняла, что обмочилась со страха.

- Девчонка! - рявкнул Грейвс таким трескучим голосом, словно молния попала в сухое дерево. Я взвизгнула и дернулась с такой силой, что задела Вонвальта.

Дом мистера Макуиринка пропал. Я очутилась на болоте, среди черных вод и бледной как кость травы. Вокруг меня ввысь вздымались мертвые деревья, черные, как вулканическое стекло, и походившие своими зигзагами на молнии. Небо над ними было подобно белому бурлящему морю, растянувшемуся под kaleydоскопом звезд и завихрениями космических облаков. Я видела, что всякий раз, когда в них появлялись разрывы, над миром словно нависал огромный портал в виде воронки, похожей на гигантский ураган.

Я стояла рядом с Вонвальтом. Напротив него по колени в болоте стоял Грейвс. Поблизости находились и другие существа; я ощущала их присутствие так же отчетливо, как если бы они были обычными людьми и стояли передо мной.

– Тебе здесь не место, – сказал Вонвальт. Я повернулась к нему и увидела, что глаза его были белыми, как два мраморных шара. – Дубайн! – взревел он. Я повернулась и увидела, что Грейвс тянется ко мне. Я открыла рот, чтобы закричать...

И тогда мы снова очутились в комнате. Я с трудом села. Пока меня вытаскивали из того места, где я только что побывала, через мое сознание, как коса через колосья пшеницы, пронесся ряд видений: леди Кэрол Фрост; двуглавый волчонок; одинокий грач во фруктовом саду; человек, привязанный к столбу посреди поля диких цветов, и пламя, лижущее ему ноги.

Я моргнула, когда видения погасли в моем сознании, и оглядела комнату. Свечи горели ярче. Грейвс не шевелился и смотрел невидящими глазами в потолок. От амулета на шее Вонвальта поднималась тонкая струйка дыма. Брессинджер сидел на корточках и стонал. Вонвальт сделал несколько шагов назад и тяжело осел на деревянный пол.

– Пропади моя вера, – сказал он. Его лицо было бледным и осунувшимся.

– Простите, – заикаясь пробормотала я. – Я случайно. Простите меня. – Я снова заплакала. Слезы свободно полились из моих глаз. По моей коже бежали мурашки. Казалось, что я повредила рассудком. Я жалела, что увидела все это. И по сей день жалею.

Вонвальт поднял на меня глаза. Я никогда не видела его таким уставшим.

– Двуглавый волк, – сказал он. – Аутун. Ты его видела?

Я видела. И кивнула.

– И леди Фрост?

Я снова молча кивнула.

– Что это значит? – хрипло спросила я.

– Я не знаю, – сказал Вонвальт. От пережитого напряжения его голос звучал едва слышно. – Мне нужно отдохнуть.

– Простите, – снова сказала я. – Я все испортила?

Вонвальт покачал головой.

- Я уже его потерял. Мне нужно было уйти оттуда раньше.

- Откуда уйти? Что это было за место?

Вонвальт отмахнулся от меня трясущейся рукой.

- Позже, все позже. Мне нужно отдохнуть. И выпить что-нибудь покрепче. Дубайн?

- Да, - пробормотал Брессинджер, тоже бледный и осунувшийся. Он выпрямился и вышел из комнаты. До меня донесся его приглушенный разговор с мистером Макуиринком, а затем несколько минут спустя Брессинджер вернулся с кувшином и несколькими кружками. Одну он вложил мне в руки, другую отдал Вонвальту, а третью оставил себе. Затем он наполнил каждую до краев и несколькими большими глотками осушил свою.

Я сделала то же самое. Вонвальт пил из своей маленькими глотками.

- Поговорим утром, - сказал он. Голос Вонвальта звучал устало, словно из него вытянули все жизненные соки.

- Я не хочу находиться в этой комнате, - внезапно сказала я. - Пожалуйста, не заставляйте меня оставаться здесь.

- Идем, - сказал Брессинджер. - Мы вернемся в дом лорда Саутера.

Я позволила Брессинджеру вывести меня из комнаты. Мистер Макуиринк ждал в холле. Было страшно видеть ученого человека столь встревоженным. Он молча повел нас вниз по лестнице и подал мне плащ. Затем Брессинджер вывел меня наружу, на холодные заснеженные улицы Долины Гейл, и мы направились к дому мэра.

* * *

Я спала без сновидений и, проснувшись утром, увидела, что у изножья моей кровати сидит женщина.

- Здравствуйте! - сказала я.

- Доброе утро, мисс, - ответила она. - Прошу извинить меня за вторжение. Правосудие попросил, чтобы я позаботилась о вас. Внизу уже набрана ванна, и завтрак ждет вас в столовой.

- Хорошо, - сказала я, испытывая сильнейшее чувство дезориентации, словно я находилась в каком-то пограничном месте. В холодном утреннем свете события прошедшей ночи уже казались мне фантастическими и далекими.

- Идемте, - сказала женщина. Я не узнавала ее, но, скорее всего, она была одной из служанок лорда Саутера. Она казалась по-матерински заботливой и строгой - этими чертами, похоже, обладали все пожилые служанки. Я тут же почувствовала, как успокаиваюсь. В то пугающее, смутное время от нее исходило спокойствие и невозмутимость.

Она отвела меня вниз, где была набрана горячая ванна, пахнувшая лавандой. Не говоря ни слова, она сняла с меня одежду и помогла забраться внутрь. В моем состоянии я вела себя послушно, как ягненок. Вода была горячее, чем я привыкла, но я была не в том настроении, чтобы отказываться от купания. Здесь было даже душистое мыло, которое служанка растерла губкой до мыльной пены, после чего стала энергично тереть мне спину.

- Вы уже говорили сегодня с Правосудием? - спросила я.

- Говорила, - сказала служанка. Она слишком резко провела губкой, и я поморщилась.

- С ним все хорошо?

- Вы это о чем? - спросила служанка. В доме было чересчур тихо. Обычно утром на улице шумели толпы прохожих. Однако теперь казалось, что весь город спит.

- Он не... Вам не показалось, что он чем-то озабочен?

- После того как он вторгся, куда не следовало?

Ответ был странный, и я нахмурилась, но мое внимание привлекла вода. Я вдруг заметила, что не вижу ничего ниже моего пупка; вода была темной, почти черной. Я вынула из нее руки и вместе с ними подняла ветки, корни и старые кости.

Я резко обернулась и посмотрела на женщину. Передо мной была леди Кэрол Фрост. Ее кожа была черной и обуглившейся. Под мышкой она держала двуглавого волчонка. Она душила его.

- Плут оставил на тебе свою метку, девочка, - процедила она сквозь растрескавшиеся от жара зубы и расхохоталась, когда я закричала.

XVII

Опасная авантюра

«Лучше умереть, служа закону, чем служить режиму, его попирающему».

Сэр Рудольф Бликс

- Теперь ты понимаешь, почему я не люблю этого делать.

Я села на кровати, жадно вдыхая воздух. Пот блестел у меня на лбу и пропитал мою сорочку. Меня бил сильный озноб, и мои зубы стучали, как игральные кости в чашке.

Кошмар стигнул, как камень, провалившийся в мутный омут. Вонвальт сидел у изножья кровати и курил трубку. В свете свечей было видно, что его щеки покраснели от вина. Снаружи было еще темно. Снег кружился в воздухе, легонько стуча по окну.

- Сколько прошло времени? - спросила я.

- Около часа, - сказал Вонвальт. - Вот, выпей немного вина.

Он налил мне. Я взяла чашку и осушила ее одним затяжным залпом.

- Я ведь больше не сплю? - дрожащим голосом спросила я. - Пожалуйста, скажите, что это не сон.

- Это не сон, - услужливо сказал Вонвальт.

- Что произошло? Почему Грейвса закололи?

- Брессинджер гнался за ним по восточной дороге. Его побег был коротким и прозаичным, в духе самого Грейвса. Вместо того чтобы сдаться, он напал на Дубайна - и поплатился за это жизнью, что обычно и случается с теми, кто нападает на Дубайна. - Вонвальт сделал несколько затяжек. - опиши мне свой кошмар, пока он еще свеж в твоей памяти.

Мне не хотелось думать об этом, но я все равно все ему рассказала. Пока я перечисляла то, что видела, Вонвальт не двигался.

- Что это значит? - спросила я.

Какое-то время Вонвальт молчал. Он еще немного раскурил трубку, а затем сказал:

- Я не знаю. У меня есть кое-какие мысли, но они еще недостаточно оформились, чтобы ими делиться.

- Что это за место? То болото?

- Это загробный мир, Хелена, или, по крайней мере, какая-то его часть. В Ордене есть те, кому известны все старые предания, но их знаниями почти не делятся с окружающим миром. Именно за этим и охотятся Клавер и его церковь.

- После смерти есть загробная жизнь? - запинаясь, спросила я.

Вонвальт пожал плечами.

- После нее есть что-то, - сказал он. Он говорил усталым, обессиленным голосом. - Я не до конца понимаю природу этого места, но «загробная жизнь» кажется мне довольно точным названием.

- И вы путешествуете туда, чтобы допросить мертвых? Как представитель закона на суде?

Он единожды кивнул.

- В каком-то смысле да.

- Но что-то ведь пошло не так, да? Что он твердил о Плуте? Я думала, вы говорили, что имперские боги - это выдумка.

- Все не так просто, - сказал Вонвальт. Он набрал полную грудь воздуха, а затем издал протяжный вздох. - В том мире существуют различные создания. Духи, демоны или души давно умерших... многие пытались понять, кто они такие на самом деле. Некоторые из них безвредны. Другие желают нам зла. Порой, когда допрашиваешь мертвеца, одно из таких созданий вмешивается и начинает проказничать. Это может напугать, но никакой опасности нет. Они не могут нам навредить - по крайней мере, физически. Плут - это имперское имя старого драздического демона по имени Этракс. Он любит играть с теми, кто занимается некромантией. Наши с ним пути уже пересекались.

- Вы говорите так, будто все это существует на самом деле! - жалобно воскликнула я, отчаянно желая утешения.

- Потому что это действительно так, Хелена. Возможно, не в том смысле, в каком существуем ты, я и дела Империи. Но эти силы где-то там, играют на другой сцене, в ином измерении, где неприменимы земные законы.

Я не сдержалась и задрожала.

- И что же тогда произошло с Грейвсом? - спросила я несчастным, хриплым голосом. - Это создание присосалось к нему, как паразит?

- Верно. Это хорошее сравнение.

- Он наговорил много бессмыслицы.

- Да. Но это неудивительно, учитывая, сколько страха и ненависти Грейвс унес с собой на ту сторону.

Какое-то время я сидела, размышляя и прокручивая в памяти сеанс.

- Он говорил, что видит меня в комнате. Мне показалось, вы испугались.

- Гм, - сказал Вонвальт.

- Что это значило? Что-то плохое?

Вонвальт еще немного покурил.

- Я не знаю. Он не должен был видеть тебя. Призыв работает лишь в одну сторону, и я не ошибся, произнося заклинание. Я переместился в их мир, а не они в наш.

- А зачем он пытался узнать мое имя?

- В имени заключена сила. - Вонвальт потушил трубку. Снаружи небо начали заливать первые рассветные лучи, серые и слабые, и я поняла, что Вонвальт нарочно остался со мной до светлоты.

- Что вы сказали Дубайну в самом конце? Прежде чем мы вернулись? - спросила я, жадно поглощая все сказанное и отчаянно надеясь, что это поможет мне дать разумное объяснение тому, что я видела. - Какова его роль? Он ведь был вам не нужен, когда вы говорили с сэром Отмаром.

- Нет, не нужен. Вспомни, я как-то объяснял лорду Саутеру. Сэр Отмар был... моим другом в какой-то степени. В последние минуты своей жизни он отправил мне письмо. Обращаться к нему было не так рискованно. Он ждал помощи, справедливости. Грейвс же был настроен враждебно. В момент гибели его разум был в смятении, он окутывался ядовитым туманом самых дурных чувств. Подобный разум - легкая добыча для зловещих сил, обитающих в загробном мире. Дубайн должен был послужить мне маяком, на свет которого я смог бы вернуться, если бы что-то пошло не так... хотя это и не могло случиться.

Я отчетливо ощутила, что он лжет, но мне так отчаянно хотелось поверить ему, что я ухватилась за эту мысль, как морская улитка за камень.

- Я пойду и попытаюсь поспать, - сказал Вонвальт. - Я буду в соседней комнате. Тебе тоже следует отдохнуть, в первую очередь из-за твоей раны. Уверю, никакой опасности нет. Ты напугана, и это естественно, но знай - нет ничего, что могло бы причинить тебе вред.

Я сомневалась, что хоть когда-нибудь смогу снова уснуть, но от того, что ночь уже прошла, мой страх отчасти отступил.

- Я постараюсь, - сказала я, неискренне улынувшись. Он кивнул и вышел из комнаты.

Несмотря на страх, я снова рухнула на кровать. Мою кожу покрывали мурашки, но вино уже начало действовать, и вместе с отступившей ночью оно заглушило мой страх.

Наконец я все же уснула. К счастью, на этот раз мне ничего не приснилось.

* * *

В полдень меня разбудил один из слуг лорда Саутера. Я слышала, как вдалеке звонит храмовый колокол. В окно стучал холодный дождь.

Невыспавшаяся, страдающая от боли и все еще напуганная, я оделась и, спустившись вниз, нашла Вонвальта за завтраком в столовой. Больше там никого не было.

– Прости, что велел тебя разбудить, – сказал Вонвальт. – К сожалению, времени у нас больше нет. Надеюсь, ты хотя бы немного отдохнула.

С кислым настроением я села за стол и начала накладывать себе на тарелку сочное мясо и хлеб, лежавшие передо мной.

– Что случилось? – спросила я, боясь, что попала в очередной кошмар. – В доме очень тихо.

– Сэр Радомир и Дубайн ушли, чтобы провести казни, – сказал Вонвальт. Затем, заметив потрясение на моем лице, он прибавил: – Я допросил каждого солдата в городской страже. Мы выявили еще двоих, верных монастырю – ну или его деньгам. Я только что вернулся с допросов. Их казни проведут без лишнего шума. Мы не хотим, чтобы город утратил доверие к страже.

– Они рассказали что-нибудь новое? – спросила я.

Вонвальт покачал головой.

– Заговорщики были осторожны и не делились сведениями. Солдаты связывались с ними через одного-единственного человека – Фенланда Грейвса. Те двое, с которыми я только что говорил, рассказали, что Грейвс заплатил им, чтобы они докладывали ему о том, как продвигается дело об убийстве леди Бауэр, – и, как ты уже сама знаешь, за то, чтобы они убили нас. Отчаяние толкает людей на отчаянные поступки.

Я покачала головой.

– Мне едва в это верится.

– Да, – сказал Вонвальт. – Мне тоже. Но теперь, когда труп Грейвса сожгли на погребальном костре как преступника и его поделники в монастыре наверняка уже обо всем узнали, мы не можем слишком долго размышлять об этом. У нас будет достаточно времени со всем разобраться, когда с этим темным делом будет покончено. – Вонвальт вздохнул. – Меня отчасти терзает соблазн привести в этот монастырь войско вооруженных констеблей и просто выкурить оттуда всех злодеев. Но та крепость стара... кто знает, какие в ней проложены секретные туннели и не уходят ли они в горы? Боюсь, если мы станем действовать напролом, то поймем нескольких мелких заговорщиков, а остальные сбегут и присосутся к другому месту, как клещи. Нельзя бить молотком по осиному гнезду.

Был и другой способ все выяснить, и я уже давно поняла какой.

– Вы предлагаете, чтобы в монастырь отправилась я, – сказала я. – Притворилась там бедной овечкой.

Вонвальт кивнул.

- В общем и целом да, - сказал он. - Хелена, ты знаешь, что я бы никогда добровольно не подверг тебя опасности. Но ты - служащая Короны и, если все сложится по-моему, однажды сама станешь Правосудием. Тебе пора взяться и за более опасную сторону моей работы.

После сеанса мое чувство опасности было притуплено, а безрассудство обострилось, так что я с излишней готовностью согласилась на этот опасный шаг.

- Я все сделаю, - сказала я, хотя выбора на самом деле и не было. Если я хотела и дальше оставаться на службе у Вонвальта - пусть лишь до завершения дела леди Бауэр и нашей с ним сделки, - мне нужно было привыкать к подобным секретным поручениям.

- Брессинджер останется в Долине Гейл, - продолжал Вонвальт, - инкогнито. Мне придется уехать. Устроим отвлекающий маневр. Притворимся, что мы разругались. - Он кивком указал на мой обритый висок. - Твоя рана будет убедительным предлогом. А сеанс якобы стал для тебя последней каплей. Скажешь привратнику, что ты сыта по горло имперской службой, и потребуешь убежища. Согласно законам канонического права, они обязаны предоставить его тебе на месяц, и, честно говоря, они наверняка будут рады возможности посмеяться над Орденом.

- Если в монастыре есть кто-то, кто руководит заговором вместе с Вогтом и Бауэром, он может заподозрить, что это лишь предлог, - сказала я.

Вонвальт медленно кивнул, не отводя от меня взгляда.

- Все возможно. Но, боюсь, нам придется пойти на этот риск, поскольку я больше никому не доверяю настолько, чтобы ввести их в курс дела.

- Вы хотите, чтобы я пошла туда сегодня ночью?

- Да, - сказал Вонвальт. - Нужно ковать железо, пока оно еще горячо. Я уже начал делать намеки на то, что скоро уеду. Лорд Саутер станет жертвой этого обмана; однако сэр Радомир будет поставлен в известность ради твоей безопасности.

- Какова моя задача? Найти Санджу Бауэр?

- Верно, - сказал Вонвальт. - Она - краеугольный камень нашей стратегии. Найди ее и выясни, что с ней произошло. Заставь ее назвать тебе имена тех, кто взял ее в заложники - если именно это с ней и произошло. А затем уходи оттуда.

Я немного поразмыслила.

- Быстро такое не провернуть, - сказала я. - Понадобятся дни, а может быть, и недели. Я не могу прийти к ним, притворяясь бедной раненой овечкой, а затем начать что-то разнюхивать. Даже если предположить, что меня не заподозрят, в монастыре свои правила. Меня заставят выполнять

грязную работу и дадут лишь ограниченный доступ к монастырю. Это суровая жизнь. И за нее нужно платить трудом.

– Я знаю, – сказал Вонвальт. – Пока ты будешь там, я постараюсь разыскать Вогта и Бауэра. Первым делом отправлюсь в имперский путевой форт в Греше. Если у меня получится найти кого-нибудь из них, я применю Голос и заставлю их говорить. У меня более чем достаточно оснований, чтобы вытянуть признание, догадываются они об этом или нет. Если получится, я отправлю весточку Дубайну; он придет и вытащит тебя из монастыря – при помощи вооруженной стражи, если придется. Но если они пропали с концами, тогда, возможно, ты – наш единственный шанс разобраться с этим делом, прежде чем мы покинем Долину. А нам необходимо уехать отсюда поскорее, Хелена. Мы обязаны вернуться в Сову. Так что тебе придется постараться. Не будь опрометчивой, но действуй быстро. Я рассчитываю на тебя.

Снова повисла тишина. Сама того не желая, я ощутила, как ко мне начинает подкрадываться страх.

– Я хочу поговорить с Матасом, прежде чем отправлюсь туда.

Вонвальт, похоже, был немного разочарован этим, но он согласно кивнул.

– Тогда тебе лучше пойти к нему прямо сейчас, – сказал он. – Я хочу, чтобы ты постучала в ворота этого монастыря уже сегодня вечером.

* * *

Я быстро доела свой завтрак и покинула дом лорда Саутера. Время близилось к обеду, и на холодных, слякотных улицах было людно. Все искали, где бы укрыться от дождя. Я направилась напрямик к зданию стражи и нашла Матаса наверху, в общей комнате. Он был там один; остальные ушли с сэром Радомиром в таверну – несомненно, чтобы оправиться от устроенного Вонвальтом допроса и вскрывшегося в их рядах предательства.

Будь у меня больше времени, чтобы успокоиться или отдохнуть и поесть побольше, возможно, в тот день я была бы добрее к Матасу. Но я пребывала в странном, отвратительном настроении. Из-за того, что Вонвальт действовал все опрометчивее; из-за доходивших до нас слухов о восстании; и, наконец, из-за мельком увиденных мною ужасов загробного мира я начала испытывать те же чувства, что и когда-то в Мулдау, – потерянность, тревогу и уныние.

Матас сильно распереживался из-за раны на моей голове, из-за сбритых волос и из-за покушения на мою жизнь. Он знал и был дружен со стражниками, которые пытались убить Вонвальта и меня, что естественным образом подпитывало его чувство вины и досады. Он шагал по комнате из стороны в сторону, как зверь в клетке, кипя от злости и направляя ее то на моих неудавшихся убийц, то на меня саму за то, что мне вообще хватило

безрассудства стать секретарем Правосудия. Как будто я была в этом виновата.

Его гнев был полной противоположностью той отрешенности, которую испытывала я, и наш разговор прошел не лучшим образом. Несмотря на то что мы полюбили друг друга, и полюбили сильно, мы слишком мало времени провели вместе. Я не представляла, как укротить его бессильный гнев; и, честно говоря, меня сильно раздражало проявление этих чувств, пусть и возникших на почве привязанности и желания меня защитить. Предыдущие дни я провела с Вонвальтом, Брессинджером и сэром Радомиром, и теперь, когда я вернулась к Матасу, мне казалось, что он ведет себя по-детски наивно. Путешествуя по миру, я повидала гораздо больше, чем он, и бывала в настоящей смертельной опасности. А на Долину Гейл никто не нападал с тех пор, как пятьдесят лет назад Рейхскриг подчинил Хаунерсхайм Империи. Насколько я могла судить, Матас проводил свои дни, слоняясь по городу в дорогих доспехах почти без дела. Какое он имел право читать мне нотации о том, что опасно, а что нет? Мне казалось, что он говорит со мной свысока, и это лишь вдохнуло новую жизнь в мои опасения о нашем будущем.

В конце концов, когда пришло время сообщить Матасу о плане Вонвальта, я сделала это равнодушно, словно говорила с обычным знакомым. После я предупредила его, чтобы он ни при каких обстоятельствах не пытался связаться со мной. А затем я смотрела, как Матас пытается подобрать слова, чтобы выразить свои чувства.

– Мне кажется, ты изменилась, – наконец тихо сказал он. – Мне кажется, что ты больше не хочешь быть со мной.

– О чем ты? – спросила я. Я старалась говорить участливо, но на самом деле его тон лишь разозлил меня. После того, что прошлым днем в трактире наговорил пьяный Брессинджер, мне казалось, что я начинаю презирать Матаса за то, что еще даже не случилось. Глубоко в душе мне уже казалось, что остаться с ним было бы неправильно, даже несмотря на мои чувства к нему. Разве я могла отказаться пойти по стезе Правосудия после всего, что видела в последние месяцы? Зная о млианарах, храмовниках и хитросплетениях имперских политических интриг, творящихся за кулисами? Если я желала постоянства в своей жизни, то лучше было добиться его, взяв дело в свои собственные руки, а не прятаться в каком-то провинциальном городке, пока весь цивилизованный мир рушится вокруг нас.

Вышло так, что слова Брессинджера, пусть и произнесенные спяну и в сердцах, запали мне в душу. Они ударили по моим тайным страхам, как молот по раскаленному докрасна мечу. Могла ли я быть уверена в том, что Матас не захочет, чтобы я сидела дома и проводила свои дни, нянчась с детьми?

Наша встреча завершилась горьким разочарованием, причем по моей вине. Я вела себя чопорно и невыносимо.

– О том, какая ты со мной. Тебе будто больше неприятна моя компания. С тех пор как мы провели ночь вместе, ты словно стала другим человеком.

Я отмахнулась.

- Это совпадение. На меня очень многое навалилось. Служба занимает все мое время.

- Ты говорила, что уйдешь от Правосудия.

- Я помню, что говорила.

- Ты все еще собираешься уйти?

- Матас! - раздраженно сказала я. - Я же сказала тебе, что сегодня днем я собираюсь проникнуть в монастырь в качестве шпионки. Зачем ты сейчас обременяешь меня этими вопросами?

Он притих, уязвленный. Затем наконец сказал:

- Так чего же ты хочешь от меня? Из-за тебя я чувствую себя девицей, которой воспользовались.

- Я хочу, чтобы ты понял: у меня есть обязанности. Пока что. Я должна кое-что сделать...

- Но ты не должна!

- Хорошо! Я хочу кое-что сделать. Потому что считаю, что должна.

- Пламя Савара, Хелена, тебя чуть не убили! - заорал Матас, вскинув руку и указав на мой обритый висок и рану.

- Такова природа моей работы, - сказала я, хотя прозвучало это глупо.

- Я знаю стражников втрое старше тебя, и они за всю жизнь не оказывались столь близки к гибели, как ты!

Я гневно вздохнула.

- Матас! Ты просишь меня от многого отказаться. Мне нужно время подумать.

- Я ни о чем тебя не прошу! - закричал Матас. - Я бы не дал тебе провести со мной ни единой лишней минуты, если бы знал, что этим только заслужи твою неприязнь!

На этот раз притихла я. Я понимала, что он, конечно же, прав, но я была упряма, возмущена и не желала уступать. Как же глупо я себя вела, как была неласкова с ним, и как я потом ненавидела себя за это.

Нам было больше нечего сказать друг другу, и поэтому мы расстались, едва начало темнеть. Мы обнялись; я поцеловала его, но сделала это холодно. Я видела, что ранила его глубоко и, возможно, непоправимо.

Мне стоило ценить те мгновения, что мы были вместе. Мне стоило взять руки Матаса в свои, прижать его к себе покрепче. А еще мне стоило отказаться идти в монастырь и тогда же оставить и службу, и Вонвальта.

Но вместо этого я оставила Матаса, уязвленного и растерянного, и направилась обратно к резиденции лорда Саутера.

XVIII

Крепость мрака

«Нельзя следить за соблюдением закона, не следуя ему. Тот, кто вершит суд, должен делать это чистыми руками».

Из «Столпов сованского гражданского права» Катерхаузера

Я ушла, едва тьма окутала Долину. Мы с Вонвальтом решили, что наш обман сработает лучше, если я появлюсь у монастыря ночью, словно сбежала под ее покровом. Некоторые из своих вещей я взяла с собой, понимая, что мне придется расстаться с ними по прибытии, а остальные отдала Вонвальту, и он сложил их в повозку Герцога Брондского.

Чтобы добраться до монастыря, мне нужно было покинуть Долину Гейл через северные ворота. Они содержались в плохом состоянии и были совсем не похожи на те, что стерегли реку Гейл и Хаунерскую дорогу. Когда я уходила, никто ничего мне не сказал. Как и во многих других городах, уйти из Долины было проще, чем попасть внутрь. Дождь закончился, ночь была ясной и холодной. Звезды ярко горели над моей головой. Обладай я познаниями в астрономии, я бы смогла назвать некоторые из них, но так лишь одна крупная звезда привлекла мое внимание – яркая точка, отличавшаяся от других красноватым оттенком.

Дорога к монастырю была хорошо проторена толпами людей, ходивших от него к раскинувшемуся внизу городу. В Империи существовало множество различных религиозных орденов. У некоторых, вроде саварских храмовников, была лишь одна цель – с помощью военной силы завладеть святилищами и клочками земель, которые находились в сотнях миль отсюда и которые Аутун пожелал сделать священными. Предназначение других же было в том, чтобы их члены просто проживали свои жизни в молчаливых раздумьях, не покидая своих монастырей и не разговаривая даже друг с другом.

Монастырь над Долиной Гейл служил домом одному из орденов святого Джабранко. Джабранко был канонизированным апостолом Креуса, и во многих храмах прихожане предпочитали поклоняться ему, поскольку Джабранко требовал самых минимальных почестей. Он был ярым последователем Глупца – полубога и одного из множества детей Немы и Савара, – роль которого

заключалась в том, чтобы прямодушно говорить со всеми, вне зависимости от их титулов и положения.

Джадранцы не были строгим орденом. Они позволяли устраивать смешанные монастыри, где жили одновременно и мужчины, и женщины, хотя от всех требовалось, чтобы они приняли обет безбрачия. Еще им довольно часто позволялось покидать монастырь, в основном для того, чтобы купить продовольствие, раздать милостыню и похозяйничать в городском храме. Тогда я не знала об их ордене ничего, кроме этих расплывчатых сведений, однако они помогли мне отчасти унять волнение, которое я испытывала, подходя к воротам – а это сооружение было куда более внушительным, чем то укрепление, что охраняло северную часть Долины Гейл.

– Кто идет? – крикнул в смотровую щель ночной сторож.

– Та, кто ищет убежища, – произнесла я старинное воззвание.

Я услышала, как привратник негромко выругался, словно он часто слышал эти слова. Впрочем, возможно, так и было: многие могли поддаваться соблазну и попытаться удачу, чтобы на целый месяц заполучить ночлег и питание. Молчаливые раздумья и божественная скука были невысокой ценой за это. Я подозревала, что монастырь боролся с подобными наглецами, делая их жизнь невыносимой в этот первый месяц.

– От чего ты ищешь защиты? – спросил он меня голосом ряженого актера, два десятка лет исполняющего одну и ту же ненавистную ему роль.

– От моего нанимателя, – слабым голосом сказала я. – От Правосудия.

Щелкнул засов, и ворота распахнулись.

– Ты же его секретарь, – сказал привратник. Он был морщинистым стариком, закутанным в несколько слоев верхней одежды. Где-то под ней скрывалась изношенная ряса. – Он приехал по Хаунерской дороге, верно?

– Да, – сказала я. Мне не пришло в голову спросить, откуда ему это известно. Вести о прибытии Правосудия разносились быстро.

Старик прищурился, глядя на меня своими слезящимися глазами.

– Ты ранена? – спросил он.

– Я была ранена, служа ему.

– Ты выглядишь напуганной, девочка. Он поднимал на тебя руку?

– Нет, я... Он заставил меня участвовать в своих колдовских обрядах. Мы разговаривали с мертвецами.

Старик наигранно ахнул. Он тут же повернулся боком и махнул мне, чтобы я переступила порог.

– Заходи, дитя, заходи. Магистраты – грешный орден. Они играют с силами, издревле принадлежавшими Церкви. У мирян нет права говорить с мертвыми. Идем, идем, я сейчас же отведу тебя к обенпатре.

Я знала, что стоит упомянуть сеанс, и меня тут же впустят. Также во многом мне помогло и то, что я была хорошенькой молодой женщиной. Я ничуть не сомневалась, что старому вонючему попрошайке было бы незамедлительно отказано. А по реакции привратника я почувствовала, что мое появление стало для их ордена чем-то вроде дара судьбы.

Ощувив прилив смелости, я переступила порог и последовала за привратником внутрь. Мы поспешили пройти по крытой галерее, окружавшей аккуратную квадратную лужайку. По ее краям росли подснежники и другие зимние цветы. В иных обстоятельствах я бы остановилась, чтобы полюбоваться цветами и насладиться умиротворением, царившим в этом простом саду, но привратник поторопил меня. Мы вошли в монастырь – в комплекс зданий, пестривший разнообразными архитектурными стилями, от примитивного драздического до современной неманской готики.

– Сюда, входи, – сказал он, указывая на крепкую деревянную дверь.

Привратник суетливо повел меня по лабиринту теплых, тускло освещенных каменных коридоров, пока наконец мы не дошли до покоев обенпатре. Мы остановились у двери.

– Ты должна говорить с ним почтительно, – резко сказал привратник.

– Конечно, – ответила я.

Старик постучал в дверь. Мгновением позже послышался громкий, властный голос обенпатре, велевший нам войти.

Ночной привратник открыл дверь и ввел меня внутрь. Приемная была обставлена небогато и вмещала в себя лишь стол и несколько книжных полок. Единственной данью уюту здесь был жарко растопленный очаг.

Сам обенпатре напомнил мне лорда Бауэра – простой, непримечательного вида, с седыми волосами, седой бородой и жирным брюшком. Он сидел за столом и в тусклом свете свечей разбирал какие-то бумаги. В моем взвинченном состоянии мне казалось, что он смотрел на меня как хищник на добычу, но на самом деле, скорее всего, в его взгляде было лишь любопытство. Он был одет в темно-пурпурную рясу, подпоясанную белым шелковым поясом.

– Кого ты привел ко мне, брат Уолтер? – снисходительно спросил обенпатре.

– Это секретарь Правосудия, ваше превосходительство, – сказал ночной привратник, которого, судя по всему, звали Уолтер. – Она оставила его, потому что тот занимался темным колдовством. Она ищет убежища.

Обенпатре посмотрел на меня. Мне показалось, что он чуть сощурился, но, возможно, у меня просто разыгралось воображение.

– Неужели? – спросил он. – Как тебя зовут, дитя?

- Х-хелена, - сказала я, притворно запнувшись.

- Просто Хелена?

- Седанка.

- Хелена Седанка, - сказал обенпатре. Он снова повернулся к привратнику.
- Благодарю тебя, брат Уолтер. Можешь оставить ее со мной.

Привратник поклонился и прошаркал прочь из комнаты. Тяжелая деревянная дверь гулко захлопнулась. Мое сердце заколотилось. Я пыталась убедить себя, что обенпатре не заподозрит меня сразу же, но мое тело было не переубедить. Я начала потеть.

- Ты выглядишь напуганной, дитя, - сказал обенпатре. - Тебе нечего бояться. Это место богослужения и молитв. Нигде в Империи ты не будешь в большей безопасности. Подойди, садись.

Он указал на деревянный стул, стоявший перед его столом. Я уже видела такие раньше - Вонвальт называл их стульями «посиди и отвали», потому что они были настолько неудобными, что посетитель не мог усидеть на них слишком долго. Я подошла и села. На мне все еще был надет плащ, и мне стало очень жарко.

- Ты просила у нас убежища? - спросил обенпатре.

Я кивнула.

- Тебе знакомы законы церкви?

- Я... не знаю, - сказала я, спохватившись. Мне не хотелось, чтобы ему показалось, будто я готовилась прийти сюда.

Несколько секунд обенпатре молча разглядывал меня.

- Законы церкви гласят, что всякий, ищущий убежища, должен получить его на месяц. Однако и из этого правила есть исключения. Скажи мне, Хелена, ты не изменница?

Я энергично помотала головой.

- Не убийца?

Снова тот же ответ.

- Ты отрекалась от Учения Немы?

Я помотала головой в последний раз. Казалось невероятным, чтобы кто-нибудь, виновный в любом из этих преступлений, признался бы в них в подобных обстоятельствах, однако позже я узнала, что по законам церкви наказанием за ложь при прошении убежища была смерть.

Мы еще какое-то время посидели в тишине.

- Так что же привело тебя в Орден святого Джабранко?

Его тон смягчился, и он стал больше похож на монаха, а не на властителя. В стенах монастыря превыше него был только Император... и Правосудие Императора. Однако наша стычка с Вальдемаром Вестенхольцем показала, что даже у их, казалось бы, безграничной власти все же были свои пределы.

Я рассказала обенпатре легенду, которую мы придумали с Вонвальтом: что полученные мною в последние дни службы раны, как физические, так и духовные, стали последней каплей после месяцев сомнений. Отъезд Вонвальта на юг подарил мне удобную возможность сбежать. Обенпатре кивал и сочувственно хмурился, пока я пересказывала ему мою историю, и даже осмотрел мой раненый обритый висок. Но больше всего его заинтересовал рассказ о разговоре с мертвецом. Он не смог скрыть алчный блеск в своих глазах, когда я упомянула о нем.

- Расскажи мне побольше об этой магии, - сказал он. - Я, конечно же, слышал о ней почти все, от народных преданий до официальных докладов, однако сам никогда не видел, чтобы ее применяли. Ты знала, что однажды эта сила была священной, а не мирской?

Казалось, он задал невинный вопрос, как ученый человек, просто интересующийся этой темой. Но, как и многие неманцы, он был хорошо знаком с историей того, как власть перешла от религиозных сил к силам закона - и этот переход все еще не давал ему покоя, хотя и произошел полдюжины поколений назад.

- Я знаю о ней немного, - сказала я. Это было ложью лишь отчасти. Вонвальт рассказывал мне об истории способностей Ордена магистратов, но они казались мне такими же скучными, как и многие другие его лекции, и я мало что запомнила. То, что мне предстояло выслушать их еще раз, явно было мезью свыше.

- Тебе, конечно же, лучше других известно, как сованцы гордятся своей системой общего права.

Я кивнула.

- Ты знала, что из двух голов Аутуна одна символизирует каноническое право, а вторая - общее?

- Конечно, - сказала я. Это знали даже трехлетние дети.

- Когда-то с мертвыми разговаривали только жрецы храма. Этот ритуал проводили лишь самые благочестивые и ученые священнослужители. Ритуалы были замысловатыми и продолжительными. Те, кто их исполнял, желали познать тайны загробной жизни, чтобы лучше служить и проповедовать массам. Они относились к этому делу... с глубочайшей почтительностью.

- Вы считаете, что теперь их проводят непочтительно?

Обенпатре фыркнул, мгновенно оскорбившись.

- Эти так называемые Правосудия. Они шатаются по провинциям и призывают духи усопших так, словно это какая-то игра. Им даже не хватает мастерства сделать это правильно. Чаще всего они получают лишь какую-то бессмыслицу.

На этих словах я слегка напряглась. Я подумала о том, с какой неохотой Вонвальт прибежал к некромантии; каким затравленным и изможденным он выглядел на протяжении нескольких дней после сеансов; скольких сил и страха ему стоило каждое применение этой силы. Сказать, что он применял ее бездумно, означало отойти от истины настолько далеко, насколько возможно. Что же касалось умения - действительно, в словах Грейвса не было почти никакого смысла. Но неужели служители и служительницы Церкви справились бы с призывом лучше?

- Это жуткое зрелище, - тихо сказала я.

Обенпатре повернулся ко мне, словно уже забыл, что я здесь.

- Не сомневаюсь. Допрашивать мертвых, как свидетелей на суде, - стоит ли удивляться, что они сопротивляются этому? Что духи загробного мира пробираются в трещины между мирами и заявляют о своем недовольстве? Скажи мне, прошел ли тот сеанс так, как должен был?

Я покачала головой.

- Нет. Готов поспорить, что в него вмешалась какая-нибудь темная сущность?

Я содрогнулась. Откуда он мог это знать?

- Да, - сказал обенпатре, глядя на меня. - Можешь не отвечать. Я вижу, как ты боишься вспоминать об этом. Но некромантия не должна быть такой. Она не должна вызывать ни страха, ни отвращения. Примененная грамотно, эта сила чудесна. Когда-то наши неманские старейшины наслаждались ею и той мудростью, которую получали. Правосудия же ведут себя как расхитители могил; они силой врываются в священные измерения и крадут все сведения, какие только могут.

Обенпатре умолк, поглощенный собственным гневом и сожалением о прошлом. Наконец он сказал:

- Правильно ли я понимаю, что ты не одобряешь того, как твой бывший господин злоупотреблял своей силой?

Я энергично закивала.

- Хм, - сказал он. - И правильно. Что ж, не бойся, дитя мое; в мире еще есть праведные люди, могущественные люди, которые, как я надеюсь, скоро вернут эти силы Церкви.

- Вы говорите о патре Клавере? - спросила я.

Обенпатре кивнул.

- Верно. Он - настоящий святой. Патре Клавер неоднократно чтит нас своим присутствием. И он желает восстановить Церковь Немы.

Я сильно встревожилась, но сумела это скрыть. Если монастырь уже занял сторону Клавера, то дело леди Бауэр, и без того запутанное, обещало стать еще более сложным.

- Что ж, - сказал обенпатре, и по его тону стало ясно, что наш разговор близится к концу. - Мы сделаем все, что сможем, чтобы смыть с тебя этот грех. - Мне понадобилось несколько мгновений, чтобы понять, что обенпатре снова говорит о сеансе. - Он липнет к тебе даже сейчас, окутывает черным плащом. Я это чувствую.

Я содрогнулась.

- Помогите мне, - сказала я, и мне даже не пришлось притворяться. Я действительно не хотела, чтобы соприкосновение с загробным миром оставило на мне какую-нибудь порчу.

- Помогу, дитя, помогу. Меня зовут обенпатре Фишер[4]. Тебе следует обращаться ко мне «ваше превосходительство». - Он встал и с мрачным видом прошел мимо меня к двери. Распахнув ее, он что-то крикнул в каменную бездну коридора. Я услышала приглушенный ответ, а затем поспешные шаги. Фишер вернулся в комнату, и за ним вошла юная девушка, одетая в белый рабочий халат и платок.

- Эмилия, это Хелена, - сказал он, представляя нас. Эмилия мельком посмотрела на меня, а затем снова уперла взгляд в пол.

- Здравствуй, - сказала она с хаунерским акцентом, быстро присев в книксене.

- Здравствуй, - ответила я.

- Эмилия покажет тебе монастырь и расскажет о наших порядках. Она сама не так давно прошла Испытания. - Какое-то время Фишер смотрел на меня, причем так долго, что мне стало неловко. Наконец он кивнул. - Что ж, хорошо. Да пребудет с тобой Нема, - сказал обенпатре и отпустил меня.

* * *

Эмилия проводила меня в мою комнату. Та представляла собой простую келью, тесную и каменную. Днем ее освещало единственное маленькое окно, а из мебели в ней были лишь койка и стол. На столе лежал свод Учения Немы. Книга была переплетена кожей и иллюстрирована цветными миниатюрами, и мне пришлось напомнить себе, что, несмотря на аскетичную обстановку, денег у этого монастыря было в достатке.

- Сейчас тебе уже поздно что-то делать или куда-либо идти, - сказала Эмилия. Она, похоже, была не из приветливых. - Так что лучше оставайся сейчас здесь и начни с завтрашнего утра.

- Каков распорядок? - спросила я.

Эмилия вздохнула.

- Я знаю, что меня тебе навязали, - отгрызнулась я, поддавшись волнению. - Не нужно напоминать мне об этом подобными кривляниями.

Девушка уставилась на меня, выпучив глаза. Я тут же сообразила, что ее неприветливость была отчасти рождена страхом передо мной. Я часто забывала, какое внушительное впечатление сама производила на других. Невозможно провести два года, всюду следуя за Правосудием, и не перенять часть его повадок. Пусть кому-нибудь вроде обенпатре Фишера я и казалась мелкой сошкой, но в глазах моих сверстников и людей помладше я была столь же могущественной, как и Вонвальт в моих.

- Омовения начнутся на рассвете, - сказала Эмилия, сменив тон на чуть более дружелюбный. - Я за тобой приду.

- А потом?

- Молитвы, затем работаем до обеда.

- И что я буду делать?

Эмилия пожала плечами.

- Я не знаю. Скорее всего, тебе дадут черную работу.

Я немного помедлила.

- Ты тоже просила здесь убежища? - спросила я.

Она на миг смутилась, затем с вызовом сказала:

- Не важно, как я здесь оказалась. Важно, что я здесь.

- Хорошо, - сказала я. - Я бы все равно не стала думать о тебе хуже.

- Мне все равно, что ты думаешь.

Несколько секунд мы стояли в неловком молчании, пока наконец не стало ясно, что наш разговор окончен.

- Что ж, еще раз спасибо за то, что любезно помогла мне, - сказала я. - Я понимаю, что отняла у тебя время, и ценю твою помощь.

Она смягчилась, приняв мою смиренную благодарность, но ненамного.

- Тогда спокойной ночи, - сказала она.

- Спокойной ночи, - ответила я, и Эмилия ушла.

Я легла на койку и уставилась в потолок.

- Немино вымя, во что же я ввязалась? - спросила я у пустой комнаты.

* * *

Жизнь в монастыре неукоснительно следовала расписанию, и мне понадобилось всего лишь несколько дней, чтобы к нему привыкнуть. Мы вставали с рассветом, совершали kiraiyanne, то есть ритуальное омовение, слушали двухчасовую проповедь в храме, трудились. Мне, согласно моему положению, действительно дали самую черную работу: я чистила горшки и стойла, ухаживала за больным скотом и мыла полы. Затем мы обедали, снова работали, ужинали; потом наступало время молитв, и мы ложились спать. От «молитв», как выяснилось, было одно название - хотя считалось, что обитатели монастыря должны проводить это время в храмах или маленьких часовнях комплекса, на деле у нас было около часа свободного времени. Только в этот час мужчины и женщины монастыря могли встретиться друг с другом, так что большая часть прелюбодеяний совершалась именно тогда.

После того как мои первичные страхи рассеялись - что произошло довольно быстро благодаря монотонному повседневному распорядку, - я с большей уверенностью вошла в свою роль. Монахи и монахини много раз расспрашивали меня о моей жизни с Вонвальтом - в основном во время kiraiyanne или приемов пищи и вечерних молитв. Мне было больно лгать о том, как он якобы плохо со мной обращался, однако преувеличивать оказалось нетрудно. Все-таки я действительно устала проводить с ним все свое время и я действительно хотела покинуть его. Всякая ложь звучит убедительнее, если прорастает из зерна правды, так что я с легкостью уверила всех в том, как тяжела была моя жизнь. А уродливый шрам на моем обритом виске часто говорил громче всяких слов.

Я все время ощущала, что мне нужно как можно скорее выполнить мою миссию, и поэтому становилась беспокойной и легко выходила из себя. Еще я все время разрывалась между тем, чтобы побольше втереться в доверие и отвести от себя все подозрения, и необходимостью начать расследование заговора. От постоянного напряжения и переживаний я мало ела и плохо спала.

Брат Уолтер - старый монах, стерегший ворота той ночью, когда я пришла сюда, - беспрестанно следил за мной. Из всех обитателей монастыря он был самым недружелюбным. Он вечно ругал меня за якобы плохо выполненную работу или заставлял переделывать простейшие задания просто потому, что ему хотелось повредничать. Когда он не сверлил меня ястребиным взглядом через всю столовую, он прятался в дверях и нишах - якобы чтобы следить, как я работаю, - и плотоядно пялился на меня. Со времен Мулдау мне не приходилось сносить столько нежеланного внимания. Однако, как бы мне ни хотелось списать поведение Уолтера на омерзительную старческую похоть, я все же подозревала, что дело не только в этом - ведь он узнал меня в ту

первую ночь. Было трудно избавиться от чувства, что за мной постоянно следят; впрочем, по отношению к брату Уолтеру интуиция меня точно не подводила, и я решила изо всех сил избегать его.

Вскоре я осознала, что больше не могу терять время на проработку моей легенды, поскольку соблазн просто остаться и продолжить жить размеренной уединенной монастырской жизнью стал почти непреодолим. Так что всего через неделю после того, как я попала в монастырь, и за несколько дней до середины Эббы, во время утренней работы я решила, что начну потихоньку задавать Эмилиии нужные вопросы. Мы с ней сблизились, но я чувствовала, что она все еще подозрительно ко мне относится. В отличие от большинства монахов и монахинь, с которыми я разговаривала, она не верила, что я пришла в монастырь без тайного умысла.

- На Эббу устраивают что-нибудь особенное? - спросила я. Мы были в саду в одном из клуатров и вырывали сорняки из клумбы.

- В храме ночью будут проводить службу, но идти на нее необязательно, - ответила Эмилиия, вырывая огромный клочок сорной травы и швыряя его в плетеную корзинку, стоявшую за нами.

- Я, наверное, пойду, - сказала я.

- Как хочешь.

Я притворилась, что с интересом ковыряюсь в сорняках.

- Что ты думаешь о брате Уолтере? - спросила я. Он был совершенно невыносим, а я пыталась свести наш разговор к чему-то похожему на сестринское зубоскальство.

Эмилиия мимоходом безучастно посмотрела на меня.

- Ты о чем?

- О том, что... ну ты же меня понимаешь. - Я замолчала, сбита с толку. Она наверняка понимала, что я имела в виду. Она не могла этого не понимать. Она же не была автоматом. Не заметить его выходки было невозможно, и, хотя большинство мужчин смотрели на это сквозь пальцы, среди женщин у брата Уолтера наверняка сложилась определенная репутация.

- Нет, Хелена, я не понимаю, о чем ты.

- Я боюсь, что он меня недолжливает. Он постоянно ругает меня, когда я работаю.

- Может быть, ты недостаточно хорошо работаешь?

Я удивилась тому, как сильно меня это задело. Мне потребовалось все мое самообладание, чтобы не огрызнуться в ответ.

- А какие у него обязанности? - спросила я. - Он близок с обенпатре Фишером? - едва сказав это, я сообразила, что задавать подобные вопросы

опасно. Такими вещами не интересовались просто так, особенно те, кто только пришел в монастырь и якобы желал остаться здесь на всю жизнь.

Эмилия снова посмотрела на меня с совершенно загадочным выражением на лице.

- Брат Уолтер - один из самых старших обитателей монастыря; конечно же, он близок с обенпатре Фишером. Я удивлена, что ты до сих пор не поняла, какие у него обязанности.

За этим снова последовала неловкая пауза, часто возникавшая в наших с ней разговорах. Однако на этот раз я решила докопаться до корня проблемы.

- Эмилия, я тебя чем-то обидела?

Ей это не понравилось. Я сразу же увидела, что от моего вопроса Эмилии стало стыдно. Ее щеки запылали.

- Ты ничем меня не обидела. Я не держу на тебя зла, - напряженно ответила она.

- Эмилия, да прекрати же ты на минуту рвать эти треклятые сорняки и посмотри на меня, - ласково, но с твердостью в голосе сказала я, как мать, пытающаяся выведать что-то у надувшегося ребенка.

Эмилия посмотрела на меня.

- Я хочу, чтобы мы стали друзьями, - сказала я.

- Тебе не нужна такая подруга, - ответила она. Она говорила тихо.

Я наклонилась поближе.

- Нужна, - сказала я. - Очень нужна. Я хочу понять, почему ты так сторонисься меня. Ведь нем.. наша вера этого не требует, - сказала я, спохватившись. - Нам разрешается заводить друзей. Я видела, как другие занимаются и кое-чем посерьезнее, - прибавила я, пошевелив бровями. Я надеялась, что Эмилия улыбнется, но, к моему ужасу, она разрыдалась.

- Забодай тебя Нема, - сказала я, оглядываясь, чтобы убедиться, что рядом никого нет. К счастью, мы были одни; утро выдалось солнечным, хотя и немного прохладным, и до нас доносился лишь далекий шум Долины. - Теперь-то что?

Она ничего не сказала, а стала лишь яростно утирать глаза. Я потянулась к ней, чтобы положить руку ей на плечо, но она внезапно резко отпрянула.

- Прости! - сказала я, отдергивая руку. Мне оставалось лишь дать ей выплакаться. Я словно смотрела на то, как постепенно выгорает небольшой огонек. Уйти она не могла. Работа была обязательной, и, если бы кто-нибудь увидел, как хоть одна из нас покидает сад, нас бы наказали.

Вскоре она успокоилась. А затем, к моему изумлению, продолжила пропалывать сорняки, словно ничего и не произошло.

- Да ты шутишь, - сказала я, пораженно глядя на нее. - Ты правда не расскажешь мне, почему ты сейчас плакала?

- Будет лучше, если ты не узнаешь, - бесцветным голосом сказала она.

- Эмилия, - негромко сказала я. - Что происходит? Что с тобой случилось? Неужели кто-то...

- Пламя Савара, да замолчишь ты уже?! - рявкнула она.

Настал мой черед отпрянуть. Какое-то время я смотрела на нее, но она столь решительно игнорировала меня, что у меня не осталось выбора, и я вернулась к моему клочку земли. Мы закончили работу молча, и, когда колокольный звон позвал нас на обед, она вскочила на ноги и убежала в сторону столовой, прежде чем я успела спросить у нее что-либо еще.

XIX

Все глубже в кроличью нору

«Сованцы веками пытались разгадать секреты существ, обитающих в священных измерениях; однако в них, как и в темных водах морей, мы можем разглядеть лишь тех, что живут у самой поверхности. Кто знает, какие левиафаны обитают в глубинах загробного мира?»

Предсказатель Гавро Журич

Жизнь в монастыре продолжалась. Эмилия всячески избегала меня. Будь у меня достаточно времени, я, конечно же, смогла бы ее расколоть, но времени у меня не осталось совсем. Тянуть дальше было нельзя. Я не сомневалась, что за Вонвальтом и Брессинджером следят; стоило бы Вонвальту свернуть с дороги и направиться обратно в Долину, песочные часы перевернулись бы.

Дело не делалось само собой, пока я драила полы, пела псалмы и пила церковное вино. У меня не было недель и месяцев, необходимых, чтобы постепенно завоевать доверие Эмилии и вытянуть из нее правду. Так что мне пришлось приступить к более решительным действиям.

Несколько дней я потратила на то, чтобы все продумать, хотя на самом деле я лишь оттягивала неизбежное. Я знала, что нужно сделать: покопаться в документах. Вонвальт давным-давно объяснил мне, что современные бумаги

стали золотым стандартом доказательств. Люди скрывали правду и лгали, особенно когда на кону стояли их жизни. Даже добропорядочный свидетель мог неверно помнить, что произошло. А времени у меня не было, и полагаться на людей я не могла, так что мне нужно было найти документы, вроде учетных книг из городского казначейства. Сложность заключалась в том, что необходимые бумаги – личные письма обенпатре Фишера – хранились в его личных покоях.

А это означало, что мне предстояло в них проникнуть.

День Глупца выпадал на четырнадцатое число Эббы. Поскольку Глупец был святым покровителем джадранцев, столь важный день требовал проведения множества обрядов и соблюдения традиций. Фишер, будучи обенпатре, должен был весь вечер проводить бдение в главном храме монастыря. Присутствовать должны были все, а поскольку мое время почти истекло, я понимала, что лучшей возможности мне не представится. Но, несмотря на это, меня все равно переполняли дурные предчувствия. В обычных обстоятельствах пробраться в личные покои Фишера и прочесть его переписку означало бы заслужить суровое наказание; однако, если Фишер действительно был участником заговора и меня бы поймали, даже моя высокая имперская должность меня бы не спасла.

Ночью накануне Дня Глупца я сидела за столом в своих покоях и пролистывала Учение Немы, пытаясь унять волнение. Переворачивая страницы писания, украшенного роскошными изображениями, я обратила внимание на то, что оно было составлено с пресловутой сованской практичностью. Первая половина книги была посвящена всем имперским богам, полубогам и святым и рассказывала, кому из них нужно молиться и зачем. В этой части Учение чем-то напоминало сборник инструкций. Вторая же половина была явно нацелена на тех, кого практическая сторона религии интересовала меньше, и состояла из различных притч и историй.

Я знала, что большую часть текстов написал святой Креус, который, согласно сованской мифологии, был земным посредником между богами и человечеством. Со временем были добавлены и другие части, включая Книгу Лорна, которая безуспешно пыталась заменить драздические верования язычников, распространенные в северном Хаунерсхайме, Толсбурге и Йегланде. Впрочем, все, кто жил на расстоянии лучного выстрела и дальше от Совы, не обращали никакого внимания на эти новые книги. Даже Вонвальт, не будучи религиозным человеком, называл их «болотным элем для души».

В начале книги и на вершине пирамиды стояла Нема, Богиня-Мать, на большинстве икон изображавшаяся в облике белой лани. Ее божественным мужем был Савар, Бог-Отец. Вдвоем они породили десятерых полубогов, которых вместе называли просто Дети. Первым был Глупец, которому поклонялись джадранцы, а последним – Плут, полубог несчастья и, как выяснилось, пугающий изначальный демон загробного мира.

Божественные Дети, конечно же, совокуплялись с другими небесными созданиями (а порой и друг с другом) и наплодили целый пантеон полубогов и святых, так что на каждый аспект земной жизни можно было найти своего божка – бога смерти и разрушения, исцеления и музыки, любви, удачи, войны, мудрости, силы, покровительства, времени, торговли, знаний, путешествий, магии... Было нетрудно понять, как Учению Немы удавалось

полностью поглощать другие религии и делать вид, будто они всегда существовали как ответвление основной.

Я листала Учение гораздо дольше, чем планировала. Я решила, что, даже будучи неверующей, в таких обстоятельствах мне не помешает помолиться... и тогда книга раскрылась на заметке о Плуте.

Я до сих пор помню, что тогда почувствовала; как все поплыло у меня перед глазами и по всему телу побежали мурашки, словно желавшие прорвать мою кожу. Черно-белая гравюра Эгракса, изображенного в виде двуглавого змея, навсегда врезалась мне в память. На миг я подумала, что нездоровое любопытство заставит меня прочесть написанные слова, но меня тут же обуял столь глубокий ужас, что я капнула на страницы свечным воском и склеила их.

Совершенно пав духом, я остановилась на молитве Культаару, полубогу удачи – жизнерадостному, похожему на мышь существу. Истории было известно несколько его вмешательств: например, однажды он спас прадеда Императора в битве при Санкве, где поставил между императорским пращуром и баллистой несчастного возничего. Я не читала молитвы с самого детства, когда церковная милостыня зачастую давалась лишь при условии регулярного почитания святых. К счастью, Культаар был не слишком строгим полубогом, и я не сомневалась, что он простит мне мои редкие бессвязные молитвы – если, конечно, его описание и изображение в Учении хоть отчасти соответствовало действительности и он не был каким-нибудь зловредным созданием из иного измерения.

Наконец я закрыла книгу и легла в постель. Меньше всего мне хотелось задувать свечу, поскольку после прочитанного меня вдруг охватила естественная боязнь темноты. Однако, понимая, что когда-нибудь свеча все равно догорит, я задула ее, всем сердцем жалея, что сейчас со мной в кровати не лежит пьяный храпящий Брессинджер.

* * *

Не знаю, когда я наконец уснула, но утром, когда меня разбудили, мне казалось, что я не спала вовсе. Я решила, что буду весь день притворяться больной, чтобы меня отпустили с вечернего бдения. Впрочем, когда я пришла на ритуальные омовения, выяснилось, что делать практически ничего и не нужно. Я была так взволнована и измотана бессонной ночью, что мне почти не пришлось притворяться. Несколько монашек сразу же обратили внимание на бледный, восковой цвет моего лица, на покрывавшую его легкую испарину, на мой отстраненный и угрюмый вид, так что к началу службы меня практически заставили вернуться в мою комнату. И дело было вовсе не в заботе обо мне – заразная болезнь могла поразить всех и каждого в монастыре.

Я ждала в комнате столько, сколько смела, надеясь, что все, как и полагалось, ушли на бдение. Несмотря на то что меня снедала тревога, мое

путешествие по коридорам обошлось без приключений, и я смогла добраться до покоев Фишера, никого не повстречав.

Покои находились напротив кабинета, где я впервые встретила обенпатре. Я приложила ухо к старым дубовым доскам двери, но ничего не услышала. Затем я потной рукой взялась за ручку. Лишь тогда мне пришло в голову, что дверь может быть заперта. Отчасти я надеялась, что так и будет. Судорожно вдохнув поглубже, я повернула ручку и надавила. К моему удивлению, дверь услужливо распахнулась, даже не скрипнув петлями – те были хорошо смазаны. Возможно, Культаар устроил так, что Фишер просто забыл ее запереть; или же обенпатре не делал этого, потому что внутри не было ничего изобличительного. Как бы там ни было, я не собиралась торчать на пороге, гадая. Я метнулась внутрь и закрыла за собой дверь.

Комната за ней оказалась настолько роскошной, что от нее захватывало дух. Она была больше похожа на парадную комнату в доме важного аристократа. Благодаря мягким, пушистым коврам насыщенных голубых цветов ногам обенпатре не приходилось терпеть холодные плиты пола, а распаленный очаг, висевшие на стенах гобелены и тяжелые портьеры заботились о том, чтобы эти плиты никогда и не становились особенно холодными. К этой комнате, служившей чем-то вроде приемной, примыкала спальня Фишера, большую часть которой занимала огромная кровать с балдахином, а все остальное место было отдано не менее роскошной мебели. На стенах висели картины в золоченых рамах, а на постаментах стояли мраморные бюсты предыдущих обенпатре монастыря. В покоях даже имелась личная ванная комната, в которой я увидела позолоченные краны и дорогие зеркала. В одном из них я заметила свое отражение и едва узнала смотревшую на меня молодую женщину с обритым виском и осунувшимися от постоянного напряжения чертами лица.

Я принялась быстро обыскивать покои, стараясь найти пачки документов и писем. В приемной ничего не нашлось, но в спальне Фишера стоял рабочий стол. Я выдвигала ящики, трясушимися руками вытаскивала пачки вскрытых писем и пролистывала их, пытаясь быстро понять содержимое. Хорошо, что Вонвальт научил меня высокому саксанскому, потому что большинство писем были написаны на нем.

Ничего интересного в них не было. Я все лихорадочнее обыскивала спальню, охваченная безрассудством азартного игрока – только ставила я на кон не деньги, а время. Или даже собственную жизнь. Сколько могло продлиться бдение? Не расходились ли уже монахи по своим кельям? Пожелает ли Фишер после службы выпить вина с другими старейшинами монастыря или же он сразу вернется в свои покои и ляжет спать? И услышу ли я хоть что-нибудь? Успею ли уйти?

Краткий прилив уверенности, который я испытала, войдя сюда, уже испарился. Мне внезапно стало казаться, что я поступила безумно опрометчиво.

Нужно было заканчивать. Я решила, что, сообщая Вонвальту о своей неудаче, смогу посмотреть ему в глаза, ведь я сделала все, что могла. Я с облегчением отвернулась и собралась уже было уходить, как вдруг обратила внимание на комод, стоявший в углу комнаты. Из-под одного ящика торчал маленький уголок листка бумаги.

Я сделала два шага к выходу из покоев, но затем остановилась. Всей душой ненавидя себя, я развернулась, бросилась к ящику и резко выдвинула его.

Я недоуменно нахмурилась. Внутри не оказалось ничего похожего на листы бумаги, только нижнее белье. Затем, пошарив внутри рукой, я сообразила, что у ящика есть скрытое отделение. Сделано оно было безыскусно и не смогло бы обмануть достаточно упорного сыщика. Я вытащила тонкое дно и едва сдержалась, чтобы не ахнуть, увидев под ним небольшую стопку писем.

Я схватила первое же и поднесла к глазам. Мои потные пальцы оставили на бумаге влажные следы. Письмо гласило:

Ваше Превосходительство,

я пришел в восторг, услышав о вашем пожертвовании Ордену храма Савара. Джадранцы всегда слыли благочестивыми и набожными людьми, так что меня не удивила ваша готовность помочь нашему делу деньгами, однако же я восторгаюсь глубиной вашей щедрости.

По моем возвращении я познакомлю вас с бароном Наумовым. В прошлом году я некоторое время гостил у него. Во время моего путешествия по Южной и Восточной Маркам Хаунерсхайма Кругокаменск стал для меня вторым домом, и я нашел в бароне доброго союзника. Как и многие другие хаунерцы старой сованской закалки, он глубоко религиозен. Его очень заинтересует ваш план действий.

Я напишу вам снова, когда позволит время. Сейчас, когда я пишу это письмо, я собираюсь догнать одного из имперских магистратов, который движется на север по Хаунерской дороге. Вы наверняка помните наш разговор об Ордене магистратов и о том, в какой дьявольской хватке они держат всю старую неманскую магию. Полагаю, путешествие с ним будет познавательным!

Я смогу продолжить нашу с вами переписку во время моей следующей остановки – в Моргарде. Как и в случае с бароном Наумовым, я слышал о маркграфе много хорошего. После я вернусь на юг, хотя я пока не окончательно определился с маршрутом. Пусть Бог-Отец укажет мне путь своей твердой рукой.

Ваш брат по вере,

Бартоломью Клавер

Мое сердце бешено колотилось. Письмо явно было отправлено за несколько недель до того, как Клавер нагнал нас у Йегландской границы. Священник был талантливым лжецом, и никто из нас не заподозрил его мотивы. Я попыталась вспомнить, не сболтнул ли кто-нибудь какую-нибудь тайну, ведь Клавер беспрестанно задавал вопросы – что тогда лишь раздражало нас, а теперь переполнило меня дурными предчувствиями. Но размышлять об этом нужно было позже. Пока же кое-что стало совершенно ясно: во-первых, Клавер замыслил что-то против Ордена магистратов. А во-вторых, часть

денег из казны Долины Гейл оказалась в руках саварских храмовников. Оставался лишь один невыясненный вопрос – имела ли гибель леди Бауэр хоть какое-то отношение ко всему этому.

Я схватила еще одно письмо и развернула его. Судя по содержанию, оно пришло несколькими неделями позже, в ответ на письмо от обенпатре Фишера. Оно гласило:

Ваше Превосходительство,

благодарю вас за то, что нашли время снова мне написать. Ваше ревностное стремление продолжить свою помощь нам переполняет мое сердце радостью. Я прослежу, чтобы в КП услышали о вашей набожности; патриархи Учения в Совете всегда рады узнать об особо благочестивых людях и познакомиться с ними.

Я и мои братья из Ордена Храма воодушевлены вашим очередным пожертвованием и добрым отношением к нашей миссии. Нам больше нет нужды продолжать переписку; чем больше мы держим в наших умах и сердцах и чем меньше доверяем бумаге, тем лучше.

Обещаю скоро увидеться с вами.

Ваш брат по вере,

Бартоломью Клавер

«КП» наверняка расшифровывалось как Колледж Предсказателей. Так назывался один из правящих органов Неманской Церкви. Я гадала, действительно ли столь высокопоставленная, августейшая организация прислушивалась к Клаверу или же его слова были пустым бахвальством. Как бы там ни было, «стремление продолжить свою помощь» явно означало, что Фишер снова добровольно набил сундуки храмовников деньгами. Он явно рассчитывал именно на такую услугу, какую пообещал ему Клавер. Если казна действительно получала с торговых акцизов столько, сколько было написано в учетных книгах, даже толика этих денег, будучи украденной и переданной монастырю, стала бы лакомым куском для людей вроде Клавера и его армии храмовников. Все-таки армии всегда нуждались в больших деньгах. Солдатам требовались не только мечи, копья, стрелы, щиты и доспехи, но и огромные запасы провизии – как для них, так и для лошадей. А еще они нуждались в нескончаемой веренице умелых ремесленников и женщин, которые строили бы им укрепления, готовили еду, подковывали лошадей, чинили осадные орудия, заботились о больных и раненых, утоляли их низменные желания, читали им проповеди и так далее. На земле не существовало более дорогостоящего дела, чем война, но, к счастью для Клавера, он нашел готовый источник средств, отчасти покрывавший эти расходы.

Я снова сложила письмо, убрала его на место, вернула фальшивое дно и прикрыла его исподним. Больше я не смела оставаться в спальне. Стало ясно, что Фишера и Клавера что-то связывало, а этого было достаточно,

чтобы Вонвальт смог выбить из Фишера правду, прижав его посильнее Голосом Императора.

Я закрыла ящик, радуясь, что это опасное предприятие завершилось, повернулась, чтобы уйти...

...и застыла в ужасе, услышав, как дверь в покои распахнулась.

Я лихорадочно огляделась. В комнате было лишь одно место, где можно было спрятаться, – под кроватью. Я вмиг очутилась на полу и скрылась из виду, стискивая кулаки и зубы. Мое сердце бешено колотилось, и я была уверена, что его услышат.

Мне хотелось плакать. Я была так уверена, что услышу, когда завершится бдение, и не подумала, что все обитатели монастыря могут разойтись, не поднимая большого шума. Хотя, возможно, они все же шумели, но я была слишком увлечена чтением писем и не заметила этого; или же толстые каменные стены поглотили весь звук. Это было не важно.

Кровать была достаточно высокой, чтобы я могла выглядывать из-под нее, и при этом достаточно низкой, чтобы меня было не видно. Я попыталась успокоить себя несколькими глубокими негромкими вдохами.

Под кроватью не лежали вещи, и ни у кого не было причин заглядывать под нее. Мне оставалось лишь взять себя в руки и ждать, когда представится возможность уйти.

Я услышала, как Фишер что-то делает в приемной; затем, когда с его возвращения не прошло и пяти минут, раздался стук в дверь. Фишер вздохнул, и я услышала, как дверь отворилась.

– Брат Уолтер, – сказал Фишер. До спальни донесся шум толпы, расходившейся по коридорам: слышались шаги, праздные разговоры, чей-то радостный смех. В тот миг меня страшно терзало желание оказаться среди них. В какую безвыходную ситуацию я себя загнала! Впрочем, совершенно во всем я винила Вонвальта.

– Тебя что-то тревожит? – устало спросил Фишер.

– Та толская девчонка. Которая просила убежища.

– Вот как, – нетерпеливо сказал обенпатре. – Я устал, брат мой. Что случилось?

– Она не в своей келье.

Я прикусила руку, чтобы не вскрикнуть. Я ощущала себя лисицей, попавшей в капкан. Меня захлестнул животный страх, первобытный и неукротимый. В голову полезли безумные мысли: возможно, я могла проскочить мимо них, выбежать из покоев, промчатся по лабиринту коридоров, выскочить из главного входа, пробежать мимо привратника... Но что потом? Мысли о побеге были вытеснены более темными образами, просочившимися в мое сознание, как горное масло в песок. Я представила, как меня убивают на холодной, опасной дороге к городу, пронзают мечом и оставляют замертво на обочине

или хуже – разбивают мне голову, как леди Бауэр, и швыряют, задыхающуюся и оглушенную, в ледяную Гейл.

– Разве она не больна? – спросил Фишер. – Мне так сказали.

– Якобы больна.

– Тогда, возможно, ее замутило, и она вышла.

– Ее нет нигде в женских уборных.

– Что я тебе об этом говорил? – резко сказал Фишер. – Мы уже обсуждали подобные выходки.

– На этот раз все по-другому. – Уолтер говорил почти раздраженно, но давление церковной иерархии заставляло монаха держать свой гнев в узде. – Я ее подозреваю.

– В чем?

– В том, что она попросила убежище под ложным предлогом.

Фишер наигранно вздохнул.

– Мы это уже проходили.

– Я же вам говорю, на этот раз все по-другому. Сестра Кляйн была лгуньей. Вы же знаете, эти венландцы врут как дышат. Она...

Я представила, как Фишер поднимает ладонь, заставляя его замолчать.

– Моя снисходительность едва выдерживает тяжести твоего греха, брат, – сказал обенпатре.

– Я делаю лишь то, что, по моему мнению, идет на благо монастыря, – проворчал Уолтер. – На благо Ордена. Вам не кажется странным, что она пришла сюда? Секретарь Правосудия – и в монастырь? Она наверняка что-то вынюхивает.

– И что же она может здесь найти? – спросил Фишер.

Снова тишина. Я воображала, что брат Уолтер неловко мнетя под взглядом своего владыки. Что же он скрывал? Эти двое беседовали вовсе не как заговорщики; и, если подумать, разве я нашла в тех письмах что-нибудь по-настоящему обличительное? Хоть что-то, что нельзя было оправдать? Разве не мог Фишер передавать храмовникам деньги, которые считал полученными законно? Разве не могло оказаться так, что поделщиком Вогта и Бауэра был брат Уолтер? Мне казалось, что я подошла вплотную к разгадке секретов монастыря, но не могла поделаться с этим ровным счетом ничего.

– Выгоните ее, – настойчиво сказал брат Уолтер, пропуская вопрос своего владыки мимо ушей. – Вам даже не нужно называть причину. Так будет лучше для Ордена.

Я услышала, как Фишер поднялся из-за стола.

– Я решаю, что лучше для Ордена, – сказал он. – А теперь уходи, брат, и оставь девчонку в покое. Ты больше не станешь следить за ней.

Снова повисла тишина, во время которой я представляла себе, как Уолтер со злобой сверлит Фишера взглядом. Затем из приемной донеслись его шаркающие удаляющиеся шаги, и вскоре я услышала, как закрылась дверь.

Фишер тяжело вздохнул, после чего послышался шорох, будто кто-то трет двумя руками небритое лицо. Затем обенпатре громко и отчетливо произнес:

– Можешь выходить. Он ушел.

XX

Дары Культаара

«Немногие будут рады тому, что вы умнее их. Всякий предпочтет бред безумного соседа словам самого ученого человека в Совете».

Сэр Уильям Честный

С моих губ помимо воли сорвался тихий стон. Беспомощный, несчастный всхлип обреченной девушки. Пробирался ли ты, читатель, когда-нибудь туда, где тебе быть не дозволено? Случалось ли так, что твоя жизнь стояла на кону – или ты хотя бы думал, что это так? Если нет, тогда я не могу передать тебе, какой страх охватывает человека, оказавшегося в подобной ситуации. По моему опыту, страх этот хуже того, который испытываешь на поле боя, сражаясь насмерть. Битвы ужасны сами по себе, но этот ужас материален, и если ты вооружен, то твоя судьба хотя бы отчасти находится в твоих руках. Здесь же я была бессильна. Даже в самом лучшем случае, если бы оказалось, что Уолтер – настоящий организатор преступной схемы, а Фишер покровительствовал саварским храмовникам из благих, хотя и ошибочных, побуждений, обенпатре все равно вряд ли бы понравилось, что я влезла в его личные покои и рылась в его письмах.

– Ну же; мне что, весь вечер ждать? – нетерпеливо сказал Фишер. – Выходи, он ушел.

Потными, трясущимися руками я стала подтягиваться, чтобы вылезти из-под кровати. Я чувствовала себя так, словно шла на виселицу – хотя, если

ситуация действительно была настолько плоха, как мне казалось, то повешение было бы не самым дурным исходом.

Я уже наполовину вылезла из-под кровати, когда воздух прорезал второй голос:

- Ваше превосходительство, простите мою нерешительность. Я не слышала, как закрылась дверь.

Едва смея дышать и стиснув зубы с такой силой, что они чуть не растрескались, я быстро и осторожно заползла обратно под кровать. Я представила себе, как Дети стоят вокруг стола, бросают кости и двигают фишки, и лишь по счастливой космической случайности они дали мне передышку. Возможно, сработала моя молитва Культаару. Как бы там ни было, еще больших потрясений я бы не вынесла. Мне казалось, будто мое сердце вот-вот остановится.

- Идем в спальню, - сказал Фишер. - Одной Неме известно, как я устал.

- Кто к вам приходил? - спросила таинственная женщина. Я не узнала ее по голосу, но, похоже, это была одна из старших монахинь. - Я не расслышала, когда пряталась.

- Брат Уолтер, - устало сказал Фишер. Он приблизился к спальне, и его голос зазвучал громче. - Он уже много лет сидит занозой в моем боку. Проводит в монастыре какие-то тайные дела, суть которых я еще не до конца выяснил. А еще вынюхивает причины заподозрить других, как бороз вынюхивает трюфели. Я уверен, что он наполовину безумен.

- Уолтер мне никогда не нравился. Как и большинству женщин. Он похотливый тип.

Теперь они оба вошли в комнату. Мои глаза были плотно закрыты. Я слышала, как кто-то из них сел на кровать.

- Довольно об этом. Не порти мне настроение.

- Ах, ваше настроение, - игриво сказала женщина. - Да вы и сами сегодня довольно похотливы.

Я слишком поздно сообразила, что сейчас произойдет. Я зажала уши ладонями, но это не помогло. Звуки поцелуев, стоны, шелест падающей одежды проникли в них, как нить в игольное ушко. Вскоре кровать задрожала и раздались хлопки плоти, ударяющейся о плоть, которые нельзя было спутать ни с чем. У Фишера было множество недостатков, но, к моему сожалению, недостатка выносливости среди них не было. Мне отчасти хотелось, чтобы меня поймали; самым отвратительным моим воспоминанием из Долины Гейл было то, что я вынесла этот ужас и, сама того не желая, случайно стала извращенкой.

Наконец обенпатре закончил извергаться в свою незадачливую любовницу. Я так и не узнала, кем она была. Несмотря на то что их сношение заняло целую вечность, мне пришлось утешать себя тем, что меня не поймали. Пока я ждала, монахиня оделась и ушла, а Фишер умылся и приготовился ко сну.

Все это недолгое время меня мучил новый страх – я ждала, что обенпатре случайно что-нибудь уронит, эта вещь закатится под кровать, и он нагнется, чтобы поднять ее. Однако Культаар явно услышал мои молитвы, и мое укрытие, как и прежде, осталось непо потревоженным.

Обенпатре потушил лампы у своей кровати, и спальня погрузилась во тьму. Как ни смешно, теперь самой большой опасностью стало то, что я сама могла уснуть. Невероятное напряжение, которое я испытывала весь последний час, вконец измотало меня; ковер под кроватью был мягким, а комната – теплой и темной. Тем не менее я заставляла себя держать глаза открытыми и вонзала ногти себе в бедро всякий раз, когда чувствовала, что усталость вот-вот одолеет меня.

Фишер, конечно же, вскоре уснул. Я подождала еще около часа, чтобы убедиться в этом, а затем, крадучись, пошла прочь из покоев. Мне казалось, что каждый мой шаг разносится эхом, словно удар церковного колокола, а каждый щелчок и скрежет моих костей гремит, как земля во время оползня. Я представляла себе, как Фишер лежит во тьме, но не спит, как на то указывало его медленное дыхание, а лишь притворяется и наблюдает за тем, как я удаляюсь. Я накручивала себя, ожидая, что его голос вот-вот пронзит тишину, и мне потребовалось все мое самообладание, чтобы не броситься к двери, не распахнуть ее и не убежать. Но, собрав остатки своего мужества, я прокралась в приемную, открыла и закрыла дверь и, быстрым шагом пройдя по лабиринту коридоров монастыря, вернулась в мою келью.

Улегшись на свою кровать лицом вниз, я истерически расхохоталась. Казалось, я целую вечность не могла остановиться. Из меня словно вынули пробку, после чего не смогли вернуть ее на место. Мне пришлось закрыть лицо подушкой – несмотря на то что толстые и каменные стены не давали звукам разноситься, я не смела рисковать, боясь, что меня услышат.

Наконец я достаточно успокоилась и смогла улечься на ночь. Я лежала во тьме, все еще скованная напряжением из-за пережитого, и не могла уснуть. Поэтому я продумывала, что делать дальше. Меня одолевал соблазн просто уйти отсюда, ведь монастырь не был тюрьмой, а я не была узницей и могла покинуть его в любое время. Но я чувствовала, что обязана остаться. Отглядываясь назад, кажется совершенно безрассудным, что я сразу же не выскользнула за ворота, но в то время всякий раз, когда мне что-либо удавалось, меня охватывало необъяснимое желание удвоить усилия. Поэтому мне было так сложно уйти от Вонвальта – всякий раз, когда я задумывалась об этом, какое-нибудь достижение или его похвала подпитывали мою гордость и убеждали меня в том, что я неправа.

Я решила разузнать побольше о брате Уолтере. Мне казалось, что это будет не так уж сложно, особенно по сравнению с тем, что я только что провернула. Брат Уолтер был не так хитер, и друзей у него в монастыре было немного. Я дала себе время до конца недели, чтобы выяснить, что он задумал. Если бы у меня не получилось узнать ничего стоящего, я бы ушла.

По крайней мере, таков был план.

* * *

Следующий день тянулся томительно. Я сообразила, что болезнь, длившаяся всего один день, не вызовет ничего, кроме подозрений, ведь благодаря ей я избежала множества скучных служб Дня Глупца. Так что я продолжала притворяться. Как и прежде, другие монахини хотели, чтобы я оставалась в своей комнате, поэтому день я провела, изнывая от скуки, листая Учение Немы, глядя в окно и бродя по комнате, как зверь в клетке. Я отчасти ожидала, что брат Уолтер придет и сунет в комнату свой нос, но он, похоже, послушался Фишера. Положение брата в монастыре явно было куда более шатким, чем думали остальные.

Шли часы. Солнце село, и Долину окутала тьма. Мне хотелось, чтобы поскорее настало время отходить ко сну и я смогла провести остаток своего заключения в беспамятстве. Но затем в молитвенное время, примерно через час после ужина, в мою дверь постучали.

- Входите, - сказала я. У меня во рту было сухо, и я осознала, что впервые за день что-то сказала.

Стучалась Эмилия. Она отворила дверь, скользнула внутрь, закрыла за собой и, жестом попросив меня молчать, прислушалась, не звучат ли в коридоре чьи-либо шаги. Было непривычно видеть ее в одной лишь ночной сорочке, без платка. Ее волосы оказались светлее, чем я думала, глядя на цвет ее бровей.

- Что, Казивар тебя побери, случилось? - спросила я. Мое сердце бешено колотилось, а кровь пела в жилах. - Из-за тебя нас обеих высекут.

Эмилия подошла к кровати и села. Я видела, что она расстроена.

- Насчет того, что произошло позавчера, - сказала она.

- Да?

Она открыла рот и снова закрыла его. Я терпеливо ждала. По опыту я знала, что ни строгие, ни осторожные расспросы не заставят ее открыться мне.

- Этот монастырь... темное место, - сказала она. В ее голосе звучала скорбь. - Меня ждет черное будущее.

Я едва сдержалась, чтобы не завопить. Моя голова пошла кругом, а мурашки побежали по телу с такой силой, что меня чуть не затрясло.

- Пропади моя вера, Хелена, ты в порядке? - спросила меня Эмилия. Моя неожиданная реакция удивила ее, и подавленность девушки как рукой сняло. Я не ответила. От страха мне стало дурно. Во время сеанса Грейвс сказал те же самые слова. Те же самые. Я как наяву видела его взгляд, взгляд Плуто, которым он сверлил меня, когда произносил их.

- Хелена? - позвала меня Эмилия.

- Где ты услышала эти слова? - выдохнула я. С меня лился пот, я дрожала и была готова расплакаться. На меня сплошным потоком нахлынули воспоминания: сеанс, кошмары и испытанный мною ужас.

- Хелена, ты меня пугаешь, - сказала Эмилия. - В чем дело? Что я такого сказала?

Я сосредоточилась, заставила себя дышать ровнее и расслабиться, используя техники успокоения, которым меня научил Вонвальт. Казалось, прошло немало времени, прежде чем я снова смогла заговорить.

- Однажды я уже слышала то, что ты сказала. Те же самые слова, только говорил их... кое-кто другой. Это застало меня врасплох.

- Я не понимаю, - сказала Эмилия. - Мне их никто не говорил. Я и не думала, что они что-то значат. Просто сказала, что чувствовала.

Мое сердце все еще бешено колотилось, но спокойствие уже начало возвращаться ко мне. Я утерла пот со лба рукавом. До меня дошло, что Эмилия понятия не имеет, о чем я говорю. Продолжая расспрашивать ее об этом, я лишь привела бы ее в замешательство, а она только сейчас решила открыться мне.

- Прости, - сказала я, помотав головой и виновато улыбнувшись. - Просто мгновенное помутнение рассудка. Пожалуйста. - Я жестом попросила ее продолжить. Она смотрела на меня настороженно.

- Я была служанкой, - сказала она. - Мой хозяин был добрым человеком, но он внезапно умер, будучи в долгах, и меня вышвырнули на улицу. Мне было больше некуда идти, а здесь ко мне поначалу относились хорошо. Обенпатре Фишер - хороший, благочестивый человек. Он не знает, что творится в глубинах монастыря.

Я нахмурилась.

- О чем ты? - спросила я. Мне пришлось сдержать себя, чтобы не спросить о брате Уолтере.

Эмилия огляделась. Тишина окутала нас, как одеяло. Никто не шевелился.

- Здесь обитают плохие люди, - прошептала она. - Я не знаю, чем именно они занимаются. Но их больше одного. Они пользуются старыми подземельями. Роятся там, как пчелы в улье.

- Кто они такие? - спросила я столь же тихо.

- Они не посещают службы, как все остальные. У них словно есть какое-то особое разрешение. Я знаю лишь одного. Порой я его вижу. Они, как и мы, носят пурпурные ряссы; так их сложнее распознать. Да и зрение у меня не самое хорошее.

- Что за подземелья? - спросила я. - Здание, как я вижу, старое. Почти что замок.

- Именно, - сказала Эмилия. - Здесь не всегда был монастырь. Оно очень старое, туннели уходят глубоко в скалу.

- Откуда ты это знаешь? Ведь туда наверняка запрещено спускаться.

Эмилия ненадолго замолчала.

- Один из них пытался надо мной надругаться, - тихо сказала она. У меня внутри все сжалось. В мире существовало множество гнусных подонков, желавших воспользоваться отчаявшимися юными девушками. В Мулдау мне и самой нередко доводилось сталкиваться с нежелательным вниманием. Но у меня был крутой нрав - по крайней мере, тогда. По Эмили же было непохоже, чтобы она обладала уличной смекалкой. То, что кто-то пытался надругаться над ней, да еще и в месте, которое должно было стать для нее тихой гаванью, наверняка безвозвратно уничтожило ее веру в силы добра.

- Как это произошло? - спросила я. - Подробности можешь не рассказывать. В моей работе с таким приходится сталкиваться довольно часто.

- У него не получилось, - резко сказала она, внезапно разозлившись. Впрочем, ее пыл вскоре потух, как уголек в ведре воды. - Я пнула его... туда.

Я улыбнулась, услышав это.

- Умница, - сказала я.

- Это произошло в складских помещениях. Ты ведь знаешь, что монастырь запасает еду для Долины на случай, если когда-нибудь наступит голод.

Я кивнула. Такая практика казалась мне устаревшей, ведь зачем нужно было складировать продукты, если через город проходил столь колоссальный объем торговли, а сованское владычество принесло провинциям заветную стабильность.

- Я убежала от него. Я была так напугана, что неслась куда глаза глядят. Наверное, я разок-другой свернула не туда, потому что оказалась в каком-то туннеле или коридоре. То место было мне незнакомо, и я не успела опомниться, как оказалась в старых подземельях. Я даже не знаю, известно ли о них обенпатре Фишеру. Там очень влажно и противно.

Я ничего не сказала. Вонвальт научил меня, что порой лучше позволить человеку говорить и изредка что-то уточнять у него, а не засыпать вопросами, как бы ни хотелось это сделать.

- Так вот, там, в камерах, были заперты люди. По крайней мере, в одной из них. Я видела, как из-под двери сочился свет. Я была напугана и не знала, что мне делать. Затем из-за другой двери послышались голоса. Я не удержалась, подошла и заглянула в щель.

- Что ты увидела?

- Там были мужчины в монашеских одеяниях, но я не видела их прежде. Они пересчитывали деньги, огромные кучи монет. Они делали записи в больших книгах и взвешивали монеты на весах. Затем они клали их в мешки из-под зерна. Один сказал, что некий Таннер медлит. Я только потом сообразила, что они говорили о том подонке, который напал на меня. Больше я не осмелилась задерживаться; я побежала обратно, туда, откуда пришла. Того Таннера я не повстречала. Мне повезло. Я вернулась в складские помещения, а оттуда поднялась в монастырь.

- Когда все это произошло?

- Меньше двух недель назад.

- Ты кому-нибудь об этом рассказывала?

- Нет. Никому. Я боялась.

- Почему же ты говоришь об этом мне?

- Потому что ты служишь Правосудию.

- Больше нет, - сказала я.

- Я тебе не верю, - сказала она. - Знаешь, остальные ведь о тебе толкуют. Они говорят, что слуга твоего Правосудия все еще в городе. Они говорят, что расследование гибели леди Бауэр еще продолжается. Ходят слухи, что вы проводили некромантский ритуал. Это правда, что Правосудия умеют говорить с мертвыми?

Я пропустила последний вопрос мимо ушей.

- Почему ты думаешь, что я все еще служу ему? - Я указала на шрам на моей голове. - Я оставила службу. Я слишком много натерпелась...

- Я тебе не верю, - сказала она. - Мне кажется, ты врешь. Других ты убедила, возможно, даже обенпатре Фишер тебе поверил, но не я. Ты явно не веришь в богов, а просто притворяешься. Ты рассеянна, словно ищешь что-то. И мне кажется, что ты ищешь именно то, о чем я тебе только что рассказала.

- Нет, - сказала я. - Ты ошибаешься.

- Ты должна их остановить, - сказала Эмилия, внезапно схватив меня за рукав. - Я не смогу обрести покой, пока они здесь. Я хочу спокойной жизни. Я просто хочу... прожить мои дни здесь, в удобстве. Другого выбора у меня нет. Ни один дом не возьмет меня в служанки. Но здесь я схожу с ума. Я шарахаюсь от каждой тени. Я боюсь оставаться одна. - Она снова начала плакать.

Какое-то время я изучающе смотрела на нее. То, что Эмилия пришла ко мне сейчас, наверняка не было случайностью. Она сказала, что Фишер вряд ли знал о подземельях, и это показалось мне очень странным. Я также помнила, что именно Фишер велел ей присматривать за мной во время первого месяца в монастыре. Не обманывала ли она меня? Если так, то она была очень хорошей

притворщицей, да и ее доводы звучали здраво. Если Эмилия действительно думала, что я могу ей помочь, то не было ничего удивительного в том, что она рассказала о своих невзгодах мне, а не кому-либо еще.

Но ведь это могла быть и проверка на то, не шпионка ли я на самом деле. Я понимала, что должна сказать в таком случае: что я не могу ей помочь; что я правда ушла от Вонвальта и покинула службу, желая забыть о той части моей жизни. Что ей нужно поговорить с обенпатре Фишером и рассказать ему о своих опасениях. Мне следовало притвориться, что я ничего не понимаю, и извиниться.

Однако я смотрела на нее и видела несчастную юную девушку, на месте которой в иных обстоятельствах могла оказаться я; девушку, на которую напали. На которую напали не единожды, а дважды, и которая отчаянно хотела освободиться от всего этого.

Поэтому я сказала:

- Я могу тебе помочь. Ты права, за этим я и пришла сюда.

И, к моему облегчению, она зарыдала еще сильнее и наклонилась, чтобы крепко меня обнять. Она устроила впечатляющее представление. И я полностью ему поверила. За мной пришли несколькими часами позже, в глухой ночи.

XXI

Пленницы

«Прирожденное право каждого человека на его свободу есть краеугольный камень цивилизованного общества».

Лорд Вальдемар Константин

Меня одурачили. Как я и подозревала, Эмилия оказалась наживкой, скользившей по поверхности пруда. Она хорошо сыграла свою роль. То, что именно она поначалу отказывалась говорить со мной, стало впечатляющим штрихом.

У них был ключ. Они двигались бесшумно и быстро, как убийцы. Я едва успела проснуться, прежде чем ощутила, как чьи-то руки грубо схватили меня и сунули в рот кляп. Я вырывалась и пыталась кричать, но тщетно. Они явно делали подобное не в первый раз. Мне на голову натянули мешок из

грубой, колючей ткани, так что я не видела, куда меня ташат. Впрочем, вскоре я ощутила, что мы спускаемся вниз. Наконец я перестала сопротивляться. Это было бесполезно и быстро утомляло.

Они отнесли меня вниз, в недра монастыря. Несмотря на вонючий мешок, натянутый мне на голову, я чувствовала запах влажных камней и слышала, как капают грунтовые воды. Еще здесь было холодно; будучи одетой в одну лишь ночную рубашку, я начала дрожать.

Прошло еще какое-то время, и я услышала звуки, похожие на шум повседневной жизни – голоса, хлопанье и скрип дверей и мебели и, удивительнее всего, женский смех. Затем мы остановились, и я услышала громкий стук мясистого кулака о тяжелую деревянную дверь.

– Да, – донесся из-за нее приглушенный ответ. Дверь распахнулась. – А, вот и вы, – продолжил тот же самый голос. Я ожидала услышать Уолтера или Фишера, но голос был другим, более низким и ровным; он заполнял комнату, как разлитое из чаши масло. – Усадите ее в кресло.

Меня опустили в кресло и стянули с головы мешок. Я оказалась в уютном на вид кабинете, освещенном свечами. Когда-то эта комната явно была тюремной камерой, хотя и большой. Теперь же вдоль стен стояли книжные шкафы, а пол покрывали ковры и циновки. Человек, велевший нам войти, сидел за столом, который украшали различные безделушки и орнаменты. На столе лежали стопки учетных книг.

– Ты знаешь, кто я? – спросил хозяин кабинета. Он был упитан и одет в дорогую на вид дублет и чулки. Его пальцы Вонвальт назвал бы «пальцами торгаша» – они были толстыми и унизианными кольцами. У него было суровое, жестокое лицо, темные волосы и пышная темно-рыжая борода.

– Зоран Вогт, – предположила я.

– Молодец! – с наигранной радостью ответил он. – Ты видела меня раньше? Или ты просто догадливая девица?

Я ничего не сказала. Я не видела его раньше, но мне казалось, будто видела, ведь за последние несколько месяцев он стал большой частью нашей жизни. Я пала духом, сообразив, что Вонвальт, отправившийся за Вогтом и Бауэром в имперский путевой форт в Греше, шел по ложному следу.

– Можете нас оставить, – сказал Вогт мужчинам, которые принесли меня сюда. – Думаю, со мной ничего не случится. Вы ведь ее обыскали?

– На ней нет ничего, кроме сорочки, – сказал один из верзил.

– Тогда проваливайте, – сказал Вогт, и верзилы ушли. Вогт долгое время смотрел мне в глаза. – Значит, Правосудие решил отправить в монастырь шпионку. Расскажи-ка мне, что ему известно.

Я ничего не сказала.

– У меня нет времени на глупые игры, девка. Рассказывай, что знаешь, сейчас же.

Я помотала головой. Мне хотелось плакать – скорее от досады, а не от чего-то еще. Я уже давно не ощущала себя столь беспомощной.

Вогт набрал в грудь воздуха, затем вздохнул. Он взял кубок с вином, стоявший на краю стола, и сделал большой глоток.

– Твой хозяин доставил мне уйму хлопот, – пробормотал он, с силой ставя стеклянный кубок на место. – Все разбегаются в ужасе. – Он замахал руками в воздухе и издал протяжное «у-у-у», будто изображая призрака. – Словно сам Император приехал сюда, в Долину, и прогуливается среди сточных канав и околевающих от холода попрошаек.

Я продолжала молчать. Я не знала, что сказать. Конечно же, я не собиралась ничего рассказывать Вогту добровольно, но желание раскрыть все и блеснуть умом оказалось сильнее, чем я думала.

Вогт снова схватил кубок и осушил его. Судя по его пунцовым щекам, он был немного пьян.

– Мои люди говорят, что Правосудие взял нескольких бойцов шерифа и отправился на юг искать меня, – сказал Вогт, – но его пристав все еще ошивается в городе, шляется по трактирам и борделям. Ненасытный тип этот Брессинджер. Осмелюсь предположить, что через год по городу будет носиться целый выводок черноволосых грозодских ребятишек. – Вогт усмехнулся. – Что он здесь делает? Приглядывает за тобой или у него какое-то другое задание?

– Кто рассказал вам обо мне? – со злостью спросила я. – Уолтер? – Мне вдруг захотелось выдать этого мерзкого старикана.

Лицо Вогта на миг приобрело озадаченное выражение.

– Ты о том старом извращенце, который постоянно дежурит у ворот? А он-то здесь при чем?

– Он участвует в ваших махинациях, – заявила я. – Вы не так уж умны, и я заметила. Он привлекает к себе больше внимания, чем конь перед случкой.

Недоумение Вогта быстро сменилось веселостью. Он горланно расхохотался.

– Ты ведь не о его контрабандном самогонном дистилляторе говоришь? Он гонит бренди в одном из старых подземелий! У этого идиота же совсем нет мозгов... причем буквально. – Вогт снова рассмеялся. – Ты что, подумала, будто мы отправили шпионить за тобой этого полудурка? Мне даже страшно за Правосудие, если он не смог найти себе в помощники никого поумнее тебя.

От насмешек Вогта меня обуял гнев.

– Если вы мне навредите... – сказала я. Мне хотелось пригрозить ему, но на деле мои слова прозвучали немощно.

Вогт закатил глаза.

- Тогда на меня обрушится вся тяжесть правосудия Императора. Конечно, конечно, - ехидно оскалился он. - Брось, девка, рассказывай уже, что он знает. И не думай, что служба Правосудию спасет тебя от моего особо пристального внимания.

На этот раз я промолчала. В свое время я наслушалась всевозможных угроз и оскорблений. Я знала, что была сильнее своего страха. Я обещала себе: что бы ни случилось, я ничего не выдам, пока из меня не вытянут это силой. Я бы не смогла посмотреть в глаза Вонвальту и Брессинджеру, если бы не попыталась удержать подробности нашего расследования в тайне. Ирония заключалась в том, что Вонвальт прежде уже говорил мне, как поступать, если мне станут грозить пытками. Он велел мне просто рассказать моим пленителям все, что я знаю, потому что они все равно выпытают у меня правду.

Вогт, похоже, разозлился.

- Ты испытываешь мое терпение, девчонка. - Он встал и подошел ко мне. Я инстинктивно вжалась в кресло и отвернулась, но это не помогло. Оглушительный удар пришелся мне по лицу. Мою голову пронзила резкая боль. Одно из колец Вогта рассекло мне щеку; кровь немедленно потекла из раны и заляпала мою ночную рубашку.

Я этого ожидала и уже решила, что никак неотреагирую. С моих губ помимо воли сорвался короткий вскрик, но дальше я лишь продолжала сидеть и безучастно смотреть в пол, не обращая внимания на текущую кровь. Вогт тяжело вздохнул, вернулся к своему креслу и снова сел за стол.

- Расскажи мне, что он знает. Расскажи мне, зачем ты здесь. Возможно, ты еще останешься в живых, если ответишь на мои вопросы.

В дверь постучали. Вогт стиснул зубы.

- Ну что еще?

Дверь отворилась. Я ощутила, как кто-то неуверенно мнетя на пороге.

- Говори уже! - сказал Вогт.

- Обенпатре желает вас видеть...

- Боги милосердные, - сказал Вогт, вскакивая на ноги. - Закрой свой безмозглый рот, кретин!

Что ж, значит, Фишер все же был в этом замешан.

- Отведи ее в камеру, - рявкнул Вогт, гневно махнув рукой в мою сторону.

- Идем, - грубо сказал мне вошедший. Я увидела, что он был одет в пурпурную монашескую рясу. Он взял меня под руку, вывел из комнаты и повел по влажному коридору. Я увидела, что место, куда меня привели, когда-то было подземельем с темницами - и до сих пор отчасти им оставалось. Но, как и кабинет Вогта, многие камеры были переоборудованы. Там, где раньше находились крепкие железные прутья, теперь стояли

деревянные перегородки и двери. Несмотря на поздний час, я заметила, что в некоторых еще горели свечи, и их свет просачивался в щели между дверьми и косяками. Еще я слышала разные звуки, в том числе натужные вздохи и театральные, притворные стоны опытной куртизанки.

Эти комнаты, конечно же, предназначались не мне. Меня отвели в ту часть подземелья, которая еще оставалась темницей, влажной и вонючей. В одной из камер побольше под соломой лежали двое, каждый в своем углу, подальше от решетки. Меня швырнули внутрь, и я, ойкнув, приземлилась на холодные каменные плиты. Затем за мной заперли решетку, и стражник, не сказав ни слова, ушел.

Света здесь почти не было, поскольку ближайšie светильники остались за углом. Когда я убедилась, что стражник отошел достаточно далеко и что ни один из накрытых соломой силуэтов не собирается шевелиться, я поползла к одному из них, чтобы рассмотреть моих сокамерников.

Резкое шипение заставило меня остановиться:

- Не трогайте!

Я развернулась. Второй силуэт в дальнем углу оказался молодой девушкой примерно одного со мной возраста. Она была тощей, чумазой, и от нее исходила ужасная вонь.

- Что? - ошалело спросила я.

- Он мертв, - сказала девушка, кивком указывая на второй силуэт под соломой.

Я попятилась от трупа в углу.

- Кто вы? - спросила я ее, но тут же сама все поняла. Несмотря на два года, проведенные в столь ужасных условиях, черты ее лица остались узнаваемы. - Вы - Санджа Бауэр, - сказала я.

- Откуда вы знаете? - спросила она.

- Мы вас искали, - сказала я.

- Что ж. - Она обвела рукой камеру. - Вот вы меня и нашли.

Ее самообладанию можно было позавидовать. Несмотря на то что она многие месяцы провела в плену, у нее получилось упрямо сохранить присущее дворянам достоинство.

- А вы - секретарь Правосудия? - спросила она.

Я озадаченно нахмурилась.

- Откуда?..

Она кивком указала на выход.

- Стражники. Они рассказывают мне, что происходит. - Увидев на моем лице удивление, она пожала плечами. - Сделать-то я с этими сведениями ничего не могу.

Я покачала головой.

- Я... Я не ожидала... Вы кажетесь такой спокойной.

Она снова пожала плечами.

- Я здесь уже несколько лет. Такая у меня теперь жизнь. Я не все время провожу в темнице - неделю тут, две недели там, в зависимости от моего «поведения» и прихотей моих пленителей. В эту камеру меня снова посадили лишь несколько недель назад. До этого я жила в одной из комнат; там были книги, которые мне разрешали читать. Порой они довольно хорошо со мной обращаются, учитывая, что я пленница.

Я окинула взглядом грязную, дурно пахнущую девушку и заподозрила, что она лжет. Возможно, она считала меня шпионкой Вогта, которую подослали, чтобы испытать ее.

- Что-то не похоже, чтобы с вами хорошо обращались, - сказала я.

Она горько рассмеялась и указала на свою замызганную одежду.

- Это... это для моей же защиты. Здесь, внизу, мужчины играют в карты и развратничают. Кто-нибудь выпьет бурдюк вина, а потом ходит и ищет, куда бы присунуть свой маленький хер. Но когда я в таком виде, ко мне не подойдет даже пьяница.

Мне оставалось лишь восхититься ее находчивостью. Для девушки, когда-то носившей дорогие одежды и духи и жившей безбедной жизнью, подобное унижение наверняка было невыносимым. Но она все терпела, что говорило о невероятной силе ее духа.

- Что это за место? - спросила я. Я шептала, но Санджа отвечала обычным голосом.

- Отсюда они управляют своей маленькой империей, - сказала она. - Фишер, Вогт и мой отец.

- Нема, - выдохнула я. - Мы были правы.

- В чем?

- Во... всем. Мы расследовали убийство вашей матери, - прибавила я, не подумав. Я предполагала, что она знает. Ведь обо всем остальном она уже знала. Но Санджа внезапно переменялась в лице, так же резко, как падает подъемный мост, у которого обрубил цепи.

- Что? - дрожащим голосом спросила она.

Я мысленно обругала себя тысячью проклятий, но сказанных слов было не вернуть.

– Казивар меня побери. Простите, – сказала я. Прозвучало это довольно жалко. – Я... думала, что вы знаете.

Эта новость лишила ее выдержки так же быстро, как профессиональный карманник лишает своих жертв денег. Мне потребовалось много времени, чтобы ее утешить. В какой-то миг один из стражников подошел, чтобы посмотреть, что происходит, и я вся напряглась от ужаса. Однако он, увидев, что Санджа плачет, не повел и бровью, словно это случалось постоянно. Я вдруг подумала, что она, наверное, переносила свое заключение вовсе не столь мужественно, как пыталась показать.

Прошел приблизительно час, а может, и больше, и лишь тогда Санджа снова смогла говорить. Все это время она лежала, уткнувшись лицом в вонючую солому, и безутешно рыдала, однако ее слезы наконец иссякли. Когда Санджа снова посмотрела на меня, она разительно изменилась. Я больше не видела дерзкую, беспечную пленницу, давно смирившуюся со своей участью. Передо мной оказалась напуганная юная девушка, чью душу разбили на мельчайшие осколки и последние запасы сил которой были истощены.

– Мне очень жаль, – должно быть, в сотый раз сказала я.

Она жестом попросила меня замолчать.

– Я все гадала, – произнесла она. Теперь ее голос звучал тихо, едва слышно. – Примерно месяц или два назад что-то произошло. Поднялась какая-то... суматоха. Стражники стали по-другому ко мне относиться. Все о чем-то шептались, срывались друг на друга. И... вы подумаете, что я сошла с ума, но у меня было ужасное предчувствие. Я почувствовала, что ее больше нет. Что небольшая частичка меня исчезла, словно кто-то... – она показала, будто пальцами сжимает фитиль, – ...погасил огонек свечи.

– Она наверняка не знала, что вы здесь, – сказала я.

Санджа покачала головой.

– Она знала. Не представляю, какими неправдами и угрозами отец заставил ее молчать. Но он уже давно сломил ее дух. А она и раньше не отличалась мужеством.

Я представила, как Бауэр говорил своей жене, что Фишер и Вогт убили ее сына и сделают то же самое с дочерью, если она хоть что-нибудь скажет.

Мы снова притихли. Несмотря на множество имевшихся у меня вопросов, я не хотела давить на нее. Я принесла Сандже одну из самых худших вестей, какую только может получить человек, причем сделала это небрежно, не подумав.

– Вы говорили, что это дело расследует Правосудие? – наконец спросила она. – Какую бы боль ни принесло мне это преступление, его вряд ли можно возвести в ранг государственных.

– Мы занимаемся самыми разными делами, – сказала я, осознавая, что говорю словами Вонвальта, – от мелкого воровства до государственной измены.

Санджа хмыкнула.

- Его приезд точно заставил разбежаться самых трусливых. И как продвигается ваше расследование?

Я обвела рукой камеру. Несмотря ни на что, Санджа громко хохотнула, но сразу же притихла, подавленная горем и чувством вины. До и после того дня я неоднократно видела, как люди получают вести об утрате дорогого, любимого человека. Я знала, что способов справиться с горем было столько же, сколько людей на земле. Некоторые падали навзничь, другие начинали смеяться от потрясения и не могли остановиться. Сандже, похоже, была свойственна та реакция, которую я считала наиболее распространенной: сначала она поддалась горю, но затем ее разум на время прояснился. Самая гнетущая тоска должна была охватить ее лишь в грядущие дни.

- Как убили мою мать?

- Ее ударили по голове, - сказала я. - Мы не знаем, кто именно это сделал, - прибавила я затем, предваряя ее следующий вопрос. - Впрочем, мы думаем, что это был не ваш отец.

Санджа усмехнулась. На ее лице читалась горечь.

- Почему?

Я потрепала подол своей ночной рубашки.

- Этого мы тоже не знаем, это лишь догадка.

- Не очень-то много вы знаете, - с толикой раздражения сказала Санджа.

- Мы знаем достаточно, - сказала я, сама немного вспыхив. - Я же здесь, разве нет?

- А где Правосудие?

- Гораздо дальше, чем мне бы хотелось, - буркнула я. - Вы знаете человека по имени Фенланд Грейвс?

- Я видела его раньше. Он работает в казначействе, один из самых доверенных людей моего отца.

Я кивнула.

- Мы допрашивали людей в Долине Гейл. Следы привели нас к нему.

- И что же он сказал в свое оправдание?

- Немногое, - сказала я. - Он мертв.

- И поделом ему, - со злостью сказала Санджа. - Что с ним случилось?

- Наш пристав убил его.

- Грозодец?

Я помедлила.

- А вам действительно многое известно, - настороженно сказала я, и выражение ее лица изменилось. Я вдруг осознала, что одна монастырская девчонка меня уже одурачила. Мог ли это быть очередной изощренный обман? Передо мной точно сидела Санджа Бауэр, любой смог бы разглядеть в ее лице отцовские черты. Но, возможно, заговорщики каким-то образом переманили ее на свою сторону? Вонвальт рассказывал мне истории, когда жертвы похищений влюблялись в своих похитителей, причем настолько, что даже защищали их на суде.

- Вы меня подозреваете, - ошеломленно сказала Санджа. Она вцепилась в свои отвратные одежды. - Посмотрите на меня. Принюхайтесь, ради Немы, если вы каким-то чудом еще ничего не почувствовали. Неужели вы думаете, что я стала бы так издеваться над собой, если бы могла этого избежать?

Я хмыкнула, не обращая внимания на ее страдальческий вид. Мое дружелюбие вдруг куда-то испарилось.

- Пожалуйста, - взмолилась она. - Послушайте, неужели вы думаете, что если бы они хотели вытянуть из вас сведения, то стали бы тратить время на подобный обман? Что они воспользовались бы мной как приманкой? Да они бы жгли вас каленым железом. Они знают, что круг сужается. Они привлекли слишком много внимания к себе и к монастырю. У них нет ни времени, ни терпения, чтобы изощряться и обманывать.

- Нет, - сказала я. - Нет, я так не думаю. Они не станут пытаться меня. Они не посмеют. По крайней мере, пока рядом Правосудие. Он знает, что я здесь, и он знает все ключевые фигуры этой игры. Если они причинят мне вред или убьют, то потеряют единственный рычаг давления на него. - Только произнесла эти слова, я в полной мере осознала их правдивость. Да, я была в плену, но только и всего. Пусть Вогт и ударил меня по лицу, но я сомневалась, что он пошел бы дальше. Я потрогала рану - она болела и в таких условиях могла быстро загнить. Нужно было промыть ее вином.

- Послушайте, - с растущим отчаянием сказала Санджа. - Я же вам говорила, что стражники кое-что мне рассказывают. Вы прибыли в город перед праздником Зимних Холодов, верно? Они говорили, что Правосудие приехал со своими слугами - грозодским мечником и милостивой девушкой-секретарем. Больше они мне ничего не рассказали, лишь то, что Правосудие расспрашивал людей по всему городу. Я только видела, что они этим напуганы.

- Ага, - сказала я.

- Я не шпионка! - внезапно с жаром воскликнула она и всплеснула руками. - И плевать я хотела, будете вы со мной говорить или нет. Вы, похоже, все равно ничего толком и не знаете.

Она отвернулась от меня и улеглась. Я долго на нее смотрела.

- Расскажите мне, как вы здесь оказались, - наконец сказала я.

- Ой, если вы думаете, что я стану с вами разговаривать, то можете катиться к Казивару, - сказала она.

Я сделала глубокий вдох и кивнула.

- Хорошо, - сказала я, затем тоже улеглась и закрыла глаза. Я ощутила пару уколов совести, но мне нужно было действовать осмотрительно, ведь я уже испытала на себе хитрость Фишера и Вогта. Так что с этой минуты обмен сведениями между мной и Санджей мог происходить лишь в одну сторону - от нее ко мне.

* * *

В какой-то миг я все же уснула и проснулась, когда стражник принес нам еду. На вид ничего не изменилось. Нашу камеру все так же плохо освещал все тот же светильник за углом. Естественный свет сюда не попадал.

Мы забрали еду и начали есть. Она оказалась лучше, чем я ожидала. Хлеб был немного черствым, но не плесневелым, и нам даже дали по сосиске и немного сыра.

Проведя минут десять в неловком молчании, Санджа заговорила так, словно с нашего последнего разговора не прошло ни минуты.

- Все случилось несколько лет назад, - сказала она. - Мой брат умер от оспы. - Я прикусила язык, чтобы ничего не сболтнуть. - Я была совершенно.. безутешна. Можно сказать, обезумела от горя. Мы с братом были близки. - Санджа замолчала, и я на миг подумала, что сейчас она снова разрыдается. Но она смогла сохранить самообладание. - Отец предложил мне провести какое-то время здесь, помолиться в храмах. Прихожанам разрешают посещать монастырь; он не такой закрытый, как некоторые.

- Я знаю.

- Мне не очень этого хотелось. Я не особенно верю в имперских богов, да и в любых других богов тоже. Но я все же пришла. И в ту же ночь за мной пришли они. Люди Вогта. И Фишера. Ну или чьи-то еще. Мой отец что-то не поделил с Вогтом, и Вогт подал на него жалобу шерифу. Я думала, что он просто мстит, и не скоро поняла, что стала заложницей. Не думаю, что отец тогда работал с Вогтом. Скорее всего, это началось уже после того, как меня похитили. И пока я жива, он будет плясать под их дудку, чтобы со мной ничего не случилось.

- Вы знаете, чем занимался ваш отец? Судя по записям, их размолвка состоялась из-за партии зерна, но Вогт отозвал жалобу, и расследование так и не провели.

- Я не знаю, - несчастным голосом сказала Санджа. - Мне никогда не рассказывали подробности. Мне лишь известно, что они занимаются самыми разными делами, но почти все связаны с перевозкой товаров. Я так устала от этого места. Я боюсь, что потеряю рассудок. Я подхвачу оспу от всех тех несчастных, которых они сажают ко мне. Раньше они позволяли отцу видеться со мной, чтобы он мог убедиться, что я жива. Теперь же у меня отняли и эту малость. Впрочем, я ненавижу отца. Видит Нема, я ненавижу его. Посмотрите, в какое ничтожество он меня превратил!

- Правосудие вернется и спасет нас, - неловко сказала я.

Санджа еще немного порасспрашивала меня. Я по капле выдавала ей некоторые наименее секретные подробности. Я все еще оставалась настороже, но не видела вреда в том, чтобы поделиться с ней кое-какими мелочами. Кроме того, она не ошибалась, говоря, что, если бы наши пленители захотели выудить из меня сведения, им не пришлось бы долго думать, как это сделать.

Время шло. Санджа вспоминала свою прежнюю жизнь и мать и вскоре затосковала. Я пыталась увести разговор в сторону, лавируя промеж тем, которые могли ее расстроить, подобно капитану, который проводит корабль между айсбергов. Впрочем, получалось у меня из рук вон плохо, и большую часть времени я лишь утешала девушку, которая столь многое потеряла.

Я не знаю, как долго пробыла в той темнице. Стражники не разговаривали с нами, и по тому, как часто они приносили нам еду, мы могли приблизительно судить, сколько прошло дней. Вскоре мой режим сна тоже сбился, и я окончательно потеряла счет времени.

А затем, пробудившись от очередного беспокойного сна, я увидела, как у решетки стоит стражник. Моя щека больно запульсировала.

- Выходи, - сказал стражник. Санджа спала в углу - или, скорее всего, притворялась, что спит.

Смысла сопротивляться не было. Я позволила стражнику крепко взять меня под руку и вывести из камеры за угол. На этот раз он не надел мне на голову мешок. Вместо этого он повел меня по узкой, плохо освещенной винтовой лестнице. Я гадала, насколько глубоко под землю уходит фундамент монастыря.

- Мне нужно промыть рану на щеке, - сказала я. Рана была горячей на ощупь. - Я подхвачу оспу, если этого не сделать.

- Заткнись, - сказал стражник.

Мы добрались до подножия лестницы. За проходом я увидела просторное подземелье с низким потолком и ребристыми сводами. Его освещали настенные светильники. Пол был выложен каменными плитами, влажными и покрытыми плесенью. Пока мы спускались, я увидела, что в глубину этот зал уходил на десятки или даже на сотни ярдов.

Там стояли четверо мужчин. Одним из них был Вогт. Еще двое держали оружие и были облачены в легкие доспехи. Их я не узнала.

А затем я закричала.

Четвертым, окровавленным и избитым, был Матас.

XXII

Украденная жизнь

«Двуглавый волк видит в обоих направлениях».

Старая сованская пословица

- Нет! - завизжала я и отчаянно попыталась вырвать мою руку из хватки стражника, но не смогла. Вместо этого он притянул меня к себе и чуть не раздавил, обхватив руками.

Матас был одет не в ливрею городской стражи. Вместо нее на нем были простые темные одежды. Один глаз Матаса был закрыт и стремительно темнел. Судя по разбитой губе, его челюсти тоже досталось. Казалось, что он оглушен и ничего не соображает, но я поняла, что он видит и узнает меня.

- Отпустите его! - верещала я.

- Заткнись! - рявкнул Вогт. Он был взвинчен, словно не полностью владел ситуацией.

- Хелена, - пробормотал Матас. Он улыбнулся мне. О, у меня до сих пор щемит сердце, когда я вспоминаю ту улыбку.

Один из людей Вогта ударил его.

- Закрой рот, недобиток, - рявкнул он.

- Прекратите! - кричала я. - Пожалуйста!

- И ты закрой рот! - Тот, кто ударил Матаса, теперь заорал на меня.

- Нема, да заткнетесь вы все или нет?! - отрызнулся Вогт. Он повернулся ко мне. - Мы нашли его, когда он пытался прокрасться куда не следовало, - сказал он. - Это ведь твой кавалер, верно?

- Он здесь вообще ни при чем, - сказала я. По моему лицу потекли слезы. - Пожалуйста...

- Прекрати, - сказал Вогт, поднимая руку. - Прекрати. Он никуда не денется, так что хватит умолять. А теперь слушай. Это - счастливая случайность. Я могу выяснить у тебя все что хочу, и мне даже не придется поднимать на тебя руку... снова. - Последнее слово он прибавил, ухмыляясь. - Итак, расскажи мне, что известно Правосудию. Расскажи мне все о расследованиях, которые он ведет. Если расскажешь, твой мальчишка выживет. Если нет - он умрет. Все очень просто.

- Ничего им не говори! - из последних сил закричал Матас, заработав за это пинок.

- Нема, ну и парочка, - сказал Вогт стражникам. Те подобострастно заржали. - Даю тебе последний шанс, девчонка.

- Мы не знаем! - закричала я сдавленным от горя голосом. - Мы ничего не знаем о том, чем вы здесь занимаетесь.

- Эмилия сказала то же самое, - подал голос один из стражников.

- Чтоб тебя, Бродерик, закрой свой рот, пока я не вырвал тебе язык и не засунул его Казивару под хвост! - заорал Вогт. Затем он снова повернулся ко мне. - Вы расследуете смерть леди Бауэр.

- Да, - сказала я.

- И вы совсем ничего не выяснили?

- Мы знаем, что из городской казны в монастырь поступают большие суммы денег, - сказала я. - Больше, чем можно законно обосновать.

- И?

Я лихорадочно думала. Пыталась сообразить, как сказать столько, чтобы ему было достаточно, и при этом не выдавать всего, что мы выяснили.

- Мы думали, что за этим стоял Фенланд Грейвс, - выпалила я.

Вогт посмотрел на меня. Затем он рассмеялся.

- Нема, да от вас, законников, вообще никакого толку, да? Вы думали, что все устроила эта безнадежная куча навоза? - Он расхохотался, и стражники - двое, что держали Матаса, и тот, что держал меня, - присоединились к нему.

- Да, и теперь он мертв, - огрызнулась я.

Вогт тут же переменился в лице.

- Да, - сказал он. - Убит твоим господином, верно?

Я прикусила язык с такой силой, что ощутила вкус крови. Как же глупо с моей стороны было пытаться уязвить его!

– Итак, – недобро оскалился Вогт. – Убит Правосудием. Есть в этом какая-то ирония, разве нет? – Когда я не ответила, он рывкнул: – Говори, девчонка!

– Грейвс напал на нашего пристава, – сказала я. В тот момент объяснение казалось разумным. – Его убили в ходе самообороны.

– И знаем мы это только с твоих слов, не так ли? – сказал Вогт.

– Клянусь, все так и было, – сказала я.

– Самооборона, значит? – спросил Вогт. Он переменялся в лице. Уголок его рта приподнялся, словно он обдумывал сказанное. – Что ж, наверное. Грейвс всегда был дураком. А вот тебе еще один пример самообороны.

Я не осознавала, не хотела осознавать, что происходит, пока не стало поздно. Вогт вытащил из ножен на поясе короткий меч, несколькими быстрыми шагами подошел к Матасу и вонзил клинок ему в живот.

– Нет! – закричала я. У меня подкосились ноги. Державший меня стражник разжал руки, когда я безвольно на них повисла.

– Матас! – выла я, подползая к нему. Я слышала, как остальные смеются. По сей день меня потрясает то, что люди способны на подобную жестокость.

Они отпустили Матаса, и он, прерывисто дыша, упал на пол, в растекающуюся лужу собственной крови. Вогт что-то кричал мне, но я не могла разобрать слов, даже если бы и хотела. Все растворилось в тумане страдания. Казалось, что мечом пронзили не Матаса, а меня.

Я подобралась к нему. Меня никто не останавливал. Я приподняла голову Матаса и притянула к себе, безудержно рыдая. За мою жизнь я сотни раз думала о той минуте. Столь непоправимое горе часто остается в памяти неизгладимым клеймом. Даже множество лет спустя оно может заставить меня расплакаться. Матас был хорошим парнем, искренним и с добрым сердцем. Для меня было бы честью стать его женой. Наша жизнь могла сложиться совсем по-другому.

С каждым выдохом Матас ужасно хрипел, и я не сразу сообразила, что он пытается что-то прошептать мне на ухо.

– За тобой... есть проход, – запинаясь, говорил он, с каждым словом превозмогая боль. – Через него я попал сюда. Он ведет... в предгорья. Ты должна бежать, Хелена. Оставь меня. Мне конец... но для тебя надежда еще есть.

– Не говори так, – сказала я. – Не говори. Мое место здесь, с тобой. Не заставляй меня уйти... я с самого начала должна была остаться с тобой.

Я снова и снова целовала его в висок и в лоб, словно могла таким образом залечить рану.

– Хелена, пожалуйста... Ради меня... Ты должна бежать. Найди грозодца... и сэра Радомира. Пусть они приведут врача. Если успеешь вернуться с подмогой, может быть, они успеют спасти меня.

Тогда я не понимала, что Матас просто пытается заставить меня убежать. Он сообразил, что добьется этого, только если скажет, что его еще можно спасти. Он прекрасно понимал, что не переживет такого ранения. Так странно; после я долгое время злилась на Матаса за то, что он заставил меня бросить его, ведь тогда я была уверена, что мне нужно остаться с ним. Но, конечно же, он был прав. Вот бы просто убил и меня тоже – и хотя в тот миг я бы обрадовалась смерти, она была бы совершенно бессмысленной.

– Я тебя люблю, – лихорадочно шептала я ему на ухо. Я хотела, чтобы Матас это знал. Он должен был знать, что все было не напрасно. – Я тебя люблю.

– Я... тоже люблю тебя, Хелена. А теперь, пожалуйста, уходи. Беги в конец подземелья. Там есть... – он сдавленно застонал, – ...дверь, которая ведет на винтовую лестницу. Убегай, ради меня, Хелена.

Я снова его поцеловала. Люди Вогта, стоявшие вокруг нас, начали приближаться; видимо, они сообразили, что Матас говорит мне не просто прощальные слова.

– Ну все, хватит, – грубо сказал один из них и потянулся, чтобы схватить меня за руку. Но прежде чем он успел прикоснуться ко мне, я оттолкнулась от пола, развернулась и изо всех сил побежала в другой конец подземелья.

Сзади до меня донеслись удивленные возгласы, а затем и крики. Совсем скоро я услышала ругань и звуки погони, но я не смела обернуться. Еще за много лет до этого я усвоила, что оборачиваться нельзя. Если кто-то действительно мог меня поймать, то это бы случилось несмотря ни на что. Оборачиваться почти всегда было бессмысленно.

Очень скоро свет остался позади и сменился полумраком. Я вбежала в дальнюю, плохо освещенную часть подземелья. Впереди в стене я заметила черный прямоугольный провал – это был выход, о котором говорил Матас. Когда я добежала до него, тьма вокруг стала совсем непроглядной.

Люди Вогта продолжали погоню, но они, скорее всего, были чуточку пьяны, грузны и не горели желанием бегать за мной – даже несмотря на яростные проклятия Вогта. Благодаря моим скорым ногам их пыхтение очень скоро стихло почти полностью. В Мулдау я уяснила еще один урок – нужно было продолжать бежать даже после того, как опасность, казалось бы, миновала. Я влетела в черную дыру, похожую на распахнутую пасть огромной змеи, и стала спускаться по спиральной лестнице настолько быстро, насколько смела.

Лестница привела меня в длинный ровный каменный коридор, но поняла я это лишь тогда, когда прошла его до конца, шатаясь и спотыкаясь, как слепая. Я больше не слышала моих преследователей и не видела выдавшего бы их мерцания факелов, так что ту часть пути я проделала медленным, судорожным шагом. Подобная задержка казалась мне непростительной; всю дорогу я

рыдала, но я не могла позволить себе поспешить, оступиться и сломать ногу. Если бы это произошло, то исход был бы таким же, как если бы я осталась с Матасом.

Наконец я дошла до низкого каменного дверного проема, который вел на еще одну крутую винтовую лестницу. Здесь я уже ощущала холодные вздохи ночного ветра, гулявшие по туннелю, а едва просачивавшийся туда лунный свет указывал на то, что я уже почти добралась до выхода.

Казалось, что прошла целая вечность, но наконец я вышла в морозную тьму. Мне понадобилось несколько секунд, чтобы сориентироваться и понять, что я очутилась в предгорьях, как мне и обещал Матас. Я резко развернулась и посмотрела на вход в туннель. Он был искусно скрыт среди камней, и заметить его мог лишь очень внимательный наблюдатель.

Внизу, у подножия холма, простиралась Долина Гейл. До города было совсем недалеко. Я побежала по мерзлой, твердой земле к северным воротам. В тот час они были заперты и их стерегла стража – впрочем, ворота были в таком состоянии, что ни первое, ни второе не смогло бы остановить настойчивого лазутчика.

– Кто идет? – спросил привратник, когда я заколотила руками по тяжелым, укрепленным деревянным воротам.

– Хелена Седанка! – крикнула я. – Помощница сэра Конрада! Мне нужно немедленно поговорить с сэром Радомиром! Произошло убийство!

– Проклятье, – проворчал стражник, и меньше чем через минуту мы уже мчались по улицам на серой верховой лошади.

– Дорогу! Осторожнее! – несколько раз выкрикивал привратник, и другие стражники отскакивали в сторону. Вскоре мы добрались до здания стражи. Мне стало легче, когда я увидела, что в окнах горит свет. Здание казалось мне маяком правосудия в этом беззаконном мире.

Я спрыгнула с лошади и ворвалась внутрь.

– Забодай меня Нема, что случилось? – спросил дежурный сержант.

– Мне нужно немедленно поговорить с сэром Радомиром! – закричала я.

– Он уже спит, – сказал сержант, нахмурившись. – Объясните, в чем дело. К вам кто-то приставал?

– В монастыре было совершено убийство, и скоро произойдут новые, если вы сию же секунду не позволите мне поговорить с сэром Радомиром! – прогремела я.

– Казивар, что за шум вы тут устроили? – спросил еще один стражник, входя внутрь. – А, мисс Седанка. Жоржи, это же секретарь Правосудия. Что случилось, мисс?

Я была готова рвать на себе волосы.

– Хелена? – с верха лестницы донесся знакомый голос сэра Радомира. Он спустился, грохоча тяжелыми сапогами. Снизу, до пояса, он был одет в униформу стражи, а сверху на нем была простая белая ночная рубашка. – Боги, что с вами случилось?

– Монастырь! – закричала я. Я едва могла говорить и задыхалась от ощущения собственного бессилия. – Они закололи Матаса. Это Вотт! И Фишер с ним заодно! Вы должны пойти туда, скорее!

– Нема! – выругался сэр Радомир. Он повернулся к стражнику. – Бей тревогу. Нужно собрать десятерых бойцов. Чтобы через две минуты они были в доспехах, вооружены и готовы выдвигаться. Быстро, готовьте лошадей и мечи! А еще разбудите Макуиринка и пристава Правосудия. Шевелитесь!

Онемев, я стояла и смотрела, как вокруг меня поднимается организованная суматоха. Зазвонил колокол, своим громом разогнавший ночную тишину. Вокруг засуетились солдаты, хватавшие из оружейной мечи, пики, нагрудники и шлемы. Снаружи до меня донесся стук копыт по брусчатке. Совсем скоро небольшой отряд стражников собрался у здания и оседлал коней. У некоторых в руках были факелы; оранжевое пламя мерцало и плясало в холодной ночи. Сэр Радомир жестом велел мне сесть за ним и крепкой рукой втянул меня на коня. Я прижалась к его холодной кирасе, и он пришпорил коня. И вот я снова понеслась по Долине Гейл, на этот раз в противоположном направлении.

– Расскажите мне, что произошло, – крикнул он мне через плечо.

Я попыталась объяснить, что смогла. Из-за суматохи мне было трудно сразу облечь все мои мысли в слова. Но сэр Радомир быстро сообразил, что к чему.

– Нема. Жаль, сэр Конрад сейчас не здесь. Одним богам известно, как далеко на юг он уехал. Хорошо хоть Брессинджер рядом.

Мы промчались по северной части города и выехали за ворота. Отсюда мы поехали медленнее, потому что путь к возвышавшемуся над нами монастырю был темным и извилистым. Впрочем, лошади скакали уверенно и хорошо знали дорогу, так что мы добрались до места всего за несколько минут.

– Сюда, – сказала я, указывая на потайной выход, по которому сбежала. Сам монастырь маячил в нескольких сотнях ярдов дальше по дороге. – Скорее!

– Вы трое, со мной, – сказал сэр Радомир, указывая на ближайших стражников; затем ткнул пальцем в четвертого. – Ты дождешься врача и Брессинджера. Когда они придут, отправитесь вслед за нами. – Наконец он повернулся к сержанту. – Сержант, отведите остальных к главным воротам. Арестуйте обенпатре Фишера, как только его увидите. Больше никто не должен покинуть монастырь. Ясно?

– Да, сир, – ответил сержант.

Мы спешили, и я повела сэра Радомира ко входу. Я столь спешно перелезала через камни, что сильно ободрала о них руки.

- Нема, не нравится мне здесь, - сказал сэр Радомир и выхватил у одного из бойцов факел. - Ладно, идем. Хелена, держитесь за мной. И говорите, куда идти.

Я, сэр Радомир и три стражника, пыхтевшие и гремевшие доспехами, двинулись вверх по лестнице, в недра монастыря. Скоро мы снова оказались в тускло освещенном подземелье с низким сводом.

Матас лежал там же, где его ранили. Его лицо стало пепельно-серым, а глаза были закрыты. Рядом с ним, застыв на месте, стоял Вогт, потрясенный нашим появлением.

- Какого хрена? - только и смог выдавить он.

- Свяжите его! - рявкнул сэр Радомир. Вогт вздрогнул как заяц, но стражники сэра Радомира вмиг набросились на него, прижали к полу, придавили коленями и сапогами его ноги и бесцеремонно связали ему руки.

Я подбежала к Матасу и рухнула рядом с ним на шершавый каменный пол. Он был без сознания, на коже блестела испарина. Я схватила его за руку и сжала ее, рыдая. Слезы упали из моих глаз ему на лицо.

- Матас, - хриплым, надорванным голосом сказала я. В тот миг его глаза приоткрылись и на секунду сфокусировались на мне.

- Моя Хелена, - сказал он и улыбнулся. Затем его глаза снова закрылись.

На протяжении нескольких секунд я ничего не чувствовала, словно горе мое было столь велико, что разум не мог осмыслить его целиком и сразу. Затем, когда боль внутри меня стала нарастать, готовясь вырваться животным криком, я увидела, как в подземелье вошли люди - те же самые, что притащили меня сюда, вниз. Должно быть, их привлекли крики Вогта, но, как бы они ни храбрились, убивая беспомощного парнишку и издеваясь над девушкой, они ступали лицом к лицу с сэром Радомиром и его городскими стражниками.

- Возьмите-ка, - сказал ближайший ко мне стражник, сунув мне в руки свою пику и доставая короткий меч. Он кивком указал на Вогта, растянувшегося на полу. - И последите за ним, мисс.

Не успела я понять, что происходит, как он, сэр Радомир и остальные стражники бросились вперед и сошлись с новоприбывшими в хаотичном, кровавом рукопашном бою.

Я посмотрела вниз, на Вогта, а он поднял глаза на меня. Я крепче сжала в руках пику. Она была тяжелой, деревянной и длинной - все восемь футов. Ее наконечник блестел в свете ближайшего светильника.

Глаза Вогта расширились, и в них промелькнул страх.

- Даже не думай, девка, - сказал он.

Я посмотрела налево. Несколько человек лежали на полу - два прихвостня Вогта и один стражник. Кровь вытекала из них вместе с жизнью, их стоны и

крики заполнили невысокий зал. Я увидела, как сэр Радомир лишил жизни еще одного, прорубив ему лицо и шею так, словно раскалывал дрова. Шериф орудовал мечом, как топором, жестко и эффективно – навык, который он отточил сначала в Рейхскриге, а затем на улицах Перри Форда и Долины Гейл. В его движениях не было ни тени изящества Брессинджера, но с врагами он разделялся не менее успешно.

Я снова повернулась к Вогту и наставила на него пику. Впрочем, даже тогда я сомневалась, что смогу это сделать. Несмотря на то что желание мое было справедливым, а ненависть и горе пропитывали все мое естество, я все равно не могла заставить себя пронзить острием копья его плоть. Все-таки убийство само по себе противно природе человека, особенно когда жертва беспомощна, как котенок, – хотя и не столь же невинна. Я гадала, что бы подумал Вонвальт, увидь он меня в тот миг. Проявил бы он сочувствие или арестовал бы за убийство? То, что я вообще в этом сомневалась, о многом говорило.

От размышлений меня оторвало какое-то движение, едва заметное во тьме по другую сторону светильника. Я непроизвольно подняла пику, хотя это далось мне с трудом. Моя жажда крови испарилась и сменилась давящим ощущением собственной незащищенности и страха. Пика была громоздкой, и даже не самый ловкий человек смог бы меня обойти.

– Опустит оружие, девочка, – произнес чей-то голос. – А не то тебе же будет хуже.

На свет вышел человек в рясе Ордена святого Джадранко. В его руках был только кинжал, но этого бы хватило, чтобы одолеть меня.

Я выставила пику перед собой, направив ее прямо в сердце незнакомцу.

– Отойдите, – сказала я, но голос мой прозвучал негромко и хрипло. Страх сдавил мне горло. Я понимала, что успею нанести лишь один тычок, которым должна была хотя бы вывести моего противника из строя, иначе он смог бы сократить расстояние между нами и убить меня.

– Ты мне не нужна, – сказал он. – Мне нужен только мистер Вогт.

Он осторожно встал на колени рядом с Вогтом и начал пилить связывавшие его путы.

– Хватит! – попыталась крикнуть я, но слова прозвучали едва слышным шепотом. Пика в моих руках казалась слишком тяжелой. Горе и страх сковывали меня, словно кто-то накинул мне на плечи тяжелые цепи.

Веревки, связывавшие руки Вогта, лопнули, и они оба начали поспешно стягивать те, что опутывали его ноги. Я смотрела, как сбегает убийца Матаса, и ничего не могла поделать. Что хуже, с другого конца подземелья до меня снова донесся звон металла – туда подоспели другие приспешники Вогта, тоже вступившие в бой.

Вогт и его помощник поднялись.

– Дай-ка сюда, – рявкнул Вогт, забирая у того кинжал. Он указал им на меня. – Хорошо. Теперь слушай меня, девка, – сказал он за миг до того, как голова стоявшего рядом с ним человека раскололась от макушки до носа. Вогт вскрикнул и резко отшатнулся, когда кровь брызнула ему в лицо. Человек в рясе рухнул на пол; тот, кто напал на него, вытащил меч из разрубленной головы, и сталь заскрипела о кость.

Это был Брессинджер. За ним стояли еще четверо стражников. Должно быть, они только что прискакали к монастырю и пришли за нами через подземный ход. За ними, сжимая в руках медицинский чемоданчик и явно чувствуя себя не в своей тарелке, маячил мистер Макуиринк.

– Не убивай его! – крикнула я Брессинджеру, который занес меч, чтобы прикончить Вогта. – Он свидетель!

Рука Брессинджера замерла, не завершив удар. Вогт заверещал и рухнул на пол. Стражники с отвращением посмотрели на него.

– Свяжите его, – сказал Брессинджер двоим стражникам, стоявшим позади него, а затем повернулся к остальным. – Вы – со мной. – Они побежали прочь, чтобы присоединиться к бою и сравнять численность сражающихся.

Я выронила пику, радуясь, что могу избавиться от этой тяжести. Вогта впечатали в каменный пол, и я равнодушно смотрела, как ему заново стянули руки и колени, причем с такой силой, что он заплакал как мальчишка. Мистер Макуиринк вышел из теней, миновал меня и склонился рядом с Матасом.

После мне оставалось лишь ждать, когда эта долгая ночь закончится.

* * *

Матас умирал три дня. Вонвальт вернулся на второй. Я сидела в лазарете дома мистера Макуиринка, когда услышала, как на первом этаже в дом вошел Правосудие.

Матас не пошевелился, когда сначала по второму этажу прошелся холодный сквозняк от открытой внизу двери, а затем по дому разнеслись негромкие голоса Вонвальта и Брессинджера. Оказалось, что Вонвальт повернул обратно почти неделю назад. Бауэра нашли, но сделал это не он, а Правосудие Августа. Несомненно желая, чтобы мы поскорее завершили наши дела в Долине, она решила лично выследить беглеца, воспользовалась своими силами и призвала на помощь местных диких животных. Она обнаружила Бауэра в Эстре, одном из трех княжеств, окружавших Сову, которым правил Лука Кжосич, второй сын Императора. Августа лично конвоировала Бауэра в Долину Гейл, заручившись помощью имперских солдат из путевого форта в Греше. Ожидалось, что они придут в город со дня на день.

Мистер Макуиринк сделал для Матаса все, что мог, – он промыл и перевязал рану и уложил его на одну из постелей в лазарете. Но Матаса ранили мечом в живот. Лишь благодаря его молодости и, возможно, удачному углу удара он еще оставался на грани жизни и смерти. Я держала его за руку и утирала пот со лба, но он то проваливался в беспамятство, то недолго метался в горячечном бреду, и в глубине души я понимала, что он не выживет.

– Мне жаль, Хелена, – услышала я голос Вонвальта.

Я повернулась и увидела, что он стоит в дверях, румяный от холода, высокий и внушительный, в одежде под стать и в тяжелом плаще. От него исходил холод, и он был весь забрызган грязью.

Я снова повернулась к Матасу. Признаю, мне было трудно не винить Вонвальта.

– Мне сказали, он пришел туда, чтобы найти тебя, – негромко сказал сэр Конрад. – Не сомневаюсь, им двигали любовь и забота. – Вонвальт говорил мягко, и от его слов мне на глаза навернулись новые слезы. – Скоро состоится суд, – сказал он. – Сегодня я получу от Бауэра и Вогта признания...

– Вы думаете, мне не все равно? – рявкнула я. Меня переполнял гнев. Я покраснела, и у меня внезапно закружилась голова. – Вы думаете, все это имеет для меня теперь хоть какое-то значение?

Вонвальт остался на месте. Он смотрел на меня так, будто пытался извиниться одним взглядом, но было ясно, что говорить он ничего не собирается. То ли ему было неловко, то ли он считал, что Матас был допустимой потерей для успеха миссии, то ли и то и другое. Как бы там ни было, я хотела, чтобы он ушел.

– Убирайтесь, – прорычала я. – Я не желаю вас видеть.

Вонвальт кивнул.

– Как скажешь, – сказал он и ушел.

Я рыдала до тех пор, пока не охрипла и не выплакала все слезы.

* * *

Люди приходили и уходили. Я слышала обрывки новостей: что монастырь был распушен, что монахи и монахини были задержаны и ждали допроса, что лорда Саутера арестовали и что Легионы шли на город, дабы восстановить в нем порядок и взять казначейство под стражу.

Все эти сплетни были либо лживы, либо сильно преувеличены. Действительно, пока я днями и ночами дежурила у постели Матаса, люди сэра Радомира

допрашивали всех обитателей монастыря. Эмилию арестовали и посадили в городскую тюрьму. Были совершены и другие аресты, а также несколько драматичных, но коротких схваток, во время которых приспешников Вотта либо убили, либо задержали, после чего казнили в соответствии с законом.

Монастырь не был распущен, но большую часть его деятельности – за исключением той, что была жизненно важна для города, – временно приостановили. Большинству монахов и монахинь запретили покидать кельи и выпускали их только для того, чтобы они могли поесть в общей столовой. Думаю, власти города боялись, что если они окажутся вместе, то сплотятся и взбунтуются, но я понимала, что большинство обитателей монастыря были совершенно безобидны.

Бауэра привезли в тюремной повозке, которую конвоировали имперские солдаты из путевого форта в Греше. Слухи о его причастности к убийству собственной жены распространились по городу как пожар, и я слышала, что, когда лорда везли в городскую тюрьму, толпа освистала его и закидала камнями. Какой бы приговор ни вынес ему суд, в обществе ему точно предстояло стать изгоем.

Санджу Бауэр освободили из темниц монастыря, и она вернулась в дом своей семьи. Сэр Радомир приставил к ней стражников, чтобы те охраняли ее и приглядывали за ней.

* * *

Матас умер на утро третьего дня, так и не придя в сознание. Даже сейчас мне трудно писать эти слова. Я все еще остро чувствую ту боль, которую мне причинила его смерть. Он был моей первой любовью, и его столь жестоко отняли у меня. Я не просто скорбела по нему; я скорбела по той жизни, которую могла провести. Которую мы могли провести вдвоем. Конечно, она прошла бы спокойнее и оказалась бы не столь насыщенной событиями, но она была бы моей, и мы были бы вместе. Из-за того, что у меня отняли возможность выбора – остаться или уйти, – вынести все это было гораздо труднее. Жизнь в моих глазах с тех пор чуточку поблекла и стала казаться менее яркой.

К чести Вонвальта, тем утром он ненадолго прервал свою работу. На кладбище рядом с храмом у городской стражи имелся свой участок земли, и мы провели там короткую службу, во время которой несколько человек, в том числе сэр Радомир и Вонвальт, произнесли короткие речи. Вонвальт также распорядился, чтобы отец Матаса получал пенсию из имперской казны. Вартан присутствовал на прощании, но смерть сына пробудила в нем давно похороненные предрассудки и обиды, и он не стал со мной разговаривать. С этим тоже было непросто смириться.

Я мало что могу прибавить на этот счет. Несмотря на то что я уже стара, некоторые раны никогда не заживают окончательно. Я много лет пыталась подавить эту боль, иногда успешно, но чаще всего нет. Однако я знаю, что

чувствовала к Матасу и что почувствовала – до сих пор чувствую, – когда его не стало. Проливая чернила, я не исцелю эту рану, а лишь заново разберу ее. Поэтому не стану останавливаться на этом дольше, чем необходимо.

Впрочем, даже тогда я не могла долго предаваться моему горю. Конец расследования стал лишь началом более масштабных событий, и, прежде чем завершить ту горестную главу в Долине Гейл, нам предстояло столкнуться с еще большим кровопролитием и новыми утратами.

XXIII

Подготовка к суду

«Крайне важно, чтобы судья не пожалел времени и полностью ознакомился с фактами и тонкостями дела, особенно если оно касается печально известного или всеми ненавидимого обвиняемого. Широкие массы, прознав о малейшей улике, легко приходят в ярость и поддаются желанию немедленно свершить правосудие».

Из «Сованского преступника» Катерхаузера Кодекс: Советы практикующим Правосудиям

Меня разыскал сэр Радомир. Пару дней я безвылазно сидела в трактире. У меня было предостаточно денег, которые прежде редко приходилось тратить. Так что я могла без труда оставаться там какое-то время. Мне хотелось немного побыть одной, предаться горю, а затем подумать, что же делать с моей жизнью дальше. Я не сомневалась, что Вонвальту известно, где я нахожусь. Я особенно и не таилась, и он наверняка хотел убедиться, что я в безопасности. Порой благодаря его присмотру я ощущала себя спокойнее. А иногда мне казалось, что он душит меня своей опекой. Будь Вонвальт кем-то другим, его внимание могло бы показаться пугающим, но я хорошо его знала и понимала, что оно рождено заботой обо мне, а не желанием контролировать каждый мой шаг.

Вот только иногда мне не хотелось, чтобы он обо мне заботился.

Я ожидала, что с разговором ко мне придет Брессинджер, а не сэр Радомир. Шериф тихонько постучал в мою дверь через два дня после смерти Матаса.

– Сэр... Радомир, – запнувшись, сказала я, когда распахнула дверь. Я сразу же страшно смутилась. Несколько дней я почти не мылась и была одета лишь в ночную рубашку. Мои волосы спутались и походили на птичье гнездо. Мне

было бы совершенно начхать, увидь меня в таком виде Брессинджер, но сэр Радомир был нам почти чужим и к тому же являлся офицером на службе города.

- Мисс Седанка, - сказал сэр Радомир, делая вид, что не замечает моего кошмарного вида. - Правосудие Августа...

- Дайте мне минутку, - сказала я, покраснев от стыда.

- Конечное... - начал было он, но я уже захлопнула дверь у него перед носом.

Я забегала по комнате, переодеваясь во что-то более подходящее и расчесывая волосы. В комнате было простенькое зеркало, но я посмотрелась в него лишь мельком и больше не выдержала. Поскольку я несколько дней горевала и почти не ела, мое лицо побледнело и осунулось - а еще я два года провела в дороге, так что на моих костях и так почти не было мяса, из которого можно было бы взять запасы сил. Порез, оставшийся на щеке от удара Вогта, выглядел безобразно, а волосы на одном виске отросли лишь до короткого ежика и не скрывали шрам, которым меня одарил подкупленный Грейвсом стражник.

Решив, что выгляжу более-менее подобающе, я снова открыла дверь. Сэр Радомир стоял в коридоре, прислонившись к стене. Он оттолкнулся от нее, загремев доспехами.

- Правосудие Августа желает побеседовать с вами, - сказал он. - Она в здании суда вместе с сэром Конрадом. Мне сказали, что дело чрезвычайно важное и довольно срочное.

Я напряглась. Видеться с Вонвальтом мне не хотелось, но отказать сразу двоим магистратам Империи я не могла.

- Хорошо, - сказала я и вслед за шерифом вышла из трактира.

Мы быстро зашагали по улицам. Утро было солнечным, и легкий ветерок разносил запахи сточных вод и отбросов.

- Вы поссорились с сэром Конрадом, - заметил сэр Радомир.

- Вас это удивляет? - резко спросила я.

Сэр Радомир покачал головой.

- Нет, ничуть. Не забывайте, Матас ведь был из моих парней.

Я действительно забыла об этом, и мне на миг стало стыдно.

- Вы правы, простите.

Сэр Радомир отмахнулся от меня.

- Я не стану делать вид, будто мне сейчас больнее, чем вам. Но, Хелена, что бы вы ни чувствовали, вы не можете винить сэра Конрада в гибели

парнишки. Поверьте, я скорблю о его кончине, но он сам принял решение пойти за вами.

Я недовольно хмыкнула. Мне не хотелось выслушивать это.

- Вы должны помириться. Правосудие сам не свой. Я не так давно его знаю, но даже мне это заметно. Он рассеян. Сейчас ему необходимо работать с двойным усердием, но помощников у него стало вдвое меньше. Брессинджер делает, что может, но он - грубый инструмент, не предназначенный для тонкой мыслительной работы. Ему привычнее рубить чужие головы, нежели думать своей собственной. Я выделил сэру Конраду столько людей, сколько смог, но они совсем не отвечают его требованиям. Вы нужны ему, Хелена. Иначе он не может думать о деле. Ему нужно, чтобы вы были рядом, работали вместе с ним. Мне кажется, вы не до конца понимаете, как сильно он на вас полагается.

Я помотала головой.

- Вовсе нет.

- А вот и да! - с жаром сказал сэр Радомир. - И ему не хватает не только вашего труда, но и вашего общества. Вы многое для него значите. Конечно, сэр Конрад никогда не попросит вас вернуться. Он слишком уважает вас и ваше решение и ставит ваше счастье превыше собственного. Но я знаю - он очень боится, что ваши с ним отношения испортились окончательно и непоправимо. И, если позволите, мне кажется, что мир правопорядка многое потеряет, если вы решите его оставить.

Я не хотела слушать сэра Радомира, но я не могла пропустить его слова мимо ушей. И, помимо моей воли, они нашли отклик в моей душе, как и слова Брессинджера до этого.

- Я подумаю об этом, - сказала я.

- О большем я и не прошу, - ответил сэр Радомир. Мы подошли к зданию суда. - Идемте, - сказал он, - они в хранилище.

* * *

Вонвальт и Августа забились в темный, плохо освещенный угол огромного подвала здания суда, где хранились все записи. Больше здесь внизу никого не было, лишь полки, заставленные свитками и кодексами, и скамьи для слугителей закона, разыскивающих нужные им прецеденты.

- Хелена, - сказала Августа, когда сэр Радомир оставил меня с ними. - Мне рассказали о твоих приключениях и о твоей утрате. Твоя храбрость и приверженность делу правосудия заслуживают высочайшей похвалы.

- Благодарю вас, - сказала я, не ожидая такого хвалебного натиска.

Августа печально улыбнулась.

- Это жестокая судьба - потерять возлюбленного. Понимаю, что тебе сейчас больно. Но ты можешь найти утешение в том, что его убийца ждет смерть.

- Этим утром мы получили полные признания от всех троих, - мрачно сказал Вонвальт. - От Фишера, Бауэра и Вогта. Потребуется лишь еще немного времени, чтобы составить обвинения. Суд состоится, но это всего лишь формальность.

- Хелена, - серьезным тоном сказала Августа, прервав меня, прежде чем я успела узнать подробности. - Я хочу обсудить сеанс, который вы проводили с Фенландом Грейвсом.

Я содрогнулась. В хранилище будто бы стало темнее.

- Я надеялась забыть об этом, - сказала я.

Августа кивнула.

- Я понимаю, - сказала она, - но... - Она помедлила, подбирая правильные слова. - Твои видения. И сны. Боюсь, они могут оказаться важными.

- Я рассказал Реси о том, что ты видела, - вставил Вонвальт. - О леди Кэрол, душившей двуглавого волчонка. И о вмешательстве Эгракса.

- Ты видела что-нибудь еще? - спросила Августа. Она говорила мягко, но смотрела на меня так напряженно, что мне стало страшно.

- Нет, лишь болото и воронку в небе, - сказала я и описала все настолько подробно, насколько смогла. Когда я закончила, Августа помрачнела. Она откинулась назад и ненадолго задумалась.

- Много лет назад я исследовала записи о загробном мире, хранящиеся в Библиотеке Закона в Сове, - сказала она. - Я читала о Кейне и Великом гвородском Море. Тебе известно, о чем я говорю?

- Я слышала о Кейне, - сказала я, - но не о море.

- Значит, ты не очень-то внимательно слушала мои уроки, - строго сказал Вонвальт. Августа и я не обратили на него внимания.

- В таком случае ты знаешь, что Кейн был Правосудием и одним из самых мудрых и ученых кристов нашего Ордена, - сказала Августа. - Он умер около века назад, но его работы составляют своего рода ядро догм, вокруг которых по сей день строится большинство наших практик. Кроме того, Правосудие Кейн был одним из лучших некромантов Ордена. Легенда гласит, что он мог общаться с умершими так же легко и свободно, как мы сейчас говорим с тобой.

- Я не могу представить ничего более страшного, - сказала я.

Вонвальт и Августа мельком переглянулись.

- Этот процесс не всегда столь неприятен, - сказала она. - Грейвс - редкий случай.

- Великий Мор Гворода - это голод, свирепствовавший в Гвородской степи, - сказал Вонвальт, желая продолжить. - Туча саранчи, столь многочисленная, что она затмевала собой небо, пожрала каждый акр посевов в радиусе пяти сотен миль. Тысячи людей погибли. Мор навсегда изменил саму природу и будущее Гвородской Империи, положив конец династии Гевеннов и позволив Конфедерации Ковы захватить западные города-государства.

- Я не... - начала было я, но Августа прервала меня.

- За год до этого Правосудие Кейн провел сеанс, призвав принцессу Баярму по просьбе ее мужа. Принцесса умерла при родах. Во время сеанса Этракс - Плут, как его называют верующие в неманских богов, - заговорил с Кейном так же, как он заговорил с сэром Конрадом несколько недель назад. Он позволил Кейну заглянуть в будущее, показал... череду видений, если угодно, каждое со своим символическим значением. Смысл этих видений стал понятен лишь много месяцев спустя, когда начался сам мор, и Кейн провел большую часть оставшейся жизни, строя теории об измерении духов и практике предсказаний.

- Предсказаний? - спросила я.

Августа махнула рукой, словно пыталась выхватить объяснение из воздуха.

- Он рассматривал видения и символы и пытался разобрать их на составные части, чтобы понять, что может ждать нас в дальнейшем. Кейн понял, хотя и слишком поздно, что ему позволили заглянуть в будущее. Смерть принцессы Баярмы каким-то крайне незначительным и невообразимо косвенным образом привела к гибели Гвородской империи. А Кейн, проведя с ней сеанс, пересек мост в загробную жизнь и стал свидетелем грядущих великих событий, которые изменили мир. Он называл свою теорию теорией Связанности, считая, что некроманты способны видеть будущее, потому что оказываются связаны с духом исторически значимой личности.

- И Грейвс был такой личностью? - спросила я.

- Грейвс, Бауэр, Фишер, леди Фрост - кто угодно из них мог оказаться значим для истории, - сказала Августа. - Мы говорим о причинно-следственных цепочках, которые уходят корнями в начало времен, и каждое новое ответвление уводит все будущее в новом направлении.

- Но почему леди Фрост? Ведь между тем, что произошло в Рилле, и преступным заговором в Долине нет никакой связи, - сказал Вонвальт Августе.

- Как минимум одна есть, - сказала я.

Вонвальт пристально посмотрел на меня.

- Что? - спросил он.

- Клавер переписывался с Фишером. Я нашла письма, которые были спрятаны в ящике с нижним бельем. В них ясно говорится, что Фишер передавал Клаверу и его храмовникам деньги, которые Бауэр незаконно отправлял в монастырь. - Я пожала плечами. - В первую же ночь, когда я пришла туда, Фишер сам сказал мне, что Клавер посещал монастырь. И то, что Клавер догнал нас на йегландской границе, вовсе не было случайностью. Он искал вас. И Фишер об этом знал.

- Ну и что с того, что Клавер и Фишер переписывались? Клавер наверняка переписывается с большинством обенпатре в Хаунерсхайме, - сказал Вонвальт.

- Но большинство обенпатре в Хаунерсхайме вряд ли руководят большими преступными синдикатами, которые убивают дворян, - заметила Августа. - Если Фишер близок с Клавером, а Клавер близок с твоими врагами, то очень маловероятно, что они оставят Фишера на произвол судьбы.

- А мне это кажется очень даже вероятным. Впрочем, признаюсь, меня тревожит, что Клавер меня разыскивал, - сказал Вонвальт. - В переписке не говорилось, искал ли он меня лично или просто хотел встретиться с Правосудием?

- Я не знаю, - сказала я. - Там было написано просто «имперский магистрат». Но мне показалось, что он стремился разузнать побольше об Ордене.

- Нема тому свидетель, он только и делал, что расспрашивал нас. А я, как дурак, ему отвечал.

- Ты не мог знать, что его интерес вызван преступными целями, - сказала Августа.

Вонвальт вздохнул.

- Не мог. Впрочем, это не так уж и важно - похоже, что Кейдлек все рассказал ему и без нас. Хотя мне кажется, что мы видим связь там, где ее нет.

- Связь есть, и это - ты, - сказала Августа. - Ты один связываешь Рилл с Долиной Гейл.

- Если для связи нужно лишь мое присутствие, тогда я связываю тысячи поселений по всей Империи.

- Подумай хорошенько, Конрад, - сказала Августа. - С какой стороны ни посмотри, все началось в Рилле, разве нет? Ты прервал драэдический ритуал и отказался сжечь жителей деревни, отчего Клавер разгневался. Все происходит из этого. Если бы ты не встретил Клавера или сэра Отмара или если бы ты вообще проехал мимо Рилла, случайно ли или умышленно, тогда деревню, возможно, и не сожгли бы. А есть ли здесь какая-то связь с делом леди Бауэр или нет - во многом это несущественно.

- Есть кое-что еще, - сказала я, - хотя мне тошно вспоминать об этом.

- Что же? - с сочувствием спросила Августа.

- Эмилия, - сказала я. - Девушка из монастыря, шпионка обенпатре Фишера. Она произнесла те же самые слова, что и Грейвс. - Я содрогнулась, вспоминая. Казалось, что мой разум сопротивляется мне, пытаюсь исторгнуть из себя это воспоминание, отринуть его, как лисица пытается вытащить занозу из своей лапы. - Грейвс сказал... «Монастырь - темное место, а меня ждет черное будущее».

Глаза Вонвальта слегка расширились.

- Я помню, - сказал он. - Я помню, как Грейвс произнес эти слова. И, если задуматься, говорил он тогда женским голосом.

- Эта девушка, - сказала Августа. - Она произнесла те же самые слова или просто похожие?

- Те же самые, - сказала я. Мне хотелось плакать.

Августа откинулась назад.

- Это сходится с тем, о чем я говорила. Ты влез в самый центр какой-то истории, - негромко сказала она Вонвальту.

- Пропади моя вера, - пробормотал он, проводя рукой по лицу.

- Видение, в котором леди Фрост душит двуглавого волчонка - Аутуна, - это явное предупреждение о том, что ее смерть дурно обернется для Империи, - сказала Августа. Затем она снова повернулась ко мне. - Возможно, даже приведет к ее разрушению. Когда вы говорили с Грейвсом, тебе показали будущее - или, по крайней мере, возможное будущее. Согласно теории Кейна, ты и сэр Конрад оказались связаны.

Я прокашлялась.

- Но ведь видения наверняка можно толковать по-разному, - сказала я, пытаюсь найти объяснение, которое хотя бы походило на разумное. - Удушение могло означать... даже не знаю, экономическое удушение. Возможно, случится блокада на реке Гейл, или на Кове, или даже в устье у Нефритового моря.

- Да, такая трактовка тоже возможна, - уступила Августа.

- Одно ясно точно, Хелена, - сказал Вонвальт. - Что бы сейчас ни происходило, судя по всему, наши действия здесь, в Долине, могут как-то повлиять на грядущие события.

- Поэтому я и прошу тебя поскорее вернуться в Сову, - сказала Августа. - Ты должен поговорить с магистром Кейдлеком и Императором.

- Я же уже все сказал, разве нет? - ворчливо ответил Вонвальт. - Мы пробудем здесь еще два или три дня, не больше. В этом монастыре много лет орудовал развитый преступный синдикат. Это не пустяк, на который я могу просто закрыть глаза. - Он указал на меня. - От Хелены мы узнали, что

Клавер какое-то время провел с обенпатре Фишером, прежде чем отправился обращать других в свою веру, а сам Фишер передавал деньги саварским храмовникам. С этого момента нам стоит перестать гадать, верно или неверно мы поступаем. То, что Фишер связан с Клавером, может означать, что нам категорически нельзя бросать расследование в Долине и мчаться на юг, в столицу. И с той же вероятностью это решение может оказаться единственно верным. Нам остается делать то же, что и всегда: убедиться в том, что верховенство закона будет соблюдено. Все остальное – справедливость, порядок и цивилизованное общество – произрастает из этого абсолютного принципа.

– Просто еще раз прижми Фишера Голосом и выясни все сейчас, – сказала Августа. – Если между ним и Клавером существует более глубокая связь, ты сможешь сегодня же все выяснить.

– Если я еще раз применю Голос на ком-то из них, их сердца этого не выдержат, – раздраженно сказал Вонвальт. – Они и так уже наполовину мертвы. Им нужно время, чтобы прийти в себя перед судом.

Августа тяжело вздохнула и начала собирать вещи.

– Я изменила планы. Я останусь здесь, в Долине, пока ты не завершишь свои дела, а затем поеду с тобой на юг. Вместе к нашим голосам прислушаются внимательнее, чем по отдельности.

– Делай что хочешь, – сказал Вонвальт.

Августа ободряюще улыбнулась мне и поднялась, собираясь уйти.

– С нетерпением жду возможности провести с тобой больше времени, Хелена, – сказала она. – У тебя талант к нашему делу. Неудивительно, что сэр Конрад взял тебя под свое крыло.

– Благодарю вас, – сказала я, растерявшись от похвалы, но она уже пошла прочь. Вскоре Вонвальт и я остались одни в неловкой тишине.

– Почему Правосудие Августа просто не вернется в Сову сама? – наконец спросила я. – Зачем вы ей вообще там нужны?

Вонвальт поджал губы.

– К леди Августе относятся не так серьезно, как ко мне, – сказал он. – Несмотря на то что мы с ней одного ранга, многие считают ее несколько... чудаковатой.

– Понятно, – сказала я.

– Она умеет общаться с животными, – сказал Вонвальт. – Ее талант к этому намного превосходит способности других Правосудий. Но это повлияло на ее рассудок. Она не всегда была столь одержимой. Когда-то она была гораздо рассудительнее. – Я думала, что сэр Конрад скажет что-нибудь еще на этот счет; возможно, намекнет на то, какие чувства они испытывали друг к другу – все-таки Августа явно осталась в Долине не только потому, что

беспокоилась за Орден. Однако, когда Вонвальт ненадолго погрузился в размышления, стало ясно, что он закончил.

В хранилище снова повисла тишина. Нам так много нужно было сказать, столько прояснить, но времени было совсем мало.

Вонвальт сделал глубокий вдох. Я собралась с духом.

- Я знаю, что ты винишь меня в гибели Матаса. Это можно поня..

- Нет, - прервала его я. Мое сердце сжалось, когда я это сказала. Я покачала головой. - Я вас не виню.

- Причинно-следственная связь здесь все же есть, - сказал Вонвальт. - Если бы я не попросил тебя отправиться в монастырь, он бы не пошел за тобой туда.

- Я ведь могла и не идти, - сказала я. - Я могла отказаться. Я сама сказала Матасу, куда собираюсь, и велела ему не ходить за мной. Я.. - Я с трудом сдерживала слезы. Чувства грозили захлестнуть меня. - Я слишком строго с ним говорила. Мы скверно расстались.

Вонвальт посмотрел на меня и сочувственно поморщился.

- Это, должно быть, тяжело, - сказал он. - Уверен, он не сердился на тебя в конце.

Я кивнула, не доверяя своему голосу.

- Я лишь хочу, чтобы он вернулся, - через некоторое время сказала я и расплакалась.

- Ну же, Хелена, - сказал Вонвальт, вставая. Он обошел стол и присел рядом со мной на корточки. Затем он сделал то, чего я совсем не ожидала, - он обнял меня.

За два года мы ни разу не обнимали друг друга. Было странно и неловко, но в то же время мне стало спокойнее. От Вонвальта пахло дымом и вином. Я рыдала ему в грудь, и он ласково утешал меня. До этого я даже не знала, что он был способен на такую мягкость.

Вскоре он отстранился. Я же могла просидеть так еще час. Вонвальт налил большой кубок вина и вложил его мне в руки.

- Вот, - сказал он. - Выпей. Вино поможет. Сэр Радомир может подтвердить.

Я не удержалась и рассмеялась. Затем сделала большой глоток. Затем осушила кубок. Вонвальт хотел было пожурить меня, но увидел в моих глазах новые слезы.

- Вы обнимете меня еще раз? - спросила я едва слышным шепотом.

Вонвальт кивнул и прижал меня к себе. И на этот раз не отпустил.

* * *

Вонвальт занял пустые покои на верхнем этаже здания суда, и полчаса спустя я уже оказалась там и поедала с разделочной доски свой обед – жареную утку. Комната была со вкусом обставлена дорогой мебелью, но на стоявшем посередине столе лежали стопки книг и груды свитков, отчего казалось, будто в покоях царит неряшливость и беспорядок. Повсюду валялись кубки и кружки, а на одной тарелке лежали остатки вчерашнего ужина.

– Какая жалость, что Орден велит мне отдать этих людей под суд, – сказал Вонвальт. В его руках снова была трубка, и, пока он ею размахивал, клубы серого дыма заполнили комнату. Думаю, табак успокаивал его нервы. – Все уже не так, как было десять лет назад. Тогда, чтобы повесить их, хватило бы одного моего слова. Времена меняются. Однако же я получил от них всех письменные признания, так что, уверен, через день или два с этим делом будет покончено. – Вонвальт ненадолго выглянул в окно, глядя на кипевшую на улице жизнь. – Что ж, это и к лучшему, – через некоторое время прибавил он. – Санджа Бауэр отказалась выступить.

Я оторвала взгляд от тарелки.

– Что?

– Она не станет свидетельствовать против своего отца, – сказал Вонвальт. – Суд ей не нужен. Она лишь хочет, чтобы ее оставили в покое.

– Как она может не свидетельствовать против него? – недоуменно спросила я, тут же вспоминая камеру, в которой держали Санджу, отвратительные условия, годы тьмы, запустения, скудной еды и угрозы насилия. – Ведь он виновен в гибели ее семьи!

– Подобное случается гораздо чаще, чем ты думаешь, – сказал Вонвальт. – Она – юная девушка, с которой обращались настолько плохо, насколько вообще возможно. И теперь она не знает, что делать с жизнью за пределами темницы. Сэр Радомир говорил мне, что она целыми днями молча сидит в своей комнате и ни к кому не выходит. Он считает, что Санджа так долго приспособилась к неволе, что освобождение повредило ее рассудок. Думаю, он прав.

– Пропади моя вера, – прошептала я. – Бедняжка. – Мне казалось, что она хорошо держалась, по крайней мере, пока я не рассказала о судьбе ее матери. – И все же мне не верится, что она не желает, чтобы свершилось правосудие. После всего, что ее отец сделал с ней.

Вонвальт пожал плечами. За годы службы он часто разбирал подобные случаи, отчего стал относиться к ним отстраненно и равнодушно.

- Она скорее навредит нашему делу, нежели поможет ему. Ее показания были бы спутанными, дробными... возможно, даже враждебными. Представители защиты разобрали бы их по косточкам, как врачи, вскрывающие трупы. Как бы там ни было, я не заставлю ее пройти через это. Она и так достаточно пережила.

Я помедлила.

- Представители защиты? - спросила я. - Вы хотите сказать, что кто-то будет их защищать?

Вонвальт кивнул.

- Два чистокровных оратора, так мне сказали. Павле Гарб и Хендрик Байерс. Я поспрашивал в торговых судах, что о них поговаривают. Старая гвардия здешних судебных кругов с впечатляющим списком побед. Говорят, они порядочные и честные слуги закона и отличные адвокаты. Думаю, они жаждут возможности помериться силами с имперским Правосудием и потому не дадут личной неприязни к своим клиентам помешать этому.

- Но раз у нас есть признания, значит, никаких препятствий не будет?

- Ты ведь знаешь, что я не люблю искушать судьбу подобными заявлениями, - сказал Вонвальт. Действительно, единственным суеверием, которое он признавал, было всемогущее «чтоб не сглазить». - Подписанные признания, добытые моим Голосом и засвидетельствованные сэром Радомиром, должны поставить в этом деле точку. Будь мы пятьюдесятью милями севернее, эти трое были бы уже повешены. Однако... - он пожал плечами, - сейчас мы на милости суда. Ничто не кончено, пока присяжные не признают их виновными и судья не вынесет приговор.

- И все же...

- Да, Хелена, - сказал Вонвальт, недовольный тем, что я все же решила искушить судьбу. - Очень скоро эти люди должны умереть. Но если на суде они сразу же признают себя виновными, то не выиграют ничего, кроме висельной петли. Так что они поставят все на слушания, какой бы отчаянной эта ставка ни была. Пусть все остальное играет против, но судопроизводство на их стороне.

- Вы будете выступать в качестве обвинителя со стороны Короны? - спросила я. Несмотря на то что в Империи уже существовала система странствующих Правосудий, большинство судебных заседаний по уголовным делам все же проходило без их участия. Вместо этого представители закона с каждой стороны - Короны и обвиняемого - рассказывали свою версию дела присяжным - группе избранных обывателей, - и эти люди решали, виновен подсудимый или нет. Местный лорд или страж закона присутствовал на заседании в качестве судьи; он должен был следить за тем, чтобы суд проводился в соответствии с сованскими законами, и он же выносил приговор, если обвиняемого признавали виновным.

Присутствие Правосудия, который одновременно являлся и обвинителем, и защитником, и судьей, и палачом, создавало для судов неловкую ситуацию, в которой они и вся их власть становились в какой-то степени не нужны. Поэтому Правосудия старались держаться периферийных районов Империи, где

судебная инфраструктура была развита слабо или отсутствовала вовсе и где они могли разбираться с преступлениями на месте.

И все же по закону Старшинства ничто не мешало Вонвальту взять на себя роль обвинителя, и он воспользовался этим правом. Это, по крайней мере, означало, что суд завершится очень быстро. Меня злило, что трое подсудимых вообще утруждали себя борьбой перед лицом столь неопровержимых доказательств.

Вонвальт кивнул.

– Присяжные решат, виновны все трое или нет, и потому я должен убедиться, что хорошенько их обработаю. Достучусь до каждого, покажу, что вина неоспорима. Не переживай, Хелена, мы уже очень скоро отправимся в Сову.

– А что они сказали? – спросила я. До меня вдруг дошло, что, хотя мне многое было уже известно, я все же не знала, в чем именно сознались эти люди. Меня внезапно переполнило любопытство. – Что они замышляли? Вотт, Бауэр и Фишер?

Вонвальт улыбнулся мне.

– Это ты сможешь узнать послезавтра из моей вступительной речи, – сказал он. Он передал мне лист пергамента со списком прецедентов. – В здешнем хранилище довольно обширная библиотека законов. В основном там представлено торговое право, но у них есть несколько относительно свежих томов по уголовным прецедентам. Будь добра, принеси их мне и начинай выписывать то, что имеет отношение к нашему делу. Поторопись, Хелена; нам предстоит проделать большую работу.

* * *

Мы трудились весь день до позднего вечера. К тому времени, когда мы оторвались от дел, чтобы поужинать в ближайшем трактире, ворота уже закрылись на ночь, и в городе стало холодно и тихо.

Мы сели в общем зале трактира. Брессинджер присоединился к нам за ужином, а сэр Радомир подошел позже, чтобы выпить. Через несколько часов с тяжким вздохом ушел спать трактирщик, уставший и недовольный, что мы задержали его допоздна. Позже, когда огонь в камине уже почти догорел, мы четверо все еще неспешно попивали из больших кружек дешевый болотный эль.

– Клянусь Немой, – сказал Брессинджер, когда я закончила пересказывать обвинения и чем они грозили каждому подсудимому. – Ум у тебя острый, как клинок. Да и последние месяцы наверняка неплохо его отточили.

Я улыбнулась и отпила, пытаюсь принять скромный вид. Впрочем, я понимала, что он прав. Это дело мне подходило. Я никогда прежде не принимала участия в подобном судебном процессе, где бы рассматривались такие тяжкие

преступления и доказательства были столь весомыми. А еще в городе только и говорили, что о суде. Для местных он стал ярким событием. По сованским законам, публику пускали на все судебные заседания, за исключением тех, которые касались государственных тайн; и, судя по разговорам в тавернах, этот суд должен был стать настоящим представлением. Я даже слышала, что некоторые торговцы решили повременить с отбытием, лишь бы посмотреть на Правосудие в действии.

– Ты не волнуешься, что тебя вызовут давать показания? – спросила я его. Поскольку мы трое были свидетелями, сованские законы требовали, чтобы каждый из нас изложил свою версию событий перед присяжными.

– Тьфу ты, – сказал Брессинджер, отмахнувшись от меня. – Я уже дюжину раз их давал, пока служил сэру Конраду. Мне это ни о чем, всего лишь часть работы. Пусть эти хлыщи попытаются найти в моих словах хоть какую-то лазейку.

Я сжала и разжала ладони.

– А я волнуюсь, – признала я. – Мне даже хочется перед выходом немного выпить вина.

– Даже не думай, – резко сказал Вонвальт. – Так ты дашь защите повод придаться. Ты должна сохранять ясность ума. И не торопись, отвечая на вопросы. Удивись, но подловить кого-либо очень легко. Одно дело – наблюдать за тем, как допрашивают свидетеля, и совсем другое – оказаться на месте допрашиваемого.

Дверь распахнулась, и мы обернулись. На пороге стояла Правосудие Августа. По залу прошелся крепкий, прохладный сквозняк. Августа закрыла за собой дверь и скинула плащ. Ее глаза были красными, выглядела она осунувшейся и уставшей. От нее исходила почти неосознаваемая сверхъестественная сила.

– Трактирщик уже ушел, – неуверенно пробормотал Брессинджер. – Можете сами налить себе эля.

– Когда состоится суд? – без предисловий спросила Августа.

– Послезавтра, – ответил Вонвальт.

– Я наблюдала за Восточной Маркой Хаунерсхайма, – сказала Августа. Судя по всему, Правосудие имела в виду, что следила за провинцией глазами животных: птиц, лисиц, волков. – На Долину Гейл движется вооруженный отряд. Большинство солдат облачены в ливреи маркграфа Вестенхольца.

Все внезапно выпрямились, одновременно встревожившись.

– Сколько их? – недоверчиво спросил Вонвальт.

– Полтысячи.

– Раздери меня Нема! – прорычал сэра Радомир. – «Вооруженный отряд»? Да это же целая проклятая армия!

– Они идут с востока? – спросил Вонвальт, прерывая шерифа. – Из Кругокаменска?

– Да, – сказала Августа. – Они квартировались у барона Наумова. По крайней мере, некоторые воины из этого войска – слуги барона.

– Мы знали, что Клавер вертелся около Кругокаменска, когда вы отправились на север по Эстафете, но не знали, что он собирает армию, – сказал сэр Радомир. – Наумов известен своей набожностью, но я не думал, что она приведет его к измене.

– В письмах, которые я нашла в личных покоях Фишера, говорилось, что Клавер встречался с бароном, – сказала я. – Но я тогда ничего не заподозрила.

Вонвальт откинулся назад, слегка сникнув.

– Итак. Значит, он открыто принял сторону Вестенхольца и Клавера.

– Судя по всему, да, – сухо сказала Августа.

Брессинджер с отвращением фыркнул.

– В этом вся беда этих старых сованских хаунерцев. Они слишком долго пробыли в челюстях Аутуна, впитывая его слюнявую религию.

Вонвальт потер лицо руками.

– И далеко они?

– В одном или двух днях пути, не больше. Я еще посмотрю утром. Сейчас у меня уже нет сил следить за ними.

– Немино вымя, – прорычал сэр Радомир. Он испустил вздох, от которого так сильно разило алкоголем, что открытый огонь мог бы его подпалить. – Не может же быть, чтобы он собрался напасть на город?

Никто не ответил. Какое-то время мы сидели молча, давая друг другу возможность осознать этот нежеланный поворот событий.

– Сколько человек было в гормогонском гарнизоне? – спросил Вонвальт Брессинджера и сэра Радомира. – Когда вы искали там Вогта?

– У них могло разместиться несколько сотен, – сказал Брессинджер и пожал плечами. – Но мы не знаем, что внутри форта – может быть, все заброшено. Мы там долго не задерживались.

– И видели мы не больше нескольких дюжин бойцов, – прибавил сэр Радомир.

Вонвальт с досадой вздохнул.

– В Греше была сотня, но им понадобится не меньше трех дней, чтобы добраться до нас... и это при условии, что мы сможем передать им весточку сию же секунду.

- А что в горах у толской границы? - спросила Августа.

- В Западной Марке нет хороших дорог, - отмахнулся сэр Радомир. - Гарнизоны близко, но идти они будут медленно. Небольшая, легко вооруженная дружина сможет добраться до нас, наверное, за неделю, но многочисленное войско, способное разбить полтысячи солдат? Им понадобится две недели лишь для того, чтобы перейти горы.

Вонвальт поморщился и повернулся к Августе.

- У тебя хватит сил передать сообщения путевым фортам в Греше и Гормогоне? И барону Хангмару в Вайсбауме?

- Да, - устало сказала Августа. - Но не более. Если я перенапрягусь, то уже не смогу никому ничем помочь.

Вонвальт кивнул.

- Я понимаю. Спасибо, Реси. - Он немного подумал, затем снова повернулся к сэру Радомиру. - Сколько у вас подчиненных?

- Не нравится мне, к чему вы ведете, - пробормотал сэр Радомир.

- Сколько? - резко спросил Вонвальт.

- Всего сотня, - ответил сэр Радомир. - Сэр Конрад, вы ведь не хотите предложить...

- Вы правы, - сказал Вонвальт. - Я не предлагаю. Я приказываю. Что бы ни случилось в следующие несколько дней, эти солдаты не должны войти в город.

* * *

Вскоре после этого наша небольшая компания разошлась. Сэр Радомир вернулся к себе домой, где бы тот ни находился, а Брессинджер направился к резиденции лорда Саутера. Я решила перед уходом зайти в уборную, а когда пересекала таверну по пути назад, услышала, как Вонвальт и Августа негромко разговаривают. Вместо того чтобы пройти мимо, я поддалась любопытству и подкралась к двери.

- Что будешь делать? - спросила Августа у Вонвальта.

- Ты о чем? - ответил Вонвальт.

- Нужно обо всем сообщить Императору. Дело зашло слишком далеко.

- Император обо всем узнает, - сказал Вонвальт. Тон его голоса совершенно изменился, стал спокойным и мягким. - Я сегодня же ночью отправлю ему письмо с моей личной печатью.

- Не нужна ему твоя печать. Отправь ему себя самого.

- Я не оставлю Долину Гейл на милость Вестенхольца, - сказал Вонвальт. - Это я разворошил осиное гнездо. Не могу же я один сбежать, чтобы меня не ужалили.

Я выглянула из-за угла. Лиц мне было не видно - их заслоняла балка, - но зато я видела все остальное.

- Ты ведь не собираешься продолжать суд? - спросила Августа.

- Конечно, собираюсь. - Вонвальт пожал плечами. - Хотя бы для того, чтобы скоротать время.

- Не шути со мной.

- Брось, Реси, - сказал Вонвальт. Он потянулся к ней и взял ее руки в свои. Я ждала, что Августа стряхнет их, но она этого не сделала. Я задумалась о том, насколько глубоки были их чувства друг к другу. Очевидно, их привязанность, какой бы сильной она ни была, пережила несколько лет разлуки. И, несмотря на недавние препирательства, в обществе друг друга они вели себя так естественно. Они были похожи на старую супружескую чету. Мне подумалось, что, возможно, до этого Вонвальт был так холоден с ней лишь потому, что рядом была я.

Они заговорили еще тише и ласковее, и у меня больше не получалось разобрать слов. Впрочем, то было к лучшему; мне вообще не стоило их подслушивать, и теперь я подумала, что веду себя вдвойне бессовестно. Кроме того, сейчас, когда я увидела Вонвальта таким; увидела, как он проявляет ласку, которую оказывал мне лишь несколько раз, во мне пробудилась жгучая ревность, и я внезапно захотела поскорее покинуть трактир.

Громко и неуклюже топая, я вышла из-за угла и, пройдя к выходу, сняла с крюка плащ. Стоило мне выйти, как Вонвальт в ту же секунду отпустил руки Августы. Тогда я ощутила странное торжество, хотя позже мне стало от этого стыдно.

- Спокойной ночи, - буркнула я.

- Спокойной ночи, Хелена, - ответили они оба. Я вышла на колючий мороз и направилась к дому мэра.

«Тот, кто утверждает, должен доказать».

Из «Столпов сованского общего права» Катерхаузера

Отчаянные мольбы о помощи были отправлены, но следующий день прошел, а мы так и не получили вестей от наших предполагаемых союзников. Вонвальт, Брессинджер и сэр Радомир обходили стены и планировали оборону города. Им помогали горстка сержантов стражи и те члены городского совета, что обладали хоть какими-то военными познаниями. Я же тем временем безвылазно сидела в хранилище здания суда, где в напряженной тишине притворялась, что усердно работаю. К концу дня горе от утраты Матаса, страх перед надвигающейся армией и неуверенность в будущем Империи окончательно истощили мои моральные силы. Едва прикоснувшись к еде и обменявшись с другими лишь парой слов, я отправилась на боковую.

Спалось мне той ночью плохо. Казалось, я только уснула, когда меня, едва соображающую и неспособную продрать глаза, разбудил Вонвальт. Выглядел он так, словно совсем не спал, хотя я и не знала почему – не то от того, что провел часть ночи с Августой, не то потому, что ходил на одну срочную встречу за другой.

С тяжелым предчувствием мы облачились в наши официальные судейские мантии. Нам приготовили очередной сытный завтрак, но мы оба выпили лишь по легкому пиву. К городу приближалась армия Вестенхольца, и это бросало на нас свою тень: мы стали напряженными, раздражительными и все время отвлекались от поставленной задачи. Лорд Саутер, взволнованный и потный, ненадолго появился, пожелал нам удачи и поспешил в здание стражи, где сэр Радомир раздавал приказы своим немногочисленным подчиненным. Несомненно, мэр жалел, что мы вообще появились в его городе.

Мы направились к зданию суда. От рассвета прошел лишь час, но перед готическим строением уже толпились люди – и это несмотря на слухи о приближающемся войске. Казалось, что мы попали на площадь в ярмарочный день: люди всех слоев общества заполняли улицы и пытались заполучить место в публичной галерее. Августы нигде не было.

– А где Правосудие Августа? – спросила я таким невинным тоном, какой только смогла изобразить.

– Она на городской стене, следит за Восточной Маркой, – ответил Вонвальт.

– С помощью птиц?

– Наверное, – буркнул он, и на этом разговор завершился.

Мы пробрались через толпу и подошли к главному входу. За порогом было так тихо, будто мы очутились в совершенно ином городе. В здании прекратилась всякая работа, за исключением самой основной. Из-за этого сбоя в работе суда многие судьи сдвинули свои слушания на вечер или вовсе их отложили.

Наше дело должен был слушать судья Дитмар, и он занял для нас самый большой зал, находившийся в задней части здания. Зал представлял собой большое прямоугольное помещение с подиумом, на котором стояла деревянная скамья. Над ней висел искусно вырезанный и раскрашенный сованский герб – Аутун, стоящий на задних лапах. Увидев его, я сразу вспомнила о леди Фрост.

Рядом со скамьей судьи находилось сиденье для свидетеля, а перед ней стояли два стола, предназначавшиеся законным представителям – со стороны обвинения и со стороны защиты. Защитники пока не явились; они наверняка зашли в городскую тюрьму и получали от заключенных последние инструкции.

Единственной примечательной особенностью зала был ряд сидений, выделенных избранным заседателям, или присяжным, как их называли на современный сованский манер. Я не знала, сколько вытянули жребий присутствовать на суде, но, учитывая тяжесть обвинений, их должно было собраться много – человек пятнадцать или двадцать. Для того чтобы признать обвиняемых виновными, требовалось простое большинство голосов.

– Хелена, – сказал Вонвальт. В своих парадных одеждах он выглядел властно. – Внимательно записывай все, что будет сказано. Возможно, мне очень скоро понадобятся эти записи.

– Конечно, – сказала я.

– Хорошо. Будь добра, сядь вон там, в конце, – сказал он, указывая на самое дальнее место на скамье обвинения. Я проследила за направлением его пальца. Казалось бы, я должна была прийти в восторг от того, что меня усадили туда. Скамья обвинения. Мне впервые была оказана подобная честь. В других обстоятельствах я бы, наверное, приняла подобное повышение с радостью или с притворным равнодушием задрала бы нос. Однако в тот раз я не испытала ничего, кроме страха.

По-видимому, выражение моего лица выдало меня, поскольку Вонвальт сказал:

– Хелена, не беспокойся о приближающейся войне, это не твоя забота. Пока что выкинь его из головы. Просто сосредоточься на том, чтобы все записать и дать показания. Поняла?

Я кивнула.

– Да, – сказала я, хотя его слова никак на меня не подействовали. Я не могла перестать думать о Вестенхольце и его солдатах.

Теперь мне оставалось лишь ждать. Чуть позже к нам присоединились сэр Радомир и Брессинджер. Пока они и Вонвальт негромко переговаривались между собой, здание суда распахнуло двери для публики, и внутрь хлынул поток людей, желавших занять лучшие места. Я старалась не оборачиваться и не смотреть, но все же слышала вокруг себя воодушевленные разговоры, ахи

и перешептывания и замечала, как некоторые исподтишка или открыто кивают и тычут пальцами в сторону Вонвальта.

Через некоторое время вышел судья Дитмар. Он был худощавым, морщинистым и седовласым, с лицом, словно вылепленным из талого воска. Все встали, и разговоры заметно стихли с его появлением, но не прекратились полностью. Он жестом велел всем садиться, занял место на судейской скамье и начал перебирать какие-то бумаги. Мы же тем временем стали ждать, когда появятся обвиняемые.

Долго ждать не пришлось. Комендант несколько раз потребовал тишины, прежде чем смог добиться ее. Бауэр, Вогт и Фишер, облаченные в свои лучшие одежды, вошли в зал вслед за адвокатами защиты, Гарбом и Байерсом. Их сопровождал городской стражник. Гарб, тучный и краснолицый, был в небольших дорогих очках с полубодковой оправой, говоривших о том, насколько востребованными были его услуги среди торговцев и какой доход они приносили. Байерс тоже был полон, но не настолько – его скорее можно было назвать упитанным, нежели тучным. Еще он был лыс и заметно горбился, отчего становился похож на стервятника. Я подумала, что у него, наверное, больная спина.

Последними появились те, кого пригласили в присяжные. Они вошли без особого шума и заняли отведенные им места. Всего их было шестнадцать; это означало, что Вонвальту нужно было убедить девятерых из них – или восьмерых, но тогда решающий голос остался бы за судьей. Их лица уже давно стерлись из моей памяти, но они представляли собой самых обыкновенных людей хорошего достатка – тем, чей доход был ниже установленного, не позволялось заседать в присяжных.

Согласно сованским порядкам, обвинитель, будучи представителем Короны, обладал правом первенства и начинал заседание. Поэтому судья Дитмар первым делом обратился к Вонвальту.

– Сэр Конрад, – с заметным хаунерским акцентом сказал он. – Мы рады приветствовать вас на нашем заседании. Для Долины редкая честь, чтобы дело представлял Правосудие.

– Благодарю вас, судья. Я знаю, что Долина так же, как и я, жаждет свершения правосудия Императора, – сказал Вонвальт, напомнив всем о единственном человеке, имевшем над ним власть, – об Императоре Кжосиче IV.

Дитмар, терпеливо улыбнувшись, кивнул.

– Подсудимые сообщили мне, что желают опротестовать обвинение и заявляют о своей невиновности. Посему, согласно законам общего права, они должны предстать перед судом, состоящим из граждан Совы. Учитывая все сказанное, вы можете начинать свою вводную речь, Правосудие.

Затем судья произнес на высоком саксанском традиционную фразу, с которой начиналось каждое судебное заседание. Переводилась она так: «Будьте львами в зале суда и братьями вне него». Фраза призывала законных представителей вести себя профессионально и учтиво по отношению друг к другу.

Вонвальт нарочно выдержал паузу, а затем повернулся к присяжным. Я вообразила, будто слышу, как весь зал глубоко вдохнул и затаил дыхание.

– Леди и джентльмены, я – сэр Конрад Вонвальт, Правосудие Императора, член Ордена магистратов Империи. По велению Короны я наделен властью расследовать преступления, совершенные в пределах границ Империи, используя при этом любые средства, имеющиеся в моем распоряжении. – Он указал на скамью подсудимых. – Сегодня я стою перед вами по милости этих троих господ: лорда Леберехта Бауэра, обенпатре Ральфа Фишера и мистера Зорана Вогта. Эти трое, леди и джентльмены, совершили длинный перечень гнуснейших преступлений, за которые они заслуживают высочайшего наказания – смерти.

По залу суда прошелся возбужденный ропот. Представители защиты, Гарб и Байерс, наигранно покачали головами. Обвиняемые сидели, погруженные в угрюмое, тревожное молчание. Я гадала, что они чувствуют, зная, что через несколько часов наверняка будут болтаться на виселице.

– История, которую я вам сейчас расскажу, леди и джентльмены, не какая-нибудь выдумка и не домысел стражей порядка. Это факт, непреложная истина, вытянутая из уст обвиняемых, как теленок из лона матери. На столе передо мной лежат три признания, подписанные при свидетелях, и вместе они подробно описывают ту обширную преступную империю, которой управляли подсудимые. Не важно, что они скажут вам сегодня, какими изобретательными сказками и небылицами попытаются умалить свою причастность. Действительность же такова, что все они лично сознались в этих преступлениях, и, во имя Императора Лотара Кжосича IV, они должны умереть за содеянное.

По моей коже побежали мурашки. Я ощущала, как от Вонвальта исходит сила убеждения, подобная той сверхъестественной энергии, которую излучала Правосудие Августа. Присяжные выглядели так, словно в них ударила молния.

– Наша история, дамы и господа, начинается два с половиной года назад, когда мистер Вогт совершил поездку в банк. В финансовых отчетах мистера Вогта говорится, что он якобы отправился в гуличский «Доверительный торговый фонд Кёнига и Келлера», который специализируется на денежных операциях в грузоперевозках. Однако на деле он отправился в монастырь, чтобы встретиться с обенпатре Фишером. Благодаря щедрым пожертвованиям из городской казны обенпатре скопил довольно внушительное состояние и теперь искал, куда бы его, скажем так, проинвестировать.

Мистер Вогт сказал обенпатре Фишеру, что ему необходим крупный заем, чтобы покрыть стоимость сотни тонн фуражного зерна. Мистер Вогт знал, что Легионы вдоль реки Кова снабжались плохо и что интенданты Аутуна платили за животный корм больше обычного. Мистер Вогт предложил закупить дешевое зерно и продать его с существенной наценкой. С такой прибылью он мог вернуть обенпатре Фишеру долг с процентами и все равно набить свои карманы крупной суммой денег. На деле же зерно было столь дешевым, что не годилось на корм, но это было не важно. Вогта и Фишера волновало лишь то, как бы увеличить собственную прибыль. Обенпатре с готовностью согласился на такой план.

Тогда мистер Вогт поступил так, как поступил бы всякий предусмотрительный мошенник: он обзавелся гарантией на свой груз. Здесь на сцене появляется лорд Бауэр – хорошо известный и успешный предприниматель, работающий в еще только зарождающейся, но уже прибыльной сфере торговых гарантий. Я потрачу несколько минут на то, чтобы объяснить, что это значит.

Давайте на минуту представим, что у меня есть груз... скажем, сотня тонн фуражного зерна. – Послышались разрозненные смешки. В этом и заключалась суть современного сованского суда: он представлял собой театральное представление, драматичную и напыщенную игру законных представителей, лицедейство. Вонвальт разыгрывал свою роль с сокрушительным результатом: он иронизировал, тут и там вставляя шутки, переманивал толпу на свою сторону, а затем внезапно расправлялся со свидетелем, словно точным взмахом меча. – Я хочу перевезти мое зерно отсюда, с пристани Долины Гейл, до самой Ковы. Путешествие предстоит долгое, и совершить его можно множеством различных путей, каждый из которых таит свои опасности. Я могу столкнуться с грозодскими пиратами, или с северными налетчиками, или с флотом Конфедерации Ковы. Если я пойду морем, то путешествие пройдет быстро, но я рискую попасть в шторм. Если я пойду по реке, то буду двигаться медленнее – возможно, даже слишком медленно, и не успею доставить груз к сроку.

Человек азартный мог бы просто поднять паруса и молить Нему об удаче. Но к счастью – или к несчастью, – я человек не азартный. Нет, я поступлю так же, как и всякий разумный торговец, и попытаюсь получить гарантию на мой груз. Чтобы это сделать, мне нужно поговорить с гарантом, например с лордом Бауэром. Надежный и хорошо известный делец вроде него наметанным взглядом оценит мой корабль, команду, груз, запланированный маршрут и дюжину других факторов, после чего предложит загарантировать мой груз. Другими словами, леди и джентльмены, я плачу лорду Бауэру некую сумму денег, тщательно рассчитанную исходя из предполагаемых рисков моего путешествия, и в случае утраты груза сам лорд Бауэр, будучи гарантом, возместит мне заранее оговоренную стоимость. Простой и эффективный обмен, при котором почти все остаются в выигрыше, верно?

Но в нашем случае это оказывается не так, поскольку лорд Бауэр – изворотливый, лицемерный жулик! – На каждом из трех последних слов Вонвальт хлопнул ладонью по столу, заставив всех в зале суда вздрогнуть. Один из представителей защиты собрался было встать, но Вонвальт одним небрежным взмахом руки велел ему оставаться на месте. Его власть и влияние были настолько сильны, что представитель защиты послушался его, даже не задумавшись.

– Конечно же, лорд Бауэр не знал, что зерно испорчено, однако он по своему обыкновению подкупил члена команды, чтобы тот шпионил для него. И не зря – при помощи цепи скорых гонцов шпион сообщил лорду Бауэру, что мистер Вогт скрыл плесневелое зерно под хорошим. Лорд Бауэр сообразил, что рискует оказаться в положении, где ему придется выплатить гарантированную сумму – которая, учитывая цены, заданные имперскими интендантами, порядком ударила бы по его карману. Тогда он подстроил так, чтобы Имперская таможня под ложным предлогом задержала груз на границе княжества Кжосич, заявив, что мистер Вогт якобы запросил неверное разрешение на ввоз.

Поступив подобным образом, лорд Бауэр помешал сразу нескольким планам мистера Вогта и обенпатре Фишера. Во-первых, он не позволил зерну достичь Ковы, чем не только лишил заговорщиков прибыли, но и заставил их потерпеть первичные издержки, ведь зерно испортилось окончательно и продать его кому-либо стало невозможно. Во-вторых, он не позволил мистеру Вогту вернуть стоимость зерна по условиям гарантии. Лорд Бауэр, сам гнилой, как то зерно, смог сделать это, заявив, что мистер Вогт первым нарушил обязательства, не получив необходимую декларацию, после чего их договор считается недействительным. Итак, мошенники сами оказались обмануты!

- Абсурд, - пробормотал Вогт.

- Абсурд! - взревел Вонвальт, снова заставив зал вздрогнуть. - Мистер Вогт называет это абсурдом, но вам нет нужды верить мне на слово; мы можем взглянуть на жалобу, которую мистер Вогт подал городской страже прямо здесь, в Долине Гейл!

На этом месте Вонвальт достал журнал заявлений из здания стражи, который я просматривала несколько недель назад. Он ткнул пальцем в нужное место и начал читать.

«Пятнадцатого дня месяца Голрич мистер Зоран Вогт явился в здание стражи, дабы подать жалобу на лорда Бауэра... груз, задержанный таможеней княжества Кжосич... неверное разрешение на ввоз, полученное в Имперской таможене... мистер Вогт твердо уверен, что получил необходимое разрешение... задержка вызвала аннулирование контракта, отчего мистер Вогт остался должен гуличскому банку... Мистер Вогт убежден, что лорд Бауэр подстроил эти события, дабы не выплачивать гарантированную им крупную сумму денег».

Вонвальт с хлопком закрыл журнал и вернул его на свою скамью. Сэр Радомир отодвинул журнал в сторону. По залу прошел изумленный ропот.

- Два дня спустя заявление было отозвано. Мистер Вогт, будучи уверенным - твердо уверенным - в своей правоте, полностью отозвал его. Что же заставило его столь кардинально и столь быстро изменить свое мнение по столь важному делу?

Кажется странным, не так ли, леди и джентльмены, что человек, так глубоко замешанный в делах преступного синдиката, отправился отстаивать свои права к городскому шерифу. Однако эти двое, Вогт и Фишер, оказались настолько глупы и самонадеянны, что поверили, будто их преступную деятельность невозможно раскрыть. Они решили, что могут обратиться к имперским представителям закона, а затем безнаказанно продолжить свои махинации.

Я заметила, как подсудимые разозлились, услышав это. Один из представителей защиты успокоил их едва заметным жестом.

- Конечно же, эти двое быстро поняли, что лорд Бауэр - такой же мошенник, как и они, причем довольно талантливый. Поэтому, чтобы сполна компенсировать потери, они предпочли не действовать через сованскую систему правосудия, а завербовать лорда Бауэра и вести дела вместе с ним. Но как же этого добиться? Добровольно лорд Бауэр ни за что бы к ним не

присоединился. У него самого имелась своя очень прибыльная афера. Но он был семейным человеком. А у семейных людей есть слабость, которой другие, жадные до наживы люди всегда готовы воспользоваться.

Вонвальт замолчал, мастерски разыгрывая отеческое разочарование.

– Некоторые из вас, возможно, слышали о смерти сына лорда Бауэра; быть может, вы даже помните, как все произошло. Жизнь мальчика унесла оспа, так всем сказали. Однако теперь, экстумировав тело и допросив этих людей, мы выяснили, что на самом деле юноша был убит.

Послышались потрясенные ахи, а затем зал загудел от разговоров. Бауэр выглядел жалко, от его стати не осталось ни следа. Остальные двое остались равнодушны. Я ощутила сильнейший прилив гнева и лишь с большим трудом взяла себя в руки. Брессинджер тоже заметно разозлился.

– Потихе, пожалуйста, – сказал судья Дитмар, а затем рявкнул: – Тишина!

Шум угас, как огонек свечи, зажатый между пальцами.

– Мальчик был убит ударом по голове, который ему нанес головорез, нанятый Фишером. Это должно было послужить одновременно мстью и предупреждением лорду Бауэру, – продолжал Вонвальт. – И значение этого предупреждения было ясным: «Лорд Бауэр, вы обманули очень опасных людей». – Вонвальт помедлил и наигранно вздохнул. – Как будто этого было недостаточно, они также похитили Санджу Бауэр и удерживали ее в подземельях монастыря в качестве залога для будущих сделок.

Зал снова взорвался, и судье Дитмару несколько раз пришлось призывать всех к порядку. Вонвальт был рад позволить праведному гневу публики излиться. Ненависть, которая разгоралась в массах, лишь помогала ему.

– Санджа Бауэр жива, но сегодня ее нет среди нас, – мягко сказал он. – После двух лет, проведенных в неволе в монастыре, она слишком утомлена и до смерти напугана. Но не тревожьтесь из-за ее отсутствия, оно ничуть не поможет стороне защиты. У меня имеются не только подписанные ими показания, в которых они признаются, что похитили девушку, но также рядом со мной сидят трое свидетелей Короны, готовые подтвердить, что они видели. Мой секретарь, притворившись беглянкой, проникла в монастырь и нашла Санджу Бауэр в вонючей темнице, наполовину обезумевшую от страха. Она расскажет вам, что ей поведала мисс Бауэр. Вы услышите, как девушку похитили и как оставили гнить в темнице, где ее лишь изредка навещал отец. Санджа тоже стала своего рода гарантией того, что лорд Бауэр будет послушен и поделится со своими новыми подельниками плодами его мошеннических сделок – не говоря уже о плодах других преступных схем, которые они изобрели уже позднее.

Лорд Бауэр был наградой, ради которой стоило пойти на столь дерзкие меры, леди и джентльмены. Он не только знал, как использовать грузоперевозки в собственных целях, но также играл роль городского казначея. Мы конфисковали у казначейства целый кладезь учетных книг, в которых отмечены регулярные и незаконные выплаты денег из средств Империи монастырю. Также вы увидите показания самого мэра и членов городского совета, данные под присягой. Они сообщат, что выплаты эти были сделаны

без согласования с ними. Практически никто не следил за тем, как лорд Бауэр вел эти учетные книги, и лишь теперь мы узнали, что он на протяжении многих лет успешно скрывал поток украденных у Империи денег, в чем ему умело и добровольно помогал помощник казначея Фенланд Грейвс.

Вонвальт снова сделал паузу. Я поняла, что следующая часть выступления будет непростой.

– Леди и джентльмены, я сам лично говорил с мистером Грейвсом вскоре после его смерти. – Все в зале оцепенело от страха. Люди начали тревожно переглядываться, кто с ужасом, а кто с отвращением. Я заметила, что представители защиты делают пометки. Я сама все еще сомневалась, что нам стоило использовать эти сведения и не мудрее ли было просто положиться на признания подсудимых. – Я и мои слуги пытались его арестовать. К несчастью, он не пожелал сдаться и был ранен мечом в грудь, после чего скончался. Вероятно, вы слышаны о силах, которыми я обладаю, будучи членом Ордена магистратов Империи. Эти силы окружены множеством слухов и баек, а также окутаны покровом таинственности и страха. Леди и джентльмены, вас должно заботить не то, каким образом применялись эти силы, а то, какие сведения удалось получить с их помощью. По природе своей эти сведения могут показаться туманными, но для привычного уха вроде моего слова Грейвса звучат ясно и четко.

На допросе Грейвс предупредил нас о том, что монастырь – это «темное место для темных дел». Он назвал Санджу Бауэр «гостьей опасного человека», а на вопрос, как зовут этого человека, окрестил его «охотником на рыб». Что ж, не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять: он говорил о рыболове или рыбаке. И вот перед нами сидит обенпатре Фишер – опасный человек, чье имя переводится как «рыбак». Именно на него и указывал Грейвс.

Было трудно понять, как все восприняли эту усеченную версию допроса Грейвса. Вонвальт явно выбрал наиболее значимые фразы и не стал упоминать ужасы той ночи, однако, как ни странно, мне показалось, что вне контекста слова Грейвса производят не столь мощное впечатление. Некоторые в зале наверняка подумали, что эти обрывочные фразы были небольшой, хотя и стоящей, находкой, выуженной из в целом дерьмовой ситуации, но большинство зрителей, похоже, остались напуганы. Как бы там ни было, Вонвальт продолжал:

– Однако Фишер, Вогт и Бауэр, хотя они и были повязаны судьбой, с трудом уживались со своими компаньонами. Фишер был зол на Вогта за то, что тот чуть не стоил ему значительной суммы денег в их первой же попытке незаконно присвоить себе имперские средства. Кроме того, как я уже упоминал, Санджа Бауэр оставалась заточена в монастыре, чтобы Вогт и Фишер могли и дальше держать в узде лорда Бауэра. Леди и джентльмены, я много лет слежу за соблюдением сованских законов в провинциях, расследую и веду суды по различным преступлениям, и я неоднократно сталкивался с подобным. Я видел, как людям, которые недолюбливают или даже ненавидят друг друга, не остается ничего иного, кроме как продолжать вести совместные дела, потому что их связывают обстоятельства, которые они сами же сотворили. То же можно сказать и об этих троих. Они не друзья. Но это не значит, что они не могут быть подельниками. Помните об этом, когда будете слушать их оправдания. – Вонвальт повысил голос. – Ибо друзья не

убивают жен друг друга, как это делают подельники в преступлениях. Леди Наталия Бауэр – любимая многими, прекрасная, добрая женщина. В последний раз ее видели живой на Портняжной улице, где она хотела купить грозодский бархат. Зеленый, чтобы сшить платье по последней моде. – Я понимала, зачем Вонвальт это говорит. Он добавлял маленькие детали, напоминал присяжным, что Наталия Бауэр была живым человеком, а не холодным трупом, который цинично обсуждают в зале суда. – Многие из вас видели ее издали. Некоторые знали ее в светском обществе. Мне не довелось познакомиться с ней... но довелось с большой горечью обследовать ее тело. Тем не менее, как я понял, она была благонравной и многими любимой.

Это было не совсем так. Судя по тому, что я слышала, леди Бауэр стала мрачной и замкнутой с тех самых пор, как ее сына убили, а дочь похитили. Жизнь в постоянном страхе перед мужем и горе от утраты детей сокрушили дух леди Бауэр и сделали ее молчаливой и безропотной.

– Она была убита, леди и джентльмены, по приказу обенпатре Фишера и Зорана Вотта. – Произнося эти слова, Вонвальт указал на них. Фишер съехался, словно Вонвальт нацелил на него заряженный арбалет. Вотт остался невозмутим. – Почему? Потому что на протяжении двух лет дочь Бауэров была узницей этих людей. Два года. Два года лорд Бауэр жил в напряжении и испытывал груз ответственности за свой пустой дом, за убитого сына, за похищенную дочь – и он попытался это исправить. Он начал строить планы, чтобы вызволить Санджу из монастыря и в то же время разбить оковы, связывавшие его с Фишером и Воттом.

Однако он совершил глупость, позабыв, как страшен гнев его подельников. За два года он начал ошибочно понимать природу их отношений. Он забыл старую поговорку о том, что среди воров нет чести. Было не важно, как хорошо он потрудился на их благо и сколько денег им принес. Они были готовы пойти почти на все, лишь бы он остался у них на поводке. Все-таки лорду Бауэру было достаточно шепнуть лишь слово в нужное ухо, чтобы полностью их уничтожить. За два года с момента похищения Санджи Бауэр эти трое вместе построили огромную преступную империю. В тайных учетных книгах Фишера говорится об обширных земельных владениях и множестве ценностей, полученных незаконным путем и охраняемых сетью наемных преступников. Алчному, бесчестному человеку невозможно от всего этого отказаться.

Вонвальт помедлил. Его вступительная речь подходила к концу. Когда он заговорил, его голос был полон горечи.

– Леди Бауэр была убита Зораном Воттом и Ральфом Фишером, леди и джентльмены, по их указанию. Ей был нанесен жестокий удар тяжелым предметом, и нанес его тот же человек, который за два года до этого убил ее сына. Задумайтесь на минутку: благородную женщину, возвращавшуюся после похода по торговым лавкам, похитили с улицы, после чего разбили ей голову дубинкой. Мы можем лишь надеяться, что она погибла от удара мгновенно, а не захлебнулась ледяными водами Гейл, откуда вытащили ее тело.

Вонвальт замолчал и оправил свои одежды, давая присяжным осознать весь ужас убийства леди Бауэр.

– Лорд Бауэр, потеряв рассудок от ярости, отправился к шерифу Радомиру и обвинил мистера Вогта в убийстве своей жены. Впервые за долгое время лорд Бауэр говорил правду. Однако, успокоившись, он забрал заявление. Ведь разве у него был иной выбор? Его дочь, последний оставшийся у него родной человек, все еще была заложницей в монастыре. Разрушь он все, несомненно, она тоже была бы убита... или ее ждала бы участь похуже. Кроме того, Бауэр и сам наряду с Фишером и Вогтом нес на себе часть ответственности за гибель своей жены. Впутав в это дело стражей закона Империи, он гарантированно подписал бы смертный приговор не только им, но и себе – а лорд Бауэр труслив, леди и джентльмены, думаю, этот факт налицо.

Кажется странным говорить подобное, но сейчас нам совершенно не важен человек, нанесший леди Бауэр тот удар. Обыкновенный бандит, притворявшийся монахом, он был убит всего несколько дней назад людьми сэра Радомира, штурмовавшими монастырь. Нет, нас заботят трое, что сейчас находятся здесь; будучи повязаны своим общим предприятием, они все равно что сами держали дубинку в своих руках. Пусть в стоворе, в котором они обвиняются, все они играли разные роли, однако без участия каждого из них конечное преступление не свершилось бы. Поэтому они все в равной степени виновны, и вы не должны сомневаться, вынося им приговор за бессмысленную и жестокую гибель этой несчастной женщины.

Вонвальт завершил свою речь, и повисла потрясенная тишина. Я не знала, доводилось ли кому-либо из присутствующих прежде видеть столь мощное выступление. Трудно передать силу его речи одними словами; я восстановила ее по своим записям и по памяти, однако, слушая ее тогда... Казалось, будто слова Вонвальта оживали, и каждое становилось духом, наполнявшим воздух магией.

Наконец судья Дитмар очнулся.

– Благодарю вас, Правосудие, – сказал он. Вонвальт говорил долго, и судью его повесть захватила не меньше, чем всех остальных в зале.

Дитмар повернулся к скамье, где сидели представители защиты.

– Сэры, суд готов услышать опровержение от имени ваших свидетелей.

Говорить вышел Гарб, самый толстый из двух представителей защиты. Он громко, глубоко откашлялся и стиснул в пухлых руках края своих одежд.

– Леди и джентльмены, судья, я не стану отнимать у присутствующих столько же времени, сколько занял наш друг Правосудие, – сказал он. Его голос был от природы громким, гулким и без труда разносился по всему залу, как раскат грома. Перед этим Вонвальт говорил с деланным саксанским акцентом, присущим имперской знати, – хотя, когда его речь становилась эмоциональной, в ней порой проскальзывали восточно-йегландские интонации. Но в басу Гарба, в отличие от баритона Вонвальта, отчетливо слышался хаунерский говор. Мне не хотелось этого признавать, но голос адвоката звучал солидно и естественно.

– Сэр Конрад много говорил о так называемых признаниях этих людей, – сказал Гарб. – Вы, конечно же, сами составите мнение о доказательствах, когда услышите их, – продолжал он, – однако, прежде чем мы слушаем

различных свидетелей, я бы также хотел сделать несколько вводных замечаний.

Во-первых, я бы хотел сказать следующее. Правосудие сэра Конрад Вонвальт – член Ордена магистратов Империи. Это старая и могущественная организация, центр которой находится в Сове. Их методы основываются на магии, а их способности, честно говоря, пугают. Обратите внимание на доказательства, представленные сэром Конрадом: слова мертвеца, убитого слугой самого Правосудия. Сведения, силой вырванные из уст трупа, чья душа сопротивлялась, желая упокоиться в загробном мире.

Леди и джентльмены, не знаю, как считаете вы, но эти силы, эти пророческие слова, изреченные мертвецом... они пугают меня и приводят в замешательство. Кроме того, их смысл можно толковать совершенно по-разному. То, что монастырь называли «темным местом», вполне могло означать, что там просто дурное освещение, а не то, что это – обитель зла! – На этих словах в зале разразился хохот. Вонвальт ожидал подобные нападки на показания Грейвса, поэтому сарказм Гарба его особенно не тревожил. Меня же больше расстраивало то, что мы все столько натерпелись в ту ночь, но получили так мало отдачи на суде.

– Так же обстоят дела и с этими признаниями, – продолжил Гарб. – С этими листочками, которыми сэра Конрад машет перед вами. Они были получены с помощью силы, известной как «Голос Императора». Возможно, вы не знакомы с этой способностью, однако я изучил, что о ней известно. Эта сила, господа присяжные, заставляет человека говорить. Сэру Конраду достаточно направить свои мистические способности на человека, и тот скажет... ну, все, что захочет Правосудие, не так ли?

Вонвальт не вскочил на ноги, как это вульгарно делают возмущенные люди, а вместо этого медленно поднялся с видом оскорбленного достоинства.

– Судья, – сказал он, глядя при этом на Гарба. Его слова рубили как меч, выкованный из льда. – Я уверен, что наш друг вовсе не желал нанести Короне столь непростительное оскорбление, какое подразумевает его последнее замечание. Как бы там ни было, я прошу, чтобы он его отозвал. Если он действительно навел справки, как и заявил, то ему должно быть хорошо известно, что Голос Императора заставляет человека говорить лишь правду, так, как говорящий сам ее видит. Я не могу заставить других говорить «все что хочу», равно как не могу выдавить кровь из камня.

Гарб на миг переменился в лице, и ему пришлось снова подбирать слова, прежде чем он смог выдать:

– Я выразился необдуманно, судья, – сказал он столь же встревоженному председателю. – И потому снимаю свое замечание.

– Вы удовлетворены, Правосудие? – спросил Дитмар.

Вонвальт улыбнулся поджатыми губами.

– Конечно, – сказал он и снова сел. Через несколько секунд гонец в ливрее, осторожно пробиравшийся по краю зала, воспользовался возможностью

и склонился к уху Вонвальта. Пока гонец быстро и тихо говорил, Вонвальт хмурился, а затем отстранился.

- Что случилось? - спросил Брессинджер, но Вонвальт не обратил на него внимания и встал, снова прервав Гарба.

- Судья, прошу меня извинить, но возникло неотложное дело, требующее моего незамедлительного внимания. Могу я попросить прервать заседание?

Судья нахмурился.

- Правосудие, с начала слушания не прошло и часа. Сколько времени вам нужно?

- Боюсь, мне понадобится весь оставшийся день.

Я резко подняла глаза на Вонвальта. Позади нас в зале начались перешептывания и негромкие разговоры. Представители защиты зацокали языками и закатили глаза, как кретины. Лица троих подсудимых ничего не выражали. Кто знал, что они чувствовали? Считали ли они тот подаренный им день передышкой или же просто оттягиванием неизбежного?

- Это крайне необычно, Правосудие, - сказал Дитмар, но лишь для виду. Он никак не мог отказать Вонвальту - точнее, не посмел бы отказать ему. Несмотря на то что суды должны были рано или поздно заменить Орден магистратов, немногие судьи в Сованской империи стали бы противиться имперскому Правосудию. Все в том зале, включая представителей защиты, плясали под дудку Вонвальта.

- Поверьте, судья, я бы не просил, не будь на то веской причины, - немного нетерпеливо сказал Вонвальт.

Дитмар вздохнул.

- Что ж, хорошо, Правосудие. - Он повернулся к представителям защиты. - Мы продолжим заседание завтра.

- Что происходит? - спросила я Вонвальта, когда остальные начали покидать зал.

- Не здесь, - сказал Вонвальт. - Идем, нас ждет несколько часов езды верхом.

XXV

Сравнить шансы

«Лишь сейчас, на закате своих лет, я ставлю под сомнение то, что совершила в молодости. Столько принятых решений, столько отнятых жизней. Невозможно не мучить себя размышлениями о каждой мелочи. Эта власть – проклятие, и лишь глупец будет пытаться заполнить ее».

Правосудие леди Адреа Констанс

Вонвальт, Брессинджер и я несколько часов ехали по Хаунерской дороге на юг, а затем свернули на одно из ее малых, разбитых ответвлений, которое шло по направлению к границе с Гуличем. Земля здесь была сухой и растрескавшейся, похожей на склоны Толсбургских Марок. Невспаханые поля и темные, влажные леса липли к невысоким покатым холмам, и повсюду из земли торчали большие плиты серого камня, словно кто-то пробил земную кору моргенштерном[5]. Несмотря на то что ехали мы долго, Вонвальт не счел нужным пояснить, куда же мы все-таки направляемся и с кем должны встретиться.

Наше путешествие завершилось на краю нагорья, которое нависало над длинной полосой пашен и небольшим аграрным городком, терявшимся в полуденном тумане. Если бы мы продолжили двигаться дальше на юг, то приехали бы в Вайсбаум, во владения лорда Хангмара, барона Остерленского и одного из немногих дружественных нам дворян вблизи Долины Гейл. Дорога на север привела бы нас в Восточную Марку Хаунерсхайма, прямиком к Кругокаменску, а продолжай мы двигаться на восток, рано или поздно приехали бы к реке Кова и лежащему за ней Ковоску – или, как его еще называли, «кладбищу Империи». То, что из трех возможных путей два привели бы нас прямиком к врагам, казалось почти пророческим знамением.

Чуть в стороне стоял шатер, но он совершенно не походил на те, что обычно ставят на обочине дорог. Шатер был огромный, размером с небольшой дом, из крепкой вощеной ткани, и собран настолько добротнo, словно его ставили на века. Рядом с ним стояли три лошади, а четвертая пощипывала траву в пятидесяти ярдах в стороне. Еще дальше в поле погонщик пас нескольких ослов. По лагерю бродили мужчины и женщины, занимавшиеся каждый своим делом, кто-то готовил пищу. Когда мы приблизились, к нам подошли два легко вооруженных солдата с сованскими короткими мечами.

– Милорд, – обратился к нам один из них. – Пожалуйста, назовите себя, сир.

– Правосудие сэра Конрад Вонвальт. Меня ждут.

Почти сразу же полог шатра распахнулся. Оттуда вышел мужчина средних лет с редкими темно-коричневыми волосами, умудренным лицом и крепким телосложением. Внутри шатра, видимо, было тепло, потому что одет он был лишь в свободную рубаху и короткие черные штаны.

– Верно, ждут. Входите, милорд Правосудие, – сказал он.

Мы спешили и прошли за ним внутрь. Я была поражена тем, что увидела. Казалось, что мы очутились не во временном шатре, а в чьем-то постоянном жилище. Его хозяин, кем бы он ни был, путешествовал не налегке и явно был очень богат. В шатре имелось все необходимое для удобства: ковры, деревянные сундуки и даже святилище Солдату. В одном углу я заметила полный комплект доспехов, который стоял за гербовым щитом с темно-синим полем и незнакомым мне геральдическим существом. Существо было похоже на чешуйчатого барсука, исполненного в золоте.

- Это панголин, мисс, - сказал хозяин шатра, проследив за направлением моего взгляда... и, возможно, прочитав мои мысли. - Существо на моем гербе. В казарских землях их водится довольно много. Я служил там оруженосцем, - прибавил он, и не из пустого бахвальства - немногим членам имперской аристократии выпадала удача пожить среди полулюдей-полуволков южных равнин.

- Оно очень эффектное, - вежливо сказала я.

- Имперский герольд тоже так подумал, - сказал он. - А мои товарищи сочли его недостаточно серьезным.

- Давайте перейдем к сути, сенатор Янсен. Вы оторвали меня от важного дела, - сказал Вонвальт.

Я посмотрела на Вонвальта. Власть, которой он был наделен, как правило, проявлялась в явных, очевидных формах - например, когда он выносил преступнику приговор и казнил его. Но судить о Вонвальте лишь с этой стороны означало забыть о том, что его власть могла проявляться и другими, не столь очевидными способами, которые зачастую приносили не меньшие плоды, чем применение грубой силы. Сейчас Вонвальт продемонстрировал свое превосходство, пренебрежительно обратившись к одному из самых могущественных мужей Империи. А Янсен был вовсе не обыкновенным чиновником - он состоял во втором Сословии Империи. Тем не менее, несмотря на это, ему приходилось сносить недовольство Вонвальта так, словно он был обыкновенным слугой. Если у кого-то и оставались сомнения в том, кто занимал в шатре высшее положение, Вонвальт рассеял их лишь несколькими словами.

- Мне кажется, что верно обратное, - сказал сенатор. Похоже, тон Вонвальта ничуть не оскорбил его. Мне вообще показалось, что вывести сенатора из себя было совсем не просто. - Тимотеус Янсен, - представился он мне и Брессинджеру, а затем обратился ко всем троим: - Не желаете ли вина?

Обезоруженный благодушием сенатора, Вонвальт смягчился.

- Да, не откажусь, - сказал он.

Пока Янсен наполнял четыре бокала, мы сняли плащи и расселись вокруг стола, стоявшего в углу шатра.

- Судя по виду, вы гроздец, - сказал сенатор, кивнув Брессинджеру. - Это - отменное пьолскимское вино. Десятилетнее.

Брессинджер невесело улыбнулся. Он, похоже, пребывал в том кислом настроении, которое часто одолевало его, когда он оказывался в присутствии облеченных властью людей. Несмотря на то, кем он был и чем занимался, пристав так и не смог избавиться от своей неприязни к Аутуну.

– Боюсь, что я не смогу оценить его по достоинству.

– Очень жаль, – сказал Янсен. – Что ж, в таком случае вам придется поверить мне на слово, что вино очень хорошее. Ваше здоровье.

Мы безрадостно подняли бокалы и выпили. Вино оказалось исключительно хорошим.

– Вы приехали прямиком из Совы? – спросил Вонвальт.

– Да, – сказал Янсен. – До меня и до большинства сенаторов дошли слухи о том, что вы поцапались с неманцем Бартоломью Клавером. Весь этот цирк здорово играет на руку вашим врагам.

Вонвальт сдавил пальцами переносицу.

– Я уже сыт по горло советчиками, которые приходят ко мне и толкуют об этом проклятом человеке. Он опасен.

Янсен указал на Вонвальта своим кубком.

– Он не просто опасен. Все гораздо хуже. Неманцы говорят о нем так, словно он – земное воплощение самого Бога-Отца. Куда бы ни пошел этот священник, он получает деньги и новых послушников. Кажется, такого наплыва в ряды храмовников свет еще не видел.

– Мне прекрасно известно, чем занимается Бартоломью Клавер. Вы не первый, кто предупреждает меня о нем. Я намереваюсь закончить суд в Долине Гейл, а затем отправиться в Сову и исправить то, что он и его приспешники там наворотили.

– Я очень рад это слышать, – искренне сказал Янсен. – Раз вы столь хорошо осведомлены, вам наверняка известно, что в столице магистр вашего Ордена выставляет себя в некотором роде дураком. Это секрет, но всем известно, что он ведет переговоры с млианарами.

– Как же вышло, что млианары стали столь могущественными? – спросил Вонвальт. Он был раздражен, но почти не подавал виду. – Они ведь столько лет представляли из себя лишь никчемное сборище мелочных крикунов.

– Превратности имперской политики, Правосудие. Орден магистратов всегда пытался оставаться выше этого гадкого мирка. Но, боюсь, Кейдлек разрушил стену, разделявшую наши сословия. Как оказалось, она была довольно тонка.

Вонвальт немного поразмыслил.

– Моя коллега из кожи вон лезла, чтобы объяснить мне ситуацию, но, боюсь, я до сих пор не осознаю ее тяжести. Расскажите своими словами; объясните все так, будто говорите с ребенком.

Янсен вздохнул.

– Ситуация запутанна, как паутина, и в то же время ясна как день. – Сенатор оттопырил большой палец. – Есть хаугенаты – родственники Императора с обеих сторон и те из нас, сенаторов, кто еще верен ему. – Теперь он оттопырил указательный палец. – Есть млианарские патриции – владельцы богатств и земель, которые много лет представляли собой лишь «никчемное сборище мелочных крикунов». Долгое время эти профессиональные нытики составляли крупное меньшинство в Сенате, а теперь стали опасным большинством. – Теперь сенатор оттопырил средний палец. – Еще есть Церковь Немы. Во многом она похожа на ваш Орден магистратов – отстраненная, она озабочена лишь проповедованием вечно растущей массе подданных Империи. И, конечно же, вечно жалуется на то, что у нее отняли все магические силы. – Сенатор уронил руку и пожал плечами. – Все они существовали в непрестом, но действенном равновесии, нарушить которое, судя по всему, смог один лишь человек. Млианаров и саварцев уже связывала история, а теперь, когда благодаря Клаверу в сундуки и ряды храмовников потекли золото и люди, аппетиты млианаров стали поистине животными. Они осмелели. Неманцы же увидели способ вернуть себе силы и встали на сторону Клавера, задним числом назвав его «своим». Получилось неловко и забавно, ведь прежде они долгое время чурались этого священника и его радикальных взглядов. – Теперь сенатор взялся за указательный и средний пальцы, сложив их вместе. – Как видите, нас, хаугенатов, берут числом. Орден магистратов, который всегда был нашим союзником, оказался выведен из игры действиями Кейдлека, что сильно разгневало Императора. Его императорское величество остались почти в одиночестве.

Вонвальт отпил вина и немного поразмыслил.

– Я вижу запутанность. Но не вижу ясности.

– Власть, – просто сказал Янсен. – Все дело во власти. Клавер пытается заполучить ее для храмовников и для себя. Неманцы желают вернуть магические силы, отнятые Орденем. Млианары хотят сместить Императора, при этом продолжая управлять Сенатом. Они похожи на философов, сидящих в одной комнате, – каждый думает, что он умнее своего соседа. Каждый считает, что сможет обыграть всех остальных, но на самом деле мы движемся к падению и гибели. Я пытаюсь сделать все возможное, чтобы смягчить удар, но один из столпов нашего государства не доживет до конца этого года, в этом я совершенно уверен. А это все равно что сломать одну ножку стула – очень скоро он упадет целиком.

Несколько минут Вонвальт молчал. Он не был глупцом, хотя и вел себя неразумно. Янсен и Августа оба говорили ему одно и то же, и Вонвальт, глядя на изложенные ими доказательства, прекрасно осознавал всю серьезность ситуации в Сове. Но все это время он пытался решить две задачи, которые казались ему в равной степени важными. Думаю, лишь тогда, в шатре сенатора, Вонвальт наконец осознал, что он, как и многие другие, допустил страшную ошибку.

– Зачем Кейдлек ведет переговоры с неманцами? – спросил Вонвальт. – Он всегда был рассудительным, хотя и заурядным, магистром. Он платил дань

религии ровно настолько, насколько требовало его положение, но я никогда не думал, что он – истинный верующий.

– Кейдлек всегда в душе был неманцем, – пренебрежительно сказал Янсен. – Это стало особенно заметно на склоне его лет. Я и многие мои коллеги не удивлены тем, что он решил сделать ставку именно на них. Но дело не только в Кейдлеке. Млианары запустили свои когти во многих Правосудий. Предубеждения магистратов просачиваются и в то, что они делают – они выносят решения в ущерб Короне, урезают оброки вассалам патрициев, отказываются от дел по общему праву в пользу церковных судей... Мои слуги почти ежедневно раскрывают тайные связи между членами неманской Церкви, млианарами и магистратами, все нацеленные на то, чтобы подкопить Императора и передать власть Сенату, который они желают взять под свой контроль.

Меня впечатлило, что Вонвальт сумел сохранить невозмутимый вид, хотя слова сенатора, обвинившего стольких Правосудий в продажности, наверняка потрясли и оскорбили его. В глазах Вонвальта быть Правосудием означало быть непогрешимым, представлять собой пример неподкупности и справедливости. В этом отношении он был довольно наивен.

– Разве это так уж плохо? – наконец сказал Вонвальт. Янсен оказался осведомлен намного лучше него, а это задело Вонвальта, и в нем пробудилось упрямство. Чтобы восстановить свое превосходство, он поступил так, как обычно делал, оказавшись в невыгодном положении: прибегнул к ученым, юридическим аргументам. – Чтобы Империя управлялась группой представителей, а не прихотью одного человека? Собранием мужчин и женщин, которые бы умеряли наиболее радикальные порывы друг друга и правили государством, которое стало чересчур огромным и трудно управляемым?

Янсен откинулся назад, невесело улыбаясь.

– Так вы теперь взяли на себя роль Казивара? Создаете призрачные миражи в небесах, чтобы отвлечь нас от главного спора? Или вы действительно считаете, что будет лучше, если млианары заполнят Сенат своими сторонниками и посадят на трон марионетку – или хуже, самого Клавера? Соглашусь, млианаров можно назвать собранием мужчин и женщин, но интересы они будут представлять только свои.

– Вы, значит, беседовали с Реси, – пробормотал Вонвальт. Его нечасто ставили на место, и в ответ на это он насупился, что было ему несвойственно.

– Нечасто, – сказал Янсен. – А что, леди Августа говорила вам то же самое? Это она – та коллега, которую вы упоминали минуту назад?

Вонвальт единожды кивнул.

– Удивительно, что вам понадобился я, чтобы подтвердить ее слова. У леди Августы солидная репутация.

– Дело не в ней и не в ее суждениях, – сказал Вонвальт. – Скажите, зачем же вы вызвали меня сюда? Хотя наш разговор оказался познавательным, все то же можно было изложить и в письме.

Мне стало жаль леди Августу. Брессинджер оказался прав: какими бы ни были ее отношения с Вонвальтом – а я не сомневалась, что они были сложными, – они явно повлияли на то, как Вонвальт воспринял дурные вести, которые Августа привезла из Гулича. Скорее всего, Вонвальт решил, что своими предупреждениями она проявляет беспокойство за него самого и что вызвано это беспокойство любовью и привязанностью. В то же время слова Янсена несли на себе клеймо холодного, жесткого и корыстного политического расчета. Первыми опасениями было легко пренебречь, решив, что они преувеличены из-за чувств; но закрыть глаза на вторые уже не получалось.

– О, ваш вопрос как раз кстати, раз уж мы заговорили о леди Августе. Вчера до меня дошли вести о том, в какое затруднительное положение вы попали в Долине. Черный дрозд принес мне письмо с печатью леди Августы. Какое счастливое совпадение, что она смогла найти меня, – все-таки я мало кому сообщил о том, куда направляюсь.

– Тогда вам известно, что млианары уже начали действовать? – спросил Вонвальт.

– Теперь известно. Впрочем, я бы не удивился, узнав, что за этой шалостью стоят только Вестенхольц и барон Кругокаменска. Наши враги могущественны, но, когда я уезжал из Совы, мне казалось, что млианары еще не готовы к столь решительным действиям. – Сенатор пожал плечами. – Как бы там ни было, скоро прольется кровь.

– Я полагаю, вы можете помочь? – спросил Вонвальт.

– Надеюсь, я уже помог, – сказал Янсен. – Но сначала сообщу маленькую дурную весть: из Гормогона никто не придет. Гарнизон уже отправился на запад, к Денхольцу.

– Весть действительно дурная.

– Но не смертельная. Есть новость и получше: лорд Хангмар, барон Остерленский, ведет туда на замену роту имперских солдат из Двадцать восьмого легиона, что сейчас находится к западу от Вайсбаума. Насколько мне известно, по пути он собирается забрать и весь гарнизон грешского форта. Если они сейчас там, где должны быть, и если они получили мое сообщение, то у вас появится довольно порядочное войско – и оно станет даже больше, если вы сможете пополнить его городскими стражниками и, возможно, отрядом добровольцев.

Вонвальт резко подался вперед.

– Сколько у барона солдат? И где они?

Янсен поднял ладонь, призывая его к спокойствию.

– Всего лишь три сотни против пяти сотен Вестенхольца, и это гарнизонные сидельцы, а не лучшие воины Императора. Но с ними небольшой отряд кавалерии, и, хвала судьбе – или Неме, – они достаточно близко, чтобы помочь.

- Зачем барон Хангмар вообще идет на запад?

- Он собирается расположиться в Гормогоне на случай, если в Денхольце потребуется подкрепление. - Сенатор небрежно отмахнулся. - Там не то язычники восстали, не то еще что-то случилось - кто знает? В наши дни этих восстаний так много. Важно лишь то, что его войска можно выделить вам. Я отправил им вслед всадника на самой скорой лошади - жаль, у меня нет способностей Правосудия Августы, иначе я бы отправил птичку. Как бы там ни было, я уверен, что мой слуга к ним поспеет - если уже не поспел. С попутным ветром и каплей удачи Хангмар доберется до Долины за день или два.

- Если они не подойдут к городу за два дня, то мне будет все равно, близко они или в Гвородской степи, - сказал Вонвальт.

- Вы же знаете, как говорят: на безрыбье... Я хотел и сам заявиться в Долину, подраться с вашими бунтарями, но вы, честно говоря, не очень-то стараетесь привлечь меня на свою сторону.

Вонвальт вздохнул и сделал большой глоток вина.

- Простите, Тимотеус. Я веду себя... чрезвычайно неблагодарно. Мне нет оправдания.

Сенатор, похоже, без труда принял его извинения.

- Как же хорошо, что вы - мой старый друг, иначе я мог бы и обидеться на ваш дурной тон, - иронично сказал он. - Как бы там ни было, надеюсь, этого хватит, чтобы что-то изменить. Возможно, Вестенхольц испугается и повернет назад.

- Не знаю, - с сомнением сказал Вонвальт. - Он действует так, словно совершенно уверен в прочности своего положения.

- В Сове у него множество союзников; уж в этом можете не сомневаться. Вы хотя бы знаете, что он затевает?

- Я предполагаю, что мои действия в Долине Гейл лишили его части денег, которые он и Клавер получали с помощью своих махинаций. Я, конечно же, не намеревался этого делать, но доволен, что так вышло.

- И что это за махинации?

- Из городской казны незаконно изымались деньги, которые затем передавались злоумышленникам в монастыре и через них в конце концов попадали в руки храмовников. Дело такое же запутанное и сложное, как и все, что происходит в Сове. Будь у меня побольше времени, я бы рассказал вам подробности.

Янсен отмахнулся от него.

- В таком случае я рад, что у вас нет времени.

Вонвальт вопреки самому себе рассмеялся.

- А что же вы? Как так вышло, что вы оказались столь далеко от Совы? Неужели Император пожаловал вам губернаторство где-нибудь на севере Хаунерсхайма?

- Ах, если бы, - сказал Янсен. - Нынче стало опасно быть сованским сенатором. Я направляюсь в Хассе на обыкновенный дипломатический прием. Должен признать, возможность обогреть мой меч кровью в Долине кажется мне куда более привлекательной. Вестенхольц всегда был тем еще ублюдком.

Вонвальт улыбнулся.

- Благодарю вас за помощь, Тимотеус. Но, пожалуйста, не стоит из-за меня подвергать себя опасности. Я не перенесу, если с вашей сенаторской особой что-то случится.

- Довольно наставлений, матушка, - ворчливо пожурил его Янсен. Я впервые увидела, как его хладнокровие поколебалось. - Я буду делать то, что пожелаю, во славу Двуглавого Волка.

Вонвальт помрачнел.

- Я не знаю, что произойдет в ближайшие день или два, но в одном уверен: ничего славного нас не ждет.

* * *

Мы попрощались с сенатором и его свитой и расстались с ними ближе к вечеру. К тому времени, когда мы наконец добрались до Долины, уже стемнело, и я сильно устала от целого дня скорой езды.

- Мэр Саутер вас разыскивает, - окликнул нас сэр Радомир, когда мы въехали в Вельделинские ворота. Он стоял на торхаусе - весь день шериф готовился к обороне города. В свете пляшущих огней жаровен он выглядел мрачным и уставшим.

Вонвальт вздохнул. Я заметила, что он избегал лорда Саутера. Мэр, по понятным причинам, очень переживал за судьбу своего города, но от этого его постоянные расспросы раздражали не меньше.

- Хелена, Дубайн, - обратился к нам Вонвальт, - отправляйтесь к дому мэра. Расскажите ему все, что он захочет узнать. Насколько могу судить, нет необходимости утаивать от него что-либо из того, что мы обсуждали сегодня.

- Как скажете, - угрюмо сказал Брессинджер.

- А вы куда? - спросила я Вонвальта, когда мы проехали мимо него.

– Я собираюсь найти Правосудие Августу и выяснить, не узнала ли она за сегодня что-нибудь новое, – несколько сдержанно сказал он.

– Не утруждайте себя, – крикнул сверху сэр Радомир. – Она выехала из города на разведку.

Губы Вонвальта сжались в тонкую линию.

– Ладно. Тогда я буду в моих покоях в здании суда.

– Вы ведь не собираетесь завтра продолжать процесс? – недоверчиво спросила я.

– Конечно, собираюсь. Я не позволю Вестенхольцу перечеркнуть все, чего мы так упорно добивались. Именно потому, что он близко, мы и должны продолжить. Закон есть закон; день, когда мы забудем о нем ради кровопролития, станет днем, когда мы забудем самих себя.

С этими словами он направился к зданию суда, предоставив нас той долгой, бессонной ночью самим себе.

XXVI

Пламя от искры

«Никто не выше закона».

Старая пословица магистратов

Суд действительно продолжился на следующее утро. Удивлялась этому не я одна. Сэр Радомир и его стражники весь прошлый день заготавливали стрелы и снаряды, проверяли на прочность городские ворота – а ворота Сегамунда закрыли впервые за много лет – и набирали в свои ряды вооруженных добровольцев из числа жителей города. Эти приготовления никак не могли остаться незамеченными.

Однако, несмотря на все, городской совет не делал никаких официальных заявлений. Все-таки намерения Вестенхольца оставались неясными. Мы ждали худшего, но не все поступали так же. Большая часть города продолжала жить своей жизнью, и к тому времени, когда мы вернулись в здание суда, улицы, как и всегда, наводнили толпы людей, занимавшихся своими повседневными делами.

Я сидела на скамье обвинения с раскрытым журналом и быстро строчила в нем пером, однако между моими мыслями и рукой не было осознанной связи. Как и вчера, я могла думать лишь о нависшей над нами угрозе.

Гарб продолжал гнуть ту же линию, что и вчера, обличая Вонвальта и Орден магистратов, а не разбирая дело своих подзащитных. Его аргументы были неумны, всецело раздражали и не имели никакого отношения к делу. Видимо, именно поэтому они так эффективно действовали на тех, кто присутствовал в зале суда.

– Задумайтесь, сидящие здесь, – говорил Гарб своим раскатистым басом. – По какому праву этот человек, этот дворянин, владеющий дорогим особняком на Вершине Префектов в Сове, осуждает моих подзащитных? Он не знаком с тонкостями жизни в Долине Гейл. Он не живет среди нас; ему не ведомы наши порядки. Он попытается впечатлить вас и сбить с толку книгами, написанными членами его Ордена, и он попытается настроить вас против моих подзащитных при помощи изощренных и заумных тонкостей законов. Он будет настаивать, чтобы вы повесили троих человек не потому, что он прав, а потому, что считает, будто познания в философии, теории права и других книжных науках делают его умнее вас.

Леди и джентльмены, вы не обязаны подчиняться этому человеку лишь потому, что он Правосудие. Какое бы впечатление он на вас ни производил, он разбирается в людях ничуть не лучше вас. Доверяйте своей интуиции, не поддавайтесь влиянию его колдовских методов и аргументов; пусть они основаны на законах, они только кажутся убедительными. Правосудие – всего лишь человек из плоти и крови и отличает хорошее от дурного ничуть не лучше вас.

Эти аргументы злили нас еще и из-за возмутительного лицемерия защитника. Гарб тоже был богатым и ученым человеком, и ему были доступны все жизненные привилегии, которые давали деньги и знания. Однако он молол языком так, словно происходил из вилланов, принадлежал низайшему из классов и между походами в здание суда пахал землю. Его могли раскусить и я, и Вонвальт, хладнокровно сносивший поток помоев, которыми его поливал представитель защиты. Но меня беспокоило, что эти очевидные апелляции к предрассудкам простых людей все-таки действовали на них. Если бы суду позволили продолжиться и дальше, я бы искренне забеспокоилась, сможем ли мы одержать победу – и это при том, что у нас на руках было три письменных признания.

– ...и давайте не будем забывать, леди и джентльмены, что сама практика наделять Правосудий властью определять виновность или невиновность человека уже уходит в небытие – и не просто так. Вскоре все люди будут судимы коллегией равных им, а не прихотью одного человека...

Гарба прервали, и в других обстоятельствах я была бы этому рада. Но виной тому стал колокол в здании стражи, забивший тревогу. Поскольку он находился на одной улице со зданием суда, его звон, сотрясший морозный утренний воздух, прозвучал оглушительно громко и привлек всеобщее внимание.

Вонвальт резко повернулся к сэру Радомиру.

– Войско из Кругокаменска, – сказал шериф, широко выпучив глаза. – Должно быть, оно уже здесь.

Зал тут же наполнился взволнованной болтовней. Мы покинули скамью обвинения, не церемонясь и не спрашивая разрешения, и поспешили наружу. Я сразу же увидела, что тяжелая железная решетка Вельделинских ворот уже опущена. Через нее смогли бы пробиться лишь самые упорные осаждающие и только с помощью крепких осадных орудий. На стенах города толпились стражники в горчично-желтых с синим сюрко Долины Гейл. Жиденский серый свет тусклого утреннего солнца поблескивал на их шлемах и наконечниках копий. Среди стражников я увидела одинокий неподвижный силуэт, закутанный в потрепанный вошенный плащ.

– Там Реси, – сказал Вонвальт, указывая на нее. За нами из здания суда, как из бутылки, полилась толпа людей.

– Всем разойтись! – прокричал сэр Радомир. – По домам, сейчас же!

Люди разошлись, но неторопливо; все вытягивали шеи, пытаясь разглядеть, что же там, за воротами. Они болтали, как идиоты, тыкали пальцами и шумели, словно смотрели игры на Сованской арене. Я помню, как меня потрясла их беззаботность, словно у стен их города регулярно вставляли лагерем большие сборища вооруженных людей. Но стоит помнить – горожане не ведали того, что было известно нам; они не знали о наших опасениях и о том, какие могущественные силы действовали внутри Империи.

– Дубайн, проследи, чтобы обвиняемых отвели обратно в городскую тюрьму, – сказал Вонвальт. – Я не хочу, чтобы они ускользнули в суматохе.

– Да, сир, – ответил Брессинджер.

– Вы двое, со мной.

Сэр Радомир и я последовали за Вонвальтом, который зашагал по улице к воротам.

– Дорогу, ну же! – орал сэр Радомир, пока мы пробирались по крутой узкой лестнице, которая вела на стену. Стражники, встревоженные, расступились, чтобы нас пропустить.

– Кровь Немы, – сказал Вонвальт, когда мы забрались наверх. За стеной по поросшему травой подступу змеей тянулось войско из пяти сотен бойцов, вооруженных, облаченных в доспехи и в темно-синие ливреи дома маркграфа Вестенхольца. Около четверти войска составляли всадники; остальные топали по затопленным грязью полям пешком. Они пели старую хаунерскую походную песню, и прохладный утренний ветер разносил ее по воздуху.

Возглавлял войско сам Вестенхольц. Его было невозможно с кем-либо спутать – облаченный в дорожные черные латы, он ехал верхом на белом дестриэ в цветастой попоне. Поверх его лат был наброшен темно-синий сюрко с вышитым гербом маркграфа – чайкой с распростертыми крыльями.

Рядом с ним на верховой лошади ехал Клавер. В своей потрепанной пурпурной рясе он выглядел смешно.

Вонвальт протолкнулся к Августе. Я смутно осознавала, что за нами сэр Радомир громко отдает своим бойцам приказы.

- Реси, - сказал Вонвальт, - это все войско или на подходе еще?

Августа не шелохнулась. Она стояла недвижимо, как статуя, глядя перед собой пустыми, стеклянными глазами. Не нужно было обладать познаниями Правосудия, чтобы понять, что что-то не так.

- Реси, - сказал Вонвальт, подходя ближе. Он помахал рукой у нее перед глазами. Я заметила, что некоторые стражники взволнованно поглядывают на нас. - Давно она так стоит? - требовательно спросил Вонвальт у ближайшего из них.

- С тех пор, как я сюда пришел, - ответил солдат.

- И когда это было?

- На рассвете, милорд. Что-то случилось? Я думал, она просто что-то колдует.

Вонвальт отмахнулся от солдата и сделал глубокий вдох.

- Что случилось? - спросила я, и в ту же секунду он положил руку на плечо Августы.

- Боги! - выкрикнул Вонвальт, отдергивая руку. Он схватился за нее, словно только что дотронулся до раскаленного угля.

- В чем дело? - воскликнула я.

- Они поймали меня, - сказала Августа. Я перевела взгляд на нее. Она оставалась неподвижна. - Ищите лисицу, - пробормотала она. Я увидела, как по ее лбу стекает капля пота. Что бы ни происходило, Августе приходилось прикладывать все силы и колдовскую мощь, чтобы это контролировать.

Вонвальт подошел вплотную к зубцу. Надвигавшаяся армия была примерно в миле от нас. Я увидела, как Вонвальт щурится.

- Вон там, - сказал он, указывая вперед. - Посмотри на того, кто едет за Вестенхольцем.

Я подняла ладонь, чтобы прикрыть глаза, и проследила взглядом, куда указывал Вонвальт.

- Да, - недоуменно сказала я. - Я ее вижу. - К седлу рыцаря, ехавшего за маркграфом, была привязана клетка с лисицей внутри.

- Руна... Пленения... - выдавила из себя Августа.

- Что это значит? - спросила я. Мое сердце бешено колотилось. Не мог же Вестенхольц действительно решиться на штурм Долины Гейл. Даже несмотря на все, что произошло, это казалось немыслимым.

Вонвальт потер лицо руками. Я не видела его таким взволнованным с тех пор, как... На самом деле, кажется, я впервые увидела его по-настоящему, глубоко встревоженным. И это напугало меня больше, чем приближающиеся солдаты.

– Пока армия маркграфа шла сюда, Реси шпионила за ними при помощи лисицы, – сказал Вонвальт. В его голосе прозвучали нотки беспомощности, и я содрогнулась. – Они поймали лисицу и запечатали в ней разум Реси, воспользовавшись Руной Пленения. – Он махнул рукой. – Это руна из «Гримуара Некромантии»; она нужна, чтобы привязывать душу к этому миру до того, как та отлетит слишком далеко в мир загробный. Я никогда прежде не слышал, чтобы ею пользовались вот так.

– Откуда? – спросила я. Мне стало дурно. – Откуда они узнали, как ею пользоваться?

Вонвальт покачал головой.

– Я не знаю. Меня самого посвятили в эти тайны лишь из-за моего положения и способностей. Даже в Ордене это знание доступно немногим. Эти руны относятся к древнему драэдическому колдовству.

Я содрогнулась. У меня никак не получалось отвести глаза от приближающихся солдат.

– Они стали столь могущественны и так быстро, – пробормотала я. – Как такое могло произойти?

– Либо магистр Кейдлек выдал им гораздо больше, чем дал понять, – сказал Вонвальт, – либо кто-то еще из Ордена действует против нас. – Я увидела, как руки Вонвальта задрожали от гнева, и он вцепился в каменный зубец, чтобы вернуть себе равновесие. – На этот раз они зашли слишком далеко, – сказал он. – Мне не стоило задерживаться в Долине. Придется нам положить этому конец здесь и сейчас.

Войско было уже совсем близко, на расстоянии прицельного лучного выстрела от стены. Вестенхольц поднял руку, и следовавшие за ним солдаты, громыхая доспехами, остановились. Их песня стихла. Теперь лишь ветер свистел в амбразурах и шелестел высокой травой.

Вестенхольц заставил своего дестриэ выйти вперед и поднял забрало. Клавер остался на месте.

– Что все это значит? – прокричал со стены Вонвальт. Его голос прокатился по полю, как раскат летнего грома.

– Вы человек ученый и следуете букве закона, – обратился к нему Вестенхольц. – Поэтому я дам вам выбор. Мы можем разобраться по-вашему, или... – он широким жестом обвел стоявшее за ним вооруженное войско, – ...мы можем разобраться по-моему.

– Вы держите в плену Правосудие Августу, – рявкнул Вонвальт. – То, что вы делаете, считается государственной изменой. Освободите ее немедленно. После мы поговорим.

Вестенхольц пропустил его слова мимо ушей.

– Патре, – сказал он, кивнув Клаверу. Я увидела, что тот держит в руках тяжелую книгу по процессуальному праву. Я ее узнала: «Конфликт канонического и общего права: порядок разрешения и известные прецеденты». Она была написана одним из наиболее прославленных старых юристов, Марком Кендаллом.

– Вы арестовали обенпатре Фишера, Правосудие, – крикнул Вестенхольц. – Он хотя бы сознался?

Вонвальт сжал кулаки.

– Сознался. И он умрет.

– Фишер – обенпатре Ордена святого Джабранко, – прокричал Клавер. – То, что он сознался в своих прегрешениях, в мошенничестве и убийстве, делает его собственностью неманской церкви. По законам сованского канонического права, он попадает исключительно под юрисдикцию церкви и должен быть судим коллегией церковных судей.

– Не несите чепуху, – рявкнул Вонвальт. – Маркграф Вестенхольц, своим присутствием здесь вы оскорбляете Императора и полностью попираете сованские законы и порядок их применения. Немедленно уходите и уводите отсюда своих людей!

– Оскорбляю Императора, – с мрачной ухмылкой сказал Вестенхольц. Он протянул руку, и один из воинов вложил ему в латную перчатку свиток. Я сразу же узнала обвинение с отсрочкой исполнения, которое сама же и составила.

Вестенхольц с насмешливой церемонностью развернул свиток.

– «По сему обвинению и до приведения в исполнение обвинительного заключения маркграф Вальдемар Вестенхольц обязан предстать перед судом, дата и способ проведения которого будут установлены позже. В случае, если маркграф будет признан виновным, он сможет уповать лишь на высочайшую милость Императора». Получается, я уже во второй раз наношу ему оскорбление?

– Ради Немы, маркграф, объяснитесь немедленно! – проревел Вонвальт. Он терял контроль над ситуацией, и я по прошлому опыту знала, что это выводило его из себя.

– Ваш суд, эти слушания, в каком бы виде они ни проводились и на какой бы стадии сейчас ни находились, завершены, – сказал Вестенхольц. – Обенпатре Фишер сознался. Он подчиняется законам церкви и будет взят мною под стражу. Патре Клавер и присяжные из числа церковных судей вынесут ему наиболее подходящий приговор. Немедленно освободите его.

– Вы говорите о законах и порядке их применения, но при этом плюете в лицо Императору, – прокричал Вонвальт. – Если у вас действительно есть законные претензии, то вы передадите их мне надлежащим способом, а не стоя во главе вооруженного войска!

– Я не стану выслушивать нотации о должном порядке суда и следствия от человека, лишившего одного из моих воинов головы на Хаунерской дороге! – взревел Вестенхольц, внезапно выйдя из себя. Я поморщилась. Стражники вокруг меня зашевелились.

– У вас здесь нет полномочий, маркграф, – сказал Вонвальт. – Забирайте своих людей и уходите.

– Сэр Конрад, вот мои полномочия, – сказал Вестенхольц, вынимая меч из ножен.

– Вы угрожаете Правосудию Императора клинком? Я знал, что вы глупец, маркграф, но это уже чересчур. У меня и до этого была уйма поводов, но за одно лишь это вас ждет виселица.

Вестенхольц снисходительно покачал головой.

– Дорогой мой Правосудие, – сказал он, обменявшись с Клавером злобными ухмылками. – Вам действительно стоит как-нибудь заглянуть в Сову. Напомните-ка, когда вы были там в последний раз?

Вонвальт ничего не сказал. Я видела, как он стискивает зубы. Ему следовало внимательнее отнестись к предупреждениям Августы. Ему следовало прислушаться к ним гораздо раньше, и он это понимал.

Вестенхольц вздохнул.

– Смотрите, – сказал он, свободной рукой бросая обвинение Клаверу. Жрец демонстративно разорвал его и уронил на землю. – В этом и заключается разница между листом бумаги и сталью. Если вы до сих пор этого не уяснили, то скоро поймете. – Маркграф повернулся к рыцарю, к седлу которого была привязана клетка с лисицей. – Убей животное, – сказал он.

– Нет! – пронзительно закричала я.

– Именем Немы, Вестенхольц, немедленно прекратите это безумие! – прогремел Вонвальт Голосом Императора. На маркграфа и Клавера это не подействовало, но стоявшие вокруг них солдаты пошатнулись, как от мощного удара.

– Ради Немы, да дай же ее сюда, – рявкнул Вестенхольц на оглушенного рыцаря и вырвал бьющуюся лисицу из стальной перчатки всадника.

Вонвальт отчаянно повернулся к Августе.

– Реси, ты должна освободиться! – отчаянно сказал он.

Августа напряглась. На ее лбу заблестел пот.

– Это безнадежно, – сквозь стиснутые зубы пробормотала она. – Мне не хватает сил.

– Пожалуйста! – сказал Вонвальт, схватив ее за руку. Но та же сила, что заставила его отшатнуться в первый раз, снова обожгла его. Казалось, будто связывавшая Августу руна стояла перед ним огненной стеной.

– Ты.. хороший человек, Конрад. Ты всегда был мне очень дорог. Спаси Орден. Пусть.. свершится правосудие.

Я снова повернулась к Вестенхольцу. Тот прижал клинок к горлу лисицы.

– Подождите! – закричал со стены Вонвальт, вцепившись руками в холодный каменный зубец. – Просто подождите минуту! Будьте вы прокляты, да подождите же!

Но его слова не могли ничего изменить. Вестенхольц провел клинком по шее вырывающегося животного. Это заняло лишь миг. Лисица коротко взвизгнула и умерла. Ее голова почти полностью отделилась от тела. Из глубокой раны полилась густая кровь, запачкавшая попону коня маркграфа, и черты лица Вестенхольца исказило отвращение. Он отшвырнул лисицу на землю и вытер меч.

Я снова посмотрела на Августу. Ее глаза расширились, она издала краткий захлебывающийся звук, а затем рухнула Вонвальту на руки. Несколько стражников бросились к ней, чтобы не дать ей разбить голову о каменную амбразуру. В первый миг я подумала, что она умерла; затем в мое сердце прокралась ненавистная надежда, и я решила, что она не только выжила, но и смогла вернуть сознание обратно в собственное тело. Однако после нескольких секунд стала очевидна мучительная истина: сознание Августы погибло вместе с лисицей, к которой оно было приковано. Ее глаза оставались стеклянными, и в них больше не горела искра мысли. Одним взмахом руки ее превратили в пускающий слюни овощ.

Вонвальт был сражен. Он опустился на колени и трясущейся рукой гладил лицо Августы, снова и снова извиняясь. Дело было не только в том, что он потерял близкую подругу и бывшую возлюбленную, а еще и в том, что означала ее смерть. Она означала возвращение в мрачные дни Рейхскрига, когда закон и порядок имели гораздо меньшее значение, чем то, чья армия была больше. Во времена гнусных людей и темных дел.

Вонвальт явно не ожидал, что ситуация настолько обострится и дойдет до того, до чего дошла. Думаю, он искренне верил, что сможет удержать Клавера и Вестенхольца в узде и в конце концов заставит их ответить перед законом. Если в случившемся и можно было найти хоть что-то положительное, так это то, что Вонвальт полностью лишился своих наивных воззрений. Однако, как предстояло выяснять мне и многим другим, вместе с ними он потерял и несколько хороших качеств.

– Солдаты городской стражи, – обратился Вестенхольц к стоявшим на стене. – Я – Вальдемар Вестенхольц, маркграф Моргарда и лорд Хаунерсхайма. Со мной – патре Бартоломью Клавер. Мы здесь для того, чтобы взять под стражу обенпатре Фишера. Я не знаю, что вам сказали ваши господа, но мы пришли

сюда только за ним. Вам нет нужды бояться ни меня, ни моих людей. Я прошу лишь открыть ворота, чтобы мы забрали нашего подопечного и ушли.

– Джейкоб Бикман, не вздумай прикасаться к гребаному вороту! – проорал сэр Радомир дерганому юноше, стоявшему на торхаусе.

Вестенхольц, развеселившись, склонил голову набок.

– А кто же вы, сэр?

– Иди на хер! – прорычал сэр Радомир.

Я увидела, как Клавер ненадолго склонился к уху маркграфа.

– Шериф Радомир Дражич, – сказал Вестенхольц. – Вы слывете неглупым человеком... впрочем, как и сэр Конрад когда-то. Я уже сказал вам, кто я такой.

– Да плевать я на это хотел, – крикнул ему в ответ сэр Радомир. Я посмотрела на шерифа с восхищением. В тот момент я чувствовала, что готова пойти за ним хоть в огненное царство Казивара. – Из преступлений Фишера можно составить список длиной с мою руку. Единственное, куда он отправится из своей тюремной камеры, – это на тот свет.

Вестенхольц вздохнул. Веселость на его лице сменилась раздражением.

– Солдаты городской стражи! – провозгласил он. – Я сказал вам, зачем пришел сюда и кого ищу. Я – честный человек. Если вы откроете ворота сейчас же, я пощажу всех вас. Никто не будет наказан за неподчинение шерифу. Я заберу обенпатре, оставляю вас, и вы продолжите свой день как обычно.

Вы видите, что позади меня стоят пятьсот воинов, пехота и кавалерия. Каждый из них – ветеран Рейхскрига. Если вы откажете мне, я вышибу ворота, после чего прикажу выпотрошить и четвертовать всех и каждого. У вас нет шансов. Решайте, кому вы подчинитесь: вашему сеньору или Правосудию? И думайте побыстрее, у меня есть и другие дела.

Я оглядела стражников. Сборище молодых и пожилых местных мужчин, хорошо вооруженных, но привыкших разнимать драки в барах и поддерживать комендантский час, а не сражаться в боях. Некоторые выглядели взволнованными, другие – напуганными. Тогда я ощущала гнев и беспомощность, но, оглядываясь назад, я не могу их винить. Они ведь были констеблями с копьями, а не солдатами.

– Вы обещаете, что нас не тронут? – крикнул со стены один из сержантов.

Сэр Радомир резко повернулся к нему.

– Закрой пасть, Леон!

– Клянусь честью, – ответил Вестенхольц.

- Не делайте этого! - внезапно для самой себя закричала я. - Он - жестокий человек и лжец! У них нет орудий, чтобы выломать ворота!

- Заткнись, девка, - со злостью сказал другой стражник.

- Да, - подал голос еще один. - Я не стану погибать из-за какого-то проворовавшегося священника.

- Сэр Конрад! - закричала я, но он оставался глух к моим отчаянным мольбам. - Сэр Радомир!

- Давай, Джейкоб. Открывай ворота, - прокричал сержант, и в тот же миг двое стражников схватили сэра Радомира.

- Казивар вас раздери, не трогайте ворота! - проревел сэр Радомир, яростно вырываясь из хватки державших его стражников. - Идиоты, вы погубите всех нас!

- Заткнитесь!

- Открывай!

- Давай, Джейкоб, крути ворот. Покончим с этим поскорее. А то мы себе скоро все яйца отморозим.

Я с ужасом смотрела, как паренек начинает медленно крутить ворот. Решетка стала подниматься. Вестенхольц кивнул и жестом приказал своим людям войти в город.

- Сэр Конрад, - сказала я, тряся его за руку. Он не обращал на меня внимания, сломленный и безутешный. - Сэр Конрад, нам нужно уходить!

- Хелена, - прошипел мне сэр Радомир. - Бегите к Дубайну!

Я посмотрела на сэра Конрада, затем подняла глаза на шерифа.

- Да чтоб вас, - рявкнул он, закатив глаза. - Бегите!

- Задница Немы, - выругалась я и побежала по стене, внутрь торхауса и вниз по лестнице. За моей спиной раздался металлический стук - ворота полностью открылись. Солдаты Вестенхольца стремительно приближались. Пусть стражники и поверили ему, однако, если маркграфу был нужен только Фишер, он мог забрать его и без помощи пяти сотен солдат. Нет, все шло только к одному.

Я побежала по булыжной мостовой. Несмотря на приказы сэра Радомира, по улице еще бродили несколько дюжин стражников и зевак, пытавшихся разглядеть, что же происходит.

- С дороги! - кричала я, проталкиваясь через толпу. Мне вслед летел поток проклятий, но я продолжала пробираться к городской тюрьме. Я распахнула дверь с такой силой, что ручка, ударившись о стену, оставила на штукатурке трещину.

– Дубайн! – прокричала я.

Брессинджер вышел из ближайшей комнаты.

– Что? – крикнул он, недоуменно хмурясь. – Где сэр Конрад?

Затем мы оба обернулись – воздух заполнили первые вопли и звон стали.

– Что происходит? – спросил Брессинджер. Его рука легла на рукоять меча.

– Вестенхольц убил леди Августу! – задыхаясь, сказала я. – Они идут, чтобы забрать Фишера!

Брессинджер с широко распахнутыми глазами смотрел, как солдаты маркграфа врываются в город. По меньшей мере две дюжины успели пройти в ворота, прежде чем стражники опомнились и снова опустили решетку. Солдаты тут же начали прорываться вверх по лестнице к торхаусу. Я смотрела, как сэр Радомир лихорадочно отправляет своих людей в бой.

– Что нам делать? – спросила я. От страха у меня перехватило дыхание.

– Мы должны стеречь арестованных, – сказал Брессинджер. – Этого от нас ждет сэр Конрад.

Я застонала, готовая расплакаться от досады.

– Почему мы всегда должны так неукоснительно следовать правилам?

Брессинджер вынул свой кинжал и передал его мне. Выражение его лица было твердым.

– Я воевал в Рейхскриге, Хелена, – сказал он. – Я видел, каким может быть мир без правил.

Затем он захлопнул дверь и запер ее на перекладину.

XXVII

Вкус битвы

«Вступайте в бой лишь ради великого дела и никогда не ведите войну ради самой войны»

Лорд Александр Каллан, 14-й маркграф Конхольта

Я не знаю, как долго мы ждали в той влажной, холодной тюрьме, но вряд ли прошло более нескольких минут. Признаю, большую часть времени я плакала и молилась Неме. Звуки битвы, крики, звон скрестившихся мечей и пик, грохот лошадиных копыт по булыжной мостовой – эта адская какофония чуть не свела меня с ума.

Все это время Фишер и Вогт орали на нас из своих камер в комнате по соседству. Когда они поняли, что Брессинджер не собирается просто казнить их на месте, и почуяли, что сейчас их спасут, они осмелели и начали осыпать нас насмешками и угрозами. Я не стану тратить дорогие чернила и повторять их; достаточно лишь сказать, что своими словами они полностью раскрыли свои гнусные, безбожные натуры. Из всех троих лишь Бауэр продолжал молчать. Он был сломлен, преисполнен ненависти и раскаяния.

Первый удар в дверь заставил меня вскрикнуть. Затем в нее начали бить часто и громко. Я сжала кинжал с такой силой, что стало казаться, будто кожа моих пальцев сейчас разорвется. Дверь начала поддаваться, стремясь сорваться с петель, и затрещала под мощным натиском. Брессинджер встал между ней и мною и выставил перед собой свой грозодский клинок.

– Не бойся, Хелена, – сказал он через плечо. – Я не позволю, чтобы с тобой что-либо случилось.

Дверь наконец сорвалась с петель. Закованные в сталь пальцы отшвырнули треснувшее дерево в сторону и сняли перекладину со скоб. Трое солдат Вестенхольца ворвались внутрь. Их сюрко уже были запятнаны кровью. За ними я увидела кавалеристов, с ликованием рубивших горожан.

Брессинджер не стал терять время. Он сразил первого же солдата, воткнув ему меч в глазницу. Тот рухнул на пол, как мешок с навозом. Оставшиеся двое грязно выругались. Один замахнулся мечом наудачу и попал Брессинджеру по левой руке, почти полностью отрубив ее. Брессинджер взревел и убил солдата, полоснув его мечом по горлу.

От третьего Брессинджер попятился, тяжело дыша и ругаясь по-грозодски. Его рука безжизненно болталась на тонкой полоске плоти. Кровь лилась из раны алым ручьем. В тот миг я поняла, что ради спасения мне придется подвергнуть себя опасности, как бы это ни претило всему моему естеству. Ощувив внезапный прилив сил и безумства, я закричала и бросилась на третьего солдата сбоку, отвлекая его и давая Брессинджеру возможность повернуть классический имперский финт мечом – то есть нанести ему укол под мышку и пронзить прямо в сердце. Глаза солдата расширились, его вонючее дыхание ударило мне в лицо, и он рухнул на пол.

– Nuiza! – выругался Брессинджер, затем выдал поток грозодских слов, которые я не поняла, и закончил все, несколько раз повторив по-саксански: – Да ну на хер! – Все это время он с ужасом глядел на свою отрубленную руку.

– Дубайн! – закричала я. Я ощущала себя так, словно в меня ударила молния. Я тряслась, мне было дурно, но одновременно с этим я ощущала странный восторг.

- Отрежь ее, - сказал Брессинджер, кивая на свою руку. - Скорее, пока я не почувствовал боль!

Я попятилась. Одна лишь мысль об этом вызывала у меня отвращение.

- Не могу, - пробормотала я.

- Ты должна! - рявкнул Брессинджер. Кровь в ужасающих количествах вытекала из раны, обливала его болтающуюся руку и собиралась в большую лужу на полу. - Скорее, или я умру!

- Ох, проклятье... - застонала я. Бросившись вперед, я быстро, неумело прорезала полоску плоти, подобно мяснику, нарезающему филе. Рука хлопнулась на пол, как большая мертвая форель. Кровь забрызгала мое платье, и я ощутила, как к горлу подкатывает тошнота. Но у меня не было времени размышлять об этом.

- Сзади! - выдавила я. В дверях возник еще один солдат. Брессинджер отразил тычок его копья раз, еще раз, а затем отсек наконечник от древка. Солдат бросил древко и попытался выхватить меч из ножен, но Брессинджер снес ему макушку головы, так что мозг задымился на холодном дневном воздухе, как вскрытое вареное яйцо.

- Перевяжи, быстрее! - сказал Брессинджер, снова подставляя мне кровоточащий обрубок. Непослушными, трясущимися руками я оторвала полоску ткани от моего платья и перевязала то, что осталось от его руки.

- Туже! - рявкнул Брессинджер. Вены на его шее вздулись. Я и представить себе не могла, насколько ему больно. - Туже! - заорал он.

Я затянула узел так туго, как только могла. Кровь перестала течь. Лицо Брессинджера было жутко бледным, его губы посинели. Он повернулся и прислонился к столу.

- Нет. Нет, похоже, для меня уже все, - сказал он. Его голос звучал устало.

- Нет, - сказала я испуганным от страха и тревоги голосом. - Нет, Дубайн, ты должен держаться. Помнишь, что ты говорил, а? Что никому не позволишь мне навредить? Так как же ты это сделаешь, если будешь мертв?

Он улыбнулся.

- Да, это я говорил. - Затем он оттолкнул меня в сторону, потому что в дверях возник кто-то еще.

- Стой! - проорал ворвавшийся внутрь человек. Я резко повернулась. Это был Вонвальт. Он где-то скинул свою судейскую мантию и держал в руке меч одного из стражников. Его белая блуза и короткие штаны были запятнаны кровью.

- Сэр Конрад! - воскликнула я. От радости и воодушевления меня пробила дрожь.

- Дубайн! - сказал Вонвальт, глядя на жуткую рану пристава и лежавшие вокруг трупы солдат. Судя по виду, он был не в себе. - Ты в порядке?

Брессинджер даже умудрился коротко хохотнуть.

- А сами как думаете?

- Тебе руку оттяпали, - сказал Вонвальт.

- Ага, вот теперь сообразили. Но арестованные живы.

Вонвальт сжал здоровое плечо своего старого друга. Его лицо приобрело убийственное выражение.

- Отлично сработано. Нам нужно скорее уходить. Люди сэра Радомира дерутся храбро, но я не знаю, кто одержит верх. Они еще не погибли лишь благодаря дорогим доспехам, в которые их облачил лорд Саутер.

Он прошагал мимо меня, вошел в комнату, где находились камеры, и я услышала скрежет сдвигаемых засовов.

- На выход, - прогремел Вонвальт. В дверях возник Фишер, напуганный и сбитый с толку. Я с удовольствием смотрела на то, как Брессинджер схватил его оставшейся рукой и отшвырнул на другой конец комнаты. Фишер споткнулся о трупы и неуклюже упал на пол, жалко вскрикнув.

Затем я обмерла. Воздух сотрясли крики, от которых кровь стыла в жилах. На миг я подумала, что это - воинственный клич солдат, штурмующих тюрьму, но сразу же с ужасом осознала, что это кричат Бауэр и Вогт.

- Что? - пробормотала я, напуганная и сбита с толку. Крики прекратились, сменившись бульканьем, хрипом и гротескным звуком стали, разрубающей плоть.

Я пробралась в соседнюю комнату. Поначалу я ощутила сильный запах дерьма и крови и лишь затем увидела сцену, их породившую. Я отчетливо помню ее по сей день. Вонвальт стоял над телами Бауэра и Вогта. Они были разрублены на куски. Их руки, которыми они тщетно пытались защититься от ударов, были располосованы в клочья. Кровь широкими дугами забрызгала стены. Это нельзя было назвать казнью, даже незаконной; это была кровавая резня.

- Это - правосудие Императора, - сказал Вонвальт, увидев выражение ужаса на моем лице. - Не бойся, Хелена. Я был вправе так поступить. У нас нет ни времени, ни сил, чтобы увести их с собой.

Наконец тошнота взяла верх. Съеденный мною скудный завтрак и полкружки болотного эля очутились на полу, прибавив к смеси отвратительных запахов свой. Вонвальт не обратил на меня внимания. Он вытер меч о штанину и вышел в основное помещение.

- Сэр Конрад.. - Я услышала, как Брессинджер начал говорить, но его прервали. Я повернулась, шатаюсь, вышла в вестибюль и увидела, как Вонвальт надвигается на сжавшегося в комок обенпатре.

- Не надо, - хрипло попросила я. Так странно. Я думала, что буду упиваться гибелью этих людей. Но то, что происходило сейчас, было злодеянием. Утрата Августы привела к тому, что Вонвальт больше не был связан тем, во что когда-то верил. И я не хотела в этом участвовать. Я бы согласилась в тот же миг отпустить и Вогта, и Бауэра, если бы это вернуло прежнего Вонвальта.

Вонвальт сплюнул, подойдя к жалкому священнику.

- Что связывает вас с Клавером? - Голос Императора врезался в Фишера как таран. Из носа обенпатре полилась кровь. Он ахнул.

- Я давал ему деньги, - тяжело дыша, произнес он.

- Сколько?

- Слишком.. слишком много, не сосчитать.. Хр-р-р.. Тысячи марок!

- Зачем?

- Чтобы снабдить армию храмовников! - завизжал Фишер.

- Зачем нужна эта армия? - проревел Вонвальт, но он зашел слишком далеко. Фишер прижал руку к груди, и его глаза закатились.

- Вы убили его, - прошептала я. По моему лицу текли слезы.

- Не драматизируй, Хелена. Вовсе я его не убил, - сказал Вонвальт и указал мечом на грудь Фишера. - Смотри, он все еще дышит.

Сэр Конрад резко повернулся, когда через входную дверь до нас донеслись звуки приближающейся битвы.

- Нема, - выругался Вонвальт. Он повернулся к Фишеру, затем снова к двери. Поморщился. - Я хотел выудить из этого подлеца больше.

- Пожалуйста, - сказала я, желая поскорее покинуть здание тюрьмы. - Нам нужно идти. - Я не хотела видеть, как Вонвальт убивает Фишера, беспомощно съездившегося на полу.

Вонвальт вздохнул и со злостью сунул меч в ножны, висевшие сбоку на спешно нацепленном ремне.

- Будем надеяться, что, когда мы вернемся, он все еще будет здесь. - Он шагнул ко мне. - Пора идти. - Он попытался схватить меня за руку, но я отвела ее в сторону.

- А как же Дубайн? - спросила я срывающимся голосом. Вонвальт посмотрел на Брессинджера, повалившегося набок и неуклюже лежавшего на столе.

Несмотря на все мои старания, его рубаха вся пропиталась алой кровью, а его кожа стала бледной как полотно. Сомнений не было никаких – он умер.

– Его больше нет, – сказал Вонвальт так, словно мой вопрос сбил его с толку. Он будто бы говорил о совершенно чужом нам человеке.

– Мы не можем оставить его здесь, – сказала я. Слезы свободно полились у меня по лицу. По крайней мере, отчасти я плакала из-за чувства вины, потому что, как бы сильно я ни любила Брессинджера, я понимала, что мы не уйдем далеко, если потащим по улицам его тяжелое тело.

Вонвальт вопросительно посмотрел на меня и резким жестом указал на своего старого друга.

– Он мертв, Хелена. И если только ты не желаешь присоединиться к нему в загробном мире, нам нужно немедленно уходить.

Отрицать логику в жестоких словах Вонвальта было невозможно, но они все равно ужаснули меня. Я неохотно протянула ему руку, и Вонвальт, не говоря больше ни слова, грубо схватил меня за запястье и потащил через разбитую дверь.

Снаружи царил точно такой хаос, какой и предсказывало мое воображение. Люди Вестенхольца прорвались через немногочисленных городских стражников и теперь предавали город огню, словно имели дело с восставшими язычниками в Северной Марке. С жителями Долины Гейл, гражданами Сованской империи, расправлялись на месте. Добровольческих отрядов сэра Радомира нигде не было видно. Я увидела женщину средних лет, шедшую как в тумане. Казалось, что она цела; но затем она повернулась, и я увидела, что с другого боку большую часть ее лица срезало кавалерийской саблей. За зданием суда я увидела небольшую группу пехотинцев, насмежавшихся над горящим мужчиной, который корчился и вопил, тщетно пытаясь сбить пожиравшее его пламя. Чуть дальше, у Вельделинских врат, я увидела городского стражника, который в приступе безрассудной храбрости бился с одним из рыцарей Вестенхольца. Рыцарь был полностью закован в латы и орудовал двуручным мечом. Одним ужасающим взмахом он отрубил стражнику обе ноги, так быстро, что отсеченные ниже колена части остались стоять вертикально, в то время как остальное туловище рухнуло наземь. Стражник умер прежде, чем успел удариться о булыжники.

Слушая краткие и не очень подробные рассказы Вонвальта и Брессинджера о Рейхскриге, я всегда гадала, как бы я повела себя в подобных обстоятельствах. Я была смекалистой и храброй и всегда воображала, что стала бы отважно сражаться. Да и опасность была мне теперь не чужда – я столкнулась с ней в казначействе, в кабинете Грейвса и всего несколько минут назад в тюрьме с Брессинджером. Пусть я не совершила никаких поразительных боевых подвигов, но я и не убежала.

Но, как оказалось, битва – а точнее, резня, которая происходила в тот момент, – имела свойство полностью пересиливать рассудок человека. Перед лицом этих ужасов я впала в ступор. Я могла, не дрогнув, взглянуть на мертвеца, лежавшего на столе в подвале врача, или посмотреть казнь до самого конца. Но все эти события, хотя и были по-своему ужасны, занимали лишь краткие мгновения, и разум мой был заранее готов к ним. Увидев же,

как воины Вестенхольца жестоко расправляются со стражниками и жителями Долины Гейл, я остолбенела. Кажется, я никогда не чувствовала себя столь беззащитной и не ощущала такого животного страха, как в те минуты. Казалось бы, меня должно было охватить неудержимое желание бежать, но случилось обратное. Я чувствовала себя так, будто кто-то прицепил к моим ногам свинцовые грузы; мои руки ослабели, в груди ощущалась тяжесть, и каждый вдох давался с трудом. В тот миг я внезапно осознала, что стала для Вонвальта столь же мертвым грузом, как и безжизненное тело Брессинджера, оставшееся в тюрме.

– Хелена, пригнись! – проревел Вонвальт, и, судя по тону, уже не в первый раз. Он сбил меня с ног, и сабля рассекла воздух в том месте, где секунду назад находилась моя шея. В своем забытии я даже не услышала грохот копыт боевого коня.

Я ударилась локтями о булыжную мостовую, и боль вывела меня из транса. Я дико замотала головой, озираясь по сторонам и слыша собственное хриплое дыхание. Вонвальт лежал на земле рядом со мной, потирая затылок, и на один страшный миг я подумала, что сабля прорубила ему череп. Но он посмотрел на руку, и, к нашему обоюдному облегчению, крови на ней не оказалось.

– Идем, – сказал он. Вонвальт выглядел так, словно происходящее было ему омерзительно, но он не был взволнован или напуган. Его хладнокровие остудило мой собственный страх, и я внезапно поняла, как прославленным военачальникам удавалось вдохновлять своих солдат на совершение невероятных подвигов. Одно лишь слово, произнесенное почти равнодушно, совершенно меня преобразило. Несмотря на то что каждый нерв в моем теле был натянут и колебался, как задетая струна, а кровь бурлила в моих жилах, я доверчиво ухватилась за Вонвальта, почти боготворя его. Столько лет прошло с тех пор, но я все еще помню тот заряд чувств; он подействовал на меня даже сильнее, чем то, что я испытала, когда сэр Радомир велел Вестенхольцу и пяти сотням его воинов валить на хер от стен города.

Я оттолкнулась от земли и бросилась вслед за Вонвальтом. Поначалу мне казалось, что воины Вестенхольца уже поубивали всех, кто попался им на глаза, однако теперь я увидела, что вокруг нас повсюду шли небольшие схватки. Немногие выжившие городские стражники и разношерстные отряды вооруженных добровольцев отчаянно пытались сдержать поток солдат Вестенхольца, рвавшихся в город, однако они дорого за это платили. На каждого мертвеца в ливрее Вестенхольца я видела двоих или троих убитых жителей Долины.

Мы добрались до конца улицы, где в небо вздымался большой неманский храм из известняка. Один пехотинец яростно ткнул в Вонвальта копьем, которое тот разрубил своим коротким мечом пополам. Он однажды говорил мне, что ключ к победе над копейщиком заключался в том, чтобы как можно скорее миновать острие и сократить расстояние, лишая противника преимущества. Именно это теперь произошло у меня на глазах: Вонвальт неловко, но успешно врезался в солдата и сбил его с ног. После этого сэру Конраду оставалось лишь несколько раз вонзить меч в грудь и шею противника, пока тот не умрет. Это было совсем не похоже на то, как искусно Вонвальт фехтовал с Брессинджером, и скорее напоминало то, как сэр Радомир

сражался в монастыре. Похоже, настоящие сражения велись куда более хаотично и почти по-дилетантски, с неуклюжими рубящими и колющими ударами и без эффектных движений, которыми изобиловали тренировочные бои.

Еще один рыцарь, находившийся поблизости, отвернулся от свежего трупа и двинулся на Вонвальта. Я закричала и, не думая, швырнула в него свой кинжал. Тот с громким металлическим звоном ударился наверху о шлем, подарив Вонвальту несколько драгоценных секунд, за которые он успел подняться и вонзить меч во внутреннюю сторону бедра противника, под промежность. Рана была страшной, и рыцарь рухнул на колени, после чего Вонвальт быстро снес ему голову.

Пошатываясь и жадно глотая воздух, Вонвальт поднялся на ноги. Меч он не убрал. Я проследила за его взглядом и увидела, что рыцари и дружинники Вестенхольца начали перегруппировываться. Вельделинские ворота были теперь полностью открыты, а торхаус и окружающие стены усеивали тела в горчично-желтых с голубым одеждах Долины Гейл. Все было безнадежно.

– Это конец, да? – спросила я, завороженная ярким, ревушим оранжевым пламенем, взмывающим в серое небо. Наступила жуткая тишина. Те жители города, которым не посчастливилось выйти на улицу, были безжалостно убиты, остальные бежали или спрятались. Теперь же прохладный дневной воздух заполняли лишь цокот копыт, скрежет латных башмаков о мостовую и треск горящих деревянных балок.

– Да, похоже, что так, – сказал Вонвальт. Я повернулась к нему. Конечно, я не ждала от него вдохновляющих речей, но такой ответ ошеломил меня. Впрочем, этого следовало ожидать. По натуре своей Вонвальт был несентиментальным, прагматичным человеком.

Наш единственный путь к отступлению – глубже в город, к восточной его части, – теперь перекрывал крупный отряд пехотинцев. Утолив свою жажду крови и узнав Вонвальта, они не пытались вступить с ним в бой. Вместо этого они окружили нас, дожидаясь, когда подойдут их командиры.

– Хелена, – негромко сказал Вонвальт. Он был наготове, стоял в полуприседе, держа в правой руке меч. На его некогда безупречно чистой белой судебной блузе запеклись кровь и грязь, по лбу стекал пот, волосы и борода были растрепаны и всклокочены. – Думаю, мне не нужно говорить тебе, какие ужасы нас ждут. Они пойдут на многое, лишь бы сделать наши смерти настолько мучительными и страшными, насколько возможно. И я хорошо знаю солдат; мне жаль это говорить, но когда они увидят тебя, то поначалу у них на уме будет вовсе не убийство. – Он выпрямился, чуть опустив меч. Посмотрел мне прямо в глаза. – Я могу положить этому конец прямо сейчас, если захочешь.

Я не могла поверить в происходящее. Когда я заговорила, мне казалось, что я задыхаюсь.

– Вы собираетесь убить меня? – спросила я. Мой голос звучал надрывно, словно я вот-вот потеряю рассудок.

– Такая смерть была бы милосердной, – сказал Вонвальт спокойно и терпеливо, словно объяснял мне смысл запутанного закона. – Ты ничего не

почувствуешь, Хелена. Пожалуйста, пойми, ничто не причинит мне большей боли, но лучше это сделаю я, и быстро. Они же сотворят с тобой неопишемые злодеяния.

Я огляделась, ища хоть какой-нибудь путь к спасению, но, конечно же, ничего не нашла.

– Может быть, мы еще выберемся, – неуверенно, даже отчаянно сказала я. На самом деле я не хотела, чтобы меня убивал ни Вонвальт, ни кто-либо еще, даже несмотря на то что он рассуждал верно.

Наше внимание привлекла процессия закованных в доспехи рыцарей, которые двигались по дороге в нашу сторону. Они окружали тщедушного человека, которым мог быть только Клавер – хотя одной лишь Неме было известно, от кого они собирались его защищать.

– Сэр Конрад, – обратился к нему Клавер, когда рыцари расступились, полностью открыв его. Он широко развел руки, указывая вокруг себя. – Посмотрите, к чему привело этот город ваше упрямство. Ваша ересь.

Вонвальт скривился. Он снова опустился в полуприсед, крепче перехватив меч.

– Я не намерен обмениваться с тобой бессмысленными колкостями, священник, – зло процедил Вонвальт. – Если для того, чтобы завершить свое безбожное дело, тебе осталось убить лишь меня, тогда покончи с этим поскорее.

Клавер усмехнулся.

– Вы ошибаетесь, милорд Правосудие. Однажды вы сказали мне, что вы и только вы будете решать, что является насмешкой над законами Совы. Точно так же я и я один буду решать, что безбожно, а что нет. И все это... – он указал на горящие дома и изрубленные трупы вокруг, – ...происходит по воле Богини.

Вонвальт с отвращением фыркнул.

– Я не знаю, какой яд ты влил в уши этим людям, раз они столь послушно следуют за тобой, но даже слепец увидел бы, что все это сотворено кровавой рукой князя Преисподней. – Он указал острием своего меча на отряд рыцарей, окружавших Клавера. – Давай, прикажи своим ручным идиотам убить меня. Я больше не вынесу твоего крысиного писка.

Клавер выпрямился во весь рост. Он проигрывал в этом разговоре, и его это явно бесило. Ему подчинялись полтысячи солдат, но он все равно не мог превзойти Вонвальта.

– Почему вы решили, что я хочу вас убить? – с притворной веселостью сказал Клавер. – Вы отправитесь с нами в Сову. Станете примером для всех остальных. – Несколько секунд священник притворялся, что размышляет. – Возможно, вас повесят прямо на воротах Волка.

Вонвальт слегка сместил вес, и я тут же поняла, что сейчас произойдет. Прежде чем я успела что-либо сказать или сделать, он бросился напрямик на

Клавера. Нападение было безнадежным и привело бы лишь к гибели Вонвальта, но он, конечно же, именно этого и добивался.

Из моего горла уже готовился вырваться запоздалый крик, как вдруг Вонвальт остановился. Не так, как если бы он передумал нападать и сам замедлился; и не так, как останавливаются убитые, будучи насаженными на пику. Он просто... замер, прямо в движении, словно гигантская невидимая рука заставила его застыть на месте.

Собравшиеся вокруг солдаты хором ахнули. Я моргнула, а затем протерла глаза. Казалось, что сам мир прекратил свое вращение или само время остановилось, но только в том месте, где находился Вонвальт. Я лихорадочно замотала головой, глядя по сторонам и пытаюсь понять, что произошло. Наконец я заметила, что лицо Клавера приобрело крайне напряженное выражение. Вены на его лбу вздулись, и он задрожал всем телом, словно на него взвалили невообразимую тяжесть.

Вонвальт был прикован к месту точно так же, как перед этим Августа на городской стене. Он тоже слегка дрожал, и я видела, что все его тело напряглось, словно он изо всех сил старался вырваться. Лишь его глаза были свободны от чар. Они вращались в глазницах, как мраморные шарики, и впервые за долгое время Вонвальт выглядел по-настоящему напуганным.

- Сэр Конрад, - выдохнула я, недоверчиво качая головой.

Затем случилось невозможное: Вонвальт начал подниматься в воздух. Солдаты снова ахнули. Их латы, мечи и щиты загремели, когда все попятились, а лица исказили недоверчивые, встревоженные гримасы. Воздух наполнился необычным, пульсирующим звуком, похожим на рокот далекого землетрясения. Я ощутила во рту привкус крови. От Клавера, подобно щупальцам неосязаемой тьмы, расходилась злобная, мистическая энергия. В моих ушах раздался шепот, похожий на жужжание насекомых.

- Вы... даже не можете... вообразить... какие ужасы... вас ждут, - выдохнул Клавер. Его глаза стали совершенно белыми. Он трясся, словно в припадке. Каждая вена в его теле вздулась, словно жилы пытались прорвать кожу и вырваться наружу. Что же люди Вестенхольца обрушили на наш мир? Что за темные силы они освободили от оков?

Если до этого тишина казалась странной и злобной, теперь она стала абсолютной. Я знала, что Орден магистратов хранил несколько старинных рукописей, которые содержали под своими обложками тайны могущественных чар, и держались эти рукописи под замком в Библиотеке Закона в Сове. Заполучив способность контролировать человека одной лишь силой мысли, Клавер стал самым опасным человеком в известном мире. Если у меня еще оставались сомнения в том, насколько важно было остановить его, в ту секунду они развеялись окончательно.

А затем звук боевого рога заставил всех вздрогнуть и выйти из этого всеобщего оцепенения, пронзив его, как кинжал легкое.

Барон Хангмар наконец подоспел на помощь.

XXVIII

Вслед за леди Бауэр

«Мудрость похожа на стоимость земель в Северной марке Хаунерсхайма – ее никогда не оценивают по достоинству».

Граф Брен ван дер Ларр

Призыв сигнального рога разнесся в послеполуденном воздухе подобно реву огромного чудовища. Солдаты и рыцари резко обернулись. Клавер, уже выбившийся из сил, похоже, был рад ослабить свою колдовскую хватку, и Вонвальт повалился на мостовую, как отсеченный противовес требушета.

Ужасающая тишина сменилась хорошо знакомыми гулкими ударами копыт по земле, которые очень скоро превратились в грохот копыт по мостовой. Затем к ним прибавились другие звуки – ржание раненых лошадей, крики затоптанных людей, звон стали, ударяющей о сталь. С того места, где мы стояли, было ничего не видно, но, чтобы описать происходящее, хватило бы лишь звуков.

Окружавшие меня солдаты бросились по дороге обратно. Несмотря на то что Клавер был на их стороне, они с большой охотой рванулись в пекло боя, лишь бы не оставаться рядом с ним. В считанные секунды священник, выбившийся из сил и растерянный, оказался покинут. Расстановка сил не могла измениться более кардинально.

Я бросилась к Вонвальту и присела рядом с ним. К моему облегчению, он выглядел невредимым. Он был явно изможден, но чем – сражением или тем, что его обездвигили, – я не знала. Я убрала с его лба длинные, мокрые от пота волосы и поддержала голову, давая ему прийти в себя. В моем сердце бушевали самые противоречивые чувства. Только что я испытывала отвращение к его действиям и к тому, что он отказался от собственных моральных принципов. Теперь же, когда над ним нависла самая настоящая угроза смерти, я ощутила внутри леденящий страх. Я не только боялась снова остаться одной, как это было в Мулдау, – мои чувства к Вонвальту оказались гораздо глубже, хотя тогда было не время и не место размышлять об их природе.

– Сэр Конрад? – спросила я, когда его глаза открылись. – Вы в порядке?

– Кейдлек, – сказал Вонвальт. На секунду я подумала, что он его увидел; я даже огляделась, ожидая, что магистр Ордена магистратов выйдет из дыма, густым облаком висевшего в воздухе.

Я нахмурилась, сбитая с толку.

– Что?

– Кейдлек, – сказал Вонвальт. Он сел и поднял меч, который уронил рядом с собой. – Кейдлек передал им старые знания. Древние рукописи из Хранилища Магистров. – Вонвальт встал, и меч заскрежетал о булыжники. – Эти книги оставались нетронутыми на протяжении столетий... и по очень веской причине.

Я отступила на шаг, когда Вонвальт двинулся на Клавера, однако шел он небыстро, как человек, лишь недавно вернувший себе способность ходить. Клавер негромко вскрикнул и попытался отползти, но гневный взгляд Вонвальта приковал его к месту. На этот раз магия была ни при чем – священника удерживала лишь сила холодной ярости Вонвальта.

– Бартоломью Клавер, – прорычал Вонвальт, – ты напал на Правосудие Императора. Ты совершил государственную измену.

Мое внимание внезапно привлекла суматоха, поднявшаяся дальше по дороге. Небольшой отряд пеших рыцарей, по всей видимости, отделился от сил, прикрывавших тыл у Вельделинских ворот, и теперь направлялся к нам. Я сразу же безошибочно узнала рыцаря, возглавлявшего этот отряд, – это был Вальдемар Вестенхольц в своих черных латных доспехах. Однако выглядел он уже не столь блистательно, как у стен города, где сидел на увешанном цветастой попоной дестриэ. Теперь его темно-синий сюрко был забрызган кровью и грязью, а на доспехах виднелись вмятины и царапины.

Я не знаю, видел ли Вонвальт Вестенхольца с его рыцарями. Возможно, он просто не обращал на них внимания или же был настолько поглощен собственной яростью, что никого не замечал. Как бы там ни было, он продолжал надвигаться на Клавера.

– Именем его императорского величества Кжосича IV, я, его Правосудие сэра Конрада Вонвальт, признаю тебя виновным...

– Сэр Конрад! – крикнул Вестенхольц, поднимая забрало. Он был мрачен. Повернувшись, он что-то сказал своим воинам, и те перешли на бег.

Вонвальт уже почти навис над Клавером. Было невозможно понять, кто первым настигнет священника. Я испытывала соблазн выхватить из рук Вонвальта короткий меч и самой завершить начатое, но, как я уже выяснила, чтобы добровольно подвергнуть себя опасности, требовались обширные запасы мужества.

Вонвальт подошел к Клаверу и занес меч.

– ...и приговариваю тебя к смерти.

Клавер закричал, когда меч рассек воздух, несясь к его лицу. Закричала и я, увидев, что первые рыцари Вестенхольца уже добрались до них. Секунду казалось, что Вонвальт сейчас убьет Клавера и сам лишится головы; а затем мне в спину ударил мощный поток воздуха, и мимо с грохотом проскакал отряд тяжелой кавалерии, заслонивший мне и Вонвальта, и Клавера.

Пошатываясь, я отступила назад, с благоговением глядя перед собой. Я сразу же узнала панголина на широком темно-синем щите – герб сенатора Янсена. Рядом с ним скакал рыцарь, на которого вместо плаща была надета шкура двуглавого волка. Две головы с отсеченными нижними челюстями венчали макушку его шлема. Вместо копья рыцарь держал в руке штандарт, на котором изображалась красная голова быка на белом фоне. По-видимому, это был герб барона Хангмара.

Они на полном скаку врезались в воинов Вестенхольца. В этом не было никакой тайной магии, никакой первородной силы, черпаемой из древних колдовских фолиантов или вытянутой из астральных миров; была лишь обыкновенная грубая сила, необузданная, мощная и жестокая. Ее действие завораживало. Я ощущала себя так, словно очутилась в эпицентре бури, и раскаты грома пронзали меня, заряжая кровь энергией не хуже любого снадобья зельеваров. Мое воодушевление било через край, и меня переполняло необычайное желание рассмеяться.

На моих глазах голову одного из рыцарей Вестенхольца нанизали на копье, как яблоко на стрелу, и сорвали с плеч. Еще одному копье вонзилось в грудь и вышло из спины, вырвав из тела почти галлон внутренностей. Третьего разрубили от плеча до пупка кавалерийской саблей, и кровь залила мостовую, как вода из брошенного ведра. Рыцарь сделал три неуверенных шага и лишь затем с грохотом повалился на землю.

Самого Вестенхольца сшиб с ног один из громадных дестриэ. Другие окружавшие его рыцари тоже были повалены на землю. Воздух наполнился скрежетом сминаемой стали, хрустом ломающихся костей и чудовищным чавканьем растоптанных органов. Я вытягивала шею, отчаянно пытаясь увидеть, пережил ли этот натиск Вонвальт. Я внезапно испугалась, что конные рыцари могли принять его за еще одного врага и разрубить на куски. И действительно, когда кавалерийский отряд, неудержимый, как волна прибоя, промчался мимо и врезался противнику в тыл, я увидела Вонвальта, окровавленного и лежащего на земле лицом вниз. Клавер был рядом с ним, ошеломленный и невредимый.

– Нет! – истошно закричала я, увидев эту вселенскую несправедливость, и бросилась вперед... но затем остановилась столь резко, что чуть не упала. Из сторонней аллеи вышла небольшая группа солдат, не утоливших свою жажду крови и другие низменные вожеления. Они сразу же направились ко мне.

– Эй, поди-ка сюда! – крикнул мне один из них. Как ни странно, я была рада тому, что он это сказал, потому что его слова вывели меня из навеянного ужасом оцепенения.

Теперь, наконец, настало время бежать. Я в последний раз взглянула на распростертое тело Вонвальта, после чего, мучимая жгучим чувством вины и стыда, развернулась и побежала. Я остановилась лишь для того, чтобы подхватить с мостовой у храма брошенный короткий меч, хотя и не знала, чего я надеялась с ним добиться.

Я бешено мчалась по улицам, направляясь в сторону восточной части города. Люди высовывались из окон, кричали солдатам, чтобы те остановились, и даже швыряли в них еду, горшки, сковородки и дрова, заготовленные для

очагов. Эти импровизированные снаряды со стуком падали на улицу, но лишь немного досаждали солдатам, ничуть не мешая им двигаться дальше. Помню, тогда я злилась на этих людей за то, что они не пытались помочь мне как-то еще; но что они могли сделать? В подобных ситуациях всегда очень легко обвинить людей в бездействии, не подумав о том, что они не смогли бы справиться с вооруженными солдатами.

Из-за того, что солдаты были облачены в тяжелые доспехи, они двигались намного медленнее меня и бег утомлял их гораздо больше. Мне, конечно же, следовало нырнуть в какую-нибудь улочку и спрятаться или воспользоваться своим знанием города и заставить их побегать за мной. Но, как и у нашего неудавшегося убийцы много недель назад, маршрут моего панического бегства оказался совершенно прозаическим. Посмотрев на карту Долины Гейл, можно было увидеть, что я бежала почти по прямой и из-за этого упустила свое преимущество в скорости. Сейчас это кажется глупостью, но тогда я, конечно же, соображала плохо.

Вскоре я оказалась у северного края той части города и побежала по топкой грязи, начинавшейся за сотню ярдов до берега реки Гейл. Если прежде грязь была мерзлой и лишь изредка становилась мягкой, теперь, накануне весны, она совершенно размякла, и мои ноги погружались в нее по икры. Сражение совсем не затронуло этот район города, и если бы колокола, панически звеневшие обезумевшим хором, не заставили горожан спешно разойтись по домам, можно было бы подумать, что этот день ничем не отличается от обычного.

Я добралась до берега Гейл и обернулась. Хриплое дыхание раздирало мне горло, а бесполезный меч болтался в руке. Солдаты все еще упрямо приближались. Их осталось лишь двое, но даже один смог бы с легкостью справиться со мной. Фехтование входило в программу моего обучения, и, хотя Вонвальт с Брессинджером вспоминали об этом нечасто, они все же обучили меня его азам; однако против ветерана Рейхскрига я была все равно что дитя с игрушечным мечом.

Измотанная и напуганная, я осознавала, что у меня никак не получится убежать по вонючей, липкой грязи и спастись. Тогда я трясущимися руками подняла короткий меч и выставила его перед собой. Внезапно я пожалела, что не приняла предложение Вонвальта даровать мне быструю, безболезненную смерть. Я хорошо понимала, что меня ждет. Не для того солдаты столько гнались за мной, чтобы просто убить.

Однако постепенно мой страх растаял, как льдинка над пламенем свечи, и уступил место гневу. Я столько пережила за свою жизнь и не хотела завершить ее так бесславно, в руках убийц и будущих насильников. Более того, это казалось мне неправильным. Не в смысле добра и зла – все же эти солдаты собирались совершить ряд гнуснейших преступлений. Но Правосудие Августа говорила, что я оказалась связана с великими событиями, которые должны изменить мир. Что моя душа была подхвачена могучими потоками истории. И перспектива оказаться разрубленной на кусочки в вонючей грязи совсем не сходилась с этой теорией.

Эта мысль придала мне сил. Я не знала как, но мне было суждено выжить – я это чувствовала. Но даже если и нет, я собиралась показать все, на что способна. Я загнала поглубже Хелену-секретаря и призвала Хелену-

негодяйку, сироту из Мулдау. Эти солдаты должны были пожалеть о том, что погнались за мной. Я решила наброситься на них со всей свирепостью, на какую только была способна.

– Не дури, девочка, – сказал ближайший ко мне солдат. Судя по акценту и чертам лица, он был из Восточной Марки Хаунерсхайма, пограничных земель на реке Кова. Проще говоря, он был уродлив и туп, и я с глубочайшим огорчением осознала, что могу погибнуть от рук такого типа. – Бросай меч.

– Иди на хер, – задыхаясь, сказала я. Я слышала, как позади меня, омывая топкий берег, журчит и плещется Гейл. Я мельком посмотрела назад, думая, не ступить ли мне в воду и не окончу ли я свою жизнь так же, как тот убийца, подбросивший нам змей.

– Ты околеешь от холода, – сказал второй солдат.

– Лучше околеть, чем позволить тебе прикоснуться ко мне, – огрызнулась я.

– Фу ты, – сказал первый, – чтоб мне ослепнуть, ненавижу толцев. Говорят так, словно гвоздями скрипят о грифельную доску. Думаю, я вырежу тебе язык, чтобы в ближайшие часы тебя не слышать.

По крайней мере, они хотели взять меня живьем, что давало мне небольшое преимущество. Сначала солдат должен был попытаться обезоружить меня, а значит, он собирался бить по мечу, а не по корпусу.

– Думаю, я отрежу тебе член... если смогу его найти, – сказала я и опустила меч так, чтобы его острие указало на промежность солдата. При этом я притворилась, что мне неудобно держать оружие, словно меч слишком тяжел для меня. Если солдат решит, что сможет с легкостью обезоружить меня, то он не станет прилагать слишком много усилий, и я смогу воспользоваться этим. Возможно, это будет мой единственный шанс что-либо предпринять.

– Языкастая ты сука, – буркнул он. – Мне это по нраву.

Первый солдат бросился на меня. Как я и ожидала, он попытался выбить меч из моей руки размашистым, сильным ударом справа налево. Вместо того чтобы позволить нашим клинкам столкнуться, я уронила свой пониже, давая мечу солдата пронестись над ним. Моя маленькая уловка удалась – потеряв равновесие, он удивленно вскрикнул, а затем поскользнулся в грязи.

Я этого совсем не ожидала, но и не упустила возможность. Солдат был в доспехах, однако его шею ничто не защищало, и я вонзила меч прямоком в нее. Увидев, как глубоко вонзился клинок, я испытала удивление и отвращение. Острие, должно быть, уперлось в сустав шеи, потому что наткнулось на что-то твердое и остановилось. Солдат выпучил глаза, его лицо налилось кровью. Когда я вытащила меч, он схватился руками за рану, издавая ужаснейшие булькающие и хрипящие звуки, пока кровь бурлила в его горле.

Второй закричал что-то бессвязное. Было легко подумать, что эти солдаты представляли собой бездушные машины; но пусть они заслуживали и ненависти, и смерти, они испытывали чувства так же остро, как и я. Возможно, эти двое были близкими друзьями. При виде гибели товарища

второго охватил безрассудный гнев, и он бросился на меня, на этот раз с легкостью выбив меч из моей руки и опрокинув меня на берег Гейл.

Я упала так, что мои волосы оказались в реке, а туловище легло на склон берега вверх тормашками. Я ощутила, как ледяная вода намочила мою одежду. Солдат, облаченный в тяжелые доспехи, прижал меня к земле, больно надавив на мои бедра коленями, и занес кулак, чтобы ударить.

– Слезь с меня, урод! – заверещала я, яростно вырываясь из-под него. Грязь в этом месте, и без того предательски скользкая, была покрыта речной пеной, отчего стала еще более склизкой; и благодаря моим лихорадочным брыканиям я смогла отчасти выползти из-под солдата. К несчастью, это означало, что я сползла еще дальше в реку, и мне пришлось поднять голову, чтобы не погрузиться ее в зловонные воды.

Солдат схватил меня за платье, подтянул к себе и ударил кулаком прямо в нос. Боль пронзила мое лицо, а затем и шею, когда моя голова запрокинулась назад. На этот раз я всем телом рухнула в Гейл, безуспешно пытаясь зацепиться руками за грязь у пояса.

Все было тщетно. Я сразу же поняла, о чем много недель назад говорил мне Брессинджер. Несмотря на то что весна уже подступала, вода все еще оставалась смертельно холодной, и она мгновенно вышибла воздух из моих легких. Я умела плавать, но была измотана, мое платье набрало воду и стало тяжелым, и я сомневалась, что смогу остаться на плаву больше, чем на полминуты. Удивительная ирония судьбы: мне грозила такая же смерть, как и та, что привела нас в Долину Гейл, – смерть леди Бауэр. Казалось почти поэтичным, что эта ужасная история закончится именно так.

Моя хватка ослабла, пальцы заледенели – я вонзала их в холодный берег, отчаянно ища, за что бы зацепиться, но у меня получилось лишь утащить с собой в воду пригоршни грязи. Я сразу же почувствовала, как меня утягивает печально известное коварное течение. Я испугалась, причем настолько, что мой рассудок покинул меня, и я стала взывать к моему убийце о помощи.

– Пожалуйста, – прохрипела я.

– Заткнись, – только и сказал он и толкнул меня глубже в воду.

Я снова попыталась выбраться из реки, но силы покидали меня так же быстро, как Гейл вытекала из города. Солдат, похоже, был вполне доволен одним видом того, как я медленно погибаю, и я всей душой возненавидела его. А затем вспомнила слова Вонвальта о том, что люди, которые умирают, окутанные ядовитым облаком злых чувств, в загробной жизни притягивают к себе хищных существ. Из-за этого меня внезапно охватил такой ужас, что я снова начала умолять солдата спасти меня. В тот миг я осознала, что любая жизнь была лучше того, что ожидало меня после смерти.

– Пожалуйста, – сказала я. – Я сделаю все, что ты захочешь. Только, пожалуйста, не дай мне умереть вот так.

– Сейчас я хочу лишь одного – увидеть, как ты утонешь, – ответил он.

Эти слова стали для него последними. Длинный узкий меч внезапно прорубил его шею на две трети, и он рухнул на землю. Его тело медленно, почти степенно скользнуло в реку и кануло в нее, как камень.

- В городе битва, а ты здесь купаешься, - сказал Брессинджер. Кто-то перевязал его раны - ну или хотя бы достойно попытался это сделать, - но он все еще был похож на ходячего мертвеца. Пристав протянул мне оставшуюся у него руку и бесцеремонно вытащил обратно на грязный берег. Затем он тяжело осел и несколько секунд переводил дыхание. - Я же говорил, что не допущу, чтобы с тобой что-либо случилось.

- Ну кое-что ты все же допустил, - сказала я.

Его лицо приобрело очень грозодское выражение - он одновременно опустил уголки губ и приподнял брови, что отчасти означало равнодушие, отчасти извинение.

Несколько минут мы сидели молча, слушая, как угасают звуки битвы. Вскоре вслед за ними стих и колокольный звон. Над городом снова повисла странная тишина. Ветер изредка доносил до нас запах горящих деревянных зданий и отвратительную, сладковатую вонь опаленных трупов.

- А ты, значит, не умер, - сказала я, не отрывая взгляда от реки Гейл.

- Пока нет, - подтвердил он.

Меня охватила дрожь. Ужасы и волнения дня постепенно отступили, и я осознала, что пережила его. Меня охватила удивительная смесь скорби и ликования, и мне одновременно захотелось смеяться и плакать.

- Ты так замерзнешь, - заметил Брессинджер, глядя на меня, промокшую и перемазанную грязью. - Надо бы подвести тебя к огню. Видит Нема, его сейчас в городе полным-полно.

Мы с трудом встали и начали пробираться через грязь, переставляя ноги и руки и копошась в ней, как обезьяны. На вершине берега я остановилась. Меня затоснило, и Брессинджер приподнял мои волосы на левой стороне головы, не тронутой ножницами мистера Макуиринка, чтобы они не запачкались рвотой. И хотя получилось у него грубо и неуклюже, так Брессинджер пытался проявить заботу.

- Я плохо себя чувствую, - сказала я, словно это не было очевидно. - Меня безостановочно лихорадит.

Брессинджер хмыкнул.

- Это пройдет, - сказал он. - Ты впервые ощутила вкус битвы. - Он кивком указал на труп первого солдата, пытавшегося напасть на меня. - Судя по всему, ты здорово справилась. Сэр Конрад будет гордиться.

- Он жив? - спросила я, осознав, что совершенно забыла о нем, и ощутив себя поэтому очень виноватой.

- Был жив, когда я его видел, - сказал Брессинджер. - Идем. Во мне осталось слишком мало крови, чтобы согреться самому.

- Так у тебя и тела, которое нужно согреть, осталось гораздо меньше, - сказала я.

Брессинджер хохотнул и легонько толкнул меня.

- Ну и острый же у тебя язык. Я рад, что ты выжила.

С этими словами мы поплелись через грязь, а день тем временем перешел в вечер, и небеса вскоре померкли.

XXIX

Билль палача

«Власть меняет сознание человека. Она дает волю его изменчивым инстинктам, которые до этого были подавлены цивилизацией. Могущественные люди по мировоззрению своему больше схожи с дикими животными, нежели с людьми, что уступают им по рангу».

Сэр Уильям Честный

- Расскажите мне, как он это сделал.

Вестенхольц поднял глаза. Лишенный своих дорогих латных доспехов, посеревший из-за дней, проведенных без пищи, изможденный и постепенно угасающий от тяжести смертного приговора, он стал лишь тенью человека, принимавшего нас в Моргарде.

Он мельком посмотрел на Вонвальта и на меня. Казалось, будто врачам удалось выделить чистейшую эссенцию презрения и наполнить ею маркграфа. Он несколько раз медленно моргнул, а затем снова отвернулся к окну, врезанному высоко в стену тюрьмы. Оттуда виднелось лишь безоблачное, безликое голубое небо, но маркграф смотрел на него не отрываясь, словно во всей Империи было не найти вида прекраснее.

- Расскажите мне, как он это сделал, - повторил Вонвальт. Он не наносил маркграфу громогласные удары Голосом Императора и не осыпал его безудержным шквалом вопросов, как это наверняка делали дознаватели сэра Радомира. Он просто снова и снова задавал ему один и тот же вопрос.

Вестенхольц неизменно не обращал на нас внимания. Поначалу он недоверчиво рассмеялся, затем зло оскалился. А потом, когда силы покинули его, он просто отвернулся. Было нетрудно представить, что он испытывал. Любой дворянин почувствовал бы себя униженным, оказавшись в подобном положении, не говоря уже о человеке, претендовавшем на имперский трон. Но унижительнее было еще и то, что отец Вонвальта принял Высшую Марку. Вестенхольц же был чистокровным сованцем. Презрение, которое маркграф испытывал к Вонвальту, подпитывалось его предрассудками; и подобная превратность судьбы породила в нем столь глубокое чувство обиды, что я гадала, может ли он вообще заставить себя говорить.

В первые дни после битвы я видела Вонвальта лишь на этих бесплодных допросах. Едва этот ритуал завершался, Вонвальт возвращался в хранилища под зданием суда. Он проводил там весь день и как одержимый изучал каждую книгу с древними знаниями, которую только мог достать, пытаясь понять новые силы, которые обрел Клавер. Среди обычных даров Ордена не было способности останавливать человека и поднимать его в воздух, однако она, конечно же, должна была откуда-то взяться. Увы, насколько богатыми бы ни были хранилища суда, стало ясно, что ответ можно найти лишь в Библиотеке Закона в Сове.

То, что Вонвальт был так поглощен своими поисками знаний, сыграло нам на руку – благодаря этому он реже попадался на глаза жителям Долины Гейл. По понятным, хотя и ошибочным, причинам они ополчились против него, видя в нем одного из виновников своих нынешних несчастий. Также, думаю, Вонвальту хотелось побыть одному, чтобы оплакать леди Августу. Когда он изредка покидал хранилища, по его раскрасневшимся глазам и бледному лицу становилось ясно, что часть проведенного там времени была посвящена именно этому.

Жестокая ирония, впрочем, заключалась в том, что Реси Августа не умерла – по крайней мере, физически. В конце концов мы отдали ее в приют для неизлечимо больных при монастыре Долины Гейл – тихое, мирное и небедствующее заведение, где за ней ухаживали местные монахини. Думаю, мы задержались в Долине лишь по одной причине: чтобы Вонвальт точно не пропустил ее внезапное выздоровление. Увы, несмотря на усилия лучших врачей Хаунерсхайма, она так и не вернулась в сознание, и до меня дошли сведения, что ее тело умерло десять лет спустя, столь же безжизненное и пустое, как и в тот день, когда Вестенхольц лишил ее рассудка. На Вонвальта это подействовало самым дурным образом. С тех пор он так и не стал прежним.

Брессинджер тоже выжил – хотя и с трудом – благодаря тщательному уходу мистера Макуиринка и помощи лучшего хирурга-цирюльника Долины. Впоследствии он в шутку говорил, что стал «бесконечным». Это немного повлияло на его характер, и Брессинджер стал еще более угрюмым и вспыльчивым. К счастью, для того чтобы продолжать фехтовать в своем вычурном грозодском стиле, ему требовалась лишь правая рука. Хирурги-цирюльники сказали нам, что продолжительность его выздоровления будет зависеть от того, как быстро восстановится потерянная им кровь. В конце концов ему понадобилось несколько недель. Большую часть этого времени он проводил неблагоприятно – то есть напивался вдрызг.

Погибших городских стражников – а в битве полегло две трети городского гарнизона, после чего многие скончались от ран и заразы – похоронили в братской могиле. Лорд Саутер и сэр Радомир провели по ним заупокойную службу, на которой присутствовали горожане, обуреваемые самыми тяжкими чувствами, гневом и горем. Я помню, как стояла там, на холодном ветру, пыталась и не могла осознать, что произошло и как быстро все пришло к такому концу. Обычно в такие минуты я полагалась на стойкость Вонвальта, но он был сломлен и мыслями находился где-то далеко. Я больше не могла опереться на него, и это напугало меня до глубины души, а попытки смириться со «смертью» Августы и разграблением Долины казались бессмысленными и вызывали лишь отчаяние.

Конечно же, нападение Вестенхольца на Долину Гейл повлияло отнюдь не только на горстку членов кочевой свиты Вонвальта и на шестьдесят городских стражников. Теперь, когда маркграф раскрыл свои карты, по всей Империи запустились механизмы, шестерням которых было суждено вращаться множество лет и изменить мир, который мы знали. Вести о нападении на Долину быстро разнеслись по Хаунерсхайму и соседним провинциям, а сплетники и торговцы привезли обратно другие новости, дразняще туманные и преисполненные страха. Они рассказывали, том, что в Сове происходит нечто масштабное. Говорили о борьбе за власть в Сенате, о трудностях с Конфедерацией Ковы на востоке и с язычниками на Пограничье; о том, что могущественные имперские лорды начали занимать стороны, а в зарождающейся Империи Волка уже появились первые трещины.

Но обо всем этом я поведаю в свое время.

* * *

Мы покинули камеру Вестенхольца и снова вышли на улицу. Как и ожидалось, Вонвальт повернулся, чтобы направиться к зданию суда, но на этот раз нас перехватили.

– Милорд Правосудие.

Мы оба подняли глаза и увидели сенатора Тимотеуса Янсена, стоявшего посреди улицы. Как и Вонвальт, в своих дорогих имперских одеяниях он выглядел внушительно – хотя добиться такого впечатления было не так уж трудно, поскольку большинство зданий, служивших ему фоном, представляли собой обугленные развалины. Я не видела сенатора с самого сражения, и он, похоже, остался невредим. Я порадовалась этому; несмотря на присущую ему ироничность, которая меня немного раздражала, Янсен казался мне порядочным и отважным человеком. Было легко зауважать политика, который добровольно шел в гущу битвы.

– Сенатор, – ответил Вонвальт. Несмотря на свое мрачное настроение, он сумел заставить себя проявить вежливость.

Подойдя к нам, Янсен указал на тюрьму.

- Он что-нибудь сказал?

- Пока что нет.

Янсен кивнул. Он протянул руку и положил ее Вонвальту на плечо. Я увидела в глазах сенатора сострадание.

- В ближайшее время состоится встреча... еще одна. Буду я, лорд Хангмар и мэр. Я знаю, что вы заняты расследованием этих... оккультных дел, но не желаете ли присоединиться к нам? Мы не отнимем у вас слишком много времени.

Вонвальт кивнул. Я заметила: ему не понравилось, что сенатор притронулся к нему.

- Хорошо.

- В полдень, в резиденции мэра. Как я понимаю, вы остановились у него - хотя в это с трудом верится, учитывая, сколько времени вы проводите в хранилищах суда.

- Кто-то должен выяснить, как именно Клавер заполучил свою силу, - ответил Вонвальт. - Я лучше других подхожу для этого дела.

Янсен немного укоризненно посмотрел на него.

- Бросьте, Правосудие. Здесь замешано гораздо больше, чем колдовские игры одного неманского священника. Неужели вы думаете, что мы все сидим сложа руки?

- Нет, я этого не говорил, - сказал Вонвальт. Он встал чуть прямее, поскольку перед этим несколько ссутулился - и не только потому, что пребывал в дурном настроении. Было легко забыть, что ему здорово досталось во время кавалерийской атаки сенатора. Он вздохнул. - Простите меня. Я сейчас сам не свой.

Янсен отмахнулся от него.

- Было бы что прощать. Я и вовсе не стал бы вас беспокоить, не будь дело столь важным.

- Так вы уже идете туда? - спросил Вонвальт. - Кажется, до полудня осталось всего ничего.

- Верно. Пройдемся вместе?

Мы пошли по улицам в сторону дома мэра.

- Я слышал, ваш секретарь расправилась с одним из вестенхольцевских негодяев, - сказал Янсен, чтобы поддержать разговор. - Как там дело было, мисс? Мечом перерезали ему горло?

Я испытала смешанные чувства. На берегу Гейл я убила человека – пусть мои действия и были оправданны, это претило мне и ужасало. Я все еще как наяву видела потрясенное, отчаянное выражение его лица, чувствовала, как сталь скрежест о кость и как клинок вибрирует в моей руке, словно вилочный камертон. Однако в то же время я ощущала себя более отважной и стойкой, ближе по складу ума к девчонке из Мулдау, нежели к молодой особе, которой я стала на службе у Вонвальта. Теперь я знала, что физически способна убить, чтобы защититься. После моих колебаний в недрах монастыря, когда мне пришлось держать Вогта на острие пики стражника, это знание стало для меня необычным утешением.

– Да, – наконец сказала я, не придумав ответа получше. Радоваться похвале сенатора казалось неуместным, а не ответить на комплимент было невежливо.

– Вы, должно быть, гордитесь своей ученицей, – сказал Янсен Вонвальту. – Полагаю, не у всякого хватит смелости для опасной стороны вашей профессии.

– Верно, – сказал Вонвальт.

Я посмотрела на него, но сэр Конрад не встретился со мной взглядом. Не знаю, какой реакции я от него ждала. Фехтование составляло часть нашей учебной программы, и он с Брессинджером изредка устраивали мне тренировочные бои – хотя это скорее делалось для того, чтобы они могли поддерживать форму, а не для того, чтобы научить меня. Тем не менее я думала, что Вонвальт порадуется моему успеху, ведь тот отчасти был его заслугой. Он мог гордиться мной хотя бы за то, что я смогла защитить себя. Нема тому свидетель, Вонвальт испытал огромное облегчение, когда увидел, что я выжила.

Отглядываясь назад, я думаю, он был недоволен тем, что мне вообще пришлось защищаться и пойти на такое, а еще стыдился того, что предложил мне смерть – пусть даже быструю и милосердную. Однако тогда я расстроилась, что он не похвалил меня.

Янсен тоже был заметно озадачен.

– Мой опыт подсказывает, что через подобное лучше пройти пораньше в жизни, – с наигранной беззаботностью продолжал он. – Как раньше поступали в Ложе? Отводили новопосвященных Ордена в дворцовую тюрьму и заставляли отрубать головы приговоренным?

Вонвальт шумно втянул носом воздух.

– В первый раз головы рубили животным.

Этот разговор не могли спасти даже талантливые старания Янсена его поддержать. Мы погрузились в молчание, и я уже пожалела, что сенатор предложил пойти с нами, потому что с этого момента мы шли в неловкой тишине.

Барон Хангмар и мэр уже были на месте и ждали нас в большом зале. В нем стояла ощутимо мрачная атмосфера, и, хотя накрытый для высокопоставленных господ стол ломился от блюд, больше всего этот пир походил на тризну.

– Правосудие, сенатор, – взволнованно сказал Саутер. Он жестом указал на стоявшие вокруг стола стулья. – Пожалуйста, проходите, угощайтесь едой и вином.

Мы подошли к столу. Я подняла одну из стоявших передо мной тарелок, положила на нее кусок пирога с олениной и наполнила мой кубок вином из одного из кувшинов, стоявших на столе. Я увидела, что Янсен поступил так же, но Вонвальт не прикоснулся к еде.

– Городской врач сообщил мне окончательное число погибших, – сказал барон Хангмар. Он был высоким, могучего телосложения, с густыми светлыми волосами и коротко остриженной светлой бородой. Я мельком видела его на улице сразу после битвы; его латные доспехи были такими же черными, как у Вестенхольца, а сюрко – белым, с вышитой на нем алой головой быка.

– И сколько же? – спросил Янсен.

– Шестьдесят городских стражников. Из моих бойцов – сотня убитыми, еще сотня ранеными.

– А потери маркграфа?

– Двести пятьдесят убитых. Из тех, кого мы взяли в плен, тридцать отправились на виселицу. Еще день или два, и мы закончим разбираться с ними.

– Позвольте спросить, а чем объясняется такая разница в потерях? – спросил Саутер. – Ведь численное превосходство было на стороне Вестенхольца. Не то чтобы я был недоволен результатом, конечно.

– Слаженность действий, – проворчал Хангмар. – Мои воины были организованны, а его – нет. Они слишком увлеклись тем, что грабили город, как проклятые драздисты.

– Но разве маркграф не говорил, что они – ветераны Рейхскрига? – настаивал Саутер.

Хангмар пожал плечами.

– А кто сейчас не ветеран?

– Маркграф привел своих дружинников, – сказал Янсен. – Они – неровня легионерам.

Я нахмурилась. Будучи невысокого чина, я не имела права говорить, но мне казалось, что Янсен хорошо расположен ко мне, и любопытство не позволило мне промолчать.

– А в чем разница? – спросила я.

Все посмотрели на меня. Вонвальта немного рассердило то, что я нарушила правила этикета, но он мог идти лесом. Я все еще злилась на него за обиду, которую он нанес мне по дороге сюда.

Как я и думала, Янсен с радостью ответил мне:

– Люди Вестенхольца принадлежали Вестенхольцу – и, наверное, слуг барона Наумова среди них тоже было немало. Легионы же подвластны Императору. Лорд может содержать небольшую личную дружину, хотя для этого ему требуется позволение его величества. Однако такие воины не могут сравниться с имперскими армиями. Подобно бандитам, они хорошо наводят ужас на крестьян, но больше ни для чего не годятся.

– Я о таком не слышала, – сказала я. – Подобная практика кажется несколько устаревшей, разве нет?

– Она постепенно уходит в прошлое, как и многое другое, – сказал Хангмар. Говоря это, он мельком посмотрел на Вонвальта. – В основном дружины содержат в уделах, живущих земледелием. Полагаю, после этих печальных событий их окончательно объявят вне закона.

– Именно так, – сказал Янсен. – Но важнее другое: известно ли хоть что-нибудь о нашем священнике? Я позвал сюда сэра Конрада специально для того, чтобы вы могли рассказать ему, что узнали.

Хангмар хмыкнул и сделал несколько больших глотков вина.

– Мои разведчики докладывают, что уцелевшие войска Вестенхольца направились в сторону Кругокаменска. Среди них был и Клавер, и тот, второй.. – Он щелкнул пальцами. – Как там его звали?

– Фишер, – сказал Вонвальт. – Обенпатре Ральф Фишер.

– Точно, – сказал Хангмар.

– И что же именно вы собираетесь предпринять, чтобы с ними разобраться? – спросил Вонвальт. Его лицо выражало крайнее недовольство. – Я готов поручиться, что они не останутся в Кругокаменске надолго.

Янсен и Хангмар переглянулись. Как и у сенатора, положение барона было ниже положения Вонвальта, и по правилам этикета тот должен был сносить его грубости.

– Мы отправили послания графу Майеру Ольденбургскому и его высочеству князю Гордану, – сказал Хангмар. Гордан Кжосич был третьим сыном Императора и князем Гулича. Я знала, что Императору тоже отправили послание, но учитывая, что Гулич граничил с Хаунерсхаймом, князь почти наверняка получил бы известия первым. – Я уверен, что его высочество ударит по северу всеми силами. Вы видели, что могут сделать несколько сотен бойцов из гарнизона путевого форта. Еще немного, и вы увидите, на что способен полноценный имперский Легион. Кругокаменск и Моргард истекнут кровью.

Хангмар, похоже, был доволен собственным ответом, но Вонвальт ничего не сказал, и молчание затянулось, пока не стало невыносимым.

– Сэр Конрад? – нарушил его Янсен.

- Я думаю, - ответил Вонвальт.

Снова повисла тишина. Наконец лорд Саутер откашлялся.

- Что вы будете делать теперь, сэра Конрад? - спросил он. - Полагаю, вам больше незачем задерживаться в Долине.

- Как только я закончу разбираться с Вестенхольцем, я отправлюсь в столицу, - сказал Вонвальт. - Очевидно, положение дел в моем Ордене приближается к критической точке и требует моего личного внимания.

- Именно так, - сказал Янсен. - Я дам вам имена нескольких сенаторов, к которым вы сможете обратиться за помощью. Ситуация плачевная, но союзники у вас еще есть. Как и время. Действия Вестенхольца здесь катастрофическим образом отразятся на млианарах, я уже не говорю о Клавере и неманцах. Осмелюсь сказать, что обстоятельства благоволят вам.

- Верно, - согласился Хангмар. - Когда Сова услышит, что млианары разграбили один из крупнейших и важнейших городов Хаунерсхайма, это пагубно скажется на их положении. Столица будет возмущена.

Но на Вонвальта их оптимизм не подействовал.

- Очень скоро политиканство сенаторов перестанет что-либо значить. Императору стоит отправить Легионы на юг и уничтожить храмовников прежде, чем Клавер успеет с ними воссоединиться. И по ходу дела нужно выкурить Клавера из Кругокаменска, а также уничтожить Наумова и весь его дом.

- О Кругокаменске позаботятся, - сказал Хангмар. - Император ведь не глупец, Правосудие. Он не подпустит саварцев к Сове ближе, чем на сотню миль.

Вонвальт поднял глаза на барона, словно только заметил, что тот сидит за столом. Он долго молча смотрел на него; однако на этот раз в намеренном молчании Вонвальта ощущалась свинцовая тяжесть, и никто не осмеливался обратиться к нему.

А затем Вонвальт медленно улыбнулся.

Хангмар, обезоруженный, неуверенно улыбнулся в ответ. Янсен - единственный, кто мог сравниться с Вонвальтом в гибкости ума, - тоже был вынужден растянуть губы в улыбке, словно готовясь услышать концовку анекдота, который он не до конца понимал. Саутер, как всегда потный и взволнованный, даже издал сдавленный смешок.

Вонвальт продолжал улыбаться, но лишь я одна видела, что это на самом деле за улыбка. Она была холодной и беспомощной, как у человека, который проиграл в игре с высокими ставками, хотя мог одержать победу, если бы был повнимательнее. Вонвальт впервые увидел, как выглядит со стороны его прежняя наивность. Он словно посмотрелся в зеркало. В Хангмаре и Янсене он увидел то же, что видела в нем Августа, - непоколебимую и совершенно ошибочную уверенность в нерушимости государства. Несмотря на все доказательства обратного, они все еще охотно верили в то, что раз Империя

была столь обширна, обладала армиями, сложным бюрократическим аппаратом, религией и другими могущественными институтами, то она просто... все выдержит. Что она представляла собой нечто большее, нежели сумму своих частей, а не являлась одним огромным всеобщим заблуждением, на поддержание которого требовалось все время тратить уйму золота и крови. Мы только что видели, как двое непокорных лордов и один безумный священник за день чуть не уничтожили один из ее городов. Было нетрудно представить себе, что, будь у Клавера еще несколько недель и пять или десять тысяч солдат, он смог бы совершенно изменить тот мир, который мы знали.

Когда Вонвальт понял это, он совершенно преобразился. Он не избавился от злобы и не восстановил свой личный моральный кодекс – о том, что его принципы изменились, мне еще предстояло узнать всего через несколько недель. Однако он внезапно преисполнился целеустремленностью, которая хотя бы на время достойно имитировала и первое, и второе.

Он встал, и мы встали вслед за ним, хотя и замешкались от того, что были сбиты с толку.

– Вестенхольц умрет на рассвете. Я решил перенести его казнь на более ранний срок. – Вонвальт повернулся к Саутеру. – Пожалуйста, возведите ночью на рыночной площади виселицу.

– Э-э-э... конечно, милорд, – пролепетал Саутер, но Вонвальт уже стремительно шагнул прочь из зала.

– Идем, Хелена, – бросил он мне через плечо. – Ты должна подготовиться к нашему отъезду.

XXX

Прощание с Долиной

«Встретить Правосудие зачастую означает столкнуться с бесчувственной машиной, настолько лишенной всего человеческого, что, беседуя с ним, вы будете думать, будто говорите с ходячим учебником. Однако нельзя не усомниться в том, мудро ли это – предоставлять неограниченную власть какой-либо категории людей. Разве может Орден на самом деле искоренить из души человека каждую предвзятость, каждый предрассудок и каждую причуду?»

Из трактата Чуна Парсифаля «Раскаивающаяся Империя»

- Расскажите мне, как он это сделал.

Наступил рассвет, и тяжелый ливень начал хлестать Долину. Вонвальт и я стояли у камеры маркграфа. На этот раз с нами пришел сэр Радомир. С наших плащей капала вода, и она же стекала по каменным стенам, на которых за ночь появились пятна плесени. Поскольку по законам общего права человек считался невиновным в совершении преступления до тех пор, пока его не объявляли таковым суд или Правосудие, сованские постановления предписывали строить городские тюрьмы основательно, так, чтобы заключенным жилось в них в какой-то степени комфортно. Все-таки не все, кто попадал в тюрьмы, выходили из них признанными преступниками. Однако из всех императорских указов, касавшихся судебного процесса, этому следовали меньше всего, что неудивительно. Однажды Вонвальт сказал мне, что эффективность судебной бюрократии любого государства полностью соответствует милосердию его граждан, а сованцы были мстительным народом. Одна из величайших ироний жизни заключалась в том, что чем лучше относились к преступникам, тем меньше совершалось преступлений, но попробуйте объяснить это родителям убитого ребенка или торговцу, которого только что жестоко ограбили на большой дороге.

Вестенхольц как раз и стал жертвой этой умышленной оплошности. Замерзший, изголодавшийся, облаченный в лохмотья, скрывавшие всевозможные побои, он был окончательно сломлен. Я дивилась тому, сколько жалости ощущала к нему. Конечно, я ненавидела маркграфа, причем с момента нашей первой встречи. Он был отвратительным существом и не заслуживал ничего, кроме смерти. И все же, глядя на него, бледного и истощенного, я испытывала всеобъемлющую грусть. Разве мы могли ощущать моральное превосходство над ним, если позволяли тюремщикам пинать его ногами и лишать еды?

- У вас ничего не осталось, - сказал Вонвальт. - Все кончено. Вы лишились земель и титулов. Вашего дома больше не существует. Имперский герольд вымарал ваш герб. То доброе имя, что вы заслужили, будучи стражем северных берегов Империи, окончательно опорочено. - Вонвальт шагнул вперед и присел. Когда он снова заговорил, его голос слегка смягчился. - Сейчас вы еще можете сделать благое дело. Спасите хоть что-нибудь. Не забирайте правду с собой. Расскажите мне, как он это сделал. Расскажите мне, где он получил это знание. Расскажите мне, кто помог вам.

Вестенхольц открыл рот, чтобы заговорить, но издал лишь сухой хрип. Вонвальт повернулся к тюремщику.

- Принесите немного зля, - сказал он. Через несколько минут Вестенхольцу дали смочить горло, и он смог говорить.

- Но вы ошибаетесь. Ничто не кончено, - сказал бывший маркграф. Он говорил негромко, но уверенно. Вместо того чтобы сокрушить дух Вестенхольца, последние несколько дней лишь укрепили его решимость. То, насколько искренне прозвучал его голос, напугало меня. - Это лишь начало.

- Да чтоб его, - пробормотал сэр Радомир и сплюнул на пол. Он резко указал на маркграфа. - Сэр Конрад, вы зря теряете время. У него не осталось ничего, кроме пустых пророчеств.

Вонвальт не сводил глаз с Вестенхольца.

– Сэр Радомир прав? Неужели ваши последние слова будут столь банальными?

– Вы не заставите меня ни в чем признаться, – раздраженно сказал Вестенхольц, словно Вонвальт был попрошайкой, приставшим к нему на улице. Он отвернулся и снова уставился в окно. – Моя судьба в руках Немы.

Сэр Радомир гневно вздохнул.

– Если бы я хотел слушать эти бредни, то пошел бы к храму. Там толчется дюжина умалишенных, чьи проповеди звучат куда убедительнее. Увидимся на виселице. – С этими словами шериф ушел.

Вонвальт долго смотрел на Вестенхольца. Дождь снаружи усилился. Одно было ясно: казнь пройдет в эффектной обстановке.

– Вы не особенный. – Вонвальт говорил так, будто просто перечислял факты. – Вас не признают мучеником. Вы умрете бесславной смертью, ненавидимый всеми, и о вас будут помнить лишь как о человеке, устроившем безжалостную, бессмысленную резню.

Вестенхольц закатил глаза.

– Если вы собираетесь убить меня, то покончите с этим поскорее.

На этот раз Вонвальт вздохнул и печально улыбнулся. Он на несколько мгновений о чем-то задумался, а затем покачал головой, словно мысленно спорил сам с собой. Когда он заговорил, слова его звучали тихо.

– Я был там. Я видел, что находится по ту сторону. – Вонвальт приблизился к маркграфу, оказавшись с ним лицом к лицу, и его голос наполнился потусторонней силой. – Если бы вы знали, что вас ждет, то не спешили бы умирать.

Самообладание Вестенхольца впервые пошатнулось. Он не смог сдержать страх, и тот отразился на его лице. Нема, даже у меня от тона Вонвальта по коже побежали мурашки. Впрочем, я ведь там тоже была. Я своими глазами видела правду.

– О чем вы говорите? Что там? – сам того не желая, прошептал Вестенхольц. Его глаза были широко распахнуты. Должно быть, Клавер наполнил его голову всевозможной чушью, и бывший маркграф лишь теперь начал понимать, что эти проповеди были пустыми. Он напомнил мне саму себя, когда я взывала к солдату на берегу Гейл. Даже подобное унижение было лучше того, что ждало по ту сторону. Неудивительно, что Вестенхольц сломался, оказавшись на пороге смерти и чудовищного загробного мира, столь же темного и необъятного, как океаны мира, и полного хищных существ. Удивляло лишь то, сколько на это понадобилось времени. Но, по моему опыту, люди часто оказываются способны отрицать реальность своего положения даже перед лицом совершенно неопровержимых доказательств.

Вонвальт поднялся и повернулся к выходу.

– Я дал вам предостаточно времени, чтобы помочь мне. Скоро вы все узнаете сами.

– Что там, Правосудие? – снова спросил Вестенхольц. Его голос зазвучал громче и настойчивее, однако мы уже уходили. – Правосудие? Что там? Правосудие!

Но он не получил ответа... по крайней мере, от Вонвальта.

* * *

Мы вышли на улицу и направились к рыночной площади. Вокруг лил проливной дождь, затоплявший переполненные дерьмом канавы по обе стороны дороги. Зима прошла, и холода отступили, отчего Долина стала наполняться неприятными запахами, и я поняла, что летом находиться здесь станет невыносимо.

За десять минут быстрой ходьбы мы добрались до площади. Там, как и распорядился Вонвальт, уже возвели виселицу. Небо над нами было темным, его затянули раздутые черные облака, и до нас доносились раскаты грома. Несмотря на погоду, здесь собралась огромная толпа, и в воздухе висело ошутимое напряжение и предвкушение зрелища.

Мы начали пробираться через толпу. Никто не осмеливался кричать на нас, хотя многие сердито и возмущенно ворчали нам вслед. Я этого почти не замечала. В моей голове боролись за внимание мысли о прорицаниях и загробной жизни. Мне подумалось, что такая погода – это проявление божественного недовольства, но разве могли изначальные боги быть недовольны тем, что должно было произойти? Вонвальт всегда верил в Естественный Закон – в идею о том, что правила морали и этики абсолютны и не зависят от законов, принятых человеком. Если это действительно было так, то Вестенхольц по любым меркам заслуживал смерти. Возможно, ответ крылся в трудах Правосудия Кейна и его теории Связанности. Несмотря на то что сейчас мы могли насладиться мщением, решение казнить Вестенхольца могло оказаться неправильным по неким объективным причинам. Возможно, оно толкало нас на тот временной путь, который вел к гибели Аутуна. И тогда, может быть, боги не проявляли свое недовольство, а предупреждали нас?

Или же в тот день просто стояла отвратительная погода.

Вонвальт не дал мне особых указаний, куда становиться, поэтому я встала рядом с ним на эшафоте. Вскоре к нам присоединились сэр Радомир и лорд Саутер, первый – с чувством мрачного предвкушения, а второй – с крайне жалким видом. Несколько месяцев назад реакция лорда Саутера удивила бы меня, но за это время я изменила свое мнение о нем. Он оказался не только человеком чести, но и трусом. Его мягкий подход был порожден не желанием поступать правильно, а слабыми моральными устоями. Как он желал поскорее избавиться от нас, так и я желала поскорее избавиться от него. После моего отъезда из Долины нашим дорогам больше было не суждено пересечься.

Вскоре после того, как мы поднялись на платформу, толпа громко заулюлюкала, и я, резко повернувшись, посмотрела в конец улицы. Там я увидел Вестенхольца, которого вели на эшафот двое дюжих помощников палачей и неманский священник. Бывший маркграф шел довольно послушно – ведь разве у него был иной выбор? – но, увидев виселицу, он начал упираться. Я видела, как он напрягся, сопротивляясь. Затем он что-то закричал, но то не были бредни человека, сошедшего с ума от страха. Казалось, что Вестенхольц был чем-то разгневан.

Я наклонилась к Вонвальту и негромко спросила:

– Что это с ним?

Вонвальт не посмотрел на меня, но его лицо было мрачным.

– Он был дворянином. И станет требовать благородной смерти.

– По закону?

Вонвальт кивнул.

– Да.

– И какая смерть ему полагается?

– От меча.

– Но вы его повесите?

– Я его повешу.

Казалось, будто мы снова оказались на Хаунерской дороге, и Вонвальт шагал к храмовнику, готовясь снести ему голову с плеч и тем самым нарушить закон. Его сегодняшний проступок был не столь значительным, но все же противозаконным... и мелочным. От него разило мстительностью. Возможно, я была наивна, раз ждала чего-то иного.

– Но если закон гласит...

– Успокойся, Хелена.

Я замолчала. Разве я могла что-то сказать? Разве я могла что-то сделать? Даже будь у меня возможность вмешаться, я точно не собиралась бросаться вперед и отрубать Вестенхольцу голову. Я сомневалась, что у меня вообще хватило бы на это сил. И как бы нелепо это выглядело: секретарь Правосудия выхватывает меч и обезглавливает осужденного.

Нет. Мне пришлось просто стерпеть это, как и многое другое. Я могла озвучить свои сомнения позже, но тогда время было неподходящим. Ни один житель Долины не стал бы возражать против повешения Вестенхольца. Более того, многие из них предпочли бы куда более длительную казнь. Я лишь надеялась, что Вонвальт вешал Вестенхольца, следуя какому-то принципу, возможно, в качестве наказания за нарушение присяги, а не ради того,

чтобы доставить удовольствие толпе. Первое я могла бы понять, пусть мне это и не нравилось; последнее же привело бы Вонвальта к пустому популизму, что совершенно противоречило сованской законной доктрине.

– Я имею право на благородную смерть, – брызгал слюной Вестенхольц. Страх, который Вонвальт вселил в него в тюрьме, снова уступил место гневу.

– Вальдемар Вестенхольц, – сказал Вонвальт, не обращая на бывшего маркграфа внимания. Его голос гремел, как раскат грома. – Двадцать восьмого дня Эббы вы ввели в Долину Гейл войско собственных дружинников. Безо всякой законной причины в мирное время вы убили и стали причиной гибели множества подданных Императора. Посему я обвиняю вас в убийстве и в государственной измене.

Я также обвиняю вас в убийстве или подстрекательстве к убийству сэра Отмара Фроста, леди Кэрол Фрост и других жителей деревни Рилл, находившейся в провинции Толсбург, неизвестного числа месяца Госса.

По этим обвинениям его императорское величество Лотар Кжосич IV, действуя через меня, его Правосудие, сэра Конрада Вонвальта, признает вас виновным и приговаривает к казни через повешение сегодня, седьмого дня Виртера. Вы хотите что-нибудь сказать?

– Я имею право на благородную смерть, – повторил Вестенхольц. Несмотря на то что выглядел он изможденно и жалко, бывший дворянин смог собрать весь оставшийся у него яд и адресовать его Вонвальту.

– Вы имеете право на смерть, – сказал Вонвальт. – Если вы хотели, чтобы она была благородной, то вам следовало вести себя благородно.

– Закон гласит совсем не это! – прокричал Вестенхольц, снова тщетно пытаясь вырваться из рук державших его мужчин. – Вы не имеете права меня повесить!

Вонвальт наклонился к нему поближе. Он заговорил тихо, так, чтобы его слышал лишь Вестенхольц, но я стояла достаточно близко и разобрала сказанное:

– Вот разница между листом бумаги и сталью. Если вы до сих пор этого не уяснили, то скоро поймете.

Когда Вонвальт отступил назад, Вестенхольц переменялся в лице. К нему наконец пришло осознание того, что он никакими словами или действиями не изменит свою судьбу. На моих глазах его дух надломился, лопнул, как слишком сильно натянутая тетива. Бывший маркграф обмяк, и его пришлось держать, чтобы он не упал.

Вонвальт кивнул двоим палачам.

Молния эффектно расколола небо, когда Вестенхольца подтащили к петле. Я повернулась к сэру Радомиру, но вид у него был мрачный и решительный, и я поняла, что не найду в нем союзника. Он был простым человеком, радевшим

за простое правосудие, и не задумывался над хитросплетениями общего права.

Толпа снова заулюлюкала. Некоторые, по-видимому, те, кто потерял родных или друзей, надрывали глотки, выкрикивая страшные ругательства. Проявление всеобщей ярости было мощным – и кто мог их винить? Мне не хватало благородства, чтобы, глядя на то, как умирает Вестенхольц, не испытать некоторое удовлетворение. Я ненавидела его и не отрицала, что мир живых станет без него только лучше. Но всякое утешение, которое я могла получить от казни, сводилось на нет тем, как она влияла на Вонвальта. Кажется странным, что я цеплялась за такую мелочь – все же смерть есть смерть и казнь есть казнь. Отрубили бы Вестенхольцу голову или повесили – какое это имело значение?

Что ж, ответ таков – значение было огромным. Рейхскриг погубил десятки тысяч, однако философы-консеквенциалисты и юристы того времени считали ту войну оправданной, ведь насажденная ею цивилизация улучшила жизнь миллионов. Связанные общими законами, все люди, от нижайшего крестьянина до высочайшего дворянина, стали равными друг другу. Столь многие пожертвовали столь многим, столько жизней было отдано на заклание на алтаре общего права. Отказаться от этих принципов означало бы, что все было напрасно. Уберите Сенат представителей, Орден магистратов и свод законов, единых для всех, и Рейхскриг станет лишь войной ради войны, простой серией кровавых завоеваний.

Одна из любимых цитат Вонвальта гласила: «Все могут быть судимы законом, и все могут его поддерживать», и однажды я сказала то же Матасу, пытаюсь сумничать. Но цитата была неполной. На самом деле она звучала так: «Все могут быть судимы законом, и все могут его поддерживать, однако те, кто поддерживает закон, не могут его судить». Вонвальт должен был применять закон так, как тот был написан, вне зависимости от собственных желаний, а не пытаться с его помощью достичь своих целей.

На шею Вестенхольца накинули петлю, и палач, которому Вонвальт поручил эту задачу, повернул ворот. Вестенхольц приподнялся в воздух дюймов на двенадцать, не больше. Он задрыгал ногами, а его тело сотрясли конвульсии. Его лицо приобрело неестественный пурпурный оттенок. Время от времени, когда его горло открывалось и сжималось от спазмов, он издавал хриплые, задыхающиеся звуки. Я оглядывала толпу, ожидая, что кто-нибудь – возможно, Клавер – внезапно бросится Вестенхольцу на помощь. Но, конечно же, там никого не было.

Через несколько минут Вонвальт потерял интерес к казни и покинул эшафот. Саутер, обрадовавшись, что может поступить так же, поспешил за ним и отправился домой. Остался только сэр Радомир, бесстрастно наблюдавший за Вестенхольцем.

Я тоже осталась, чтобы досмотреть это ужасное зрелище до конца. Почему-то это казалось мне важным, словно я наблюдала за тем, как вершится история. Впрочем, так и было.

Наконец все завершилось. Судя по прозвонившему колоколу, Вестенхольц умирал около десяти минут. Его смерть не могла стать более позорной. С безжизненных ног бывшего маркграфа стекала моча. Его глаза почти

почернели от лопнувших в них сосудов. У рта густо пенилась слюна, а язык был отвратительно высунут.

Когда стало ясно, что Вестенхольц скончался, я покинула эшафот. За моей спиной сэра Радомир обрезал веревку.

Толпа возликовала, когда безжизненное тело глухо ударилось о доски.

* * *

Прошли еще один день и одна ночь, прежде чем я снова увидела Вонвальта. Впервые за долгое время он выглядел посвежевшим. Он укоротил волосы, подстриг бороду, его лицо казалось полнее, словно он вдоволь наелся и выпил. Должна признать, что, несмотря на все произошедшее, это простое преобразование сильно подействовало на меня и затмило многие мои опасения.

– Пришла пора отправляться в Сову, – сказал он. Мы стояли в его покоях на верхних этажах здания суда. Сэр Конрад пил красное вино из кубка и смотрел вдаль, на город. Многие из сожженных строений уже возводились вновь, и я не сомневалась, что всего за несколько дней жизнь в Долине Гейл вернется в привычное русло. Какое-то время Вонвальт сидел молча, а затем допил остатки своего вина. – Здесь я не смогу добиться справедливости за Реси. – Он смотрел на город так, словно тот был языческой реликвией, воздвигнутой на священной земле. – Ты решила? – после недолгого молчания спросил он.

– Что решила? – спросила я.

– Как ты хочешь поступить. Полагаю, с гибелью Матаса твои обстоятельства несколько изменились, однако... – Он пожал плечами. – Возможно, ты все равно желаешь остаться в Долине. Или просто хочешь разойтись со мной и Дубайном.

К моему стыду, я уже давно не думала о Матасе, настолько последние события поглотили меня. Я подивилась тому, как сильно Вонвальт ошибся, определяя причину моего безрадостного настроения – а меня совершенно не радовало то, как начал меняться сам сэра Конрад. Но мне не хватало смелости сказать ему об этом, и у меня действительно не было другого выбора, кроме как отправиться с ним.

– Я останусь с вами, – сказала я. Затем помедлила. Я чувствовала себя ужасно и не хотела расплакаться, поэтому мне понадобилось полминуты, чтобы взять себя в руки. Вонвальт не смотрел на меня. – Еще столь многое осталось сделать, столько зла исправить. А добиться этого я смогу, только если поеду с вами в Сову.

– Ты желаешь отправиться со мной ради мести или же ты едешь, чтобы выучиться и стать Правосудием? – спросил Вонвальт.

Я сделала глубокий вдох. Врать ему было бессмысленно.

- Я не знаю, - сказала я. - Первое. Может быть, и второе тоже. Я не могу с уверенностью сказать, что хочу стать Правосудием.

- Возможно, это и к лучшему, - сказал Вонвальт, удивив меня. - Судя по всему, сейчас стало опасно водиться с Орденом.

Я посмотрела на свои руки.

- Я предана вам, а не Ордену, - негромко сказала я.

- Дорогая моя Хелена, - сказал Вонвальт. Я подняла глаза. Он улыбался, хотя и печально. - Ты ничем мне не обязана.

- Я обязана вам всем, - сказала я.

- Я... дурно с тобой обошелся. Подверг тебя опасности. Просил делать то, чего делать не следовало.

- Я взрослая. Я могла отказаться.

- Если бы не я, Матас все еще был бы жив.

- Его убил Вогт, - просто ответила я.

- Своими действиями я создал обстоятельства...

- Я не хочу это обсуждать, - сказала я.

- Хорошо, - сказал Вонвальт. - Да, это справедливо.

Какое-то время мы сидели молча.

- Прежде чем мы уедем, я хочу поговорить с сэром Радомиром, - сказал Вонвальт. - Кажется, он считает, что ему больше нет здесь места. Он хороший человек с острым чувством справедливости. И боец он удалой. Возможно, у меня получится убедить его присоединиться к нам. Видят боги, нам пригодится еще одна крепкая рука с мечом. - Его глаза расширились, когда он понял, что только что сказал. - Ты меня поняла, - прибавил он.

- Да, - сказала я.

- Тогда иди. Собери свои вещи и приготовь наших лошадей и осла. Затем скажи Дубайну, что сегодня мы отправимся в путь, и спроси, сможет ли он присоединиться к нам.

* * *

- Вы хотите, чтобы я поехал с вами? - спросил сэр Радомир позднее тем же утром.

Мы стояли в кабинете шерифа, где впервые не горел очаг - погода была не по сезону теплая. Сэр Радомир выглядел исхудавшим, а его родимое пятно, похожее на винную кляксу, казалось краснее обычного, словно оно воспалилось. Он предложил нам выпить, и мы отказались, сославшись на то, что скоро уезжаем.

Шериф был пьян, но мыслил ясно. После нападения на Долину он стал пить больше и чаще.

- При всем уважении, сэр Конрад, это больше похоже на понижение в должности. Я - шериф целого города. Согласно его постановлениям, я имею право нанять сотню бойцов.

- Сотню? - спросил Вонвальт.

- Да, - сказал сэр Радомир.

- И у скольких вы сами в подчинении?

- Я подчиняюсь мэру.

- И некоторым другим лордам?

- Косвенно.

- А кому подчиняется мэр?

Сэр Радомир пожал плечами.

- Он будет подчиняться лорду Хангмару, - сказал Вонвальт. - Когда-нибудь.

- Лорду Хаунерсхайма?

- Барону Остерленскому, - поправил Вонвальт. - А кому подчиняется барон Хангмар?

- Не представляю.

- Майеру, графу Ольденбургскому и лорду Южной Марки. Который, в свою очередь, подчиняется кому?

- Очередному лорду повыше, я полагаю, - мрачно сказал сэр Радомир.

- Герцогу Гофманну, верховному владыке Хаунерсхайма. А герцог Гофманн подчиняется его высочеству Гордану Кжосичу, князю Гулича, который подчиняется своему отцу, его императорскому величеству.

- Я вас понял, - проворчал сэр Радомир.

- А кому подчиняюсь я? - не унимался Вонвальт.

- Самой Неме?

- Самому Императору. Напрямую. И это не пустая честь, а одна из составляющих уклада Империи, столь же фундаментальная для нее, как эта балка для целостности вашего здания стражи. Я предлагаю вам исключительную честь, сэр Радомир, - сказал Вонвальт. - Присягнув мне, вы будете отвечать только мне. А я только что сказал, кому отвечаю я.

- Да уж, - сказал сэр Радомир. - Сказали.

- И ваша сотня бойцов превратится в сотню миллионов. По всей Империи.

- Боги, - пробормотал сэр Радомир. - Никто не должен обладать такой властью.

- Я могу назвать нескольких человек, кто бы с вами согласился, - заметил Вонвальт.

Сэр Радомир был мрачен.

- И какие у меня будут обязанности?

- Вы будете расследовать. Арестовывать. Защищать. Делать все для достижения моей конечной цели: правосудия.

- А мщение входит в этот список? - прорычал сэр Радомир и чуть подался вперед.

Повисла напряженная тишина. Я посмотрела на Вонвальта, ожидая - надеясь, - что он с мягким упреком покачает головой, как родитель, журиющий ребенка. Но, к моему величайшему сожалению, Вонвальт кивнул.

- Да, - сказал он. - Она тоже попадает под понятие правосудия.

- Что нужно будет сделать? Если я соглашусь? - спросил сэр Радомир.

- Только поставить подпись на одной бумаге, и то лишь для того, чтобы вам платили жалованье.

Повисла тишина. Шериф размышлял.

- Мне понадобится время, чтобы подготовиться. Привести дела в порядок. Семьи у меня здесь нет, но есть... знакомые, если вы меня понимаете. Мне бы не хотелось уходить, не попрощавшись.

- У вас есть время до конца утра. Мы выезжаем в полдень. Встретьтесь с нами у Вельделинских ворот до двенадцатого удара колокола, не позже.

- Куда мы направимся?

- В Сову, сэр Радомир. К престолу Империи и бьющемуся сердцу цивилизованного мира.

Эпилог

Правосудие Императора

«Правосудие – это не месть, а месть – это не правосудие. Но зачастую они пересекаются. Государство способно на месть точно так же, как и любой человек, ведь что такое государство, если не люди, которые его составляют?»

Сэр Рэндалл Кормондолт

Неделю спустя мы тащились по грязному тракту через открытую полосу холмистых пашен Гулича. Теплый дождь барабанил по моему капюшону, и я ощущала, как мой вощеный плащ постепенно сдается под натиском влаги.

Все это время мы быстро двигались на юг, по возможности избегая Хаунерской дороги, и останавливались лишь для того, чтобы Вонвальт или сэр Радомир зашли в попадавшиеся на пути станции и трактиры и навели справки. Брессинджер лежал в повозке Герцога Брондского, укрытый вощеными плащами, пил и спал. Несмотря на то что он успешно шел на поправку, он еще долго не возвращался к непринужденной болтовне и развязному поведению, к которому я привыкла. Думаю, помимо прочего он был обижен на то, что сэра Радомира включили в свиту Вонвальта.

Я долго не понимала, что происходит, пока однажды днем внезапно все не осознала. Несколько деталей мозаики сложились воедино: наш маршрут, явно избегавший Хаунерской дороги и Имперской Эстафеты, частые остановки и распробы, в которых я не участвовала.

Я подогнала свою лошадь, пока она не затрусила рядом с Винченцо.

– Где он? – спросила я Вонвальта. Мне пришлось повысить голос, чтобы перекричать дождь.

– В Оссике, – просто ответил он. Вонвальт был мрачен и выглядел неопрятно, что было для него нетипично. Его черная борода спуталась, став похожей на птичье гнездо, а длинные волосы от влажности стали грязными и слиплись в сосульки.

Я попыталась подобрать правильные слова.

– Его нельзя...

– Я знаю, Хелена, – ответил Вонвальт.

Мы продолжили путь. Я снова подогнала лошадь, чтобы она поравнялась с Вонвальтом.

– Присяжные не...

– Я знаю, Хелена.

Его лицо ничего не выражало.

– Тогда зачем мы...

– Достаточно. Ты уже все поняла, несмотря на мои усилия. Мне стоило догадаться, что так и будет. Ты не станешь в этом участвовать. Мы лишь немного отклонились от пути и скоро поедем дальше на юг. Нам нужны сведения.

– Только сведения? – не унималась я.

Вонвальт не ответил.

– Вы же говорите об...

– Я сказал достаточно, – рявкнул он. – Я не желаю обсуждать это с тобой.

Я умолкла, одновременно уязвленная и обеспокоенная, и вернулась на свое место в процессии.

Мы двигались дальше до самого конца дня, пока солнце медленно садилось. Сумерки подкрались к нам поздно вечером. Однако на горизонте, подобно маякам, уже сияли огни сторожевых башен Оссики – еще одного крупного торгового города, соединенного с Долиной Гейл той же широкой глубокой рекой.

Мы добрались до города уже поздней ночью, и лишь благодаря влиянию Вонвальта нам позволили войти в главные ворота. Когда мы поскакали по бульжным улицам, я ощутила, как стражники провожают нас взглядами. Казалось, что они чувствуют, зачем мы здесь.

Мы нашли неприметный трактир и поставили лошадей в стойло. Я заметила, как в свете огня очага блеснуло серебро – Вонвальт заплатил трактирщику непомерную сумму денег. Общий зал был битком набит сомнительными типами, но никто не обращал на нас внимания.

Вонвальт несколько минут негромко разговаривал с трактирщиком, а затем мы повернулись к выходу.

– Остайся здесь с Дубайном, Хелена, – сказал Вонвальт, когда мы дошли до двери. – Я оплатил вам комнату наверху.

– М-м, – неопределенно ответила я. Брессинджер, стоявший рядом со мной, обмяк; из-за боли в культе и выпивки он был наполовину без сознания.

- Заприте дверь на засов и не выходите. Я приду за вами примерно через несколько часов.

Я запротестовала для виду, но я понимала, что если хочу последовать за ними, то мне придется сделать так, как он велит. Еще немного потянув время, я затем ушла наверх, в нашу комнату. Оказавшись внутри, я помогла Брессинджеру улечься в кровать и заперла дверь.

Из окна я увидела Вонвальта и сэра Радомира. Едва они зашли за угол, я бросилась вон из комнаты, спустилась в общий зал и вышла наружу. Там я пошла по незнакомым улицам вслед за ними и примерно через минуту догнала. Оставаясь в тени, я еще где-то четверть часа шла следом. Сэр Радомир и Вонвальт уходили все дальше от освещенных фонарями главных улиц в глухие переулки, где их окликали ждавшие в дверях шлюхи, а мужчины, оценивающе оглядев, решали, что грабить их было бы неразумно.

Наконец они остановились у входа в бордель, и на миг я с ужасом подумала, что все неправильно поняла и сегодня они искали удовлетворение иного рода. Затем я увидела в дверях человека и узнала в нем одного из людей сэра Радомира из Долины Гейл. Они негромко перекинулись парой фраз, затем человек ускользнул прочь, а Вонвальт и сэр Радомир вошли, прикрыв за собой дверь.

Я отгляделась. Проникнуть внутрь я никак не могла, но дома вокруг были ветхими, полуразвалившимися, и вскарабкаться по ним наверх было очень легко. За время, проведенное на улицах Мулдау, я научилась мастерски карабкаться, так что теперь в мгновение ока забралась на соседнюю соломенную крышу. Заглянув в несколько окон, я быстро нашла то, что искала: обенпатре Фишера, на котором с фальшивым энтузиазмом скакала скучающая шлюха.

Через считанные секунды после того, как я спряталась в тени, дверь в комнату священника слетела с петель. Внутри с мечами наголо ворвались сэр Радомир и Вонвальт. Девушка из ниоткуда выхватила нож и прижала его к горлу Фишера. Я видела, как завязалась короткая борьба. Вонвальт руководил происходящим. Затем девушка забрала свою одежду - и кошель монет у сэра Радомира - и ушла.

Мое сердце колотилось. Я подобралась ближе, оказавшись лишь в нескольких футах от окна. Стекло в нем было дрянным, рама прилегала неплотно, так что разговор легко просачивался через щели наружу, в прохладную ночь.

- Казивар вас раздери, Правосудие, что все это значит? Все кончено. Отпустите меня, и мы обо всем забудем, - сказал Фишер слабым, дрожащим голосом.

- Наденьте что-нибудь, - сказал Вонвальт священнику. Тот поспешил послушаться и натянул нижнее белье и пурпурную рясу. - Сядьте. Много времени это не займет.

- Сэр Конрад, пожалуйста... вы уже получили мое признание.

- Закрой свою пасть, - рявкнул сэр Радомир.

Повисла тишина. Вонвальт набрал в грудь воздуха.

– Как вы добрались сюда из Кругокаменска?

Голос Императора. Он грянул в воздухе, как раскат грома. Я подпрыгнула. Мне подумалось, что привыкнуть к первому удару Голоса просто невозможно.

– На корабле... по реке Кова.

– Вы путешествовали вместе с Клавером?

– Д-да!

– Где он?

– Отправился дальше на юг! – выдохнул Фишер. Слова прозвучали хрипло, их вытаскивали из его глотки против воли, как рыбу из реки. – К Пограничью!

– Куда? В Зюденберг? Керак? Цетланд?

– Да... хр-р... В одну из этих крепостей!

– В которую?

– Я не знаю!

– Как назывался корабль?

– Я не знаю! – Фишер задыхался, словно его вздергивали на дыбе.

– Откуда Клавер получил свои силы?

– А-а-а! Пожалуйста! Хватит!

– Откуда? С ним сотрудничает кто-то из Ордена?

– Д-да! Я не знаю, кто именно, пожалуйста!

– Кто?

– Я не знаю! – выдохнул Фишер. Из его носа потекла кровь. Его глаза были размером с блюдца.

Тишина. Фишер тихонько заплакал. Вонвальт и сэр Радомир стояли над ним. Вонвальт опустил меч, а затем сел в кресло в углу. Сэр Радомир продолжал держать свой клинок наставленным на священника, но тот был не в состоянии что-либо предпринять.

Вонвальт упер острие своего меча в половицы между ног. Затем он положил руки на навершие, а подбородок – на руки. Когда он заговорил, голос его звучал тихо. Применение Голоса отнимало массу сил, но дело было не только в этом. Вонвальт устал и, думаю, испытывал глубочайшую тоску. Мне пришлось напрячь слух, чтобы услышать его.

– Когда я был еще мальчишкой, до того как до нас добрался Рейхскриг, в Йегланде была распространена одна очень старая поговорка: «правосудие королей». Как и все старые поговорки, за годы она приобрела множество разных значений, но мой отец, сам служивший закону, объяснил мне, что истинное значение «правосудия королей» всего одно. Видите ли, как и у сованцев, у нас, йегландцев, существовала своя судебная система. В ней виновность подсудимого определялась решением присяжных, которых набирали из его родного города. Но если присяжные признавали кого-то невиновным, то можно было обратиться к королю, чтобы тот вмешался. Даже если простые люди, ваши соотечественники, снимали с вас всю вину за преступление, король все равно мог вас казнить, если считал, что решение было вынесено несправедливо. – Вонвальт замолк, ненадолго погрузившись в свои мысли. Потом покачал головой. – Правосудие королей, – пробормотал он.

Затем он встал и подошел к Фишеру.

– Конечно, теперь говорят: «Правосудие Императора».

Священник едва успел вскрикнуть. Он все еще был наполовину одуревшим от воздействия Голоса. Он попытался вскочить и отразить меч руками и тут же потерял обе. Выпучив глаза, Фишер уставился на фонтанирующие кровью обрубки, издал единственный стон, полный ужаса и удивления, а затем короткий меч Вонвальта вонзился ему в шею, разрубив позвоночник надвое. Священник ударился о кровать, неуклюже отскочил на нее и, наконец, окровавленной кучей рухнул на пол.

От того, что я ждала подобного конца, мне было не легче его увидеть. Хотя я крепко зажимала себе рот рукой, у меня все же вырвался приглушенный взвизг.

Вонвальт обратился ко мне, не отрывая взгляда от трупа Фишера.

– Хелена, возвращайся в свою комнату. Нам завтра рано выезжать.

* * *

Вонвальт убил обенпатре Фишера через две недели после нападения на Долину Гейл, когда его гнев уже успел остыть. Оглядываясь назад много лет спустя, я ясно вижу, что для Вонвальта это убийство стало поворотной точкой. За одну ночь он не стал плохим человеком и не изменился до неузнаваемости. Но между Долиной и Оссикой прошло достаточно времени, за которое он мог отойти от края пропасти, все осознать и снова встать на сторону сил абсолютного добра. Однако вместо этого внесудебная казнь Фишера закрепила ослабление морального и профессионального кодекса Вонвальта, а также до конца жизни изменила его подход к правосудию – и к тому, что значило быть Правосудием.

Как бы там ни было, со смертью Фишера подходит к концу и первая часть моей повести. Она изменила всех нас и стала кульминацией нашего

пребывания в Долине Гейл. Изменила она и меня, ведь я не высказала Вонвальту все, что думала. Также я не упрекнула его и в убийстве Вогта и Бауэра; а ведь Вонвальт, зарубивший их без вердикта присяжных, совершил преступление, пусть даже они и заслуживали смерти. Еще до этого он отрубил голову храмовнику на Хаунерской дороге. Я жалею о том, что не замечала этих признаков раньше – признаков упадка его моральных принципов.

На следующее утро меня разбудили на рассвете. Мы не обсуждали то, что произошло накануне вечером. Я молча позволила отвести себя в конюшню. Вонвальт и сэр Радомир были уже собраны и сидели верхом, а Брессинджер лежал в повозке, все еще наполовину одуревший от боли и вина.

– Мы направляемся в Сову, – без предисловий сказал мне Вонвальт. – Ты едешь? Решай быстро.

Я кивнула. Мне было нечего сказать – точнее, мне хотелось сказать слишком много. Я оседлала свою лошадь, и вскоре мы уже отправились в путь. Через две недели должен был наступить месяц Сорпен и первый день весны, ставший для всех нас новым, хотя и не очень счастливым началом.

За этим последовало множество приключений. Некоторые заканчивались счастливо, другие – ужасно, и их последствия ощущаются по сей день. Я постараюсь описать столько из них, сколько мне позволит время. В конце концов, история сэра Конрада Вонвальта – это история расцвета и упадка Сованской империи.

Однако я уже стара, мои глаза устали, и руке моей нужно отдохнуть.

Благодарности

Это второй роман, который я отдал на публикацию в Orbit. Первым была эпическая космоопера *Celestial Fire*, которую я написал в пятнадцать лет с моим школьным товарищем Джорджем Диггори. Не имея ни агента, ни таланта, ни понятия о том, что мы делаем, мы отправили в Orbit настоящую рукопись (поразительно думать, что всего лишь семнадцать лет назад интернетом пользовались еще так мало). Там она наверняка томилась в общей куче, прежде чем редактор отклонил ее как чересчур опасную, провокационную и слишком опередившую свое время, чтобы иметь коммерческий успех.

Семнадцать лет (и примерно семнадцать романов) спустя я вернулся к Orbit, на этот раз с агентом, пониманием и каким-никаким талантом, и отправил им «Правосудие королей». В том, что это произошло, виноваты (отчасти) я, превратности Судьбы и вмешательство ряда людей, которых было бы справедливо упомянуть здесь.

Во-первых, я бы хотел поблагодарить Джорджа Локетта, Уилла Смита и Тима Джонсона – моих доверенных бета-читателей за их идеи, рекомендации и порой излишне резкие отзывы. Каждый из вас привнес в эту книгу что-то свое, и я благодарен вам за это.

Во-вторых, я хочу поблагодарить моего агента Гарри Иллингворта за его редакторскую работу, терпеливую помощь и дельные советы. Спасибо тебе, Гарри, за то, что распахнул ворота и впустил меня в издательский мир – я мечтал побывать в нем уже очень давно.

В-третьих, выражаю благодарность команде Orbit и, в частности, моему редактору Джеймсу Лонгу за редактирование книги и всего, что с ней связано. Могу однозначно сказать, что без вас «Правосудие королей» было бы намного хуже, намного короче и точно не увидело бы свет.

Наконец, спасибо моей жене Софи за то, что она позаботилась о том, чтобы у меня было время писать – часто за счет своего собственного. Я не смог бы написать эту книгу без ее поддержки.

«Правосудие королей» посвящается моему другу и клону по разуму Уиллу, который был рядом в самом начале моего писательского пути и, страшно подумать, вполне может оказаться и в его конце.

Об авторе

Ричард Суон родился в Северном Йоркшире и провел большую часть своей юности на базах Королевских ВВС в Йоркшире и Линкольншире. Изучив юриспруденцию в Манчестерском университете, в 2011 году Ричард вступил в коллегия адвокатов. Впоследствии он переквалифицировался в адвоката, специализирующегося на коммерческих судебных разбирательствах.

Когда он не занят работой, Ричарда можно найти в пригороде Лондона с его замечательной женой Софи, где они с переменным успехом пытаются воспитать двух очень непоседливых сыновей.

* * *

notes

Примечания

1

Марка – средневековый термин, обозначающий приграничную область владений или государства. (Прим. перев.)

2

Торхаус – оборонительное сооружение, которое является непосредственной частью городских или замковых ворот. (Прим. перев.)

3

Вилланы – феодально-зависимые крестьяне, вынужденные выполнять принудительные работы в пользу своего сеньора (лорда). В эпоху Средневековья суд над своими вилланами чаще всего вершили сами лорды. (Прим. перев.)

4

Рыбак (англ.). (Прим. ред.)

5

Моргенште́рн (нем. Morgenstern, букв. «утренняя звезда») – холодное оружие ударно-дробящего действия в виде металлического шара, снабженного шипами.
(Прим. ред.)